ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 г.

2012 Том 18

ОСНОВНОЙ ВЫПУСК

№ 3

май - июнь

Учредитель
Костромской государственный университет
имени Н.А. Некрасова

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

4 **Алиев С.И.**
Зоогеографический анализ гидрофауны рек Кура и Аракс

6 **Губарева Н.И.**
Онтогенез льнянки обыкновенной (*Linaria vulgaris* Mill.)

10 **Сидоров А.В., Фатеев М.М., Кузьмин А.Ф.**
Повышение выживаемости при пожизненном введении ингибиторов ангиотензинпревращающего фермента на фоне хронической сердечной недостаточности не обусловлено улучшением систолической функции (сравнительное экспериментальное исследование)

13 **Цховребов Э.С., Лебин А.Н., Белоусов В.Г.**
Проблемы обеспечения экологической безопасности региона

16 **Чимитдоржиева Э.О., Чимитдоржиева Г.Д.**
Динамика углерода микробной биомассы целинных степных и сухостепных почв Забайкалья

ФИЛОСОФИЯ

21 **Кузнецова Е.В.**
Культура как социальный феномен: системный подход

24 **Латышева Ж.В.**
Некоторые аспекты понимания религии в социологии религии Т. Лукмана

28 **Моисеев Б.М.**
Роль философии в развитии современной фундаментальной физики

31 **Якимова О.С.**
Место России в классификации социокультурных типов общества

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

34 **Белова Н.А.**
Социальный облик советского учительства (на материалах Костромской области)

38 **Бубнихин А.А.**
Методы исследования концептов

40 **Михайленко А.В.**
Ландшафтная архитектура в организации транспортных потоков города

43 **Тихонова В.Л.**
Пространственные представления средневековых людей Западной Европы в интерпретации Ж. Ле Гоффа и А. Гуревича

ИСТОРИЯ

46 **Очиров А.В.**
Общественный строй калмыков в конце XVIII века

ЛИНГВИСТИКА

50 **Войтещук И.В.**
Динамические характеристики природной воды в немецком и русском языках

53 **Гулинов Д.Ю.**
Вертикаль языковой политики Франции
56 **Загоруйко И.Н.**
Интернет-дискурс в современном коммуникационном пространстве
60 **Караева Л.Н.**
Динамика пространства в прозе Сигизмунда Кржижановского (на материале повести «Воспоминания о будущем»)
63 **Кондратьева М.А.**
Эмотивный потенциал сравнительных конструкций в немецком языке (на материале немецкоязычного публицистического дискурса)
66 **Матвеева М.И.**
Эмоциональная оценка на уровне микротекста (на материале немецкого публицистического дискурса)
70 **Середина Е.В.**
Визуальная метафора в политической карикатуре
73 **Темирбекова А.О.**
Из истории исследования междометий
76 **Цветкова Е.В.**
Географический термин *бочаг* в костромской топонимии
80 **Неганова Г.Д.**
Названия низменных мест Костромского Заволжья в живой народной речи и в произведениях костромских писателей

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

83 **Авилова Е.Р.**
Мортальные концепты в творчестве Е. Летова
85 **Андреева В.Г.**
Война в изображении и оценке Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского
89 **Баталова Т.П.**
Историософские проблемы в публицистике Ф.М. Достоевского 1860–1865 годов
93 **Болтовский Е.О.**
К календарной мифологии Бориса Поплавского
96 **Дмитриенко И.К.**
К вопросу о литературной традиции: мифологические проекции в произведениях немецких романтиков и русских постмодернистов
100 **Карданова Н.Б.**
Финальное приветствие в дипломатических посланиях Петра I к дожам Венеции
103 **Кихней Л.Г., Меркель Е.В.**
Поэт и язык: к вопросу о поэтологических стратегиях О. Мандельштама и М. Цветаевой
106 **Лебедева Н.С.**
Итальянские мотивы в русской поэзии 1890-х – 1910-х годов
109 **Макарова Е.В.**
Лирическое начало в книге рассказов «Записки охотника» И.С. Тургенева
113 **Устинов А.В.**
Начало публицистической деятельности Д.Л. Мордовцева
116 **Шашкова Е.В.**
Публицистические аспекты мемуаристики И.И. Панаева
120 **Котлов А.К.**
Метафизика художественного пространства в «Степной книге» Олега Павлова

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

124 **Ворсина Е.В., Снигирева Т.А.**
Квалиметрия учебной компетентности студентов на основе анализа учебных текстов
127 **Гурьянова Е.В.**
Организация обучения по дисциплине «Вычислительная математика» в дидактических системах нового поколения
131 **Каширский Д.В., Овчинникова А.Н., Сабельникова Н.В.**
Ценностно-смысловая сфера личности и синдром эмоционального выгорания сотрудников спасательного отряда МЧС
134 **Нурлигареев Х.Д.**
Избранные главы дискретной геометрии на факультативных занятиях математикой в специализированных школах
137 **Паклина О.В., Паклин Д.Б.**
Модернизация профессионального образования в Европе и тенденции его развития в России

ПОЛИТОЛОГИЯ

141 **Зайцев А.В.**
Диалогика гражданского общества: истоки, понятие, смысл
146 **Зимин В.А.**
Политическая модернизация и ее теории

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

149 **Рощин Б.Е.**
Государственное регулирование охраны труда российского пролетариата в 1918–1920 годах: организационно-правовой аспект
155 **Туйчиев В.М.**
Правовой статус судебных приставов мировых судов Вятской губернии в пореформенный период
158 **Полдников Д.Ю.**
Нормативное значение научной доктрины и развитие частного права в германских землях до принятия Германского гражданского уложения

ЭКОНОМИКА

165 **Бабаев Б.Д., Крупин А.И., Чекмарев В.В.**
Малые города: концептуальный взгляд
168 **Волокитина Е.В.**
Сущность и значение личного страхования персонала предприятия
172 **Губин В.А.**
Фермерские хозяйства в системе экономических отношений
175 **Дудяшова В.П., Кипень Н.А.**
Ресурсы и система управления предприятием в условиях экономики знаний
180 **Ратькова А.Б.**
Партнерские экономические отношения государства и бизнеса: противоречия и перспективы
183 **Рождественская Л.Н.**
Качество услуг социального питания как предмет квалиметрического оценивания

187 **Тишина В.Н.**
Стратегия экономического развития: сетевой подход
189 **Гоголева Т.Н., Мажарова Л.А., Чекмарёва П.А.**
Регламент работы органов законодательной власти как элемент институционального механизма принятия государственных решений и оценка его эффективности
192 **Горбачев О.Г.**
Организационно-экономическая структура рынка страхового капитала

СИСТЕМОТЕХНИКА

196 **Токарева И.В., Ковальский П.Г.**
Экономические особенности транспорта как отрасли инфраструктуры

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

200 **Фокина М.А.**
Лингвистический форум в Костроме: «Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации»
202 **Исаев Н.В.**
Университетская экономическая наука в региональных бизнес-процессах (О XIV Международной научно-практической конференции «Экономическая наука – хозяйственной практике», Кострома, 6–7 сентября 2012 года)
207 **SUMMARY**
215 **ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ**

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

УДК 577.472 (28)

Алиев Салех Илтизам оглы
Бакинский государственный университет (Азербайджан)
alisaleh@rambler.ru

ЗООГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГИДРОФАУНЫ РЕК КУРА И АРАКС

В статье приводятся данные зоогеографического анализа гидрофауны Аракса и Куры. Выявлено 893 вида организмов (из Куры – 515, из Аракса – 378). Анализ показал максимальное число в группах широко распространенных видов.

Ключевые слова: *гидрофауна, зоогеография, Арктика, Понто-Каспийский регион, эндемик.*

Азербайджан с его разнохарактерным ландшафтом состоит из нескольких глубоко различных элементов. Его орография, в самых общих чертах, характеризуется наличием Кура-Араксинской низменности, залегающей между горными системами Главного Кавказского, Малого Кавказского и Талышского хребтов. Талышские горы от Каспийского моря узкой полосой отделяет Ленкоранская низменность. Река Кура имеет много притоков. Из них по площади и объему самым крупным является р. Аракс. Реки Кура и Аракс являются ядром водной сети Азербайджана [6].

Следует отметить, что в последнюю четверть века реки сделались одним их главных объектов воздействия человека. Реки перегораживаются плотинами, и на месте широких пойм с узким руслом и рассеянными небольшими пойменными водоемами разливаются громадные озера, подобные водохранилищам. Так, на реках Кура и Аракс построено несколько водохранилищ с различными целями.

В реках Кура и Аракс обитает фауна нескольких ландшафтов, имеющих исторически различный возраст, резко различающихся не только по видовому составу, но и по происхождению. Поэтому изучение состава отдельных комплексов, закономерностей географического распространения отдельных видов животных, анализ различий в распространении и происхождении того или иного вида и выяснение причин возникновения этих различий имеют важное теоретическое значение.

В настоящее время основными методами зоогеографии являются:

1) генетико-географический, с помощью которого анализируются ареалы распространения видов и сходство исследуемой фауны с фауной иных районов;

2) палеонтологический, устанавливающий сходство современной фауны с фауной прошлых времен;

3) экологический, основанный на анализе условий обитания каждого организма [1].

В связи с разнообразием исследованных рек, в них найдены различные генетические группы животных, которые проникли в эти водоемы в различные геологические периоды формирования р. Кура и р. Аракс.

Следует отметить, что проведено много исследований фауны Куры и Аракса. В результате выявлено 515 видов из Куры и 378 вида из Аракса (см.: табл. 1).

Таблица 1

Количество видов животных в составе фауны рек Кура и Аракс по группам

Группы	р. Кура		р. Аракс	
	Число видов	%	Число видов	%
Protozoa	72	13,9	66	17,4
Coelenterata	2	0,3	2	0,5
Nematoda	20	3,8	8	2,1
Hirudinea	14	2,7	9	2,3
Rotatoria	42	8,1	32	8,4
Mollusca	36	6,9	24	6,3
Cladocera	26	5,0	25	6,6
Ostracoda	14	2,7	10	2,6
Copepoda	30	5,8	23	6,0
Mysidacea	2	0,3	2	0,5
Isopoda	1	0,1	1	0,2
Amphipoda	22	4,7	14	3,7
Decapoda	3	0,5	3	0,7
Hydrocarina	2	0,3	2	0,5
Plecoptera	9	1,7	5	1,3
Odonata	28	6,4	21	5,5

© Алиев С.И., 2012

Таблица 2

Зоогеографический состав гидрофауны рек Кура и Аракс

	Группы организмов	р. Кура		р. Аракс	
		Число видов	%	Число видов	%
1	Широко распространенные	472	81,8	318	80,4
2	Арктические	5	1,13	5	1,2
3	Средиземноморские	34	5,9	20	5,1
4	Тропические и субтропические	16	2,8	14	3,6
5	Переднеазиатские	18	3,1	13	3,2
6	Понто-каспийские	23	3,9	18	4,5
7	Эндемики Азербайджана	8	1,4	8	2,1
	Всего	577	100	396	100

При сравнительном анализе гидрофауны Куры и Аракса мы использовали схему В.И. Жадина [3], А.Г. Касымова [4; 5]. В составе гидрофауны данных рек различаются следующие генетические группы: 1) виды, широко распространенные; 2) арктические пресноводные; 3) средиземноморские; 4) тропические и субтропические; 5) переднеазиатские; 6) понто-каспийские; 7) эндемики Азербайджана (см.: табл. 2).

Наибольшим богатством и видовым разнообразием отличается группа видов, имеющих широкое географическое распространение. В состав этой группы входят малотребовательные к условиям существования виды, имеющие космополитное, голоарктическое, палеарктическое, европейско-азиатское и европейско-кавказское распространение. К этой группе относится большинство простейших, малощетинковых кольчецов, ресничных плоских червей, пиявок, коловраток, мягкотелых, ветвистоусых рачков, веслоногих рачков, стрекоз, комаров-звонцов, рыб и представителей других систематических единиц. Из р. Куры выявлено 472 вида, а из р. Аракс – 318.

В составе этой группы имеются бореальные виды, такие как Ploesoma hudsoni (Imhof, 1891) – из водоемов долины р. Куры и Sympertrum danae (Sulzer, 1776) – из р. Аракс (среди водных растений). Наряду с ними в Куре и Араксе встречаются виды европейско-азиатского (Gyraulus ehrenbergi Beck, Hydrobia longiscata Bourguignat, Simocephalus mixtus G.O. Sars, Cryptochironomus burganadzeae Tshern., C.fridmanae Tshern., Orthocladius semivirens Edw. и др.) и европейско-кавказского (Ancylus fluviatis O.F. Müller, Unio pictorum Linnaeus, Ophiogomphus cecilia Fourcroy, Anatopynia varia Fabricius) происхождения.

Второй генетической группой в фауне рек Кура и Аракс являются средиземноморские виды, представленные в р. Куре 34-мя, а в р. Аракс – 20-ю видами: *Physa acuta* Draparnaud, *Melanopsis praemorsa* Linnaeus, *Pisidium vincentianum* B.B. Woodward, *Sympycna fusca* Vanderlinden, *Ischnura pumilio* Charpienter, *Coenagrion mercuriale* Charpientier, *C.scitulum* Rambur, *C.lindeni* Selys, *Aeshna affinis* Vander Linden, *Orthetrum brunneum* Fonscolombe, *Sympertrum meridionale* Selys, *S.striolatum* Charpientier, *Dytiscus circumflexus* Fabricius, *Cybister tripunctatus ssp. lateralis Fabricius*, *Aulonogyrus concinnus* Klug, *Gyrinus caspius* Ménétriès, *G.suffriani* Scriba, *Hydroporus piceus* Stephens. Моллюск *Costatella acuta* Draparnaud в водоемах Азербайджана появился недавно. В его расселении основную роль играли, видимо, водные птицы или человек.

К тропической и субтропической зоогеографической группе относятся в реке Куре 16, а в р. Аракс – 14 видов: *Spongilla carteri* Bowerbank, *Corbicula fluminalis* O.F. Müller, *Epiphanes brachionus spinosus* Rousselet, *Brachionus falcatus* Zacharias, *Tetramastix oppoliensis* Lach., *Daphnia carinata* s.l. King, *D.lumholtzi* S. O. Sars, *Ceriodaphnia rigaudi* Richard, *Macrothrix spinosa* King (Fish), *Potamon potamios* Olivier, *Ischnura senegalensis* Rambur, *Orthetrum sabina* Drury, *Eretes stricticus* Linnaeus.

Четвертой генетической группой в гидрофауне Куры и Аракса являются понто-каспийские элементы. В р. Куре найдено 23, а в р. Аракс – 18 видов: *Cystobranchus fasciatus* Kollar, *Theodoxus danubialis* Pfeiffer, *Paramysis kowalewskyi* Czern., *Limnomysis benedeni* Czerniavsky, *Dikerogammarus haemobaphes* Eichwald, *Pontogammarus robustoides* G. O. Sars, *P.sarsi* Mart., *Astacus leptodactylus* Esch., *Proterorhinus marmoratus* Pallas, *Syngnathus nigrolineatus caspius* Eichwald, *Pungitius platygaster* Kessler и др.

Указанные формы, обитавшие ранее в Куринском заливе четвертичных морей, остались в водоемах нижней Куры в период их формирования.

Наибольшее распространение из них в прикуринских водоемах имеют Paramysis kowalewskyi, Pontogammarus robustoides, P.sarsi, Astacus leptodactylus.

Наиболее обедненной генетической группой являются эндемики, к которым из гидрофауны Куры относится 8 видов: *Macrothrix tripectinata* Weisig, *Polypedilum breviantennatus* Konstantinov, *Criptochironomus pankratovae* Kasymov, *Chondrostoma cyri* Kessler, *Barbus mursa*. Güldenstädt.

Среднеазиатская генетическая группа в р. Куре представлена 18-ю, а в р. Аракс – 13-ю видами: *Hemidiaptomus monticola* Weisig & Ali-Zade, *Asellus monticola* Birstein, *Valvata pulchella* Studer, *Planorbis planorbis* Linnaeus, *Hydropsyche ornatula* R McLachlan, *Epallage fatime* Charpentier, *Onychogomphus flexuosus* Schneider, *Orthetrum cancellatum* Linnaeus, *Leuciscus cephalus orientalis* Nordmann, *Varicorhinus capoeta* Güldenstädt, *Barbus lacerta* Heckel и другие.

В состав арктического пресноводного комплекса Куры и Аракса входят следующие виды: *Alonopsis elongata* G. O. Sars, *Daphnia longispina hyalina* Leydig, *Bythotrephes longimanus* Leydig, *Polyphemus pediculus* L., *Lota lota* Linnaeus.

К эндемикам относятся 8 видов (см.: табл. 2).

Установление характера их распределения по зонам, тем более заключение о времени их проникновения в водоемы нашей страны, до накопления новых зоогеографических материалов невозможно. Нельзя, впрочем, не заметить, что среди этих элементов есть, с одной стороны, тепловодные колонисты южного происхождения, с другой – реликты несколько более суровых климатических фаз, пережитых реками нашей страны в четвертичное время. В массе же это древние пресноводные формы, с широкими палеарктическими ареалами.

Библиографический список

1. *Дарлингтон Ф.* Зоогеография. – М.: Изд-во Прогресс, 1966. – 518 с.

2. *Державин А.Н.* Очерк истории фауны Каспия и пресных водоемов Азербайджана // Животный мир Азербайджана. – Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1951. – С. 34–67.

3. *Жадин В.И.* Моллюски пресных и солоноватых вод СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 324 с.

4. *Касымов А.Г.* Гидрофауна Нижней Куры и Мингечаурского водохранилища. – Баку, 1965. – 372 с.

5. *Касымов А.Г.* Пресноводная фауна Кавказа. – Баку: Элм, 1972. – С. 285.

6. *Мусеибов М.А.* Физическая география Азербайджана. – Баку, 1998. – 398 с.

УДК 581.16

Губарева Наталья Ивановна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
gubarewa.natalja@yandex.ru

ОНТОГЕНЕЗ ЛЬНЯНКИ ОБЫКНОВЕННОЙ (*LINARIA VULGARIS* MILL.)

Статья содержит описание онтогенеза Linaria vulgaris *Mill., а также краткую биоморфологическую и экологическую характеристику вида, рисунки онтогенетических состояний.*

Ключевые слова: *онтогенез растений, льнянка обыкновенная, корнеотпрысковые, морфология растений, фазы развития растений, вегетативное размножение.*

Льнянка обыкновенная *(Linaria vulgaris* Mill.*)* – многолетнее травянистое растение семейства норичниковых (*Scrophulariaceae*), – малолетник, живущий 4 или чуть более лет, вегетативно-подвижный, корнеотпрысковый, явнополицентрический гемикриптофит [5, с. 525–537].

Побеги достигают высоты 0,3–0,9 м, поверхность стебля гладкая, листья бледные, серебристо-зеленые, сидячие, узкие, около 5,5 см в длину, листорасположение поочередное. Стержневой корень проникает более чем на 90 см в почву и способен производить длинные боковые корни, образующие придаточные почки [5, с. 525–537]. Семена обладают низкой жизнеспособностью, а проростки слабой конкурентоспособностью, поэтому основным типом воспроизводства служит вегетативное размножение [6, с. 226–232].

Льнянка обыкновенная встречается в широком диапазоне сред обитания, но весьма чувствительна к влажности и освещению (Zilke 1954; pers. obs.) [4, с. 20–27]. Растет по сорным бесплодным местам, склонам, обрывам, полянам, посевам злаков, канавам, вдоль дорог, садам, пастбищам, в редких сосновых борах, лиственных и березовых лесах [3, с. 182–208]. В естественном диапазоне своего распространения льнянку обыкновенную относят к рудеральной растительности, но иногда ее находят и в малонарушенных фитоценозах [6, с. 226–232].

Зародившись в степях юго-восточной Европы и юго-западной Азии *Linaria vulgaris* Mill., путем инвазии, распространилась практически на всю Европу и Северную Азию, Японию, Новую Зеландию, Южную Африку, Ямайку, Чили и Северную Америку. В Евразии льнянка произрастает в Восточной Европе (Россия (за исключением самых северных областей), Эстония, Латвия, Литва, Беларусь, Украина, Молдова, западный Казахстан), на Кавказе, в Скандинавии, Южной и Центральной Европе, Северной Азии, юге Западной и Восточной Сибири [3, с. 182–208].

Выделение возрастных состояний в онтогенезе льнянки проводилось сравнительно-морфологическим методом на основе возрастной периодизации Т.А. Работнова с учётом дополнений А.А. Уранова и его учеников (Смирнова, Загульнова и др.), представленной в работе Л.А. Жуковой (1988) [2, с. 3–13]. Материал собирался в Шуйском муниципаль-

 © Губарева Н.И., 2012

ном районе Ивановской области в весенне-осенний период 2007–2009 гг. Для исследования выбирались различные фитоценозы (агроценозы, залежи и обочины дорог), что давало возможность оценить поливариантность индивидуального развития льнянки обыкновенной.

Онтогенез *Linaria vulgaris* относится к Г-типу, $Г_2$-подтипу (по Л.А. Жуковой, 1995). У семенной особи он неполный и заканчивается партикуляцией в средневозрастном генеративном состоянии. Клоны испытывают незначительное омоложение.

Небольшая часть семян способна тронуться в рост сразу, но большинство остается в спящем состоянии иногда до 8 лет. Для стимуляции прорастания семенам необходима стратификация низкими температурами [5, с. 525–537].

Большинство всходов появляется весной в апреле-мае, когда температура почвы достигает 5–10^{0}С [5, с. 525–537]. Проростки очень чувствительны к обезвоживанию и межвидовой конкуренции, также при снижении температуры до –4^{0}С всходы погибают.

Подсемядольная часть стебля проростка льнянки тонкая, высокая, слегка грязновато-фиолетовая, цилиндрическая, около 10–15 мм длиной и 0,5–0,75 мм шириной, книзу незаметно переходящая в нитевидный корешок. Семядоли вначале яйцевидно-грушевидные, при основании расширенные, затем внезапно суженные с оттянутой туповатой верхушкой, сидячие. По мере роста семядоли вытягиваются и делаются почти продолговатыми, на верхушке островатыми, к основанию клиновидно суженными (см.: рис. 1). Первые листья продолговато-овальные, на верхушке тупые или слегка островатые, на коротких черешках, с ясной, слегка извилистой средней жилкой. Третий и четвертый листья также супротивные [1, с. 328–329].

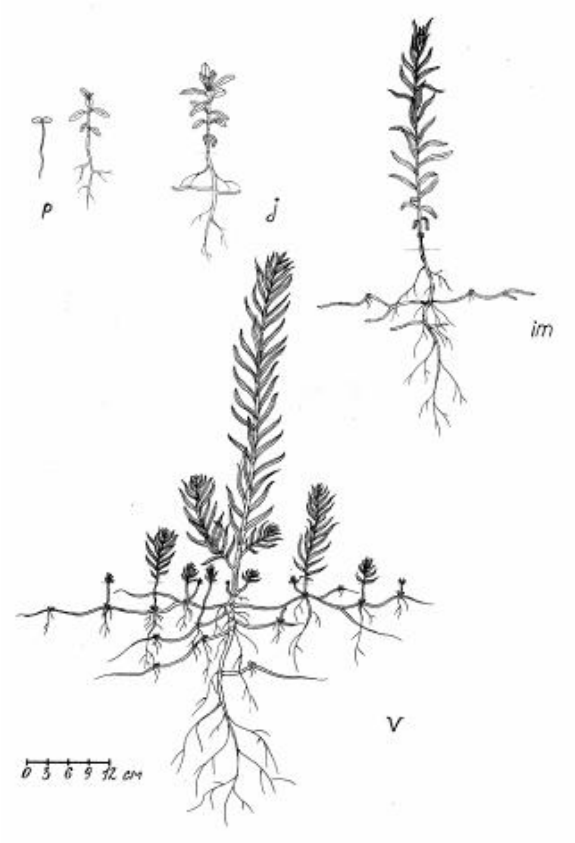


Рис. 1. Развитие *Linaria vulgaris* Mill. от проростка до виргинильного возрастного состояния (p – проростки, j – ювенильное растение, im – имматурное растение, v – виргинильное растение)

Ювенильные растения обладают первичным побегом и системой главного корня. Начинается процесс отмирания семядолей, листорасположение становится поочередным, листья продолговатые, суженные с обоих концов, сидячие, длиной 10–20 мм и шириной 2–3 мм. Основание побега приобретает красноватый оттенок. Главный корень достигает длины 5–12 см, появляются боковые корни размножения второго порядка длиной 2–5 см.

Имматурное возрастное состояние у льнянки обыкновенной слабо выражено. Отличается от ювенильных растений полным отсутствием семядольных листьев и частичным отмиранием первой и второй пары настоящих листьев. На корнях закладываются придаточные почки (по 3–4 на одном участке).

Виргинильный период обычно приходится на начало июня. Высота растения достигает 40–60 см, и начинается ветвление главного побега. Растения представлены первичным побегом и системой главного корня с корневыми отпрысками, при этом первичный побег является самым старым в побеговой системе по своему абсолютному возрасту (см.: рис. 1).

Наблюдается одревеснение побега в области каудекса. Листья приобретают взрослую структуру. Главный корень проникает на глубину 25–35 см, большинство мелких питающих корней в базальной части главного корня отмирает, и в этой зоне корня формируется большое количество корней размножения белого с желтоватым оттенком цвета, тонких и гибких. Вначале они идут почти горизонтально, приближаясь к поверхности почвы, затем изгибаются и уходят вертикально вниз. На месте изгиба обычно образуются 3–4 придаточные почки. Длина боковых корней размножения составляет 10–20 см.

На гипокотиле (2–5 см ниже уровня почвы) формируются придаточные почки, из которых образуются дополнительные побеги, растение льнянки обыкновенной начинает куститься (Bakshi and Coupland, 1960).

Корневые отпрыски развиваются на глубине 2–3 см, собственная корневая система которых недостаточно развита, поэтому молодые растения ещё зависят от материнской особи. Из придаточной поч-

ки появляется ювенильный побег корневого отпрыска. Он имеет подземную (вертикальное корневище) и надземную (единичный побег) части, которые в дальнейшем претерпевают такие же возрастные изменения, что и первичный побег особи семенного происхождения.

При неблагоприятных условиях на первом году жизни льнянка обыкновенная не зацветает, тем не менее Saner (1995) отмечал, что семенное растение льнянки способно зацвести через два месяца после появления всходов, при выращивании в маленьких горшках.

Молодые генеративные растения полицентричны, представляют куртину, включающую первичный побег и систему главного корня с корневыми отпрысками, среди которых вегетативные отпрыски численно преобладают над генеративными, отмерших отпрысков нет. Число ювенильных, имматурных и виргинильных отпрысков в течение вегетационного периода может меняться. На первом году жизни в куртине может образоваться до 90–100 корневых отпрысков (Zilke, 1954 in Saner et al, 1995).

Корни размножения существуют, не разрушаясь, в течение нескольких лет, корневые отпрыски, возникшие на одном корне или группе корней, оказываются связанными друг с другом и с материнским растением. Так формируются своеобразные системы корневых отпрысков – полицентрическая система. Их отдельные структурные элементы (парциальные кусты или побеги) характеризуются автономностью и самостоятельностью развития. Они обладают собственной корневой системой и почками возобновления, пространственно удалены друг от друга и представляют собой места сосредоточения биомассы в пределах одной сложно устроенной особи.

Длина генеративного побега достигает своего максимального размера (до 90 см), формируется соцветие. Цветки коротко-черешковые, плотно посажены, отрастают из пазух небольших верхушечных листьев. Во время цветения генеративный побег часто ветвится в верхней части, непосредственно под соцветием. Эти веточки также формируют соцветия. К моменту открытия семенных коробочек побег полностью одревесневает и отмирает. Сухой генеративный побег продолжает стоять в течение зимнего периода, облегчая рассеивание семян при сильном порыве ветра.

Весной растения отрастают из спящих почек на главном корне у семенных растений и на корневище у отпрысков.

Средневозрастные генеративные растения представлены системой разновозрастных корневых отпрысков, большинство из которых генеративные. Первичный куст и несколько парциальных кустов корневых отпрысков отмирают, но не разрушаются, что обеспечивает морфологическую целостность этой системы.

Средневозрастные генеративные отпрыски имеют в парциальном кусте отмерший побег первого порядка и генеративные побеги следующих порядков, число которых может достигать более десяти. Корневище средневозрастных генеративных отпрысков светло-серое с желтоватым или красноватым оттенком, диаметром до 6 мм и больше. На его поверхности имеются небольшие шероховатости и трещинки. Большинство средневозрастных генеративных отпрысков после обильного цветения и плодоношения отмирает, и только немногие из них переходят в следующее возрастное состояние.

Главный корень у средневозрастных генеративных растений часто отмирает вместе с первичным кустом, но не разрушается. Следовательно, происходит физиологическая партикуляция и целостность особи нарушается. В дальнейшем, в результате отмирания старых коммуникационных корней, происходит распад полицентрической системы на отдельные клоны. В состоянии клона растение может находиться неопределенно долгое время.

Старое генеративное возрастное состояние – наиболее продолжительный этап в онтогенезе льнянки обыкновенной. Происходит массовое отмирание коммуникационных корней, вместе с ними отмирают все корневые отпрыски, ушедшие под зиму в старом генеративном или сенильном состоянии.

Старое генеративное растение обычно представлено парциальным кустом, состоящим из отмерших генеративных побегов прошлого года и одного или нескольких слаборазвитых генеративных побегов. Цветение менее обильное, от основания корневища отходят слабые, тонкие побеги, не переходящие в стадию цветения. Новые корни размножения не образуются.

Субсенильное возрастное состояние не выделено.

Сенильные особи представляют собой партикулы, имеющие один корень размножения и один, реже два, стареющих корневых отпрыска. Побеги отрастают слабые, укороченные, с ювенильными листьями. С наступлением холодов клон отмирает. Растения в сенильном возрастном состоянии встречаются очень редко.

В природных условиях вегетативное размножение (образование клона) происходит в среднем или старом генеративном возрастном состоянии семенного растения. Более активное вегетативное размножение растений льнянки обыкновенной происходит при искусственном повреждении коммуникационных корней в ходе сельскохозяйственной деятельности. Вегетативное размножение возможно от фрагментов корня в 1 см, но обычно для этого необходим корень длиной 10 см (Saner et al., 1995).

Часть запаханной в почву особи, по сути, представляет собой вегетативный зачаток, поскольку из него развивается новое растение. Новая особь, развивающаяся из вегетативного зачатка, в своем онтогенезе проходит ряд характерных этапов, схожих с этапами онтогенеза семенной особи.

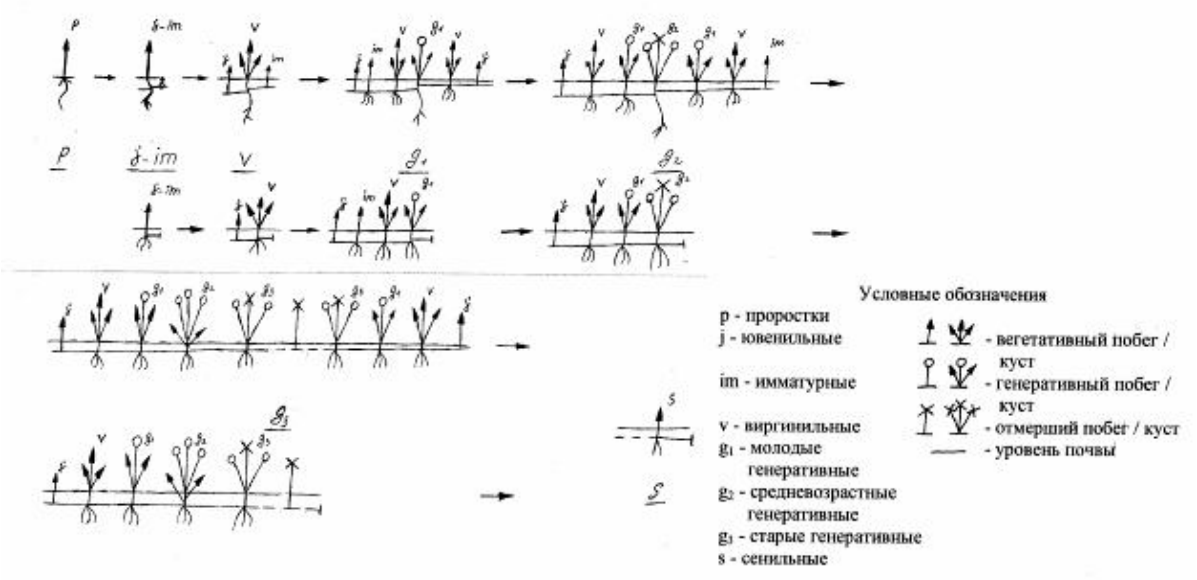


Рис. 2. Схема полного онтогенеза *Linaria vulgaris* Mill. семенного (верхний ряд) и вегетативного происхождения

Отличительной их особенностью является отсутствие первичного побега или куста и системы главного корня. Для них характерна высокая степень омоложения, а развитие начинается с ювенильного возрастного состояния. Особи, развившиеся из корневых черенков, во многом сходны с растениями семенного происхождения соответствующих возрастных периодов. На корневом черенке может сформироваться как один, так и несколько ювенильных отпрысков, но лидерство часто захватывает один. По его возрастному состоянию можно судить о возрастном состоянии всей особи в прегенеративном периоде. В генеративном и постгенеративном возрастном состоянии особи семенного и вегетативного происхождения сходны.

В полном онтогенезе особей льнянки обыкновенной выделены ряды семенного и вегетативного происхождения (см.: рис. 2). Часто особи вегетативного происхождения появляются из корневых черенков в агроценозе.

Таким образом, в возрастных рядах особей семенного и вегетативного происхождения выделяются два этапа полного онтогенеза: 1 – от проростков или ювенильных особей до начала вегетативного размножения; 2 – от возникновения клона до полного отмирания всех вегетативно образовавшихся особей.

В полном онтогенезе особей семенного ряда у льнянки обыкновенной выделены следующие фазы морфогенеза: первичный побег (p, j, im); куртина (V, q_1); система корневых отпрысков (q_2); клон (q_3, S). В полном онтогенезе особей вегетативного ряда выделены следующие фазы морфогенеза: системы корневых отпрысков (j, im, V, q_1, q_2), клон (q_3, S).

Общая продолжительность полного онтогенеза льнянки у особей семенного и вегетативного ряда составляет не менее четырех лет. Корневые отпрыски характеризуются значительной поливариантностью онтогенетического развития, заключающейся в пропуске одного или нескольких возрастных состояний, отсутствии кущения, отсутствии корней размножения. В целом специфика данного вида заключается в образовании крупных полицентрических систем корней размножения с разновозрастными корневыми отпрысками, удаленными друг от друга и достаточно автономными.

Библиографический список

1. *Васильченко И.Т.* Определитель всходов сорных растений. – Л.: Отделение изд-ва «Колос», 1964. – С. 328–329.

2. *Жукова Л.А.* Некоторые аспекты изучения онтогенеза семенных растений // Межвузовский сборник. – Йошкар-Ола: МарГУ, 1988. – С. 3–13.

3. *Пескова И.М.* Обзор рода Linaria Mill. (Scrophulariaceae) Восточной Европы и Кавказа // Новости систематики высших растений. Т. 36. – СПб.: Бот. институт им. В.Л. Комарова РАН, 2004. – С. 182–208.

4. *Lehnhoff E.A.* Invasiveness of yellov toadflax (*Linaria vulgaris*) resulting from disturbance and environmental conditions. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy in ecology and environmental sciences. – Montana: Montana State University, 2008.

5. Saner M.A., Clements D.A., Hall M.R., Dohan D.J. and Crompton C.W. The biology of Canadian weeds. 105. Linaria vulgaris Mill. // Canadian Journal of Plant Science. – 1995. – Vol. 75. – № 2. – С. 525–537.

6. *Volenberg D.S., Hopen H.J., Campobasso G.* Biolagical control of yellow toadflax (*Linaria vulgaris*) by *Eteobalea serratella* in peppermint (*Mentha piperita*) // Weed Science. – 1999. – Vol. 47. – № 2. – С. 226–232.

УДК 616.12-008.46-085-037

Сидоров Александр Вячеславович
Фатеев Михаил Михайлович
Кузьмин Андрей Федорович
Ярославская государственная медицинская академия
alekssidorov@yandex.ru

ПОВЫШЕНИЕ ВЫЖИВАЕМОСТИ ПРИ ПОЖИЗНЕННОМ ВВЕДЕНИИ ИНГИБИТОРОВ АНГИОТЕНЗИНПРЕВРАЩАЮЩЕГО ФЕРМЕНТА НА ФОНЕ ХРОНИЧЕСКОЙ СЕРДЕЧНОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТИ НЕ ОБУСЛОВЛЕНО УЛУЧШЕНИЕМ СИСТОЛИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ (СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Длительное введение ингибиторов АПФ крысам со стабильной хронической сердечной недостаточностью (ХСН) способствовало повышению ударного объема сердца по отношению к исходной величине и контролю, однако лишь липофильные препараты увеличивали 6-месячную выживаемость животных. В условиях осложненной ХСН только липофильные ингибиторы АПФ, в особенности наиболее тропные к тканевой ренин-ангиотензин-альдостероновой системе, улучшали систолическую функцию сердца, хотя 6-месячную выживаемость крыс повышал лишь каптоприл.

Ключевые слова: *хроническая сердечная недостаточность, выживаемость, ударный объем, ингибиторы АПФ.*

Хроническая сердечная недостаточность (ХСН) является важнейшей медико-социальной проблемой. В мире клинически выраженной ХСН страдает порядка 1,5–2,5% населения, и, несмотря на определенные успехи, достигнутые в ее лечении, более половины больных умирает в течение пяти лет после постановки диагноза [4; 9]. Ингибиторы ангиотензинпревращающего фермента (АПФ) относятся к препаратам первого ряда в терапии ХСН, обусловленной систолической дисфункцией левого желудочка. В рандомизированных контролируемых клинических испытаниях доказано благоприятное влияние некоторых ингибиторов АПФ на выживаемость пациентов с ХСН и сократительную функцию сердца [1; 4]. На основании результатов исследования отдельных ингибиторов АПФ был сделан вывод, что все препараты данного класса обладают сходной активностью при ХСН. Тем не менее и химическая структура, и фармакологические характеристики ингибиторов АПФ значительно различаются, поэтому наличие у них «класс-эффекта» подвергается сомнению [3; 7; 8]. Кроме того, высказывается предположение, что улучшение отдаленного прогноза жизни больных не связано с гемодинамическими эффектами данных препаратов [7].

Цель работы заключалась в исследовании влияния различных по фармакологическим свойствам ингибиторов АПФ на выживаемость и ударный объем сердца крыс с ХСН стабильного и осложненного течения при пожизненном введении препаратов.

Исследование проводилось на 220 белых беспородных крысах-самцах весом 200±20 граммов. ХСН моделировалась посредством интраплеврального дозированного введения силиконового масла по методике Н.Н. Пятницкого и Ю.А. Блинкова [5] в нашей модификации [6]. Первоначально в каждую плевральную полость крысы под наркозом (нембутал, 40 мг/кг) с помощью шприца с толстой иглой вводили по 1,5 мл силиконового масла на 100 г веса. Через 30 дней осуществлялись повторные инъекции масла по 1,0 мл/100 г веса в обе плевральные полости, которые завершали формирование базовой модели ХСН бивентрикулярного типа, верифицированной патоморфологическими методами [6]. Через сутки после второй инъекции масла в обеих сериях начинали введение препаратов. При этом крысам во второй серии экспериментов на фоне лечения производились дополнительные введения силиконового масла в плевральные полости по 1,0 мл/100 г веса через каждые два месяца. Данные инъекции воспроизводили обострения ХСН за счет увеличения объема масла, уже введенного в плевральные полости, и резкого повышения сопротивления сокращениям сердца. Таким образом, у животных в первой серии экспериментов ХСН протекала относительно стабильно, а во второй – с периодическими декомпенсациями.

Исследуемые препараты вводились ежедневно внутрижелудочно в виде водного раствора объемом 1 мл до естественной гибели крыс в следующих дозах (мг/кг): каптоприл (6,3), эналаприл (1,7), лизиноприл (0,8), а во второй серии – дополнительно изучались квинаприл (2.6) и периндоприл (0,3). Дозы препаратов рассчитывали по Т.А. Гуськовой исходя из средней терапевтической для человека с учетом коэффициента 5,9 [2]. Контрольным животным вводилась дистиллированная вода. В каждой серии предусматривалась группа из 10 интактных крыс того же возраста.

Регистрация ударного объема сердца (УО) осуществлялась с помощью модернизированного для мелких лабораторных животных доплеровского анализатора сердечно-сосудистой деятельности «Кроха-М» (г. Тула) до начала введения препаратов и в контрольных точках на протяжении исследования: на 91-й и 181-й день при стабильной ХСН,

© Сидоров А.В., Фатеев М.М., Кузьмин А.Ф., 2012

Таблица 1

Влияние ингибиторов АПФ на ударный объем сердца крыс со стабильным течением ХСН, мл

Группа	Исходно	91 день	181 день
Интактные n=10	0,51 (0,45;0,58)	0,49 (0,45;0,58)	0,49 (0,47;0,51)
Контроль n=20	0,32 (0,28;0,41) **	0,25 (0,21;0,27) ***/!!!	0,23 (0,21;0,24) ***/!
Каптоприл n=20	0,32 (0,29;0,34) ***	0,36 (0,33;0,38) ###/!!!	0,36 (0,33;0,39) #/!!
Лизиноприл n=20	0,33 (0,30;0,36) **	0,34 (0,32;0,37) ###/!	0,35 (0,34;0,38) #/!
Эналаприл n=20	0,33 (0,30;0,37) **	0,35 (0,30;0,38) ###	0,37 (0,35;0,40) ##/!!/↔

Примечание. Значимые различия для независимых групп (критерий Крускала-Уоллиса): ** – p<0,01, *** – p<0,001 с интактными; # – p<0,05, ## – p<0,01, ### – p<0,001 с контролем. Значимые различия для зависимых групп (критерии Фридмана и Уилкоксона): ! – p<0,05, !! – p<0,01, !!! – p<0,001 с исходной величиной УО; ↔ – p<0,05 с величиной УО на 91-й день у тех же крыс.

Таблица 2

Влияние ингибиторов АПФ на выживаемость и продолжительность жизни крыс со стабильным течением ХСН

Группа	Выживаемость, %		Медиана длительности жизни, дни
	6 месяцев	12 месяцев	
Контроль, n=20	30	0	164 (128;204)
Каптоприл, n=20	70 #	5	221 (169;288) #
Лизиноприл, n=20	40	0	196 (149;271)
Эналаприл, n=20	60 #	10	238 (160;294) #

Примечание. # – p<0,05 с контролем (критерии Гехана и Крускала-Уоллиса).

Таблица 3

Влияние ингибиторов АПФ на ударный объем сердца крыс с осложненной ХСН, мл

Группа	Исходно до начала лечения	61-й день перед 1 обострен.	62-й день на фоне 1 обострен.	121-й день перед 2 обострен.	122-й день на фоне 2 обострен.	181-й день перед 3 обострен.
Интактные n=10	0,47 (0,44;0,56)	0,50 (0,45;0,57)	0,50 (0,45;0,57)	0,50 (0,44;0,57)	0,50 (0,44;0,57)	0,48 (0,46;0,50)
Контроль (ХСН) n=20	0,31 (0,27;0,40) *	0,22 (0,18;0,24) ***/!!!	0,20 (0,17;0,21) ***/→^{2}	0,19 (0,17;0,21) ***/!!!	0,16 (0,13;0,16) ***/→^{2}	0,19 (0,18;0,20) ***/!!
Капто-прил n=20	0,31 (0,26;0,34) *	0,34 (0,31;0,36) ###/!	0,23 (0,21;0,26) →^{3}	0,23 (0,21;0,26) ***/!!	0,18 (0,16;0,20) **/→^{2}	0,28 (0,27;0,30) **/↔
Квина-прил n=20	0,31 (0,26;0,36) *	0,34 (0,30;0,39) ###	0,23 (0,19;0,27) */→^{3}	0,31 (0,28;0,32) ##	0,17 (0,13;0,21) ***/→^{2}	0,31 (0,28;0,32) #/↔
Лизиноприл n=20	0,30 (0,25;0,34) **	0,29 (0,26;0,32) **	0,21 (0,18;0,23) ***/→^{3}	0,24 (0,22;0,26) ***/!!	0,17 (0,15;0,20) ***/→^{2}	-
Периндоприл n=20	0,29 (0,25;0,33) ***	0,30 (0,26;0,32) **/#	0,22 (0,19;0,25) **/→^{3}	0,31 (0,30;0,32) ###/↔^{2}	0,24 (0,22;0,26) #/→^{2}	0,32 (0,30;0,35) #/↔
Энала-прил n=20	0,30 (0,25;0,33) **	0,32 (0,29;0,36) ###	0,21 (0,18;0,24) ***/→^{3}	0,25 (0,21;0,27) **/!	0,19 (0,17;0,20) **/→^{2}	0,30 (0,29;0,31) */#/↔^{2}

Примечание. Значимые различия для независимых групп (критерий Крускала-Уоллиса):* – p<0,05, ** – p<0,01, *** – p<0,001 с интактными; # – p<0,05, ## – p<0,01, ### – p<0,001 с контролем. Значимые различия для зависимых групп (критерии Фридмана и Уилкоксона): ! – p<0,05, !! – p<0,01, !!! – p<0,001 с исходной величиной УО; ↔ – p<0,05, ↔^{2} – p<0,01 с величиной УО при предыдущем обострении ХСН; →^{2} – p<0,01, →^{3} – p<0,001 с величиной УО перед моделированием данного обострения.

В группе лизиноприла к 181-му дню достигалась 100% смертность крыс.

Таблица 4

Влияние ингибиторов АПФ на выживаемость и продолжительность жизни крыс с осложненной ХСН

Группа	Ежемесячная выживаемость, %						Медиана длительности жизни, дни
	2 мес.	3 мес.	4 мес.	5 мес.	6 мес.	7 мес.	
Контроль (ХСН) n=20	100	85	75	25	20	0	126 (116;144)
Каптоприл n=20	100	85	80	45	45 #	0	133 (127;190)
Квинаприл n=20	100	70	65	30	30	20	120 (84;196)
Лизиноприл n=20	100	70	70	10 *k*	0 k^2	0	117 (67;131) k^2
Периндоприл n=20	100	75	70	25	20	10	120 (91;147)
Эналаприл n=20	100	75	60	50	50	5	159 (83;194)

Примечание. Выживаемость приведена на конец каждого месяца. Месяцы, в которые индуцировались обострения ХСН, затемнены. # – $p<0,05$, с контролем; *k* – $p<0,05$, k^2 – $p<0,01$ с каптоприлом (критерии Гехана и Крускала-Уоллиса).

а у крыс с осложнённой ХСН – перед очередным обострением и через сутки с момента его индуцирования. Использовался датчик диаметром 4 мм и частотой 8,0 МГц, устанавливавшийся на грудную клетку под прямым углом в области проекции сердца. Исследование проводилось на наркотизированных нембуталом (40 мг/кг веса внутрибрюшинно) животных, в период регистрации кратковременно иммобилизированных на спине. Длительность записи составляла 1 минуту, среднее значение УО рассчитывалось программой.

Статистический анализ результатов осуществлялся в программе «Statistica 8.0». Для сравнения независимых групп применялся непараметрический критерий Крускала-Уоллиса, а для оценки внутригрупповой динамики – критерии Фридмана и Уилкоксона. Для анализа выживаемости использовался критерий Гехана. Различия считали статистически значимыми при $p<0,05$. Данные в таблицах представлены в виде медианы с интерквартильным размахом; выживаемость – в процентах.

При стабильном течении ХСН все ингибиторы АПФ за полугодовой период способствовали улучшению систолической функции миокарда (см.: табл. 1): УО по отношению к исходному значению увеличился на 6% при введении лизиноприла ($p<0,05$) и в среднем на 12% на фоне эналаприла и каптоприла ($p<0,01$). При этом его величина становилась на 52–61% больше, чем в контроле ($p<0,05$). Отметим, что увеличение УО на фоне лизиноприла и каптоприла происходило быстрее, чем при введении эналаприла, и было значимым уже к 91-му дню лечения. Более медленное развитие эффекта эналаприла могло быть связано с особенностями его метаболизма в печени как пролекарства.

Несмотря на схожий профиль гемодинамического действия, лишь липофильные препараты каптоприл и эналаприл, но не гидрофильный лизиноприл статистически значимо и примерно в равной степени повышали полугодовую выживаемость (в среднем на 35%) и продолжительность жизни крыс с ХСН (в среднем на 40%) по сравнению с контролем (см.: табл. 2).

В условиях осложнённой ХСН ингибиторы АПФ практически не оказывали влияния на УО в период обострений (см.: табл. 3). Каптоприл и периндоприл имели несколько более благоприятный гемодинамический профиль действия в сравнении с остальными ингибиторами АПФ, однако их эффект нельзя считать устойчивым. Так, несмотря на снижение, УО в группе каптоприла при первой декомпенсации значимо не различался с таковым у интактных крыс, а на фоне периндоприла в период второго обострения УО был на 50% выше, чем в контроле ($p<0,05$). В течение двух месяцев, следовавших с момента обострений ХСН, липофильные ингибиторы АПФ способствовали восстановлению УО. При этом наиболее выраженная активность отмечалась у пролекарств квинаприла и периндоприла, метаболиты которых, как известно [1], обладают наибольшим аффинитетом к тканевой ренин-ангиотензин-альдостероновой системе по сравнению с другими исследуемыми ингибиторами АПФ. В результате УО при введении квинаприла и периндоприла становился значимо больше, чем в контроле, на 55% спустя два месяца с момента первого обострения ХСН ($p<0,01$) и в среднем на 66% через два месяца после второй декомпенсации ($p<0,05$).

Наименьший эффект на центральную гемодинамику среди липофильных ингибиторов АПФ оказал каптоприл. Однако именно каптоприл способствовал увеличению 6-месячной выживаемости крыс с осложнённой ХСН на 25% по отношению к контролю ($p<0,05$). Остальные препараты не ока-

зывали существенного влияния на выживаемость и продолжительность жизни подопытных крыс (см.: табл. 4). Большая эффективность каптоприла по сравнению с липофильными ингибиторами АПФ-пролекарствами отчасти может объясняться его исходной активностью и отсутствием необходимости в метаболической трансформации в печени, функция которой при ХСН нарушается. Увеличение доли выживших крыс спустя 6 месяцев введения эналаприла на 30% по отношению к контролю носило характер тенденции (p=0,53, критерий Гехана). Достижению статистически значимой разницы в данном случае, как и при введении остальных ингибиторов АПФ, мешала высокая смертность животных в период первой и особенно второй декомпенсации ХСН. Ни один из применявшихся препаратов значимо не увеличил продолжительность жизни крыс с осложненным течением ХСН.

Выживанию крыс с ХСН способствовали липофильные ингибиторы АПФ, причем активное лекарство каптоприл в большей степени, чем пролекарства эналаприл, квинаприл и периндоприл в условиях осложнённого течения патологии. Влияние ингибиторов АПФ на выживаемость крыс со стабильной и осложненной ХСН не было связано с улучшением систолической функции миокарда. Гидрофильный ингибитор АПФ лизиноприл не повышал выживаемость крыс при обоих вариантах течения ХСН и не улучшал центральную гемодинамику при исследовании на осложнённой модели.

Библиографический список

1. *Беленков Ю.Н., Мареев В.Ю., Агеев Ф.Т.* Ингибиторы ангиотензинпревращающего фермента в лечении сердечно-сосудистых заболеваний (квинаприл и эндотелиальная дисфункция). – М.: ООО «Инсайт полиграфик», 2002. – 86 с.

2. *Гуськова Т.А.* Оценка безопасности лекарственных средств на стадии доклинического изучения // Химико-фармацевтический журнал. – 1990. – № 7. – С. 10–15.

3. *Корзун А.И., Кириллова М.В.* Сравнительная характеристика ингибиторов АПФ // Экология человека. – 2003. – №2. – С. 16–22.

4. *Мареев В.Ю., Агеев Ф.Т., Арутюнов Г.П.* и др. Национальные рекомендации ВНОК и ОССН по диагностике и лечению ХСН (третий пересмотр) // Сердечная недостаточность. – 2010. – Т. 11. – № 1(57). – С. 3–62.

5. *Пятницкий Н.Н., Блинков Ю.А.* К вопросу о моделировании недостаточности правого сердца // Кардиология. – 1970. – № 1. – С. 143–144.

6. *Румянцева Т.А., Фатеев М.М., Федоров В.Н.* и др. Морфологические доказательства наличия хронической сердечной недостаточности, индуцированной у крыс методом дробного дозированного олеоторакса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2009. – № 5. – С. 123–127.

7. *Сидоренко Б.А., Преображенский Д.В., Батыралиев Т.А.* Ингибиторы ангиотензин-превращающего фермента. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Литтерра, 2007. – 352 с.

8. *Kennedy H.L., Rosenson R.S.* Physicians' interpretation of «class effects» // J Am Coll Cardiol. – 2002. – № 40(1). – P. 19–26.

9. *Roger V.L., Go A.S., Lloyd-Jones D.M.* et al. on behalf of the American Heart Association Statistics Committee and Stroke Statistics Subcommittee. Heart disease and stroke statistics – 2012 update: a report from the American Heart Association // Circulation. – 2012. – 125. – P. e2–e220.

УДК 502/504

Цховребов Эдуард Станиславович,
Лебин Александр Николаевич,
Белоусов Вячеслав Георгиевич
sofiamosina@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА

В статье анализируются основные составляющие подсистемы экологической безопасности на уровне муниципального образования.

Ключевые слова: *экологическая безопасность, охрана окружающей среды, муниципальное образование, экологический контроль.*

Обеспечение экологической безопасности является одной из важнейших задач российского государства. Однако до настоящего времени решение вопросов создания единой системы обеспечения экологической безопасности как неотъемлемого элемента устойчивого развития российского государства продолжает оставаться на стадиях научных изысканий и обсуждений на различных уровнях.

В соответствии со статьей 72 Конституции Российской Федерации [1] обеспечение экологической безопасности относится к совместному ведению Российской Федерации и субъектов РФ. При этом каких-либо законодательных и иных нормативно-правовых актов по обеспечению решения этой важнейшей государственной задачи до сих пор не выработано. На сегодня, как видно из сложившейся ситуации, отсутствует политическая воля по созда-

© Цховребов Э.С., Лебин А.Н., Белоусов В.Г., 2012

нию национальной системы экологической безопасности. Создание такой системы как на федеральном уровне, так и на уровне субъекта Российской Федерации требует принятия в скорейшем времени единого федерального закона об экологической безопасности, а также принимаемых, в соответствии с ним, законодательных и подзаконных актов федерального и регионального уровня по вопросам экологического страхования, экологических рисков, информационного обеспечения системы экологической безопасности, о делегируемых органами государственной власти субъектов РФ полномочий муниципальным образованиям в данной сфере и пр.

В условиях огромной территории России, разнообразных климатических условий, природно-ресурсного потенциала, различного уровня антропогенной нагрузки и экологической ситуации в регионах и даже в муниципальных образованиях одного региона, эффективная работа системы экологической безопасности возможна лишь в случае четкого разграничения обязанностей, полномочий и ответственности между федеральным центром, субъектами Российской Федерации и органами местного самоуправления. Учитывая вышеизложенные тенденции, можно констатировать, что вопросы, связанные с обеспечением экологической безопасности территории, следует рассматривать не обособленно, а как элемент более сложной многоуровневой комплексной системы. Очевидно, что, с точки зрения эффективного управления охраной окружающей среды и рациональным использованием природных ресурсов, система экологической безопасности территории должна иметь многоуровневый характер: Российская Федерация – субъект Российской Федерации (край или область) – муниципальное образование (городской округ или муниципальный район) – природопользователь (источник негативного воздействия на окружающую среду).

При этом понятно, что федеральный уровень подсистемы экологической безопасности будет иметь, в основном, координирующие функции. Главной на данном уровне станет деятельность по разработке концептуальных основ экологической безопасности, экологической политики, природоохранного законодательства, выработке мероприятий по реализации концепции устойчивого развития с учетом обеспечения экологической безопасности, сбор, анализ и обобщение экологической информации, подготовка предложений по повышению эффективности системы и решению других стратегических задач в данном направлении.

На уровне субъекта Российской Федерации все внимание будет уделено тактическим подходам к решению данных стратегических задач: реализации федеральной экологической политики на территории региона, организации системы экологического мониторинга, информационного обеспечения, взаимодействия с муниципальными образованиями, ведению учета объектов и источников негативного воздействия на окружающую среду и ряда других. Таким образом, на региональном уровне может создаваться единая комплексная организационно-управленческая система по решению какой-либо стратегической государственной задачи, в частности, обращению с отходами производства и потребления.

Однако при этом следует учесть, что организационно-регулятивные решения, принимаемые как на государственном уровне, так и на уровне субъектов РФ в рамках системы обеспечения экологической безопасности, как правило, не в полной мере будут касаться конкретного источника воздействия на окружающую среду, предупреждения и снижения антропогенного воздействия данного объекта.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что муниципальный уровень региональной системы экологической безопасности является базовым, поскольку именно на нем, в соответствии

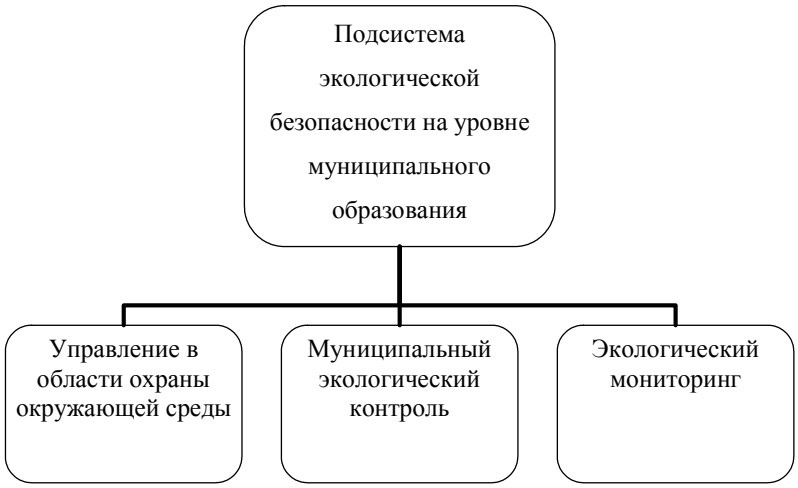


Схема 1. Подсистема экологической безопасности на уровне территории муниципального образования (муниципального района или городского округа)

с федеральным законодательством, осуществляется управление в области окружающей среды, а также регулирование в сфере обращения с отходами: организация сбора, складирования, транспортировки, захоронения отходов производства и потребления.

Будет ли обеспечена экологическая безопасность на уровне муниципальных образований – зависит не только от усилий муниципальных властей, а прежде всего, от того, как будет проводиться государственная экологическая политика в отношении муниципальных образований.

Подсистема экологической безопасности на уровне территории муниципального образования (муниципального района или городского округа) должна базироваться на трех основных составляющих: комплексной системы экологического нормирования и контроля; комплексной экологической оценки состояния территории на основе системы мониторинга природной среды, экологического аудита, анализа степени и характера негативного воздействия хозяйствующих субъектов на окружающую среду с прогнозированием межпоселенческих (городских и сельских поселений) мероприятий по предупреждению, снижению, ликвидации такого воздействия и, конечно, единой, целостной системы управления в области рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей среды (см.: схема 1).

Однако поправки к российскому экологическому законодательству, введенные в действие с 2006 года, упразднили основную составляющую подсистемы экологической безопасности на уровне муниципального образования – муниципальный экологический контроль. В процессе бездумного законотворчества никто не учел, что только органы муниципального экологического контроля, проводящие ежедневную работу на местах по предупреждению, выявлению и пресечению нарушений экологического законодательства, могут отследить фактическую ситуацию на каждом источнике загрязнения окружающей среды, в том числе в части соблюдения экологических нормативов, стандартов, лимитов; непрерывно координировать осуществление производственного и общественного экологического контроля на территории муниципального образования. Только при условии использования объективных показателей результатов муниципального экологического контроля, в комплексе с производственным и общественным экологическим контролем, а также данных мониторинга природной среды в режиме «on-line», можно принимать обоснованные управленческие решения по снижению и ликвидации негативного воздействия на окружающую среду, прогнозированию природоохранных мероприятий, что является другой базовой составляющей подсистемы экологической безопасности на уровне муниципального образования. Замена муниципального экологического контроля организацией малочисленных, слабо организованных контрольно-надзорных структур в экологических ведомствах субъектов Российской Федерации, а также деятельностью органов федерального экологического контроля в расчете функционирования одного инспектора на 3–5 муниципальных районов и городских округов, при отсутствии в стране налаженной системы экологического мониторинга в субъектах РФ, привела к невозможности организации подсистемы экологической безопасности как на уровне муниципального образования, так и в комплексе с региональным уровнем системы.

Рассмотрим эту проблему с другой позиции. В соответствии со статьей 10 Федерального закона «Об охране окружающей среды» [2] органами местного самоуправления осуществляется управление в области охраны окружающей среды. Немаловажная часть системы управления охраной окружающей среды на местном уровне – управление качеством окружающей среды. Оно в значительной степени сводится к планированию мероприятий по ограничительному регулированию (нормированию) величин воздействия на окружающую среду со стороны отдельных источников и суммарной нагрузки на территорию района (города). Однако о каком системном подходе к решению данного вопроса можно говорить, когда, во-первых, муниципальное образование функционально отделено от процесса экологического нормирования, а во-вторых, сам этот процесс за последнее десятилетие перестал соответствовать своему прямому назначению – ограничению нагрузок на компоненты природной среды. Постоянная передача этой важной государственной функции из одного ведомства в другое (Региональные комитеты – ГУПР – Ростехнадзор – Росприроднадзор – природоохранные министерства субъектов РФ), а также юридическая непроработанность, забюрократированность процесса согласования экологических нормативов, выдачи разрешений на выброс, сброс, размещение отходов и, как следствие, высокая коррупционная составляющая данной функции, превратили экологическое нормирование в финансовую обузу, препятствие для полноценного, динамичного, экологически безопасного развития промышленности, предпринимательства в России.

Для эффективного управления качеством окружающей среды необходима информация о состоянии окружающей среды на территории муниципального образования, о наличии или отсутствии изменений в объеме и степени ее загрязнения продуктами хозяйственной и иной деятельности, а также о направленности этих изменений (уменьшении, увеличении). Такая информация может быть получена в процессе комплексной экологической оценки территории – единовременно или дискретно, а также в процессе экологического мониторинга и систематического контроля качества окружающей среды. Этого можно достигнуть путем создания

целостной районной (городской) системы наблюдения за качеством поверхностных и подземных вод, атмосферы, почв, в том числе и с использованием сил и средств районных подразделений федеральных органов исполнительной власти: Роспотребнадзора, Росприроднадзора, МЧС, Росрыболовства, Бассейновых водных управлений и других. Важный вклад в этот процесс может и должна вложить правильно организованная, управляемая и координируемая органом местного самоуправления целостная система производственного экологического контроля, включающая сеть производственно-аналитических лабораторий предприятий города (района). Отсюда следует вывод о том, что именно на уровне органов местного самоуправления в лице экологического органа, имеющего в том числе и контрольные функции, должна закладываться первичная аналитическая база системы управления качеством окружающей среды.

Это представляется важным и потому, что подсистема экологической безопасности на уровне муниципального образования играет двойную роль: важно не только вовремя отследить негативные процессы в природной среде, но и своевременно запланировать соответствующие управленческие решения по организации природоохранных мероприятий, независимо от их стоимости, источников финансирования и сроков внедрения – будь то строительство очистных сооружений, ограничение сбросов (выбросов), рекультивация земель, сбор вторичного сырья и т.п. [3].

Именно с самого низшего уровня подсистемы экологической безопасности – муниципального – формируются как необходимые управленческие решения, так и инициируется разработка природоохранных нормативных актов, а также законодательных инициатив в представительный орган субъекта РФ в целях повышения эффективности экологического законодательства, в том числе и на федеральном уровне.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать однозначный вывод: если в ближайшее время не будут предприняты меры по воссозданию природоохранной организационно-управленческой системы на уровне местного самоуправления, рассчитывать на улучшение и без того сложной экологической обстановки в России явно не придется.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. – М.: Маркетинг, 2001. – 39 с.

2. Российская Федерация. Законы. Об охране окружающей среды. – Собрание законодательства РФ, 2002, № 2, ст. 133; 2004, № 35, ст. 3607. – 34 с.

3. *Гаврилов Е.В., Исаков В.М., Цховребов Э.С.* Проблемы обеспечения экологической безопасности на территории муниципального образования // ЭКОС-Информ. – 2005. – № 1. – С. 17–21.

УДК 631.461

Чимитдоржиева Эржена Очировна
Институт общей и экспериментальной биологии СО РАН
erzhena_ch@mail.ru
Чимитдоржиева Галина Доржиевна
Институт общей и экспериментальной биологии СО РАН
galdorj@gmail.com

ДИНАМИКА УГЛЕРОДА МИКРОБНОЙ БИОМАССЫ ЦЕЛИННЫХ СТЕПНЫХ И СУХОСТЕПНЫХ ПОЧВ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Выявлена достоверная связь между изменением температуры и количеством С-биомассы в почвах. Дефицит влаги в почвах лимитировал рост микроорганизмов в отдельные периоды вегетации. Влияние влажности проявлялось через изменение активности растений и обеспеченности микроорганизмов субстратом и биогенными элементами.

Ключевые слова: *углерод, микробная биомасса, черноземы.*

Микробный углерод почвы – важная функциональная часть почвенного органического углерода, обеспечивающая основную продукцию диоксида углерода почвами [1]. Знания о запасе микробного углерода различных типов почв важны для экологических исследований, в том числе и прогнозных сценариев. Особый интерес представляют ненарушенные степные и сухостепные биоценозы, запасы углерода в которых отражают их природный потенциал.

Цель работы – изучить сезонную динамику накопления С-биомассы и оценить запасы микробного углерода черноземов и каштановых почв Тугнуйской котловины Забайкалья.

Работа выполнена в 2008–2010 гг. в Тугнуйской котловине Западного Забайкалья. Объектами исследований являлись целинные черноземы и каштановые почвы.

Физико-химические свойства почв определяли общепринятыми методами [2; 3]. С-микробные биомассы исследовали регидратационным методом [4].

Для черноземов характерны: мощность гумусового профиля 25–33 см, содержание гумуса 4,1–5,3%, легкий гранулометрический состав, неболь-

© Чимитдоржиева Э.О., Чимитдоржиева Г.Д., 2012

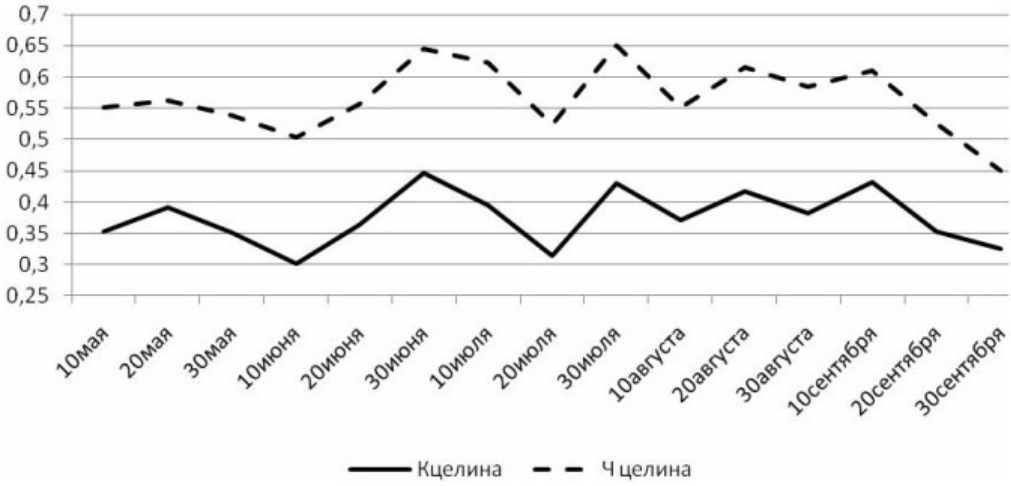


Рис. 1. Динамика С-биомассы в черноземах и каштановых почвах за вегетационный сезон 2008 г., мг С / 1 г почвы

шая сумма поглощенных оснований (22,6–29,7 мг·экв/100 г почвы). Каштановым почвам свойственна незначительная мощность горизонта А: 24–26 см. Легкий гранулометрический состав определяет низкое содержание гумуса (1,0–2,3%) и низкую емкость катионного обмена.

По нашим данным, *в начале вегетации 2008 года* количество С-биомассы было невысокое, что обусловлено глубоким промерзанием почв и медленным весенним их прогреванием. Величина С-биомассы в середине мая составляла в черноземе – 0,56 и в каштановой почве – 0,38 мг С / 1 г почвы (см.: рис. 1). В черноземах отмечается почти вдвое большее количество С-биомассы, чем в каштановых почвах, что объясняется комплексом физических и физико-химических свойств почвы.

С повышением температуры почвы и после выпадения осадков, количество С-биомассы в черноземах постепенно нарастает от 0,51 до 0,64, и в каштановых почвах – от 0,30 до 0,44 мг С / 1 г почвы.

Отсутствие осадков в первой и второй декадах июля в сочетании с высокой температурой воздуха привело к дефициту влаги в почвах, вследствие чего наблюдалось снижение накопления микробной массы в черноземе от 0,62 до 0,52, в каштановой почве – от 0,39 до 0,31 мг С / 1 г почвы.

В третьей декаде июля накопление С-биомассы незначительно повышается в черноземе – 0,65, в каштановой почве – 0,43 мг С / 1 г почвы. После небольшого падения в первой декаде августа во второй декаде содержание С-биомассы в черноземе повышается до 0,61 и в каштановых почве – 0,42 мг С / 1 г почвы. В этот период верхние слои почв находились в оптимальном соотношении влажности и температуры, что и обусловило накопление С-биомассы.

В сентябре наблюдается спад содержания С-биомассы, что связано с затуханием биологических процессов в почвах. Количество углерода микробной биомассы плавно понижалось в черноземе до 0,45 и в каштановой почве до 0,32 мг С / 1 г почвы. Активность и всплеск микробной активности очень тесно связаны с температурой и влажностью почвы.

В вегетационном сезоне 2009 года динамика содержания углерода микробной биомассы соответствовала изменениям погодных условий. Оттаивание почв весной, высокое содержание в них биогенов и доступных минерализации органических остатков способствовало инициации гидролитической микрофлоры (L-стратеги), активность которой приводила к разложению сложных органических веществ, что обеспечивало легкогидролизуемым субстратам другие группы микроорганизмов [5]. Так, в начале вегетации растений количество микробной массы составляло в черноземе – 0,55 и в каштановой почве – 0,40 мг С / 1 г почвы (см.: рис. 2).

Во второй декаде мая наблюдалось незначительное понижение накопления С-биомассы в черноземе – 0,32, и в каштановой почве – 0,21 мг С / 1 г почвы. Это связано с условиями увлажнения, в тот период почвы вследствие отсутствия осадков были иссушены. После продолжительной весенней засухи, выпадение осадков способствовало повышению количества С-биомассы, где в третьей декаде июня оно достигало своего первого максимума в черноземе – 0,61 и в каштановой почве – 0,44 мг С / 1 г почвы. По мере использования почвенными микроорганизмами легкодоступных органических соединений, содержащихся в растительных остатках, корневых экссудатах, низкомолекулярных гумусоподобных веществах в почвах под паром, происходит уменьшение количества и видового разнообразия почвенной микробиоты вследствие исчерпания доступных питательных субстратов [6].

В начале июля усиливалась конкуренция между растениями и микроорганизмами за источники питания, что снижало содержание последних в почве. Содержание С-биомассы в этот период было сравнительно низким на всех почвах (см.: рис. 2).

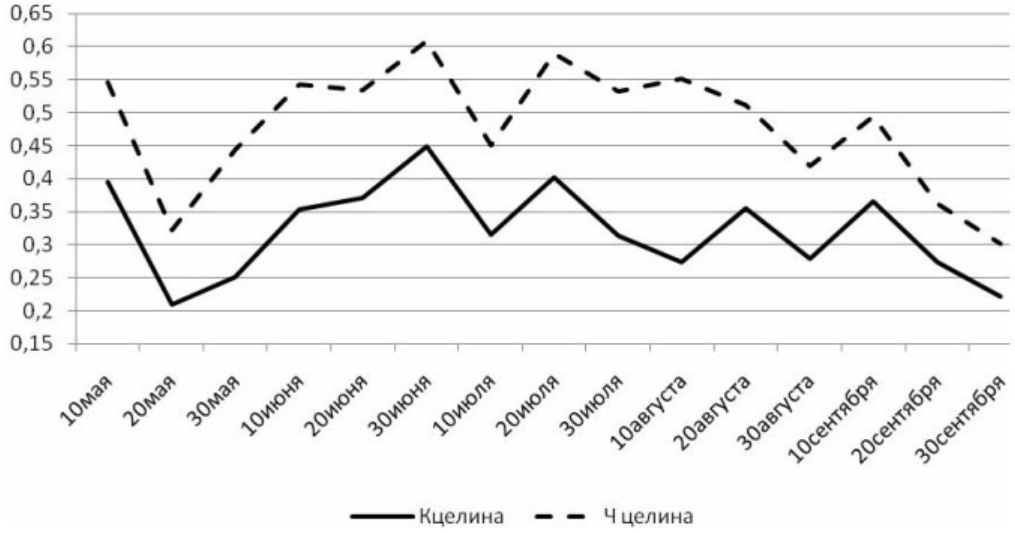


Рис. 2. Динамика С-биомассы в черноземах и каштановых почвах за вегетационный сезон 2009 г., мг С / 1 г почвы

Увлажнение почвы после выпадения осадков в июле, после засушливого периода, привело к подъему содержания С-биомассы в черноземе – 0,58 и в каштановой почве – 0,40 мг С / 1 г почвы.

В августе, после небольшого спада количества С-биомассы в конце июля, наблюдался подъем накопления в черноземе до 0,55, в каштановой почве – 0,27 мг С / 1 г почвы.

В конце вегетации содержание С-биомассы несколько возрастало, составляя в черноземе – 0,49 и в каштановой почве – 0,36. Этот максимум количества С-биомассы связан с микробиологической сукцессией: вследствие поступления в почву свежих растительных остатков ослабляются конкурентные взаимоотношения между растениями и микроорганизмами за питательные вещества, а отсутствие лимитирования по субстрату и элементам питания способствует активному росту различных групп микроорганизмов.

В начале вегетации 2010 года в черноземе целинном содержание углерода микробной биомассы составляло 0,55, в целинной каштановой почве – 0,35 мг С / 1 г почвы. Активному формированию микробной массы способствовало выпадение осадков в середине мая (см.: рис. 3).

Увеличение количества С-биомассы в середине июня связано, вероятно, с бурным ростом r-стратегов [7; 8]. При благоприятных гидротермических условиях, накопление углерода микробной биомассы плавно нарастало и достигало первого максимума в черноземе – 0,60 и в каштановой почве – 0,45 мг С / 1 г почвы.

В связи с засушливой погодой в конце июня – первой половине июля содержание С-биомассы снижалось в черноземе до 0,32 и в каштановой почве до 0,23 мг С / 1 г почвы. В конце июля, после осадков, этот показатель достиг своего второго пика и повысился в черноземе до 0,58 и в кашта-

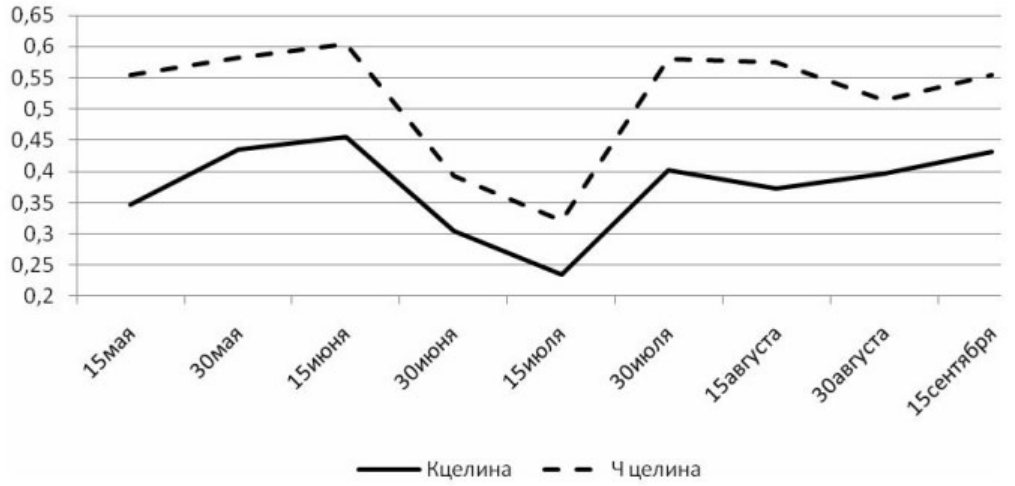


Рис. 3. Динамика С-биомассы в черноземах и каштановых почвах за вегетационный сезон 2010 г., мг С / 1 г почвы

новой почве – 0,37 мг / 1 г почвы.

В августе показатель С-биомассы колеблется в интервале на черноземе 0,57–0,41, на каштановой почве – 0,32–0,29 мг С / 1 г почвы.

В сентябре накопление С-биомассы незначительно повышалось, что, возможно, связано с отмиранием и быстрым разложением растительных остатков на поверхности и в самой почве. Содержание С-биомассы в черноземе составляло 0,55 и в каштановой почве – 0,43 мг С / 1 г почвы.

Проведенный анализ позволяет связать сезонные изменения накопления С-биомассы с воздействием трофических и климатических факторов. Сходный характер сезонной динамики роста микроорганизмов в разных типах почвах свидетельствует о существовании единых внутренних и внешних механизмов, регулирующих сукцессионные изменения микробного сообщества. В природных условиях на кинетику роста микробных популяций влияет в основном взаимодействие их с другими компонентами экосистемы [9].

Анализ результатов изучения динамики содержания С-биомассы показал, что в течение вегетационного сезона ее максимумы и минимумы совпадают с таковыми периода весна-лето.

Основываясь на существующих в настоящее время экологических концепциях, можно полагать, что выявленные в наших исследованиях динамические изменения накопления С-биомассы связаны с изменениями в структуре почвенного микробного комплекса.

Статистическая обработка данных показала, что в разных типах почв содержание С-биомассы достоверно различалось. В наших экспериментах выявлена достоверная связь между изменением температуры и количеством С-биомассы в почвах. Дефицит влаги в почвах лимитировал рост микроорганизмов в отдельные периоды вегетации. Доказательством является прямая связь между содержанием С-биомассы и влажностью почв r = 0,6–0,9. Влияние влажности проявлялось через изменение активности растений и обеспеченности микроорганизмов субстратом и биогенными элементами.

Амплитуда колебаний содержания С-биомассы за весь период наблюдений характеризует способность микробного комплекса реагировать на изменение условий среды. Резкие колебания в содержании С-биомассы в почвах, отличающихся меньшим ресурсом гумуса, связаны с реакцией микроорганизмов на изменение факторов среды, которые влияют на поступление в почву легкогидролизуемого органического субстрата. Высокая амплитуда колебаний характеризует меньшую устойчивость микробного комплекса этих почв. Так, накопление С-биомассы в черноземах в меньшей степени зависело от воздействия условий среды, прежде всего благодаря протекторной функции органического вещества.

По нашим данным, количество С-биомассы от запаса органического углерода почвы в среднем составляет для черноземов 1,4–2,5% и каштановых почв 1,8–3,3%.

Для сравнения приведем данные других регионов. В почвах Западной Сибири количество С-биомассы колеблется от 1,2 до 7,5% [10; 11]. По другим оценкам, на долю почвенной микробной биомассы приходится от 3 до 10% органического углерода [12]. По зарубежным публикациям, доля С-биомассы в органическом веществе пахотных почв колеблется от 1 до 4% [13]. По данным F.P. Anderson и K.H. Domsch [14], она изменяется в более широких пределах (0,2–4,8%). Эти оценки близки к количественным показателям для изученных черноземов и каштановых почв Тугнуйской котловины.

Процессы микробиологической иммобилизации углерода в большей степени зависели от количества и качества субстрата. Опосредованное влияние климатических факторов связано с продукционными и деструкционными процессами, включая поступление в почву растительных остатков, которые разлагаются постепенно в течение нескольких лет.

Микробиологические и биохимические показатели криоаридных почв значительно ниже, а параметры их колебаний выше, по сравнению с аналогами почв других территорий, что предопределяет нестабильный уровень потенциального плодородия.

Наряду с общими микробиологическими показателями криоаридных почв, отличия и контрасты параметров почвенных условий отдельных типов накладывают специфические особенности на микробиологические процессы, протекающие в этих почвах.

Библиографический список

1. *Jenkinson D.S., Powlson D.S.* The effect of biocidal treatment on metabolism in soil: 5. A method for measuring soil biomass // Soil Biol. and Biochem. – 1976. – Vol. 8. – № 3. – P. 209–213.

2. *Аринушкина Е.В.* Руководство по химическому анализу почв. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 487 с.

3. Агрохимические методы исследования почв. – М.: Наука, 1975.

4. *Благодатский С.А., Благодатская Е.В., Горбенко А.Ю.* и др. Регидратационный метод определения микробной биомассы в почве // Почвоведение. – 1987. – № 4. – С. 64–71.

5. *Умаров М.М.* Ассоциативная азотофиксация. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 136 с.

6. *Нимаева С.Ш.* Микробиология криоаридных почв. – Новосибирск: Наука, 1992. – 176 с.

7. *Звягинцев Д.Г.* Почва и микроорганизмы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 256 с.

8. *Паников Н.С.* Кинетика роста микроорганизмов: общие закономерности и экологические приложения. – М.: Наука, 1991. – 310 с.

9. *Паников Н.С.* Особенности кинетики микробного метаболизма в природных средах // Экологическая роль микробных метаболитов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – С. 140–165.

10. *Наумова Н.Б.* Биомасса микроорганизмов в почвах естественных, сельскохозяйственных и техногенных экосистем Сибири: Автореф. дис. … канд. биол. наук. – Новосибирск, 1990. – 19 с.

11. *Якутин М.В.* Биомасса и активность микроорганизмов пойменных почв Средней Оби // Почвоведение. – 1994. – № 12. – С. 70–76.

12. *Семёнов В.М., Иванникова Л.А., Кузнецова Т.В.* Структурно- функциональное состояние органического вещества почвы // Почвенные процессы и пространственно-временная организация почв. – М.: Наука, 2006. – С. 230–247.

13. *Тейт Р.Ш.* Органическое вещество почвы. – М.: Мир, 1991. – 398 с.

14. *Anderson J.P., Domsch K.H.* Mineralization of bacteria and fungi in chloroform-fumigated soils // Soil Biol. and Biochem. – 1978. – Vol. 10. – № 3. – P. 207–213.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.2

Кузнецова Евгения Владимировна
Университет управления «ТИСБИ» (г. Набережные Челны)
kuznetzova.evgeniya2012@yandex.ru

КУЛЬТУРА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

Данная статья посвящена рассмотрению проблемы культуры как социального феномена. Автор статьи считает системный подход наиболее оптимальным в изучении этого явления, основываясь в своих взглядах на теориях других исследователей. Автор выстраивает свою собственную модель культуры, используя понятие системы, сформулированное Г.П. Щедровицким.

Ключевые слова: *культура, система, общественная система, деятельность, методология, системный подход.*

На протяжении всей своей истории философия обсуждала проблему фундаментального различия между тем, что существует независимо от человека, – природой, и тем, что создано человеком в собственном, физическом и духовном бытии. Этот результат человеческой деятельности, как и сам его процесс, получал различные терминологические обозначения – «цивилизация», «воспитание», «образование», «формирование».

Сначала эти понятия являлись синонимичными, но в последующем (после XVIII века) началось их различение и одновременно с этим изучение таких близких по смыслу и тесно взаимосвязанных между собой понятий, как «деятельность», «общество», «традиция». Культура понималась столь широко, что поглощала и общество в целом (экономическую и политическую жизнь), охватывая все, что не являлось природой и не было создано Богом. Современная культурологическая мысль включает в себя изучение всех форм проявлений культуры, куда входят формы художественно-образного постижения культуры (это искусство и литература), конкретные научные дисциплины, общественные науки. В условиях подобного проявления всего многообразия культурологического знания необходимо получить ответ на вопрос о том, что такое культура.

Исследования зарубежных культурологов (Д. Каплана, Р.А. Меннерса, А. Кребера, К. Клакхона) показали, что определений культуры насчитывается уже более двухсот (в период с конца XIX века и до середины XX века). К настоящему моменту их число еще более увеличилось. Подобное разнообразие концепций культуры связано прежде всего с различными акцентами, которые те или иные ученые делают на ту или иную сторону деятельности. Одни исследователи выдвигают на первый план в содержании культуры способы человеческой деятельности, ее «технологический» контекст (В. Давидович, З. Файнбург), другие рассматривают культуру как совокупность надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (В. Степин), третьи – как творческую деятельность, направленную на «поиск сакрального смысла бытия» (П. Гуревич).

В сложившейся ситуации существующего разнообразия особую важность приобретает методологический аспект взаимоотношений философии культуры и всего комплекса культурологических дисциплин. Полнота знаний о строении, функционировании и развитии культуры во множестве ее проявлений требует согласованных усилий в ее изучении со стороны всех наук. Координатором и интегратором информации выступает в таких условиях методология.

Правда, до сих пор на протяжении последних десятилетий в науке господствовали не системно-интегративные устремления, а аналитически-дифференцирующие. Сейчас же, когда формируется новая парадигма мышления, деятельности, основанная на системном подходе, и системный подход позволяет выстроить новую модель культуры, становится возможным установление продуктивных связей между всеми отраслями знания и видами деятельности человека. Сделать это необходимо для преодоления разобщенности как в науке, так и во всем обществе, именно сейчас, на рубеже XX и XXI веков.

Однако, чтобы дать наиболее четкую и полную характеристику культуры, необходимо выработать именно системный подход к ее изучению. Наиболее полно культура может рассматриваться только с точки зрения системы. Принцип системного исследования многих объектов привлек к себе в последние десятилетия внимание многих методологов. Многие из них отвергают аналитический метод, отдавая предпочтение системному методу, отражающему проблемы ценности и взаимосвязи изучаемых объектов.

Один из основоположников теории информации У. Унвер выдвинул в связи с системным подходом гипотезу, согласно которой за последнее столетие естественнонаучное знание прошло в своем развитии три этапа: на первом, представленном наиболее ярко классической механикой, ученые сводили исследовавшиеся ими объекты к чему-то простому, к однородной основе; на втором этапе, отме-

© Кузнецова Е.В., 2012

ченном появлением теории вероятности и статистической физики, мир раскрылся науке в его необыкновенной сложности; однако налицо было отсутствие упорядоченности на третьем этапе, в середине XX века, когда наука сталкивается с проблемой «организованной сложности». Отсюда, как считает ученый, и берет свое начало системный подход.

Попытки рассматривать культуру как систему уже наблюдались в истории философии культуры. Так, значительный вклад в понимание культуры как системного объекта внес П. Сорокин – автор интеграционной теории культуры [4, с. 76]. Культура у П. Сорокина отождествляется со взаимодействием людей: значение – ценность – норма. Процесс взаимодействия складывается из трех компонентов: субъектов, содержания – значений, ценностей, норм, а также носителей содержания. Эти же компоненты образуют три аспекта социального явления: личность, общество и культуру. Культура понимается как «совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения» [4, с. 77]. Термин «социальное» в данном случае обозначает совокупность взаимодействия людей, их отношения. Термин «культура» – значения, ценности, нормы и их носителей (внутренняя сущность общения).

Культура, по мнению Сорокина, представляет собой систему систем. Между ее составляющими образуются связи по пространственно-временной смежности, косвенным причинным связям, прямым причинным связям, причинно-значимым связям. В обществе основные системы культуры – это язык, наука, философия, религия, экономика, изящные искусства, мораль, право, прикладная технология, политика. Существуют еще более широкие культурные единства – суперсистемы. В каждой суперсистеме «существуют базовые посылки и верховные принципы, касающиеся того, что считается в ней реальностью в последней инстанции и ценностью в последней инстанции». Есть три ответа на этот вопрос: последней истинной реальностью является чувственная сенситивная реальность (суперсистема); сверхчувственный Бог – идеационная суперсистема; бесконечное многообразие, объединяющее чувственное и сверхчувственное начало, – это идеалистическая, или интеграционная суперсистема.

Идеационная культура – это эпоха Средневековья в Европе IX–XI вв. Сенситивная культура – эпоха Возрождения, Новое время («общественный договор», «естественное право», «разумный эгоизм»). Идеалистическая культура – переходная между идеационной и сенситивной культурами. Сюда относится век Перикла в Афинах, Средневековье XII–XIV вв. Ключевая идея данного типа – долг индивида перед обществом.

В истории всегда чередуются три культурных стиля (суперсистемы), но ни один из них не представлен в чистом виде, в любую эпоху три стиля могут существовать одновременно, но доминирует один.

М. Каган рассматривает культуру как систему в составе более широкой системы – бытия [1, с. 543]. Он выделяет четыре формы бытия: бытие общества, бытие природы, бытие человека, деятельность человека. Культура есть такая форма бытия, которая включает в себя:

1) «сверхприродные» качества человека (которые формируются в ходе общественной жизни);

2) многообразие предметов – материальных, духовных, художественных, которые составляют «вторую природу», возникающую благодаря деятельности человека;

3) «сверхприродные» способы деятельности (возникшие так же, как и подобного рода качества человека), с помощью которых люди «опредмечивают» (воплощают) и «распредмечивают» (извлекают) содержание, заложенное в продуктах их деятельности;

4) общение как способ реализации потребности людей друг в друге.

Человек у М. Кагана выступает, с одной стороны, как творец культуры, создающий в своей опредмечивающей деятельности ее предметное бытие, а с другой – как творение культуры, развивающееся благодаря распредмечивающей деятельности, которая позволяет ему овладевать культурой и участвовать в ее дальнейшем развитии.

Ученый различает три сферы культуры – материальную, духовную и художественную (последняя представляет собой духовно-материальную слитностность). В каждой сфере образуются специфические для нее «формы предметности», в которых воплощаются результаты человеческой деятельности. В первой – «окультуренное» человеческое тело, техническая вещь, социальная организация. Во второй сфере – знания, ценность, проект. В третьей – художественный образ. Основной признак, на который Каган опирается в своем системном подходе к культуре, – это саморазвитие.

Однако, по мнению Э. Маркаряна, в созданной М. Каганом модели культуры отсутствует взаимосвязь сфер культуры между собой и с другими сферами деятельности в обществе. Э. Маркарян критикует ряд точек зрения в подобном рассмотрении культуры и выделяет следующие ключевые моменты, которые должны быть отражены в ее системной модели [2, с. 106]:

1) личностный, групповой, творческий и стереотипный параметры культуры и, как следствие этого, ее целостный характер;

2) динамичный, процессуальный характер;

3) наличие структурно-функциональных свойств культуры.

Прежде всего, Маркаряном выделяются подсистемы системы культуры:

1) «экологическая культура» – изучение комплексных взаимодействий живых систем со средой; «экологическая» подсистема включает в себя природно-экологическую подсистему, куда входит живая среда – природа, и общественно-экологическую подсистему, где в качестве среды выступает социально-исторический аспект;

2) социорегулятивная подсистема – организация, координирующая усилия многих индивидов, направленных на достижение социально значимых целей, в чем отражается интегративный характер культуры. Данная подсистема делится на интрасоциорегулятивную (внутренний параметр регуляции жизни общества) и интерсоциорегулятивную (внешний параметр регуляции жизни общества) подсистемы. На границе этих выделенных подсистем Маркарян ставит культуру международных отношений. Все выделенные подсистемы, по мнению автора, выражают вышеуказанные характеристики культуры и являются основанием для построения ее модели как системы.

С точки зрения А. Ракитова, система культуры есть набор моделей поведения и деятельности и выражающих их образных средств [3, с. 21]. Данные модели и образные средства, фиксирующие индивидуальное и неповторимое в жизнедеятельности системы культуры каждого народа, образуют ядро культуры, позволяющее данной культуре участвовать в той или иной степени в межкультурном диалоге. Степень же этого участия зависит от высокого (или низкого) иммунитета ядра. Чем ниже иммунитет, тем больше вероятность участия культуры в диалоге.

Итак, авторы представленных проектов систем акцентируют свое внимание на различных аспектах системной модели культуры. Главная характеристика системной культуры П. Сорокина – коммуникативность как процесс взаимотрансляции и взаимообмена культурными традициями, ценностями, нормами, в результате чего происходит некое единение всех культур. М. Каган опирается в основном на деятельность, что позволяет выделить основную черту всех культурных процессов – активное творческое начало. Э. Маркарян строит свою систему культуры, основываясь на взаимодействии различных культурных областей между собой (экологической сферы, социальной, сферы международных отношений), а также на взаимодействии внешнего и внутреннего параметров регуляции жизни общества. В результате система культуры, по Э. Маркаряну, есть универсальная ценностная сущность, объединившая в себе природную среду, социальную сферу и духовный внутренний мир человека. Для А. Ракитова в системной модели культуры главное – это иммунитет ядра культуры, позволяющий ей (то есть культуре) взаимодействовать с культурами других этносов.

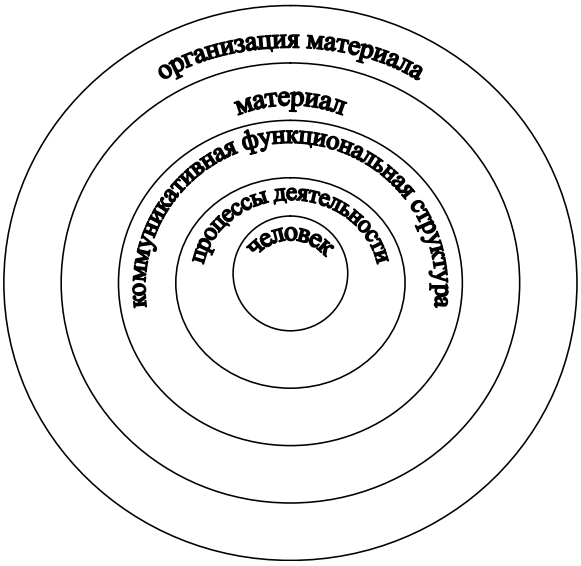


Схема 1.

Мы попробуем смоделировать систему культуры, основываясь на понятии системы Г. Щедровицкого, позволяющем выделить в содержании культуры весь спектр человеческой жизнедеятельности, выраженной в процессах творчества, развития окружающей среды и саморазвития, определить функции культуры через результаты внутрисистемной деятельности, обозначающей роль человека. Итак, представить нечто в четырех планах означает выделить: процесс, функциональную структуру, организованность материала и просто материал [6, с. 257].

Другими словами, пишет Г. Щедровицкий, представить объект в виде моносистемы означает описать этот объект один раз как процесс, второй – как функциональную структуру, третий – как материал, четвертый – как организованность (организацию) материала, или морфологию. И эти четыре описания должны быть отнесены к одному объекту и связаны между собой. А что значит представить объект как полисистему? Это значит много раз описать его таким образом и установить связи между этими четырехплановыми представлениями. Исходя из точки зрения методологии Г. Щедровицкого, мы выстраиваем следующую модель системы культуры (см.: схема 1).

Выстраивая данную модель, мы опираемся на то, что в центре системы культуры находится человек как объект и предмет культуры, основные процессы, происходящие внутри данной системы, – процессы творческой созидательной деятельности, функциональную структуру представляет коммуникация, интегрирующая систему культуры, материал – это материальная культура, организация материала – духовная культура (если рассматривать материальную и духовную культуру как материю и форму согласно Аристотелю, где форма есть активное духовное начало, содержащееся в самой материи.

В каком бы масштабе, с каких бы сторон мы ни рассматривали культуру, она неизменно предстает как «некая органическая целостность», находясь в одном ряду с категориями «природа», «человек», «общество» [5, с. 23]. Следовательно, познать целостное единство культуры, так же как и человека, природы и общества, можно только путем системного анализа.

Но еще и сегодня с понятиями культуры связываются зачастую лишь процессы и явления духовной жизни. Объяснить этот факт можно традицией трактования культуры древности как духовной сферы, зависящей от сознания, области идеального, в которой возможно творческое самовыражение человека. Главной задачей культуры в таком ее понимании было изменение человека. При этом материальная деятельность отнюдь не явилась составляющей культуры. Однако производство материальных благ образует основу культурного бытия личности. Культура целостна и основой этой целостности являются и ее материальность, и духовность.

Современными философами утверждается представление о культуре как «сквозной» общественной системе, характеризующей все стороны жизни общества. С таких позиций культура не есть только материальное или духовное, а характеристика этих материальных или духовных феноменов с точки зрения их изменения и развития. То есть культура в этом аспекте – качество, присущее разнообразным общественным явлениям и процессам их образования и человеку как субъекту и объекту данных процессов.

Культура есть самоосуществление бытия человека, поскольку человек предстает одновременно как субъект (творец) культуры и как объект (ее творения). Системное рассмотрение культуры позволяет раскрыть ее целостность и многомерность, последовательность и взаимосвязанность всех внесенных в данную систему элементов: процессы творческой, созидательной деятельности, коммуникативную функциональную структуру, организованность материала, духовную культуру в контексте человеческой деятельности.

Библиографический список

1. *Каган М.С.* Системный подход и гуманитарное знание: избранные статьи. – Л.: ЛГУ, 1991. – 378 с.

2. *Маркарян Э.С.* Системное исследование человеческой деятельности // Вопросы философии. – 1972. – № 10. – С. 106–120.

3. *Ракитов А.И.* Наука, технология, культура в контексте глобальных трансформаций и перспективы устойчивого развития России // Наука, технология, культура (глобальный процесс и проблемы России): пробл.-темат. сб. РАН ИНИОН. – М., 1999. – С. 21–130.

4. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 643 с.

5. *Трошихин В.В., Теплов В.И.* Культура политического процесса. – М.: Политиздат, 2001. – 230 с.

6. *Щедровицкий Г.П.* Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология. – М.: Путь, 2000. – 320 с.

УДК 101.1: 316

Латышева Жанна Вячеславовна
кандидат философских наук
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
joan_lat@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ РЕЛИГИИ В СОЦИОЛОГИИ РЕЛИГИИ Т. ЛУКМАНА

Статья посвящена анализу ряда идей и концепций, составляющих понимание религии Т. Лукманом. Рассматриваются социально-антропологическое функциональное определение религии и связанная с ним концепция трансцендентности. Раскрывается социально-феноменологическая и религиозная конкретизация интерсубъективности. Делается вывод о значительной методологической ценности подхода Т. Лукмана для социальных и гуманитарных наук.

Ключевые слова: *трансцендирование, трансцендентность, интерсубъективность, индивидуализация, личностная идентичность.*

Развитие социально-философского знания во многом связано с поиском и исследованием новых перспективных путей понимания социальных феноменов и процессов. Один из таких путей обозначен, на наш взгляд, в комплексе концепций немецкого философа и социолога XIX–XX веков, представителя феноменологической социологии знания и одного из основателей социального конструктивизма Томаса Лукмана. В отечественной научной литературе его идеи известны, по большей части, благодаря переводу написанного им совместно с П. Бергером трактата «Социальное конструирование реальности». Однако многие другие воззрения ученого пока не получили всестороннего, обстоятельного освещения и оценки, имеются только краткие обзоры его творчества. Между тем в западноевропейской социологии, особенно социологии религии, Лукман уже несколько десятилетий признается одним из самых авторитетных исследователей. Важно поэтому осуществлять

© Латышева Ж.В., 2012

репрезентацию его идей, отбирая при этом ценные для социальной теории моменты.

Одной из ключевых, оригинально и основательно разработанных проблем социологии Лукмана выступает проблема религии, выявлению некоторых важных моментов осмысления которой и посвящена данная статья. Концентрирование ученым усилий на изучении религии и религиозности объясняется тем, что, осмысливаемые в социальном контексте, они показывают себя (наряду с языком) движущей силой конструирования социальной реальности, основой которого выступает дотеоретическое знание повседневной жизни.

Лукман рассматривает широкий спектр вопросов, связанных с религией, важнейшими из которых являются установление предмета социологии религии, разработка определения и концепции религии, анализ социального статуса религии в индустриально развитых странах, выявление новой, «неспецифической» социальной формы религии (невидимой религии).

Исследователь расширяет понимание предмета социологии религии, считая, как и его соратник П. Бергер, что таковым является не только церковная и другие формы организованной религиозности, но и внецерковная, перешедшая в частную сферу (приватизированная) индивидуально-внутренняя и межличностная религиозность, проявляющаяся, по большей мере, в семейных социальных отношениях. Методологической базой его определения предмета социологии религии и, в целом, понимания религии выступают социальная антропология и данные очень многих гуманитарных наук. Социолог считает, что религию необходимо исследовать именно как социально-антропологическое образование, осуществляющее ряд важнейших для человека и общества функций, а социологию религии сделать «составной частью социальной антропологии и включить ее в универсальную теорию общества» [3, с. 192].

Лукман вырабатывает функциональную трактовку религии. Ядром её является мысль *о трансцендировании (превосхождении) человеком своей биологической природы, которое «составляет универсальное антропологическое условие религии»* [7, p. 187]. Данная идея, как её поясняет швейцарский социолог О. Тшаннен, базируется на двояком понимании человека. Во-первых, человек – это организм, который в силу своей инстинктуальности не способен отделиться от непосредственного опыта. Во-вторых, он – обладатель собственной личности, способной «к творческому мышлению в интеракции с другими человеческими личностями» [7, p. 187] и как раз личностным становлением трансцендирующий свою биологическую природу. Лукман утверждает, что подобное трансцендирование является религиозным феноменом, обладая внутренней религиозностью [6, p. 49]. Поэтому *фундаментальная функция религии состоит*, согласно этому социологу, *«в превращении природного организма в личность, социализации человеческого бытия в исторический социальный порядок»* [5, p. 23].

Подобное социально-антропологическое и функциональное определение религии позволяет расширить семантику религиозной веры, дает возможность приумножить количество тех социальных образований, которые выполняют религиозные функции. При этом отсутствие в данном определении специфически религиозного содержания (например, концепта религии как опыта сверхъестественного) не случайно. Оно вызвано тем, что социология, как справедливо замечает Лукман, никак не сообщается со сферой нуминозного, сверхъестественного. Поэтому *любые системы, способствующие интеграции и легитимации существующего социального порядка* (даже те, которые не предполагают наличие сверхъестественного бытия) *необходимо исследовать как религию*. Иными словами, социология религии имеет дело только с интерсубъективной реальностью повседневной жизни и, стало быть, должна заниматься проблемами объективации, коммуникативной интеракции и передачи значений.

Однако это не означает, что Лукман отрицает трансцендентность религиозного опыта. Напротив, он подчеркивает наличие именно этой его особенности. Немецкий социолог близок к ряду тех исследователей (К. Брей, П. Тиллих, Д. Бонхоффер, Г. Кокс, М. Марти, З. Кортцфляйш), которые стоят на позициях имманентно-трансцендентной трактовки религии и полагают, что вместе с общепризнанными формами религии (церковно-культовая система, теология, религиозное чувство) существуют иные формы, выходящие за рамки общепринятых представлений («скрытая религия», «квазирелигия», «секуляризованное христианство», «секулярная религиозность» и др.).

У Лукмана постепенно складывается собственная концепция трансцендентности, являющаяся неотъемлемым компонентом социо-функционального понимания религии. Данная концепция базируется на идеях, высказанных в совместном с его учителем, Альфредом Щюцем, проекте «Структуры жизненного мира». В нём трансцендентность определяется как *то, что находится за пределами непосредственной очевидности опыта*. Это значит, здесь мы согласны с мнением по этому поводу немецкого социолога религии Х. Кноблауха, что «если первоначально трансцендентность определялась её антропологической функцией, то лишь позже понятие приобретает исключительно феноменологическую формулировку» [4, s. 13].

Лукман выделяет три уровня трансцендентности – малый, средний (промежуточный) и большой. Специфика трансцендентности на всех её уровнях

состоит в том, что она не может быть прямо воспринята, а *аппрезентируется* посредством неких опознавательных примет, знаков и символов. Малые трансцендентности «разрывают» потенциально достижимый пространственно-временной опыт, то есть относятся к тем объектам, трансцендентные стороны которых могут при соответствующих условиях быть восприняты непосредственно (например, при восприятии экстерьера здания его трансцендентный интерьер может быть воспринят при условии входа внутрь). Промежуточные трансцендентности составляют объекты, которые уже не могут восприниматься с непосредственной очевидностью, хотя они и являются частью мира повседневности. Таковыми выступают трансценденции других людей, других человеческих субъективностей. Большие («великие») трансцендентности недостижимы совсем, они не принадлежат к повседневной реальности и могут быть доступны только в «других состояниях».

В связи с тем, что данные трансцендентности таят в себе угрозу хаоса, вселяют страх утраты упорядоченного смыслового мира, их необходимо преодолеть, отыскав для этого подходящие способы. Так, способом преодоления малых трансцендентностей выступает выделение характерных признаков объекта, средние трансцендентности ликвидируются посредством использования знаков, а большие – посредством создания символов. В качестве средства устранения как средних, так и больших трансцендентностей чаще всего применяется язык, а для ликвидации только больших трансцендентностей используются ритуалы. Все три вида трансценденции наличествуют в том числе и в религии, однако наиболее явно выраженный религиозный характер имеют именно большие трансцендентности.

Интересна оценка Лукмановой трактовки религии и, в частности, вышеизложенной концепции Х. Кноблаухом. Он отмечает, что Лукмана, работающего в русле социологии знания, порой неправомерно обвиняют в «когнитивном сокращении» понятия религии. Кноблаух не соглашается с этим упреком, утверждая, что «знание включает в себя и фундаментальные состояния, физические навыки и отработанные привычки в поведении и, таким образом, формы религиозного опыта, физического состояния и “особые состояния” являются исключительно предметом так понятого религиозно-социологического исследования» [4, s. 14]. Однако в то же время этот социолог высказывает ряд замечаний относительно степени феноменологической разработанности концепции Лукмана. Например, он считает, что Лукман недостаточно опирается на некоторые теории А. Щюца, что его теорию можно было бы «расширить до квазисубстанциональной, феноменологической теории трансцендентности, которая, исходя из антропологической функции, сделала бы человеческую способность познания других реальностей на самых разных уровнях …предметом сравнительной, эмпирической религиозной антропологии» [4, s. 14].

Соглашаясь во многом с точкой зрения Х. Кноблауха, всё же заметим, что Лукман последовательно развивает базовые методологические позиции и идеи Щюцевой социальной феноменологии, выстраивая при этом собственную теорию. Важнейшая из таких позиций – «конститутивная феноменология естественной установки» (Щюц), связанная с выявлением «объективаций субъективного содержания и смыслов, различных процессов субъективности, создающих жизненный мир, повседневную реальность» [2, с. 145]. Кроме того, ученик Шюца поддерживает концепцию своего наставника о четырех зонах релевантности «подручного» знания. И наконец, Лукман широко и глубоко развивает важнейшую для социальной феноменологии тему интерсубъективности, интерпретируя её в контексте социального отношения, понимая как пространство возникновения повседневного знания.

Последняя из вышеупомянутых тем предстаёт в социально-религиозной конкретизации, что вызывает особый интерес. Основой её разработки выступает внимание Лукмана к процессам объективации религиозного опыта в образцы толкований и, по возможности, в знаки посредством интеракции; к процессам дальнейшей трансляции этих образцов с помощью коммуникации, в которой религиозное приобретает объективно-социальный статус и социализируется членами общества. Иными словами, неотъемлемой стороной подобной социально-религиозной экспликации интерсубъективности, развитой далее немецким социологом с опорой на теории не только А. Шюца, но Ч.Х. Кули и Д. Мида, предстает понимание религии именно как *коммуникативного образования и результата социальных действий.*

Интерсубъективно-религиозные процессы (на основе личных интеракций) способствуют появлению, вместо субъективного непосредственного опыта, абстракций, и «лишь тогда, когда опыт объективируется или “артикулируется” в интерсубъективные образцы толкования, группы, организации и эксперты по их усовершенствованию, разграничению и расширению могут превратиться в системы образцов толкования» [4, s. 15]. Это, в свою очередь, приводит к возникновению *мировоззрения («Weltansichte»),* которое, будучи оформленным в языке, охватывает не только различные сферы реальности, различного рода знания, но и легитимации как «представления о том, кто может быть движущим принципом действия и ответственным за это, или какую структуру имеет действительность» [4, s. 15].

Не менее существенным результатом действия социально-религиозных интерсубъективных про-

цессов выступает *индивидуализация* человека, выражающаяся в коммуникативной трансляции образцов толкования и их интернализации в ходе социализации. Важно при этом, что интернализированные взгляды на мир обнаруживают трансцендентно-имманентную специфику. Трансцендентность состоит в том, что они объективны, так как предшествуют конкретному индивидуальному существованию; имманентность же заключается именно в их интернализированности и, тем самым, способности выступать основой интерпретации субъективного опыта.

Интерактивное конструирование образцов толкования и их сигнификация способствуют формированию *личностной идентичности* как центра субъективной реальности, как возможности организовывать и обеспечивать стабильное долгосрочное управление своим поведением. Личностная идентичность создается посредством социальных процессов, заданных социальной структурой, и «поддерживается, видоизменяется или даже переформируется социальными отношениями» [1, с. 279]. Однако идентичности в состоянии сами воздействовать на социальную структуру, укрепляя, изменяя или полностью обновляя её. Иными словами, в интерсубъективном взаимодействии личностных идентичностей и общественной реальности всегда имеется диалектическая связь.

Социально-религиозная интерсубъективная индивидуализация также сопряжена с оппозицией «индивидуального биологического субстрата и социально произведенной идентичности» [1, с. 290–291], выражающейся в обоюдном «ущемлении прав» организма и общества. Причем подобная диалектика «ущемления» никогда не исчезает, присутствуя даже у вполне успешно социализированных индивидов. Поэтому человек, конструируя общественный мир, всегда испытывает влияние созданной им конструкции, постоянно изменяется под её воздействием. Создавая таким диалектическим образом реальность, человек диалектически создает сам себя.

Итак, рассмотренные выше специфика понимания религии, теория трансцендентностей, социально-религиозные аспекты интерсубъективности показывают, что религиозное начало, по Лукману, всегда проявляет себя в важнейших социальных процессах: «в обобществлении каждого в отдельности, в объективации субъективного опыта и в индивидуализации каждого» [4, s. 12]. Посредством социально-религиозного взаимодействия индивид вводится в определенное мировоззрение как «социоисторическое априори» (Лукман), как у*ниверсальная социальная форма религии.* И именно в подобном интерактивном социально-религиозном пространстве формируется личностная идентичность.

Несмотря на то что в данной работе представлены лишь некоторые концепции, входящее в содержательное поле Лукмановой социологии религии, они позволяют обозначить, по крайней мере, два перспективных для дальнейших исследований момента. Прежде всего, важно обратить внимание на *социально-антропологический* ракурс рассмотрения немецким ученым религии и открывающийся в этом ракурсе феномен *трансцендирования.* Трансцендирование предстает важнейшей, стержневой характеристикой человека, позволяет постичь это существо как *Homo transcendens*, с помощью своей уникальной и универсальной способности конструирующее социальную реальность во всем многообразии её повседневных и теоретических проявлений. Кроме того, большое значение имеет небезосновательное усмотрение религиозной специфики во всех формах социального трансцендирования: преодоление человеком границ мира собственного естества и укоренение в какой-либо иной, несравнимой по своей мощности реальности, действительно, есть процесс религиозный. Указанные два момента, составляющие сердцевину понимания религии немецким социологом, а также концепции, их эксплицирующие, имеют, по нашему мнению, большое значение для социальных и гуманитарных исследований и могут выступать серьёзной методологической базой изучения многих процессов как индивидуально-личностного развития, так и социо-культурной эволюции в целом.

Библиографический список

1. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

2. *Латышева Ж.В.* Анализ оснований повседневного знания в теории социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2011. – № 6 (44). – С. 144–150.

3. *Яблоков И.Н.* Социология религии в Германии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2011. – № 1. – С. 186–197.

4. *Knoblauch H.* Die Verfluchtigung der Religionins Religiose / Thomas Luckmann Unsichtbare Religion. – Frankfurt/Main, 1991. – S. 7–41.

5. *Luckmann T.* Social Reconstruction of Transcendence. Secularization and Religion: The Persisting Tension // Acts of the XIXth Interantional Conference for the Sociology of Religion, Tubingen 1987, 25–29 August. – Lausanne: CISR. – P. 23–31.

6. *Luckmann T.* The Invisible Religion: The Problem of Religion in Modern Society. – New York: Macmillan, 1967. – 128 p.

7. *Tschannen O.* A History of the Secularization Issue [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unifr.ch/.../Tschannen%20%20The%20Secularization%20Issu... (дата обращения – 8.04.2012).

УДК 167:530.1

Моисеев Борис Михайлович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ipmbm@kosnet.ru

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ФИЗИКИ

В статье показано, какой должна быть философия науки, чтобы указывать частным наукам направление развития, критерии истинности результатов и пределы научного фантазирования.

Ключевые слова: *философия науки, фундаментальная физика.*

В любой деятельности есть, как минимум, две стороны – та, которая производит ценности, материальные или духовные, и та, которая оценивает их пригодность, адекватность, ценность и другие качества. При изготовлении материальных изделий оценку производят специалисты отдела технического контроля предприятия. Художественные изделия оценивает экспертный или художественный совет. В литературе качество произведения оценивают профессиональные критики. В условиях рыночного производства не следует сбрасывать со счетов и оценку материального или художественного изделия потребителем (покупателем).

В настоящее время важнейшей составляющей жизнедеятельности человечества является наука. А кто оценивает адекватность и эффективность научной деятельности? Если в прикладной сфере все более или менее ясно – оценивается результат, то в фундаментальной науке ответить на этот вопрос непросто. В данной работе предпринята попытка проанализировать методологическую роль философии науки в современных фундаментальных исследованиях.

Один из вариантов ответа на вопрос о том, кто и как должен оценивать результаты и значимость фундаментальных исследований, достаточно очевиден и прост – оценку должна давать сама наука. Ученый, занимающийся фундаментальными исследованиями и движимый внутренними познавательными импульсами, сам формулирует себе цели и задачи. Результаты публикуются для экспертной оценки научным сообществом, и то, что прошло апробацию, эмпирическую или теоретическую, входит в банк достижений науки.

Другой вариант ответа на сформулированный выше вопрос – оценку должна давать метанаука, то есть особая наука, стоящая над фундаментальной наукой. Такой метанаукой может быть, например, философия науки. Но возможно ли это в принципе? И если возможно, то какой должна быть при этом сама философия науки?

Возможны и экзотические варианты ответа на сформулированный выше вопрос. Это может быть, например, мнение о том, что наука, как высшая форма человеческой деятельности, должна развиваться свободно, без внешнего или внутреннего влияния. Возможно и диаметрально противоположное мнение, например, такое, что фундаментальная наука, как и прикладная, должна управляться и планироваться извне. На наш взгляд, ни то, ни другое не может сделать фундаментальную науку адекватной и эффективной. Наука – это творчество. Для творчества нужны свобода – материальная и духовная. Ни абсолютная свобода, ни жесткие административные предписания не обеспечивают совокупности этих условий.

Рассмотрим на примере физики возможность оценки адекватности и эффективности фундаментальной науки силами самой науки. Если проанализировать совокупность публикаций по философии науки в XX столетии, то можно увидеть, что наиболее заметные и значимые принадлежат самим творцам физики – Н. Бору, В. Гейзенбергу, Л. де Бройлю, Э. Шредингеру, А. Эйнштейну, М. Планку и ряду других физиков. Однако, несмотря на богатую палитру мнений о путях развития физики, несмотря на соблюдение этических норм при проведении дискуссий, можно обратить внимание на некоторую дискуссионную анизотропию: в спорах и дискуссиях физики корректны по отношению друг к другу, но нетерпимы по отношению к философам. В качестве подтверждения – две цитаты.

С. Вайнберг проводит мысль о том, что философия науки в лучших своих образцах – это всего лишь приятный комментарий к истории научных открытий, и не следует ожидать, что философия науки может дать в руки современных ученых какое-то полезное руководство – как надо работать. Для физика, пишет С. Вайнберг, личная убежденность в объективной реальности научных понятий достигается в процессе научных исследований, а не в результате изучения философских трудов. «…Время от времени я пытался разобраться в текущей литературе по философии науки. Некоторые работы казались мне написанными на непреодолимо сложном жаргоне. Единственное, что оставалось думать, что цель этих работ – произвести впечатление на тех, кто путает неясность изложения с его глубиной» [1]. Мнение Вайнберга очевидно: рассуждение о науке доступно лишь людям науки.

Примерно так же считает В.Л. Гинзбург. Защищая космологическую модель Большого Взрыва Вселенной, он пишет: «…Материалистическая философия не накладывает и не может накладывать “табу” на выбор моделей Вселенной. Конкрет-

© Моисеев Б.М., 2012

но, вопросы о конечности или бесконечности объема Вселенной, законах ее эволюции во времени и им подобные не являются философскими и должны решаться в свете данных астрономических наблюдений и современной физики» [2].

Гинзбург не отрицал значимость методологической ясности, а также то, что один и тот же результат может следовать из разных теорий и что теории иногда пересматриваются. Но, обратим внимание, – речь опять идет о физиках, а не о философах.

Современные физики-теоретики любят декларировать абсолютно рациональный характер своей науки и полную формализуемость всех своих утверждений, то есть возможность однозначно и ясно их выражать. Однако любой хотя бы немного знакомый с научной практикой человек знает, что это миф. «…Рациональное и формализуемое знание составляет лишь видимую часть айсберга тех культурных ресурсов, которыми пользуется ученый», – справедливо отмечает С.Г. Кара-Мурза [3]. И в теории, и в экспериментальных процедурах огромную роль играют интуиция, верования, метафоры, искусство, – то есть все то, что составляет мировоззрение ученого. Многие считают это своей философской позицией, но тогда получается, что для них философия как наука не существует и философский анализ им неведом. Мировоззрение включает в себя, кроме всей совокупности результатов объективных исследований, элементы метафизического мышления, а также оценки и переживаемые субординации ценностей тех или иных явлений, событий, фактов. Априорность мировоззрения может стать и часто становится непреодолимым барьером для объективного научного анализа и возможной корректировки научной позиции под влиянием неопровержимых фактов.

Конкретная наука, например, физика, является в некотором смысле системой замкнутой. В любой конкретной науке – своя специфика исследований, своя аксиоматика, логика и набор критериев истинности результатов. Для объективной оценки суждений и выводов частной науки недостаточно внутрисистемных умозаключений – необходим взгляд со стороны, для чего требуется выход за пределы системы. Находясь внутри системы, можно познать лишь внутренние закономерности. Для того чтобы сделать выводы о поведении системы в целом, этого недостаточно. Разумеется, мы говорим сейчас об исследованиях объективных, научных, рациональных, а не о научной фантастике.

Любой узко специализирующийся ученый не может выйти за рамки понятийного и методологического ядра своей науки, не может связать общее с частным. Это не обвинение в некомпетентности, а следствие возросшей загруженности любой развитой науки и эмпирическим, и теоретическим содержанием, на освоение и поддержание которого уходит вся жизнь. Ученым-энциклопедистом можно было стать лишь на заре науки – сегодня это невозможно.

Если активно работающий в физике ученый будет заниматься философией, то вся его философия невольно сведется к апологетике полученных им же или его единомышленниками результатов. Таков мир, в котором мы живем, такова суть человека. Но в данном случае это будет не философское доказательство, а мировоззренческое обоснование. Такое обоснование, то есть умение объяснить без формул и технических подробностей суть своей работы, во-первых, представляется непосвященным как истина в последней инстанции. Во-вторых, первое, порой ошибочное утверждение принимается без строгих доказательств и получает статус научного, а любая последующая, уточняющая или опровергающая интерпретация должна первую победить. В-третьих, поскольку теоретико-мировоззренческая позиция ученого может быть опровергнута лишь находящимися вне системы, а любой специалист, находясь «вне», не может познать детали и потому в дискуссионном смысле уязвим, мировоззренческая позиция физика не может быть опровергнута на уровне философском.

Таким образом, физик не может подвергнуть объективной философской оценке свои творения, так как он в беспристрастном и объективном анализе не заинтересован. Философ тоже не может этого сделать, так как ему препятствуют – отсутствие базовой подготовки (это не всегда верно – некоторые философы имеют физико-математическое образование), идеология, поддерживающая в первую очередь ученых результативных, и социальные стереотипы. Как итог, значимость философских трудов снижается.

А может ли в принципе философ, даже имеющий соответствующее базовое образование по той науке, философией которой он занимается, – может ли он противопоставить субъективной апологетике системные и доказательные возражения? Мы говорим здесь о возражении потому, что в научном плане оно наиболее ценно. Методологическая ценность философии для науки не в том, чтобы пропагандировать науку и восхищаться ее результатами, а в том, чтобы помочь избежать системных ошибок, которые чаще всего проявляются в выборе критериев истинности и в выборе направления исследований.

Чтобы положительно ответить на сформулированный выше вопрос, достаточно привести один частный пример. Таким примером может быть работа В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» [4] – книга, изданная в 1909 году и написанная всего за девять месяцев человеком, не имеющим базового физико-математического образования. Третья и пятая главы посвящены концептуальным проблемам познания и методологии физической науки. Это было время бурного развития физи-

ки. Только что был открыт электрон. Атом, который даже в XIX столетии для многих ученых оставался абстрактным понятием, а молекулярно-кинетическую теорию разрабатывали энтузиасты-одиночки, осмеиваемые порой академической элитой, – стал реальностью. Многие физики запутались в мировоззренческих вопросах, появились теории-тупики и теории-ловушки, пышным цветом расцветали ветви позитивизма. И в это время Ленин дал четкий материалистический и диалектический анализ, в каком направлении следует идти. Его мнение о том, что материя в целом и электрон в частности так же неисчерпаемы, как и атом, актуально и сегодня.

Позднее философскую концепцию Ленина доработали. Как справедливо заметил В.С. Степин [5], Ленин, критикуя позитивистскую гносеологию, противопоставил ей теорию отражения, интерпретированную в духе созерцательного материализма, не выделяя деятельностно-практическую природу познания. Но ведь материализм – не догматическая концепция, сформулированная раз и навсегда. Материализм развивается, так же как развивается и совершенствуется его альтернатива – идеализм. Несмотря на тонкую структуру философских идей и течений, главное деление философии на две противоборствующие концепции – не устарело. И идеализм, и материализм продолжают жить и подвергаться мутациям, и требуется беспристрастный философский анализ науки, чтобы избежать научных тупиков и безрезультатных финансовых вложений. В связи с удорожанием современных фундаментальных исследований роль и значимость философского анализа многократно возросла, но современная философия плохо справляется с авангардной ролью.

Какой же должна быть современная философия науки? Прежде всего – она должна быть **материалистической**. Физик-практик в процессе исследования, конечно же, может позволить себе грубый, прямолинейный реализм. Такое восприятие соответствует тому, что называют «здравым смыслом». Здравый смысл отработан эволюционно, он возник и развивался при непосредственном взаимодействии человека (и предков человека) с физическим окружением. Но теоретическое осмысление совокупной эмпирики обязано быть методологически взвешенным. В XX столетии люди стали исследовать микромир и мегамир – физические реальности, не воспринимаемые непосредственно органами чувств из-за масштабной несовместимости, и появился простор для математических и философских спекуляций. Материалистическая концепция может дать ориентир для исследователя, растерявшегося от обилия фактов. Как познание в целом движется от описания эмпирических закономерностей к постижению законов, так и философия движется от позитивистских метаний, продиктованных желанием высказать свежие идеи, к материалистической ясности и детерминированности.

Во-вторых, и это не менее важно, современная философия науки должна быть **гибкой** и **диалектически совершенствующейся**. Позитивизм изобретает все новые и новые аргументы в оправдание своей значимости. Один из основных физических журналов в нашей стране – «Успехи физических наук» – опубликовал статью «В защиту квантового идеализма» [6]. Такая позиция поддержана, как минимум, рецензентами статьи и редколлегией журнала, иначе такая публикация не могла бы состояться. Только развивающаяся, а не догматическая материалистическая концепция может противостоять абстрактным и красивым умозрительным комбинациям, каждый раз возвращая научную мысль пусть в грубую, но объективную реальность.

В-третьих, современная философия науки должна быть свободна от давления политической идеологии, но обязана **освоить боевой дух идеологии научной**. Кабинетная созерцательность обречена на поражение. Только то, что сопротивляется, имеет жизненные признаки. Никаких компромиссов научного анализа с праздной рефлексией не должно быть. Современные научные проблемы формулируются на языке материалистических утверждений, но суть проводимых исследований может быть и оторванной от материи. Абстрактная фундаментальная физика пропитана позитивизмом в изощренных, нетрадиционных формах, маскирующихся порой под материалистические. Анализ и выявление этой маскировки – настоящая научная проблема, продиктованная самой жизнью. При этом апологетика, компромиссы и конформизм не могут стать движущей силой, требуются принципиальность и готовность к научной борьбе на грани академической корректности.

В-четвертых, философия науки действует на стыке наук, поэтому она должна быть вдвойне **компетентной**. Философ, работающий в конкретном направлении, например, в философии физики, должен быть грамотен в физике. Если же физик пишет о философии науки, то ему следует предварительно разобраться в проблемах, решаемых философами. Разумеется, никто не обязывает его соглашаться с предлагаемыми решениями. Науке полезны даже эффекты взаимного непонимания, возникающие на стыке наук. При взаимном прояснении того, что не понято, при осмыслении научной аргументации той или другой стороны может возникнуть новое понимание, новое знание. Именно на стыках своих разделов наука развивается наиболее плодотворно.

И, наконец, пятое условие успешного развития философии науки – **свобода дискуссий**. В этом отношении философия оставила физику далеко позади. В философии дискуссии – обычное явление, а в фундаментальной науке до сих пор есть

запреты, причем не только запреты свободно обсуждать, но даже запреты формулировать некоторые проблемы. Примером является концепция физического релятивизма, а более узко – теория относительности. Запрет на критику этой теории – печальная реальность современного этапа развития науки. Аргументация запретов проста: проблемы, поднимаемые критиками, давно решены, и публикаций на эту тему уже нет, потому что они не актуальны. При этом не принимается во внимание то обстоятельство, что публикаций нет не из-за отсутствия возражений, а из-за запрета такие материалы публиковать.

В понимание феномена научных запретов большой вклад внес Т. Кун. Парадигма, по Куну, – это не только научный, но одновременно и социально-психологический феномен [7]. Факт принятия конкретной научной парадигмы научным сообществом рационально необъясним, его нельзя однозначно обосновать логическими или методологическими соображениями. Стать членом научного сообщества можно лишь тогда, когда ты принял (на уровне веры) и освоил его парадигму. Чувство единства в научных сообществах продиктовано общностью ценностей. Именно таковым сегодня является сообщество космологов, а единство их взглядов, вероисповедальных по своей природе, даже получило свое название – «космический конкорданс» [8].

Таким образом, наука должна быть объективна и безличностна в своих выводах. На практике же ученые чаще всего отстаивают не истину, а свои личные или групповые интересы. По этой причине над наукой должна быть метанаука, и такой метанаукой может быть философия, которая могла бы указать физику пределы его полномочий. Могла бы, но сегодня не может. Приходится констатировать, что философских трудов масштаба «Материализм и эмпириокритицизм» сегодня нет, а эту работу Ленина почти 70 лет физики нашей страны цитировали, но рецептам ее чаще всего не следовали.

Философия науки может и обязана быть не только обоснователем и систематизатором, но и путеводителем для частных наук. Но для этого она должна быть материалистической, не догматической, компетентной. Кроме того, философия науки должна перейти от состояния академической «политкорректности» к состоянию научной борьбы. Это возможно только в условиях свободы дискуссий.

Библиографический список

1. *Вайнберг С.* Мечты об окончательной теории. Физика в поисках самых фундаментальных законов природы. – М.: Изд-во ЛКИ/URSS, 2008. – С. 131–149.

2. *Гинзбург В.Л.* О теории относительности. – М.: Наука, 1979. – 240 с.

3. *Кара-Мурза С.Г.* Идеология и мать ее наука. – М.: Алгоритм, 2002. – 256 с.

4. *Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм. Критич. заметки об одной реакционной философии. – М.: Политиздат, 1969. – 302 с.

5. *Степин В.С.* Философия науки. Общие проблемы. – М.: Гардарики, 2008. – 384 с.

6. *Попов М.А.* В защиту квантового идеализма // Успехи физических наук. – 2003. – № 12. – С. 1382–1384.

7. *Кун Т.* Структура научных революций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 605 с.

8. *Чернин А.Д.* Космический вакуум // Успехи физических наук. – 2001. – № 11. – С. 1153–1175.

УДК 800.8

Якимова Ольга Сергеевна
Красноярский государственный аграрный университет
yakimova83@mail.ru

МЕСТО РОССИИ В КЛАССИФИКАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТИПОВ ОБЩЕСТВА

В статье исследуются особенности социокультурных типов общества и место России в этой классификации. Актуальность написания статьи обусловлена размышлением о двух наиболее значительных в истории человечества ценностных парадигмах – восточной и западной.

Ключевые слова: *менталитет, социокультурные типы общества, восточный тип социализации, западный тип социализации.*

Менталитет как объект исследования разнообразен по своей структуре и содержанию. Его основные компоненты не только заложены в человеке на генном уровне, но и формируются в течение всей жизни под влиянием воспитания, общества, государственной идеологии, истории, культуры и других факторов. Менталитет – это глубинный уровень индивидуального и коллективного сознания, включающий бессознательное. Он содержит в себе совокупность установок индивида или социальной группы действовать, мыслить и воспринимать мир определённым образом [2, с. 218].

Менталитет имеет своё основание в социокультурных традициях и ценностных образцах исторического прошлого народа. Его характерная черта – инертность. Он изменяется медленнее, чем социально-политические и экономические условия или господствующие формы общественного сознания. По своей природе он оказывает хотя и малоосозна-

© Якимова О.С., 2012

ваемое, но достаточно сильное влияние на социальное бытие, в том числе и официальную идеологию. Историческая обусловленность менталитета означает, что менталитет не может быть насильно навязан народу извне или изнутри, а формируется естественным путём, порождается исторически возникшей совокупностью природно-географических, этнических, геополитических и других особенностей.

Менталитет у русского человека особый, и, принимая то или иное решение в плане развития страны, нельзя этого не учитывать. Иногда западные инновации, сформированные по принципам существования не коллективистского, а индивидуалистического типа общества, перенесенные на русскую землю, приводят к неожиданным последствиям.

Обратимся к истории и вспомним период отмены крепостного права в России. Русские реформаторы, ориентировавшиеся на Европу, где крепостной зависимости не было, рассчитывали, что ответной реакцией уставшего и измученного русского народа будет только благодарность. Но оказалось, что крестьянин совсем не привык к самостоятельности и личной свободе. В результате разбогатели лишь единицы, а остальные не смогли найти своё место в жизни, и даже были случаи, когда люди просили своего бывшего хозяина взять их обратно [2, с. 220].

Вспомним нововведение второй половины XIX века – суд присяжных, пришедший к нам из Англии, где он успешно существовал. Как писал Ф.М. Достоевский, число оправдательных приговоров значительно выросло, и российский суд никак нельзя было назвать объективным. Так, англичанин, принимавший участие в суде присяжных, ощущал себя гражданином своей страны и осознавал всю ответственность перед обществом за принятое решение. Он считал, что свободный человек ответствен за свои поступки и за совершенное преступление обязательно должен понести наказание. Русские же присяжные выносили решение не с точки зрения гражданина, а опираясь на свои личные представления о добре и зле. Они, например, могли оправдать виновного, потому что «его среда заела». В России человек не был вполне свободен, а значит, не мог нести полной ответственности за свои поступки [4, с. 320].

Объяснение причин поведения людей и социальных групп влиянием менталитета и ментальностью стало в последнее время весьма распространенным среди ученых, политиков и публицистов. Эти понятия используются как новомодные термины с весьма неопределенным содержанием, хотя и ориентирующим на некие особенности личностного и группового сознания и поведения людей. Философское и культурологическое понимание менталитета применительно к цивилизациям, нациям, классам и социальным слоям фактически делает его тождественным массовому и групповому сознанию.

На сегодняшний день является актуальным сравнивать западные и восточные стили мышления. Типичное отличие западных и восточных теорий – это атомизм и холизм. Для западного человека, претендующего на свою субъектность, атомизм дает уверенность во власти над миром. Восточному человеку странно исходить в понимании природы из отдельных маленьких элементов. Он всегда ощущает присутствие невидимого целого, к чему он причастен. Строение социальных систем и деятельности очень разные в восточных и западных странах, а образ мира формируется благодаря деятельности в определенных социальных рамках, мышление развивается как способ решения противоречий, возникающих в системе образа мира.

В закрытых культурах более поощряются строгие нормы и правила поведения, открытые культуры способствуют формированию раскрепощенного поведения. В индивидуалистических культурах в оценке поведения этносубъекты полагаются на норму справедливости, а коллективистские культуры признают в большей степени норму равенства. В российской, коллективистской культуре существует разграничение понятий «закон» и «мораль», а в западных, индивидуалистических культурах эти понятия слиты воедино. В индивидуалистических культурах принята норма добровольности в выборе взаимности, а в коллективистских – норма обязательной взаимности в отношениях.

В любом обществе существуют правила, формально нигде не закрепленные. Это нормы морали, обычаи, традиции. Они связаны с господствующим в обществе представлением о добре и зле, складываются в результате их многократного повторения, исполняются в силу привычки, ставшей естественной жизненной потребностью человека. Правила такого рода составляют основу ментальности населения, в свою очередь тесно связанной со стилем его повседневной жизни. Поведенческие стереотипы личности в значительной степени формируются под влиянием быта.

Выделим стандартные формы социального поведения, которые заимствованы из прошлого и называются традициями и обычаями, и так же, как устойчивые особенности поведения индивида, называются чертами его личности. Типовое поведение, характерное для представителей конкретной общности, позволяет описать черты национального или общественного характера, складывающиеся в национальный или социальный тип, который в упрощенном и схематизированном виде предстает как классовый или этнический стереотип.

Относясь к когнитивной сфере личности, менталитет наиболее отчетливо проявляется в типичном поведении представителей данной культуры, выражаясь, прежде всего, в стереотипах поведения,

к которым тесно примыкают стереотипы принятия решений, означающие на деле выбор одной из поведенческих альтернатив. Ментальность нации определяет те особенности ее цивилизации, которые являются ключевыми в сравнении ее с другими нациями.

Различные социокультурные типы общества имеют специфические ценности, которые выражают способ существования каждой личности. Например, каждая из двух наиболее значительных в истории человечества ценностных парадигм – восточная и западная – отражает ценности, связанные со спецификой образа жизни соответствующего общества.

Так, для восточной традиции характерно утверждение единства общества и человека, господство справедливости, искренности, человечности, уважения к родителям и старшим. Особое место в процессе социализации личности принадлежит здесь семье, а само общество рассматривается как большая семья. Главная установка при воспитании и социализации индивида делается не на изменение мира, а на изменение себя, на самосовершенствование. В восточном обществе на первом месте находятся коллективная ответственность, скромность, уважение к старшим, патриотизм, материнство, авторитаризм.

Для западной традиции характерным является противопоставление личности и общества и приоритет индивидуальных ценностей над общественными. В соответствии с этим социализация личности здесь связывается, прежде всего, с изменением социальной среды. На современном этапе в западной культуре на первом плане выступают такие ценности, как индивидуальность, эффективность, первенство, деньги, агрессивность, равенство женщин с мужчинами в обществе [3, с. 95].

Учитывая вышеизложенные традиции, можно предположить, что социализация личности русского общества должна быть связана с усвоением как тех, так и других ценностей. Дело здесь не только в евразийском характере нашей страны, но и принципе коллективизма (общности, соборности), который укоренён в традиционных ценностях нашей жизни и в народном менталитете. Многие мыслители полагают, что для более успешной социализации русского человека нам необходимо усвоить и некоторые принципы индивидуализма, но только не в смысле эгоизма, а в значении утверждения индивидуальности, активности и самостоятельности личности. Только в случае диалектического единства ценностей коллективизма и индивидуализма можно говорить о наиболее благоприятных условиях развития личности [6, с. 154].

Чему отдать предпочтение: личности или социальной среде, – сложный вопрос. Автор поддерживает точку зрения о том, что следует изменять и себя, и социальную среду, мир. Ведь личность, постоянно подстраивающаяся под социальную среду, приспосабливающаяся к ней, обречена на конформистское поведение. Абсолютизация же ценностей индивидуализма ведёт к отчуждению личности от общества. В каждом типе культуры существуют свои достоинства и недостатки. Задачу российского общества автор статьи видит в том, чтобы на основе русской культуры, русских традиций и русского менталитета аккумулировать то лучшее, что имеется в западном и в восточном типах культуры.

Библиографический список

1. *Андреев А.Л.* Россия и Европа: культурно-психологическая дистанция глазами социолога // Общественные науки и современность. – 2003. – № 3. – С. 96–106.

2. *Бороноев А.О.* Национальный характер и особенности развития России: механизм сопряжения // Регионология. – 2001. – №2. – С. 206–226.

3. *Веселова В.В.* Менталитет американского общества и гуманистическая парадигма образования и воспитания // Педагогика. – 1999. – № 8. – С. 91–99.

4. *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения: пер. с англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 548 с.: ил.

5. *Гершунский Б.С.* Россия и США на пороге третьего тысячелетия: опыт экспертного исследования российского и американского менталитета. – М.: Флинта, 1999. – 602 с.

6. *Кознова И.Е.* Проблемы российского самосознания // Вопросы философии. – 2007. – № 6. – С. 151–158.

7. *Мосалев Б.Г.* Социокультурные границы менталитета // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2004. – № 1. – С. 44–56.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 947

Белова Наталья Андреевна
кандидат исторических наук
ИЭА РАН
Belovanatalia2009@yandex.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК СОВЕТСКОГО УЧИТЕЛЬСТВА (НА МАТЕРИАЛАХ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ[1])

Эта статья – о социальном и психологическом портрете советских учителей. Автор изучает их социальное происхождение, образование, проживание.

Ключевые слова: *учителя, социально-психологический портрет, образование, проживание, СССР.*

В понятие «облик» автор вкладывает обобщенную характеристику социума и, прежде всего, те факторы, которые в наибольшей степени отражались на восприятии учителей советской провинции: социальное происхождение, образование, размещение (село – город), внешний вид, наконец, отношение других социальных групп к учителю советской эпохи.

Большой отрезок времени – семьдесят три года Советской власти, колоссальные в этот период социально-экономические эксперименты: индустриализация, коллективизации, культурные преобразования и связанные с ними процессы урбанизации, Великая Отечественная война – оказали мощное воздействие на изучаемый социальный слой. Проведенное исследование показывает, что облик учителя при схожести определенных черт все же не был однозначным и менялся в связи со сменой эпох, приоритетов и политики советского времени.

Особое внимание в начале революционной эпохи советское правительство уделяло социальному происхождению учителей. Это было вызвано тем, что учителя были призваны участвовать в воспитании нового поколения коммунистического общества. Большевикам нужно было, чтобы это происходило в соответствии с их революционными идеалами. Вполне естественно, что воспитание нового человека ставило задачей формирование особого типа учителя, а это неизбежно вело к изменениям ряда количественных и качественных показателей: социального происхождения, уровня образования, характерных человеческих качеств, определяемых их восприятием населением СССР [4, л. 2]. Как показывают статистические обследования первого десятилетия советской власти, основными источниками пополнения учительства в целом по России становятся: крестьянство – 49%, служащие – 15,2%, рабочие – 8,7%, прочие сословия (духовенство, дворянство, мещане и др.) – 27,1 % [3, с. IX]. Вместе с тем, при всей схожести состава учителей, в ряде регионов России проявляется своя специфика этого процесса. Так, в Костромской губернии в общем составе учителей представители служащих (бывшие земские служащие, потомственные учителя и др.) составляли 46,1%, выходцы из духовенства – 22,8%, крестьянства – 15,2%, мещанства – 11,2%, рабочих – 3,6%, дворян – 1,1% [6, л. 12]. Следовательно, в ряде регионов России основными источниками пополнения учительства были представители далеко не дружественных власти социальных слоев – служащих и духовенства. Тем более что доля учителей пролетарского происхождения, к чему особенно стремились большевики, в губернии составляла всего 3,6%. Между тем в целом по региону Верхнего Поволжья[2] удельный вес выходцев из рабочих в учительской среде школ I ступени составлял 6,5%, доля служащих – 23%, а крестьянства – 45,6% [13, с. 79].

В конце 1920-х – 1930-х годах большевики в условиях так называемой социальной реконструкции прилагают усилия по изменению социального состава учителей – с целью повышения удельного веса «рабоче-крестьянской группы в педвузах до 65%, а в педтехникумах – до 80%» [17, с. 419].

В Костромском округе, первоначально входившей в Ивановскую промышленную область, а с 1936 года – в Ярославскую область, к концу 1930-х гг. наблюдается своя специфика: учителя, выходцы из рабочих, составляли всего 6,4%, в то время как из крестьян – уже 75,5%, служащих – 12,8%, духовенства – 3,2%, батраков – 2,1%, прочих – 6,4% [5, л. 1–94]. Таким образом, перемены десятилетия реконструкции, где важную роль в этих процессах правящий режим отводил учителям, а также преимущественно аграрный состав населения, – все это сказалось и на составе учителей Костромского округа в 1930-е гг. Значительно увеличилась доля педагогов крестьянского происхождения, почти в 2 раза – из рабочих, в то же время в 7 раз падает доля происходивших из духовенства и в 3,6 раза – из служащих. Указывать происхождение из классово-враждебного сословия дворян было невозможно, по всей видимости, их скрывали в графе «прочие».

Процессы урбанизации, активно развивавшиеся в 1950-е – 1960-е гг., непосредственно затронули Костромскую область, изменили структуру населения. Если в 1939 году доля работавших в народном образовании в сельских районах была

© Белова Н.А., 2012

77,7%, то к 1970 году в городах и поселках городского типа проживало уже 70,1% всех работников народного образования [1, с. 120; 20, с. 23]. Это соотношение сохранилось до конца советского периода, а учителя в городах в 1990 году составили 70% всех педагогов Костромской области [21, с. 34].

Рост городов и промышленности также повлиял на состав учительской интеллигенции Костромского региона. Конечно, идеологический императив обследований оставлял только «дружественные» классы общества, поэтому статистика информирует, что из рабочих происходило 31,5% учителей, из служащих – 68,2%, а из колхозников – 0,3% [22, с. 126]. Следовательно, несмотря на все усилия советской власти, основным источником пополнения учительской интеллигенции к концу существования СССР становятся служащие – в основном выходцы из семей учителей, врачей, работников культуры, партийного и советского аппарата. Это показывает достаточную устойчивость к идеологическому воздействию учительской группы и независимый статус учителей к 1990-м годам, а также сформировавшиеся традиции пополнения этого профессионального сообщества.

Следующим (и не менее важным) аспектом анализа данной социальной группы в условиях меняющейся советской повседневности является уровень образования – как одна из важнейших составляющих социального облика советской учительской интеллигенции. В 1919–1920 гг. Советская Россия имела всего лишь 108 тыс. учителей, из них с высшим образованием – 3,5 тысячи (3%), со средним педагогическим – 13 тыс. (12%), общим средним – 45 тыс. (42%), незаконченным средним – 11 тыс. (10%), средним духовным – 2 тыс. (2%), с низшим и домашним – 18 тыс. (17%) [16, с. 325]. Из этих данных видно, что уровень образования среди учителей был не очень высоким, что, конечно, влияло и на качество преподавания. Ситуация меняется уже к концу 1920-х гг. По данным Всесоюзной школьной переписи 1927 года большинство учителей имели среднее профессиональное образование – 82,1%, хотя ещё достаточно высок процент учителей, имеющих образование ниже среднего, – 15,1%. Что касается высшего образования среди учителей, то за 1920-е гг. уровень его даже несколько снизился – 2,8% вместо 3% в первые годы советской власти [2, с. IX–X]. По-видимому, это связано с миграционными процессами, с тяжелым экономическим положением школы, а также с медленным становлением системы советского высшего образования.

Уровень образования напрямую зависел от места жительства учителя и типа школы, в которой он преподавал. Согласно проанализированным автором источникам видно, что в квалификации сельские учителя заметно уступали городским. Среди учителей сельской местности в 1927 г. с высшим образованием в начальной школе работало 0,7%, а в средней – 23,5%. В городах среди учителей начальной школы высшее образование было у 6,5%, а в средних и неполных средних школах этот процент вырастал до 43,3%. Кроме этого, основная масса учителей имела среднее образование как в 1927 г., так и в 1933 г. Однако уровень образования сельских учителей не только не растет в эти годы советской власти, но и уменьшается. Этот факт явился следствием «чистки учительской интеллигенции» [18, с.134], которая началась в 1929 году и закончилась 1933 году. В результате чистки количество часто незаконно уволенных учителей в некоторых районах достигало 45%, – это и стало причиной снижения образовательного уровня учителей.

Проведенные преобразования в высшей школе, открытие институтов в провинции в 1930-е годы изменили ситуацию с квалифицированной подготовкой учителей. К 1940 году в стране 36% (344 тыс.) советских учителей имели высшее образование, а 63,5% (600 тыс.) – среднее специальное. Вместе с тем в Ярославской области, в состав которой входил и Костромской округ, численная доля учителей с высшим образованием оставалась невысокой – 11,4%, неоконченное высшее было у 10%, а среднее (как общее, так и специальное) – у 63% учителей [14, с. 295–297].

Тем не менее, по сравнению с предшествующими десятилетиями, уровень образования учителей постепенно растёт. Количество педагогов с высшим образованием выросло, кроме того, увеличилась доля учителей, получивших неоконченное высшее образование. Вместе с тем основная масса педагогов получила среднее образование – 63% от общей численности преподавателей [31, с. 46]. Все это говорит о постепенном, хотя и медленном росте среди советских учителей доли квалифицированных специалистов.

Значительный рост квалификации происходит в послевоенные 1946–1959 гг. Количество педагогов с высшим и средним специальным образованием к 1960 году составляло 73% [23, с. 158, 185], что не могло не повлиять положительно на формирование облика провинциальной учительской интеллигенции. Тенденция роста доли учителей с высшим и средним образованием продолжилась и в последующие десятилетия советской власти. Среди учителей становится все больше представителей с высшим образованием и всё меньше учителей, не имеющих среднего образования.

В последующие десять лет наблюдается тенденция улучшения качества образования учителей. Так, в советский период неуклонно повышался образовательный уровень педагогов, в том числе и провинциальных. Отражение социальных изменений имело определённый выход во внешнем виде учителей.

Составной частью восприятия учителя был его внешний вид. Для воссоздания внешнего облика

учителя в разные периоды советской власти автором статьи, помимо периодической печати и источников личного происхождения, были использованы анкетно-биографические обследования, проведенные в 2009–2011 годах в 17 районах Костромской области. Опросы проходили по определенной схеме-опроснику, составленной автором. Воспоминания о внешности учителей дают возможность воссоздать совокупный облик советского учительства и проследить его изменения, так как внешний вид, манеры, характер позволяют выявить специфику и более детально охарактеризовать ту или иную социальную группу советского общества. Советский педагог и писатель А.С. Макаренко говорил: «Я должен быть эстетически выразителен, поэтому я ни разу не вышел с не почищенными сапогами или без пояса. Я никогда не позволял себе иметь печальную физиономию, грустное лицо. Даже если у меня были неприятности. Я не допускал к уроку учителя, неряшливо одетого, поэтому у нас вошло в обыкновение ходить на работу в лучшем костюме. И я сам выходил на работу в лучшем своем костюме, который у меня был. Так что все наши педагоги ходили франтами» [12, с. 364, 366].

Высказывание А.С. Макаренко – это идеальный образ для учителей. Однако на практике не все учителя, особенно в 1920-е гг., имели возможность одеваться, как «франты», потому что скромный учительский доход не позволял иметь даже один хороший костюм. В это же время городские учителя одеты лучше. Воспоминания отражают шелковые платья, туфельки или сапожки, иногда даже встречаются ажурные чулки [19, с. 43].

По воспоминаниям жителей области, а также самих педагогов о своих учителях представляют следующие образы: 1920 годы. «Учительница сельской школы одета так же, как и ребята: в домотканую юбку, лапти, волосы заплетены в косу. Другая учительница одета в городское платье, сверху тулуп» [19, с. 42–43].

«Первая учительница моя – Нина Ивановна. Она жила в деревне Никольское, вела все предметы для всех учеников школы и была очень молоденькой. В сельсовете дали ей комнату для житья, но у нее, кроме своих носильных вещей, ничего не было. У нее была толстая коса, которую она укладывала короной на голове, и от этого становилась более взрослой и серьезной» [24, л. 1].

В начале 1930-х годов. «Одежда у моей учительницы была темного цвета одежда, юбка и кофта. Волосы убраны в пучок» [15, л. 1]. Это были предвоенные годы: «…Среднего роста женщина, с короткой стрижкой, но волосы всегда были аккуратно уложены. Одевалась скромно: темную юбку с легкой кофтой, наверх накидывала теплый вязаный жакет» [26, л. 1].

1944 год. Образ моей первой учительницы: «…Волосы зачесаны в узелок. Одевалась всегда скромно, темного цвета сарафан или юбка с жилеткой, обязательно белая блузка» [8, л. 1].

Анализируя воспоминания, можно отметить, что все образы учителей в 1920-е – 1940-е гг. схожи. Скромный доход учителей позволял приобретать только необходимую одежду. В гардеробе у педагогов был, как правило, только один комплект одежды. Вместе с тем определенный дресс-код присутствовал. Все респонденты, описывая своих учителей, отмечали преимущественно темный цвет и скромность в одежде. В сельской местности педагоги одевались хуже, это было связано с постоянным задержками заработной платы, отсутствием магазинов и необходимых товаров. Иногда педагоги носили домотканую одежду, лапти или валенки. Эти элементы одежды сохранились до 1940-х гг. Тем не менее, несмотря на все трудности, учителя старались одеваться аккуратно, хотя и скромно.

Ситуация немного изменилась после Великой Отечественной войны. Вместе с тем во внешнем виде учителей сохранились и черты предшествующего времени. Описывая себя в начале своей карьеры в 1946 году респондент указывает: «…Могу отметить, что был я молодым мужчиной лет 25–28, с достаточно большой лысиной. В увеличивающих глаза круглых очках, из-за большой близорукости. Форма одежды – военный китель без погон, в виде френча; брюки-галифе, заправленные в сапоги (сапоги военные летом и осенью) и бурки (бело-серые валяные с ремешками, типа валенок) зимой. Осенью и зимой была шинель, осенью – военная фуражка, а зимой – каракулевая шапка (считалась шиком). В более поздний период появилась возможность приобретать костюмы. Предпочтительнее был костюм из серого материала – шевиотовый, с однотонной рубашкой (чаще белой, или голубой), обязательно с галстуком» [24, л. 1].

«Моей учительницей была Мария Андреевна – женщина белолицая, низкорослая, почти не отличающаяся от девочек 4-ого класса. Одевалась Мария Андреевна очень просто, как деревенские девчонки» [29, л. 1].

«Моя первая учительница – Галина Александровна Хробостова – одевалась всегда опрятно. До сих пор помню её платье из шифона серебристого цвета в мелкий цветочек. Она тогда была молодая, стройная, светловолосая, с короткой стрижкой. Движения плавные, уверенные» [10, л. 1].

Конец 1950-х гг. «В глухой деревушке на границе Галичского и бывшего Игодовского районов находилась моя первая школа: однокомплектная. В ней работала довольно молодая учительница 1920 г. рождения, уроженка Ивановской области, Заволжского района. Для нас, детей, она была “святым” человеком. В деревнях в то время не было света, радио. Ее семья жила при школе. Муж и трое детей. Одевалась скромно, но аккуратно, косы заделаны в пучок на затылке» [11, л. 1].

Существенный сдвиг в одежде, внешнем виде учителей происходит в 1960-е – 1980-е гг., что стало следствием определённого повышения их социального статуса, улучшения жилищных условий, повышения зарплаты, отсутствие инфляции, а также продолжавшиеся процессы урбанизации.

1960-е гг. «Альбина Анатольевна Пронина укладывала волосы в прическу. Они были светло-русые, слегка подкрашенные. Одежда скромная, неяркая юбка с жилеткой или сарафан с белой блузкой. Манеры ее были благородными, сама интеллигентная и никогда не повышала голос» [9, л. 1].

«Длинные волосы, забранные в пучок, брюнетка, кареглазая, ношу разнообразную одежду: юбки, брюки, костюмы, обувь по сезонам» [27, л. 1].

1970-е гг. «Завадская Нина Дмитриевна – моя первая учительница, наш выпуск у нее был первый, поэтому она была молодая, стройная, красивая. У неё была короткая стрижка, светлые волосы, она всегда была подтянута, одета всегда строго, со вкусом» [25, л. 1].

«Это была настолько эффектная женщина: яркая, эмоциональная, с красивой прической, всегда при макияже, с улыбкой на лице, очень красиво одетая» [28, л. 1].

«Ее причёска – это короткая стрижка, укладку делает сама. Одежды имеет много, любит красиво и модно одеться, обувь сейчас предпочитает на низком каблуке из-за того, что так ногам комфортнее, хотя очень нравится каблучок, но не может себе это позволить. Раньше, когда была молодая, то носила обувь на каблуке» [29, л. 1].

1980-е гг. «У меня был деловой вид одежды. Обувь: в школе, как правило, я пыталась ходить на каблуках. Приходилось носить юбки и классические костюмы. Сейчас же я больше увлекаюсь дизайнерскими вещами, люблю яркий цвет и различные аксессуары» [7, л. 1].

«Зарплата позволяла иметь пять пар туфель: 2 черных, белые, красные и синие. Одежду я всегда шила сама: и себе, и мужу, и детям. В магазинах выбрать было нечего, помогала “Бурда”. Поэтому одевалась стильно, современно. Абсолютно уверена, что внешний вид учителя играет очень большую роль в его работе. Никогда не приду в школу без укладки и макияжа. Моде следую, первая в школе надела юбку выше колена, но все в пределах разумного, поэтому замечаний по поводу внешнего вида не получала» [28, л. 1].

Таким образом, подводя итог, хотелось бы отметить, что социальный облик советских учителей с 1917 года к 1991 году претерпел существенные изменения. Это отразилось на внешнем виде учителей. Если в 1920-е гг. – это часто бедно одетые люди, имеющие только один комплект вещей и обуви, то начиная с послевоенного времени педагоги, в первую очередь учительницы, стремились выделяться из общей рабоче-крестьянской массы, а к 1960-м – 1970-м годам учителя стремятся одеваться по новым модным тенденциям. Можно сказать, что практически раньше все обходились одним костюмом в течение нескольких лет, причем не испытывая при этом дискомфорта. Произошли изменения и в образовательном уровне педагогов: если большинство учителей в 1920-е гг. имели лишь среднее образование, кроме того, высоким оставался процент с низшим и начальным образованием, то к 1991 году практически все учителя имели высшее и среднее специальное педагогическое образование. Наконец, изменилось и социальное происхождение учителей. Борьба за создание бесклассового общества, постоянные чистки учителей с конца 1920-х гг. существенно повлияли на социальный состав учителей. К середине 1930-х гг. большинство учителей пополняется выходцами из крестьян, а к концу 1980-х гг. – это представители служащих, меньше из семей рабочих и ещё реже из колхозников-крестьян.

Примечания

[1] Методология статьи разработана в рамках исследования по гранту президента Российской Федерации «Ведущая научная школа» № НШ-7091.2012.6 (руководитель – В.А. Тишков).

[2] Верхнее Поволжье – регион, находящийся в верхнем течении Волги (от её истоков до устья Оки), в состав которого входят Тверская, Ярославская, Костромская, Ивановская, Нижегородская (Горьковская) области и др.

Библиографический список

1. Всесоюзная перепись населения 1939 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php.

2. Всесоюзная школьная перепись. 15 декабря 1927 года. – М., 1930. – Т. 1. – Ч. III. –С. IX–X.

3. Всесоюзная школьная перепись. 1930 г. – М., 1931.

4. Государственный архив Костромской области. Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 39. Л. 2.

5. Государственный архив новейшей истории Костромской области. Ф. Р-403. Оп. 2. Д. 2. Лл. 1–94.

6. Государственный архив новейшей истории Костромской области. Ф. 31. Оп. 1. Д. 504. Л. 12.

7. Жохова Т.В., 1960 года рождения // Архив автора. Запись 3 сентября 2009 г. Кострома, 2009. Л. 7.

8. Захарова Л.Т., 1937 года рождения // Архив автора. Запись 25 апреля 2011 г. Кострома, 2011. Л. 1.

9. Кожина Т.В., 1957 года рождения // Архив автора. Запись 12 июня 2011 г. Кострома, 2011. Л. 1.

10. Кузнецова Т.М., 1952 года рождения // Архив автора. Запись 12 июня 7 марта 2009 г. Кострома, 2009. Л. 1.

11. Лобанова Н.А., 1953 года рождения // Архив автора. Запись 30 января 2010 г. Поселок Островское. Островский район. Костромская область, 2010 г. Л. 1.

12. *Макаренко А.С.* О коммунистическом воспитании. Избранные педагогические произведения. – М., 1952. – С. 364, 366.

13. *Малкова Ю.Л.* Социальный и материальный статус городского учительства Советской России в 1920-е годы: по материалам Владимирской, Иваново-Вознесенской, Костромской и Ярославской губернии: Дис. … канд. истор. наук. – Иваново, 2004.

14. *Малхасян Н.В.* Кадровая политика советского правительства в области народного образования в годы Великой Отечественной войны // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – № 3. – С. 295–297.

15. Морозова К.И., 1921 года рождения // Архив автора. Запись 7 января 2011 г. Кострома, 2011. Л. 1.

16. Народное образование в СССР. – М., 1985. – С. 325.

17. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов 1917–1973 гг. – М., 1974. – С. 419.

18. Народное просвещение. – 1930. – № 8–9. – С. 134.

19. Народное просвещение. – 1929. – № 3. – С. 42–43.

20. Народное хозяйство в Костромской области. Статистический сборник. – Кострома, 1990.

21. Народное хозяйство в Костромской области. Статистический сборник. – Кострома, 1991. – С. 34.

22. Народное хозяйство в Костромской области. Статистический сборник. – Кострома, 1992.

23. Народное хозяйство Костромской области. – Иваново, 1969. – С. 158, 185.

24. Низов А.Н., 1922 года рождения // Архив автора. Запись 5 февраля 2010 г. Поселок Ескино Солигаличского района Костромской области, 2010. Л. 1.

25. Пантелеева И.В., 1957 года рождения // Архив автора. Запись 16 апреля 2010 г. Поселок Сусанино Сусанинского района Костромской области, 2010. Л. 1.

26. Платонова В.И., 1933 года рождения // Архив автора. Запись 7 июля 2011 г. Кострома, 2011. Л. 1.

27. Рубцова Л.М., 1942 года рождения // Архив автора. Запись 18 апреля 2010 г. Кострома, 2010. Л. 1.

28. Смирнова М.К., 1966 года рождения // Архив автора. Запись 8 мая 2010 г. Кострома, 2010. Л. 1.

29. Смирнова Т.В., 1955 года рождения // Архив автора. Запись 12 июня 2010 г. Поселок Антропово Костромской области, 2010. Л. 1.

30. Шистеров А.Н., 1940 года рождения // Архив автора. Запись 19 июня 2010 г. Поселок Красное-на-Волге Костромской области, 2010. Л. 4.

31. Ярославская область за 50 лет: очерки, документы, материалы. – Ярославль, 1986. – С. 46.

УДК 801

Бубнихин Алексей Андреевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
rinaldo89@mail.ru

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТОВ

Данная работа посвящена методам изучения термина когнитивной лингвистики под названием «концепт». Концепт – понятие лингвистики, позволяющее изучать различные научные явления с новой точки зрения. Методы исследования концепта позволяют нам проводить подробный анализ данного явления.

Ключевые слова: *концепт, методы исследования, лексика, дискурс, анализ.*

«Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей”– сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее [3].

Существует целый ряд подходов к анализу концептов, а также разные способы их описания, основанные на использовании различного исследовательского материала. Выявим наиболее значимые для нашего исследования.

1. *Выявление семного состава ключевого слова*.

Анализируются толкования базовой лексической репрезентации концепта в толковых словарях. Нередко исследователи обращаются также к диахронному анализу: привлекают этимологические данные, сведения о развитии и становлении значения ключевой лексемы.

2. *Анализ лексических парадигм различного объема и типа, вербализующих тот или иной концепт:*

а) синонимического ряда ключевого слова. Такой анализ позволяет акцентировать дифференциальные признаки концепта, выявляющиеся в сопоставлении ключевой лексической репрезентации с близкими по значению словами;

б) лексико-семантического, лексико-фразеологического, ассоциативно-семантического поля ключевого слова. Этот метод предполагает подбор не только синонимов, но и антонимов, гиперонима и согипонимов ключевого слова, выявление ядра и периферии поля;

в) деривационного поля ключевого слова. Анализ деривационных возможностей ключевой лексемы, реализующей концепт, и семантики выявленных дериватов также позволяет обнаружить ряд дополнительных когнитивных признаков исследуемого концепта.

 © Бубнихин А.А., 2012

3. *Анализ материала паремий и афоризмов*.

Авторы, опирающиеся на эту методику при исследовании концептосферы языка, обычно пишут о национально-культурном своеобразии соответствующих концептов, о специфике их содержания в концептосфере носителя той или иной культуры. При этом, однако, не всегда учитывается, «насколько установки, выражаемые теми или иными паремиями, разделяются современным сознанием носителей языка» [2].

Например, описание концептуального содержания того или иного понятия на материале пословиц и поговорок, зафиксированных в словаре В.И. Даля, не дает полной уверенности в том, что созданная таким путем модель концепта будет совпадать с концептом, существующим в сознании носителей современного русского литературного языка. Если ставить своей целью описание содержания концепта в его современном состоянии, то необходим, прежде всего, анализ современного текстового функционирования языковых репрезентаций концепта и/или данных психолингвистических экспериментов, которые могут дать представление об актуальности тех или иных признаков концепта в сознании современных носителей языка (или какой-то их части).

4. *Анализ лексической сочетаемости слов-репрезентантов концепта*, проводимый обычно на материале художественных и публицистических текстов, позволяет, в частности, выявить такие признаки в составе концепта, которые приобрели символический смысл.

5. *Метод свободного ассоциативного эксперимента* заключается в том, что испытуемым предлагаются слова-стимулы, на которые они должны отвечать любой словесной формой, приходящей им в голову. Этот метод позволяет выявить наибольшее количество различных признаков концепта; частотность реакций свидетельствует об их актуальности/неактуальности в сознании испытуемых. Другой вид психолингвистического эксперимента – рецептивный эксперимент, а его цель – исследование знания, понимания значения языковой единицы носителями языка. При этом могут использоваться различные методики (например, испытуемым предлагают дать свое определение значения слова; назвать слова, близкие по значению, и слова, противоположные по значению; описать зрительный образ, который вызывает слово; подобрать слово, наиболее подходящее к предложенной дефиниции, и др.) [1].

6. Ценность *дискурсного подхода* к исследованию концептов определяется самой природой дискурса, его лингвосоциальным, динамическим характером. Дискурс оказывается одновременно и «средой обитания», и «средством реализации концептов», и тем, что влияет на их изменение и развитие.

7. Дополнительные возможности для описания содержания концептов предоставляют *экспериментальные методики*. Словари разных типов, безусловно, отражают многие стороны содержания концепта, тем не менее, часто важная для понимания содержания концепта информация эмоционального и оценочного плана остается за пределами словарной статьи. Результаты психолингвистических экспериментов позволяют дополнить представление о содержании концепта, сложившееся при изучении материалов лексикографических источников, текстового материала, а также конкретизировать это представление относительно определенной группы носителей языка. При достаточно большом количестве испытуемых результаты эксперимента могут рассматриваться как отражение тех элементов концепта, которые являются «национально значимыми».

8. Лингвокультурологи И.А. Стернин и Ю.С. Степанов и некоторые другие исследователи используют *полевой метод* описания структуры концепта, выделяя три компонента концепта: ядро, ближнюю и дальнюю периферию (Стернин) или внутреннюю форму, актуальный и пассивный (исторический) компоненты [3]. Выбор материала и методики для описания содержания концепта не могут быть произвольными. Конкретный языковой материал будет отражать конкретные аспекты содержания концепта (его синхронный или диахронный пласт или же стороны концепта, актуальные для той или иной социальной группы носителей языка).

П. Филкова, опираясь на труды Д.С. Лихачева и других авторов, отмечающих, что концепты характеризуются еще этнокультурной маркированностью, культурно-исторической значимостью, информативностью, своим познавательным, прецедентным характером, предлагает в процессе анализа художественного текста выделять тематические ряды или группы концептов [4].

Во многих работах, посвященных анализу концептов, используется одновременно несколько из вышеперечисленных методов, что связано, видимо, с представлением о природе концепта как «кванта знания», различные признаки которого могут эксплицироваться в языке и речи. Применение комплексной методики исследования концептов является, очевидно, наиболее целесообразным, поскольку многоаспектное описание языковых репрезентаций концепта и их текстового функционирования позволяет наиболее полно представить содержание и структуру изучаемого концепта [1].

Библиографический список

1. Культурология: энциклопедия: В 2 т. / под ред. С.Я. Левит. – М., 1998.

2. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж, 1999.

3. *Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской

культуры. 3-е изд. – М.: Академический проект, 2004.

4. *Филкова П.* Концептосфера русского языка и анализ текста // Русистика 2003: язык, коммуникация, культура. – Шумен: Университетское изд-во «Епископ Константин Переславски», 2003.

УДК 712

Михайленко А. В.

Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица

alinamv@yandex.ru

ЛАНДШАФТНАЯ АРХИТЕКТУРА В ОРГАНИЗАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ ПОТОКОВ ГОРОДА

В данной статье рассматривается проблема формирования удобных и комфортных для человека транзитных транспортных и пешеходных пространств, которые являются неотъемлемой частью современного города.

Описываются удачные примеры дизайна такой среды в разных странах, приводятся ссылки на литературные источники. На основе подробного анализа примеров различных уличных пространств автор делает выводы о роли ландшафтной архитектуры в решении рассматриваемой проблемы.

Ключевые слова: *ландшафтная архитектура, современная городская среда, зонирование пространства, транзитное пространство, пешеходная улица, бульвар, набережная.*

Узкие и запутанные улицы средневековых городов создавались для пешеходного движения. Встретиться лицом к лицу здесь было неизбежно. В противоположность этому, в XVIII веке улицы стали широкими, чтобы по ним на больших скоростях могли двигаться экипажи. Такие пространства стали отдалять людей друг от друга, однако тогда же начали создавать специальные места для пешеходов – тротуары. Сегодня каждый «элемент» движения (пешеходы, автомобили, трамваи и т.д.) перемещаются с разными скоростями и каждый по своей выделенной территории. С одной стороны, это делает движение в городе более эффективным, но с другой – приводит к «смерти» уличного пространства» [5, с. 57].

Сегодня улица уже не рассматривается как совокупность путей для различных видов движения; это единое городское общественное пространство, включающее в себя различные виды транспорта и пешеходов. Причем пешеходы могут попадать сюда по разным причинам. «Улицы, пешеходные и туристические маршруты составляют большую часть городских общественных пространств. Но им зачастую уделяется мало внимания в отличие от парков и скверов. Однако, например, для тех людей, чей обеденный перерыв заключается в том, чтобы дойти до ближайшего кафе и обратно, этот маршрут должен предложить нечто большее» [3, с. 50].

Таким образом, транзитные пространства играют в жизни города важную роль. Это не отдельные объекты, как, например, парки, куда посетители приходят целенаправленно. Это «проходная» территория, куда люди попадают по разным причинам: например, транзитом проходят по этой улице, набережной и т.д. или гуляют по городу, заходят в магазины, останавливаются отдохнуть. Если пространство привлекательное, это способствует более размеренному движению, если же наоборот, то может возникнуть желание поскорее уйти. Сегодня безопасные для пешеходов улицы (особенно без автомобильного движения), уютные и озелененные, с возможностью по-разному проводить время, становятся всё более популярными.

Кроме того, помимо отдельных зеленых территорий современной городской среде необходимы соединяющие их в единую «зеленую сеть» транзитные пространства. Это пешеходные улицы, бульвары, набережные и т.д.

Возможности ландшафтной архитектуры при создании транзитных пространств те же, что и в жилых и деловых районах:

– зонирование;

– формирование привлекательности пространства;

– создание образа места.

Особенностью транзитных пространств является наличие на одной территории большого количества разных групп потребителей (автомобилисты, велосипедисты, городской транспорт, спешащие и медленно прогуливающиеся пешеходы). Здесь важно сочетать возможность комфортного быстрого транзита и медленного, размеренного перемещения людей. На такую «линию променада», помимо необходимых полос для автомобилей, вело- и пешеходных дорожек, может быть «нанизано» множество безопасных (ввиду близкого расположения транспортных потоков) развлечений, магазинов, мест пассивного и активного отдыха.

Например, в Портленде (США) проведена реконструкция центральной улицы города (Portland Mall), проект которой (Portland Mall Revitalization) получил премию Американского общества ландшафтных архитекторов (ASLA) в 2012 году. Сегодня эта улица связывает шесть районов города и многие важные городские объекты. Проект ее реконструкции – самый крупный подобный проект в стране. Зонирование улицы отличается вниманием к деталям: например, здесь даже предусмотре-

© Михайленко А.В., 2012

ны отдельные места для разгрузки товаров в магазины. Разные виды деятельности сосуществуют в одном пространстве улицы, пешеходные и транспортные потоки разделены: предусмотрено движение пешеходов, велосипедистов, автомобилей, нового скоростного трамвая и городских автобусов. В пространство улицы «вплетены» места для отдыха людей: здесь можно удобно посидеть, спокойно постоять (подождать кого-то), быстро или медленно пройтись, пообедать/поужинать, пообщаться, никому при этом не мешая. Пространство улицы разграничивается природными элементами и малыми формами. Таким образом, решается несколько задач одновременно: зонирование пространства, озеленение и размещение малых форм (скамеек, урн, вазонов и т.д.). «Постоянное обращение к элементам природы как своего рода структурным экранам позволяет разграничить территорию, следуя логике ее оптимизации с увеличением экологической устойчивости» [1, с. 200].

Несмотря на всё разнообразие таких микропространств центральной улицы Портланда, все они стилистически объединены: освещением, использованными природными и искусственными материалами и т.д. При этом многие существующие элементы (часть кирпичного мощения, гранитных ограждений) были сохранены и отремонтированы. Четыреста из шестисот существующих деревьев были также сохранены, а еще 115 новых посажено для создания «живого навеса» над центральной аллеей. Новые материалы, использованные в проекте, отвечают самым высоким требованиям: энергосберегающие фонари и вторично использованные металл, стекло и древесина. В результате главная улица Портланда привлекает всё больше людей и крупный и мелкий бизнес, обеспечивает удобство пребывания и передвижения для всех участников процесса.

При использовании природных элементов для зонирования пространства необходимо учитывать вопрос уборки снега зимой, ведь уборочная техника и использование химических составов повреждает растительность. В этом случае необходимо предусмотреть высокие ограждения для деревьев, служащие одновременно защитой тротуара от брызг с проезжей части.

Улица Рамбла (Rambla de Prim) в Барселоне – еще один хороший пример эффектного зонирования с помощью природных элементов. Уличное пространство максимально обитаемо. Здесь расположены и небольшие детские площадки, и стоянки на несколько автомашин, и площадки для велосипедистов, и для пассивного отдыха рядом с фонтанами. На протяжении бульвара предусмотрена беговая дистанция, велодорожки, скамейки. А проезжие части, расположенные по обеим сторонам центрального бульвара, отделены тремя ярусами озеленения (используются разной высоты кустарники и деревья).

Если есть возможность, то пешеходные пространства создаются таким образом, чтобы они не пересекались с транспортными потоками. Так, Олимпийский скульптурный парк в Сиэтле (Olympic Sculpture Park) (США) представляет собой Z-образную аллею, проходящую над автомобильными и железнодорожными путями, плавно спускающуюся к морю и соединяющую, таким образом, жилые районы города с набережной. Этот парк можно рассматривать и в качестве транзита, позволяющего миновать транспортную зону, и как украшенную современными скульптурами (абстрактными средовыми объектами) аллею для прогулок, с которой открываются прекрасные виды на залив Пьюджет-Саунд. Создание подобных бестранспортных зеленых пространств обеспечивает вело- и пешеходную доступность среды, а также позволяет органично вплести природные элементы в город.

Ландшафтная архитектура также играет важную роль при создании выделенных транспортных путей. Например, в Бордо (Франция) создана сеть выделенных трамвайных линий общей длиной 43 км. Покрытые газоном и окруженные деревьями трамвайные пути зрительно стилистически объединены металлическими вставками вдоль путей, обеспечивающих плавность хода трамвая [2, с. 166]. Этот проект сочетает в себе идею развития общественного транспорта и внедрения зеленой составляющей в городскую среду.

Пешеходное пространство может создаваться с использованием небольшого количества природных и искусственных элементов. Так, в Олимпийском парке Сиэтла это лишь газон, абстрактные малые формы и ограждения. А крупные центральные улицы городов (например, Portland Mall) предполагают наличие кафе, магазинов, мест отдыха. «Средства ландшафтного обустройства мест отдыха и обслуживания пешеходов относятся к тем компонентам среды, которые создают привлекательную атмосферу для человека, предлагая ему попутное обслуживание и предоставляя возможность для общения в изолированных от транзита участках уличного пространства» [1, с. 213].

Придание пространству привлекательности – важная задача ландшафтной архитектуры. Так, незапоминающаяся дорожка местного (микрорайонного) значения может превратиться в приятное место для прогулок. Примером может служить набережная реки в жилом районе Hammarby в Стокгольме (Швеция). Она представляет собой неширокую (около 2 м) дорожку с деревянным настилом, окруженную тростником и деревьями плакучих форм. Это место для неторопливых прогулок, пробежек или пешеходного транзита. Природные и искусственные материалы гармонично подобраны: например, светлое дерево прекрасно сочетается с серебристыми кронами ив. А густые заросли

тростника и гнездящиеся на берегу водоплавающие птицы создают эффект полной естественности этого фрагмента природы.

Пешеходные набережные – важная часть города. «Обращение к ландшафтному дизайну составляет жизненно важный для человека подход к преобразованию береговых территорий, обеспечивая превращение их в полноценное городское пространство» [1, с. 237]. На набережной Юнгфернштиг (Jungfernstieg) в Гамбурге (Германия) за счет пологих степеней, спускающихся к водоему и одновременно являющихся скамьями, обеспечивается доступ к воде. От проезжей части пешеходное пространство отделено несколькими рядами деревьев.

А в Лондоне на небольшом участке пешеходной набережной Темзы насыпали песок. Чтобы он не разносился по всей округе, участок отделили дощатым настилом. Это не является пляжем, здесь можно отдохнуть, посидеть и посмотреть на реку, походить по песку. Очень простое, но привлекательное решение пространства.

Привлекательность пространства может достичь такой выразительности, что становится еще и запоминающейся, таким образом, создается образ места. Примером может служить проект «Мосты Гленербик» (Brigdes Glanerbeek) в Эншеде (Голландия). Он уникален тем, что в одном пространстве удалось решить сразу две задачи: сохранить экологический заповедник и провести через него пешеходно-транспортный маршрут. Простым, но очень выразительным решением стало разделение моста на три потока: автобусный, пешеходный и велосипедный, различные по высоте и углам наклона. Через прорези, образующиеся при «разрезании» моста на три части, под мост проникает дневной свет, обеспечивающий жизнь местной флоре, а также формирующий необычную, запоминающуюся эстетику пространства. Опоры мостов выполнены в виде габионов, заполненных натуральным камнем, что позволяет органично вписать искусственные объекты в природную среду заповедника. В таком пространстве не только комфортно находиться – его сложно перепутать с каким-либо другим.

Ландшафтные объекты также помогают сформировать образ пространства, которое воспринимается как пешеходами, так и из окон быстро проходящего транспорта. Так, на площади перед вокзалом в Майнце (Германия) проходят пешеходные и транспортные пути. Они располагаются на разных уровнях и пересекаются лишь в одном месте. Появляющаяся за счет разных уровней пластика поверхности земли решена линейными посадками лаванды, фиолетовые полосы которой создают яркий, выразительный акцент. Тем самым подчеркивается значимость данного городского объекта (вокзала).

Таким образом, роль ландшафтной архитектуры при формировании транзитных транспортных и пешеходных пространств города сводится к следующему:

1. Разграничение пешеходных и различных транспортных потоков (вело-, авто-, городской общественный транспорт) за счет использования растительности и малых форм.

2. Разнообразие пространства, создание мест для различного времяпрепровождения (быстрый и удобный транзит, отдых, посещение кафе, магазинов и т.д.).

3. Формирование привлекательного пространства.

4. Создание образа места за счет использования характерных природных и искусственных материалов и форм и их сочетаний.

Библиографический список

1. *Нефёдов В.А.* Городской ландшафтный дизайн: учеб. пособие. – СПб.: Любавич, 2012. – 320 с.: ил.

2. *Уффелен Крис Ван.* Коллекция. Ландшафтная архитектура: пер. с англ. – М.: ООО «Магма», 2010. – 456 с.: ил.

3. *Gaventa S.* New Public Places. – L.: Octopus Publishing Group Ltd., 2006. – 208 с.: ил.

4. The landscape urbanism reader / Charles Waldheim, editor. – N.-Y.: Princeton Architectural Press, 2006. – 296 с.: ил.

5. *Wall E., Waterman T.* Urban Design / Basics. Landscape Architecture 01. – L.: Thames&Hudson, 2010. – 184 с.: ил.

УДК 008

Тихонова Валентина Львовна
Астраханский государственный университет
opera-15@mail.ru

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЛЮДЕЙ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Ж. ЛЕ ГОФФА И А. ГУРЕВИЧА

В статье рассматриваются два подхода к проблеме пространства в культуре средневековой Европы. В результате автор приходит к выводу, что А. Гуревич и Ж. Ле Гофф анализируют ментальные установки средневековых людей, которые содержат архаические пласты, сохраняющиеся после принятия христианства и переносящие на него свои представления.

Ключевые слова: *человек средневековья, средневековая культура, ментальность, ментальная среда, ландшафт, природа, архетипы.*

Проблема изучения человека в гуманитарных науках остается наиболее актуальной. Человек является творцом культуры, но в то же время он ее продукт, и именно через его миропонимание можно как определить культурную особенность эпохи, так и понять его самого, потому что каждая культура создана определенным отношением человека к миру и самому себе. Представители французской школы «Анналов» предложили исследовать глубинные структуры сознания людей средневековья, отражающие особенность культуры, к которой они принадлежат. Для понимания далекой эпохи необходимо обратиться, прежде всего, к ментальной среде, породившей все памятники средневековой культуры, включая и высшие достижения этого периода.

Поведение людей обуславливается их мышлением, которое, вмещая определенные образцы, ценности, нормы, признанные обществом сами собой разумеющимися, остаются неосознанными. Поэтому исследователи, занимая трансцендентную позицию по отношению к изучаемому процессу, придают бессознательным представлениям форму осознанных категорий, через которые возможны описания ментальности, являющейся одной из основных понятий школы «Анналов».

В данной статье мы рассматриваем проблему восприятия пространства, являющуюся составной частью более общей проблемы ментальности, социально-психологических установок, способов восприятия мира людьми средних веков.

Немаловажную роль в формировании ментальности людей средневековья, по мнению Ж. Ле Гоффа, играл ландшафт, потому что социальные, экономические и культурные ячейки цивилизации располагались среди лесных, невозделанных пространств. Лес воспринимался людьми Средневековья в двух ракурсах. В положительном ракурсе – как убежище, источник доходов, место охоты, приключений. Другой взгляд был связан с представлением о лесе как месте, откуда можно ожидать разного рода опасностей и угроз. Это место пребывания диких и даже фантастических животных, разбойников и грабителей. Поэтому лес являл собой границу между поселениями – был «ничьей землей» [2, с. 125]. Но, несмотря на реальные и выдуманные угрозы, исходившие из лесных пространств, Ж. Ле Гофф подчеркивает «чрезвычайную мобильность средневековых людей» [2, с. 126], что во многом было связано с представлениями христианской религии, где человек рассматривался как «вечный странник на земле» [2, с. 127]. Кроме того, согласно Ж. Ле Гоффу, собственность, как материальная или психологическая реальность, «была почти неизвестна в средние века» [2, с. 126], поэтому люди не привязывались к постоянным метам, особенно те, кто почти ничего не имел. Даже путешествуя, багаж сводился к минимуму, самым большим считался небольшой ларец. А вот с тех пор, как пилигримы начнут возить с собой громоздкий багаж, «ослабнет вкус к путешествию и средневековое общество станет миром домоседов» [2, с. 127]. Вот почему до XVI века странствия считались нормой жизни, а после указанного периода странники уже воспринимались обществом в качестве «окаянных людей» [2, с. 127]. Подтверждение такому утверждению Ж. Ле Гофф находит в иконографии, где часто встречаются изображения паломников или отшельников, вооруженных посохом. В популярной средневековой литературе («Светильнике») Ж. Ле Гофф также находит примеры невероятной мобильности, связанной с паломничеством, предпринимаемым с целью покаяния, которым наказывался «любой тяжкий грех» [2, с. 128]. Но продвижение из одной местности в другую грозило множеством опасностей и осуществлялось очень медленно. Наиболее быстрым являлся морской путь, где, однако, опасности были еще большими. Ж. Ле Гофф считал, что в средние века люди не могли видеть физическую реальность такой, как она есть, по причине того, что они смотрели на мир через призму символизма, восприятия леса, дороги и моря, которые воздействовали на чувства людей не столько своими реальными качествами, сколько символическими выражениями. Лес ассоциировался с сумерками, море – «с земным миром и его искушениями, дорога – с поисками и паломничеством» [2, с. 130].

Византийские богатства вызывали у европейских католиков зависть и ненависть, хотя их «все

© Тихонова В.Л., 2012

же мучили угрызения совести» [2, с. 136] по отношению к бесчинствам, совершаемым в Византии. Мусульмане же в глазах христианской Европы считались «недочеловеками» [2, с. 136], что не мешало христианскому миру поддерживать с мусульманами мирные контакты, среди которых Ж. Ле Гофф выделяет прежде всего торговые и интеллектуальные обмены.

Третий мир – языческий – не считался в глазах христиан враждебным, по причине возможности обращения язычников в христианство либо словом (миссионерская деятельность), либо силой (крестовые походы). Нехристиан не считали в полной мере людьми, поэтому правами человека мог пользоваться только христианин. Недочеловек мог быть обращен в рабство.

Но, несмотря на то, что христиане хотели «выйти из своих границ» [2, с. 142], заменяя идею крестовых походов на идею миссии, христианский мир оставался замкнутым, так как критерием его ценностей и поведения была принадлежность к христианству.

И все-таки, несмотря на замкнутость, христианское общество «впитывало все ценное, что шло извне» [2, с. 143]. Это и техника (мельница), и предметы роскоши, и искусство (стрельчатые арки, восточные узоры и т.д.), и наука (через арабов христиане обращались к греческим источникам). А, по мнению Ж. Ле Гоффа, пространственные представления средневековых людей не только распространялись на земной мир, но также уходили широко ввысь. При этом рассматриваются взгляды грамотных слоев населения, которые считали, что вселенная представляет собой систему концентрических сфер (единого мнения о числе сфер не существовало).

Так же как и Ж. Ле Гофф, А. Гуревич связывает особенность ментальности людей с ландшафтом Западной и Центральной Европы, покрытым большей частью лесами, окружавшими небольшие населенные пункты. Кроме того, немаловажную роль в восприятии пространства играло неудовлетворительное состояние средств сообщения (дорог, мостов), опасности, трудности и длительность путешествия. Поэтому, по убеждению А. Гуревича, в общественном сознании доминировало мировоззрение, «присущее земледельцу» [1, с. 35], ощущающему себя частью природы, но не привязанность к своему наделу, несмотря на связанность крестьянина с землей. Поэтому в Европе существовала «высокая подвижность населения» [1, с. 35], связанная с поиском более удобных для поселения мест.

Культурная обработка земель зависела, как и в древности, от отношения к природе, характеризующегося «неспособностью четко отделить себя от природного окружения» [1, с. 35]. Для подтверждения подобного утверждения А. Гуревич приводит в пример древнескандинавскую поэзию, где человеческое тело уподобляется частям природы. Качества человека «как индивида, как члена коллектива, с одной стороны, и качества земли, которой он владеет в составе этого коллектива, – с другой, не размежевались, переплетались в общественных представлениях той эпохи» [1, с. 38]. Качества людей переносились как на землю, так и на различного рода предметы. И в этом случае можно наблюдать сознание принадлежности к коллективу (семье, роду), но не отношение к земле как частной собственности. По выражению А. Гуревича, «в усадьбе земледельца заключалась модель вселенной» [1, с. 36]. Данное наблюдение подтверждается результатами анализа скандинавских мифов, которые сохранили общие для всех германских народов черты верований и представлений.

В сознании людей усадьба или крестьянский двор представлялись в качестве центра – замкнутого универсума. Это явилось причиной того, что «топография занимала огромное место в сознании людей» [1, с. 37], находящее свое отражение в имени человека, состоящего из двух частей (собственного имени и названия усадьбы). На основании этого А. Гуревич делает вывод о том, что топография скандинавов насыщена религиозным и эмоциональным смыслом, а географическое пространство «представляет собой религиозно-мифологическое пространство» [1, с. 38]. Отсюда он заключает, что в топографии и географии отсутствует пространственная точность.

Такие представления наглядно проявляются и в эпоху Средних веков, несмотря на доминирующую в это время христианскую религию. А. Гуревич объясняет это связью с природой, которая играла в жизни людей более важную роль (удовлетворение основных потребностей), чем отношения между людьми, так как крестьянин в период раннего средневековья общался с ограниченным числом людей и социальные связи были относительно стабильны и просты.

А. Гуревич отмечает факт измерения пространственных участков при помощи тела. Он объясняет это состоянием сознания, когда человек еще не противопоставлял себя природе и измерял мир «через свой собственный масштаб» [1, с. 42]. Такой способ измерения земли был не точным, но он был «единственно возможным и мыслимым для людей средних веков» [1, с. 42].

Человек еще не воспринимал мир в качестве субъекта, он видел в нем качества, которыми обладал сам, не выделяя четких границ между собой и вселенной. Подобное представление являлось причиной отсутствия оппозиции «природа – культура». Для наиболее ясного понимания особенностей восприятия пространства средневековыми людьми А. Гуревич рассматривает категории микрокосма и макрокосма как «малой» и «большой» вселенной, где микрокосм, как человеческий организм, подобен макрокосму, а не представляет со-

бой часть от целого. Это является причиной наличия большого количества «сумм», этимологий, энциклопедий, в которых находила отражение идея мира как единого целого.

По мнению А.Гуревича, недифференцированными были отношения человека не только к природе, но и к миру земному и сверхчувственному, которые объединялись в «единый географический план» [1, с. 51]. Данное представление объясняет соединения земного и небесного в центре мира, считающегося раем на земле.

Географические сведения обладали удивительной неточностью, так как имели своим источником как собственный скудный опыт, так и фантастические рассказы паломников и купцов.

А. Гуревич отмечает, что с принятием христианства изменяется представление о структуре пространства, которое иерархизируется (согласно учению Псевдо-Дионисия Ареопогита), что приводит к отношениям, стремящимся вверх по вертикали.

Идею о едином устройстве вселенной А. Гуревич усматривает в структуре христианского собора, «каждая деталь которого должна дать полное представление об устройстве мира» [1, с. 54]. Причину восприятия мира при помощи символов можно объяснить неспособностью неграмотной части населения мыслить абстракциями. Символы архитектурных образов представлялись единственно возможным способом осознания мирового устройства, и эти образы воплощали религиозно-политическую мысль.

Исследуя восприятия пространства средневековыми людьми, Ж. Ле Гофф отмечает воздействие на сознание людей посредством символических выражений таких основополагающих факторов, как лес, дорога и море. Деление мира происходит согласно тому, какую религиозную систему исповедует народ, живущий на той или иной территории. Также Ж. Ле Гофф показывает факт восприятия средневековыми людьми пространства как по горизонтали, так и по вертикали, что связано с христианскими представлениями.

А. Гуревич, обращаясь к скандинавским источникам, более глубоко анализирует ментальные установки средневековых людей, которые содержат архаические пласты, сохраняющиеся и после принятия христианства и перенесенные на новые представления. Именно этим объясняются причины того или иного взгляда на мир. Мифологические представления, согласно которым человек является неотъемлемой частью природы, объясняют отношение к природе, земле и даже к телу, которое использовали в качестве пространственной меры. Архаические взгляды на мир, смешенные с христианской религией, отражались и в топографии, и в географии, представления о которых насыщены эмоциональным и религиозным содержанием, а также символическим выражением.

Библиографический список

1. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – 376 с.

2. *Гофф Жак Ле.* Цивилизация Средневекового Запада. – М.: Прогресс-академия, 1992. – 285 с.

ИСТОРИЯ

УДК 94(470.47).066

Очиров Альберт Вячеславович
кандидат исторических наук
Астраханский государственный университет
ochirov.av@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ КАЛМЫКОВ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

В данной статье рассмотрен процесс введения структур управления калмыцким народом в единое российское правовое пространство. На основе изученных материалов и архивных данных автор исследует главные направления деятельности государственной власти России по отношению к оставшимся калмыкам после ухода их основной массы в пределы Китая в 1771 году.

Ключевые слова: *реформы, суд Зарго, калмыцкое управление, казенные уезды.*

После откочевки значительной части калмыков в Китай в 1771 году, политическая карта юга России претерпела принципиальные изменения. С упразднением калмыцкого ханства была ликвидирована государственность калмыцкого народа. Территория, на которой проживали калмыки, стала составной частью Астраханской губернии, а в административном отношении подчинена астраханскому губернатору. Улусы, как самостоятельные владения во главе со своими нойонами, были приравнены к уездам. Ликвидация поста наместника поставила калмыцкую знать в прямое подчинение астраханскому губернатору. С этого времени начался интенсивный процесс введения структур управления калмыцким народом в единое российское правовое пространство.

Преобразования в системе управления в калмыцких улусах в последней трети XVIII в. были направлены на усиление контроля центральной власти над калмыцкой знатью. Новым политическим центром стала канцелярия астраханского губернатора, в связи с тем что должность наместника и центральная калмыцкая власть были упразднены. Надзор, оперативное решение русско-калмыцких отношений и управление калмыцкими нойонами осуществлял астраханский губернатор, а управление народом было доверено нойонам – владельцам улусов. Астраханский губернатор как высшее должностное лицо возглавил основные структуры управления – Зарго и «Губернскую канцелярию по экспедиции калмыцких дел».

Функции власти мало изменились: по-прежнему сохранялся контроль за деятельностью улусовладельцев, собиралась информация о политическом и экономическом положении в улусах, велся надзор за осуществлением распоряжений центральных органов власти и регулирование споров и конфликтов как внутри улусов, так и с оседлым населением. Российские власти не обходили вниманием вопросы внешней политики калмыцких нойонов. Они также рассматривали вопросы, связанные с работой калмыков на рыбных промыслах.

Как и планировалось, в начале 1772 года при «Губернской канцелярии по экспедиции калмыцких дел» был открыт суд Зарго, подчиненный астраханскому губернатору. Новый суд Зарго отличался от прежнего составом, комплектованием и новыми полномочиями. Теперь вместо восьми членов суда, избиравшихся от всех крупных улусов, заседали только трое зайсангов, представлявших субэтнические группы [2, л. 2]. Суд по мелким тяжбам возлагался на зайсангов с правом утверждения их решений владельцем. В делах по гражданскому судопроизводству разрешалось руководствоваться калмыцкими законами, а дела уголовные должны были рассматриваться исключительно на основе общероссийских законов. Мелкие тяжбы рассматривались местными зайсангами, но приговоры по ним утверждали нойоны. Чтобы оградить судей от давления нойонов, последним запретили за проступки штрафовать судей и их родственников до первого колена, а о провинившемся судье следовало докладывать губернатору.

В штат сотрудников «Губернской канцелярии по экспедиции калмыцких дел» входили: директор, регистратор, канцелярист, подканцелярист, копиист, переводчики, толмачи, ученики калмыцкого языка и нарочные. В восьмидесятые годы XVIII века судебными приставами определяли толмачей и учеников калмыцкого языка, которые неизменно находились при калмыцких нойонах с целью сбора информации об обстановке в улусах и координации действий с российской стороной. Приставов прикрепляли к наиболее известным владельцам улусов, а также к тем, кто с точки зрения администрации требовал присмотра со стороны властей. В то время приставы не входили в штат «Губернской канцелярии по экспедиции калмыцких дел», однако труд их оплачивался: один оклад платили за штатную должность, второй – как компенсацию за тяжелые условия работы.

В период царствования Екатерины II, в ноябре 1775 года было принято «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи», которое упразднило прежнее административное деление,

© Очиров А.В., 2012

появилось новое деление – губерния, уезд, с одновременным введением должности генерал-губернатора.

До губернской реформы 1775 г. эта должность носила почетный характер, ничем не отличаясь от губернаторской. С введением «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» назначался генерал-губернатор, или «государев наместник», должность которого появилась в связи с усилением централизованной власти. Еще в середине восьмидесятых годов XVIII века на юге Российской империи стали открываться наместничества. Отныне наместник, или генерал-губернатор, возглавлял управление одной или нескольких губерний, которые составляли наместничество.

В рамках губернской реформы 1775 года было организовано Кавказское наместничество. Астраханская губерния в 1785 году была включена в его состав на правах области, что отразилось на управлении калмыцким народом. Российская администрация прикрепляла кочующих калмыков к уездам, стараясь при этом перевести их на оседлость. В ранге наместника во вновь образованную административно-территориальную единицу был назначен генерал-губернатор П.С. Потемкин, получивший обширные права по управлению новыми землями [5, с. 112].

Уже на начальном этапе проведения административной реформы губернская администрация подготовила вполне дельное предложение – образовать из калмыков иррегулярные войска. Перевод калмыцкого населения в казачье сословие должен был снять все вопросы о правовом статусе калмыков в системе Российского государства. Как следствие, возможным становилось создание единого органа управления, что неизбежно бы ускорило процесс перехода к стационарному хозяйству и оседлому образу жизни.

По предложению генерал-губернатора князя П.С. Потемкина, калмыцкому населению предлагалось отвести определенное количество земли в собственность. Это решение российской администрации должно было способствовать переходу на оседлый образ ведения хозяйства и предотвратить потерю территории, которая отводилась под оседлые русские поселения.

Осуществление этого решения губернской администрации началось с закона об отводе земель в собственность. В 1786 году князь П.С. Потемкин упразднил Зарго, передав его функции в уездные суды по принадлежности улусов [6, т. XXII, № 16194]. В новый орган в качестве первоприсутствующего был назначен А. Воронин и шесть заседателей из представителей калмыцкой знати, нойонов и зайсангов [4, с. 67]. В основу их работы был положен принцип коллегиальности. Новый орган содержал штат служащих, ранее обслуживавших делопроизводственную часть работы «Губернской канцелярии по экспедиции калмыцких дел». Затем П.С. Потемкин расформировал «Губернскую канцелярию по экспедиции калмыцких дел», а вместо неё учредил «Калмыцкую войсковую канцелярию», которая состояла из одного русского представителя, трех владельцев и трех зайсангов, утверждаемых самим астраханским губернатором [5, с. 115–116]. Проведенные князем П.С. Потемкиным реорганизации укладывались в те рамки политики российского руководства, конечной целью которой было постепенное сближение системы управления калмыками с общероссийской. Однако властям не удалось приписать калмыков к уездам, и решение об отводе земель также не было исполнено.

Постановление о переводе Багацохуровского, Эркетеневского и Дербетовских улусов в разряд казенных вызвало у калмыков этих улусов большое недовольство и в некоторых случаях открытое сопротивление. Калмыки дербетовских улусов попытались откочевать на Дон, но были остановлены. Зайсанги Багацохуровского и Эркетеневского улусов написали совместное прошение, в котором просили оставить своих коренных владельцев во главе местной власти.

Эта реформа была недостаточно проработана. Губернская власть ставила перед собой только цели, а достижение считалось вопросом второстепенным. Упразднение Зарго лишало калмыков возможности вести судопроизводство по калмыцким законам. В подавляющем большинстве калмыки не были знакомы не только с русскими законами, но и с русским языком, что в правовом отношении делало их беззащитными. Подчинение улусов уездным судам усилило изоляцию улусов друг от друга. «Калмыцкая войсковая канцелярия» и земские нижние суды не смогли составить альтернативу прежним органам власти и потеряли контроль над управлением калмыками.

Статский советник Л.С. Алексеев, принявший на себя бразды правления после П.С. Потемкина, был иного мнения по поводу формирования из калмыков иррегулярных войск. Он переименовал «Калмыцкую войсковую канцелярию» в «Калмыцкую канцелярию» и перевел ее поближе к кочевьям, в Енотаевск. Были восстановлены улусные Зарго с правами нижней земской управы. Теперь «Калмыцкой канцелярии», состоящей из двух приставов и пяти зайсангов, подчинялись только «казенные» улусы. Владельцы улусов подчинялись непосредственно губернатору, а помощь им при разрешении споров и тяжб с русским населением оказывал специально определенный для этого стряпчий. «Калмыцкой канцелярии» были переданы из нижних судов все судебные дела по гражданской части, что привело к совмещению в одном органе судебных и административных функций. Из административных функций в его компетенции входило разрешение вопросов, возникавших повседнев-

но и требовавших оперативного разрешения. Земельные, уголовные и прочие важные дела находились в ведении кавказского наместника и его правления.

Астраханский губернатор сократил в «Калмыцкой канцелярии» число заседателей до трех. Также он ввел в состав заседателей одного русского чиновника. Теперь правление состояло из первоприсутствующего М. Везелева, второго присутствующего секунд-майора Тюмень-Джиргалана, трех заседателей нойонов Цаган-Кичика, Бодогоя и капитана В. Мельникова. Все они получали жалованье в размере до 250 рублей. Штат канцелярии состоял из секретаря, переводчика, двух толмачей и писаря [1, д. 75, л. 4].

Сменивший Л.С. Алексеева на посту кавказского наместника С.А. Брянчанинов вновь пересмотрел штат «Калмыцкой канцелярии». Весной 1789 года из его структуры вывели всех калмыцких владельцев, введя лишь четыре единицы учеников калмыцкого языка [2, л. 3]. В 1790 году «Калмыцкая канцелярия» была вновь переведена в Астрахань, и новый ее состав был следующим: председателем был назначен русский чиновник, один член был от калмыцких правителей по назначению, один – по выбору от всех владельцев. Также в штате состоял еще один русский чиновник для особых поручений.

В 1796 году российским правительством был ликвидирован институт наместничества, и Астраханская губерния вновь выделилась в самостоятельную административно-территориальную единицу. 15 января 1797 года в указе Сената был прислан утвержденный штат Астраханской губернии. В этом штате «Калмыцкая канцелярия» не была предусмотрена, соответственно средства на ее финансирование не выделялись, вследствие чего она была закрыта. «Казенные» улусы были приписаны к уездам Астраханской губернии, а вопрос о «владельческих» улусах еще оставался. На что вскоре последовало распоряжение Российского правительства о том, что управление калмыками остается на прежнем основании.

Новый губернатор Н.А. Аршеневский убедил российское правительство в сохранения органа управления калмыками, вследствие чего 29 июня 1797 г. в Астрахани было образовано «Калмыцкое правление» [3, с. 49–50], в котором возросло число приставов, формирование происходило в равном соотношении между служащими калмыцкого управления и нижними военными чинами. Вновь образованное учреждение, подобно предшествующим, носило временный характер. Столь долгое затягивание решения вопроса о правовом статусе оставшихся калмыков объяснялось отсутствием окончательного решения их государственного устройства.

Император Павел I своим указом от 14 октября 1800 года упразднил «Калмыцкое правление», восстановил суд Зарго и звание наместника ханства. Суд Зарго восстанавливался в прежнем составе: трое представителей от улуса наместника и пять от остальных владельцев, а также чин из российского правительства с правом решающего голоса. Спорные вопросы должны были решаться в Коллегии иностранных дел. Несколько ранее, 27 сентября 1800 года, была подтверждена территория, жалованная государем «калмыцкому народу во владение». Вместе с тем сохранились и привилегии, данные Большедербетовскому улусу: самостоятельно выбирать владельца, иметь переписку напрямую с государем, по всем делам, кроме земельных, связываться с Иностранной коллегией [7, № 19511]. Но еще до подписания этих указов по управлению делами калмыцкого народа Коллегией иностранных дел было назначено особое лицо – коллежский советник И.М. Макаров: для ведения дел, надзора за наместником. Ему в помощь выделили секретаря, двух толмачей и переводчика [7, № 19536].

Данное назначение закрыло за собой очередную череду преобразований калмыцкого управления в XVIII веке, главной особенностью которых являлось отсутствие государственной программы преобразований управления калмыцким народом. Начиная новые реформы по управлению калмыцким народом, российское правительство мало представляло себе, как более оптимально провести вхождение калмыков в российскую структуру управления.

Сближение системы управления калмыками с общероссийской не удалось, так как калмыцкое общество не было подготовлено к этому процессу. Возможно именно поэтому император Павел I принял решение о восстановлении должности наместника, означавшее возвращение российского руководства к идее управления калмыками через их национальный центр.

Расширяя границы на запад, юг и восток, Российское государство включало в свой состав различные территории и народы. Этот процесс носил мирные и военные формы, но результатом всегда было включение их в общую систему российской государственности. В ходе административного обустройства новых земель правительство и российские власти на местах стремились сохранить исторически сложившиеся управленческие структуры, что позволяло менее болезненно адаптировать очередных подданных к новым условиям жизни в пределах империи.

Таким образом, полиэтническая держава складывалась постепенно, с сохранением в отдельных частях своего устройства статуса и модели отношений с центральной властью. Но прочность и устойчивость территориально-административного устройства обеспечивались не только использованием традиционных национальных институтов. Монолитность чиновнического аппарата, общепризнанное главенство правящей династии, широ-

кое расселение и цементирующее воздействие русского народа – вот те факторы, которые способствовали прочности державы.

Библиографический список

1. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НА РК). Ф. 33 (Калмыцкая канцелярия). Оп. 1. Д. 75.

2. НА РК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 243.

3. *Бурчинова Л.С.* Калмыкия в системе государственного управления России // Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России: исторические корни и значение. – Элиста, 1985.

4. *Новолетов М.* Калмыки: исторический очерк. – СПб., 1884.

5. *Пальмов Н.Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. – Элиста, 1992.

6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1649–1825), 1830. (Далее – ПСЗ РИ-I.) Т. XXII. № 16194.

7. ПСЗ РИ-I. Т. XXVI.

ЛИНГВИСТИКА

УДК 430–3

Войтещук Ирина Владимировна
кандидат филологических наук
Челябинский государственный педагогический университет
wfirina@mail.ru

ДИНАМИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРИРОДНОЙ ВОДЫ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье сопоставляются номинанты движения природной воды в немецком и русском языках, выявляются базовые и периферийные лексемы со значением перемещения водных объектов, устанавливаются семантические параметры их движения, универсальные и национальные характеристики.

Ключевые слова: *движение природной воды, номинанты, номинативная плотность языкового фрагмента, семантические группы, процессуальная лексика, национальная специфика.*

Движение как основное свойство материи является предметом изучения многих наук. В лингвистике на материале различных языковых семей были разработаны классификации движения, выявлены его семантические параметры, типологические характеристики, описаны возможности глагола в объективации перемещения объектов и т.д. [1; 2; 7]. Однако до сих пор не существует единой концепции относительно границ выделения этой семантической категории. В реальности ученые сталкиваются с большим разнообразием фактов движения материи и, как следствие, с огромным количеством лексем, объективирующих эти процессы. В итоге формируется «специфическое» понимание движения. В данной статье мы не претендуем на всеобъемлющий охват процесса движения, нас интересует природная вода в ее динамических проявлениях. Движение, таким образом, мы будем рассматривать не как самостоятельную категорию, а как существенный, родовой признак водных объектов.

По своему физическому состоянию вода – очень подвижная среда, в природе она находится в непрерывном движении. Водопады, потоки, реки, струи, цунами, течения и т.д. – все это немногочисленные проявления реального природного разнообразия перемещения вод. Человек фиксирует с помощью языка природные закономерности, обозначая тем или иным способом «нюансы» движения воды. В номинативном поле исследуемой категории в немецком и русском языках, согласно данным нашей картотеки, представлено 445/432 номинанта, описывающих перемещение жидкой воды. Номинанты были набраны методом сплошной выборки из толковых и двуязычных словарей немецкого и русского языков: «Словаря русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой [5], «Deutsches Universalwörterbuch» издательства «Дуден» [8], «Большого немецко-русского словаря» под общ. рук. О.И. Москальской [3] и «Русско-немецкого словаря» под ред. К. Лейна [4]. Выявленные лексемы относятся к общенациональным языкам и отражают «наивные» представления немцев и русских о перемещении воды.

В номинативную группу «движение природной воды» входят в первую очередь глаголы и их производные – причастия, отглагольные существительные, а также прилагательные (адъективированные причастия), существительные и наречия. Безусловным лидером в объективации движения водных объектов является глагол. В результате анализа данных нашей картотеки мы выявили базовые глаголы-корни, лежащие в основе номинантов динамического признака воды. К ним относятся:

течь, лить, сочиться, струиться, хлынуть, капать, плескать, кипеть, бурлить, прыскать, брызгать, хлестать и др.;

fließen, strömen, gießen, sickern, rieseln, rinnen, fluten, tropfen, triefen, plätschern, spritzen, sieden, brodeln, brausen, wallen, sprengen, sprudeln, spülen, schwemmen, branden и др.

Перемещение воды, как показывают эти корни, может быть непрерывным, поступательным, самостоятельным, несамостоятельным, воздействующим, может сопровождаться звуком, пеной, брызгами, характеризоваться определенным количеством, формой, интенсивностью, относиться к различным водным объектам – воде-жидкости, водоемам, волнам, водным массам и т.д. Для обозначения движения вод в том и другом языке используются также глаголы общей семантики, лексемы в переносных значениях, часто периферийных или предполагающих, наряду с водой, несколько объектов, и узкоспециальная лексика:

бежать: *4. Течь, литься…*

laufen*: 9. <ist> a) fließen…*

пустить*: 2. Заставить или дать возможность кому-, чему-л. двигаться (бежать, катиться, плыть и т.д.);*

4. || Открыть доступ чему-л. по специально сделанному устройству…

lassen: *3. veranlassen od. bewirken, dass jmd., etw. irgendwohin gelangt…*

бить*: 9. Вытекать стремительной струей; выбиваться с силой*

springen: *7. (geh.) spritzend, sprudelnd aus etw. hervortreten…*

© Войтещук И.В., 2012

устремиться: *1. Стремительно двинуться, направиться куда-л.; броситься… | О жидкости, воздухе и т. п.*

schießen: *3. <ist> b) (bes. von flüssigen Stoffen) sehr schnell an eine bestimmte Stelle od. über etw. hinfließen…*

заштилеть: *мор. 1. Стать совершенно спокойным, без какого-л. движения, утихнуть (о море)…*

kabbelig *(Seemannsspr.): (von der See) durch gegeneinander laufende Wellen ungleichmäßig bewegt.*

эродировать*: геол. Производить эрозию (в 1 знач.)…*

erodieren *(Geol.): den Boden auswaschen, wegspülen, abtragen…*

Мы обнаружили, что в немецком языке наблюдается большее разнообразие корней, связанных с движением воды, чем в русском. Например, русскому непрерывному поступательному *течь* в немецком соответствуют *fließen* и *strömen*, дифференцирующие движение количественно. *Струиться* передается глаголами *rinnen*, *rieseln*, при этом последний глагол в первом значении подчеркивает звуковой аспект движения. Для русского глагола *капать* (*устар. канут*ь) в немецком языке существует несколько вариантов – *tropfen, triefen, träufeln, tröpfeln.* Аналогичные тенденции наблюдаются при выражении смыслов *кипеть*, *бурлить* и *прыскать, брызгать, кропить*, которым соответствуют *sieden, kochen, brodeln, wallen, brausen* и *spritzen, sprengen, sprenkeln, sprühen, benetzen.* В русском языке для передачи того или иного смыслового «нюанса» используются покрывающий их широкозначный глагол или словосочетание. Лексему *strömen*, например, правильнее было бы перевести на русский язык конструкцией *течь, перемещаться потоком*. Дифференциации значения в русском языке служат приставки. Так, если у глагола *tropfen,* по данным электронного словообразовательного словаря немецкого языка, 6 приставок [9], то глагол *капать,* по словарю А.Н. Тихонова, имеет 14 префиксов [6]. Следует, однако, отметить, что приставочный способ дифференциации значения также типичен и для немецкого языка (*spritzen* – 17 приставок, *fließen* – 27 приставок в том же словаре). Меньшую дифференцированность русского номинативного поля движения воды в сравнении с немецким мы связываем с географическими условиями жизни русского народа. Мы считаем, что территориальная неограниченность, широта природных пространств России влияют на восприятие, понимание и обозначение окружающих (не)природных процессов в русском языке. И, наоборот, более емкая территория Германии, а также ее раздробленность в языковом, политическом и экономическом отношении в прошлом косвенно способствовали детализации языкового обозначения перемещения воды в немецком.

Обрастая приставками, корни глаголов передают более сложное, дифференцированное содержание исследуемого признака воды, например:

вытечь*: вылиться струей или капля за каплей…*

затечь*: 1. Попасть, проникнуть куда-л. (о чем-л. жидком)…*

оттечь*: стечь, утечь обратно, в сторону, в другое место; отхлынуть…*

притечь*: двигаясь, появиться в каком-л. месте, достичь чего-л. (о жидкости, воздухе)…*

herausfließen*: von dort drinnen hierher nach draußen fließen...*

hineinfließen*: in etw. fließen...*

zurückfließen*: 1. wieder an den Ausgangsort fließen...*

zufließen*: 1. a) sich fließend auf etw. zubewegen (b); b) (in etw.) hineinfließen...*

Глаголы общей семантики благодаря префиксам часто приобретают узкую ориентацию на жидкость:

набежать*: 3. Разг. || Натечь, налиться (о жидкости)…*

einlaufen*: 3. in ein Gefäß, einen Behälter o. Ä. [hinein]fließen…*

сбежать*: 2. Стечь (о жидкости)…*

herunterlaufen*: 2. an, über etw. nach unten fließen...*

Материал нашей картотеки позволил выделить 52 семантические группы, описывающие те или иные параметры движения природной воды в русском и немецком языках. Помимо названных выше особенностей, движение воды характеризуется направленностью. Направление течения воды – один из самых частотных и семантически богатых параметров ее описания. По данным картотеки, вода перемещается внутрь – наружу, вверх – вниз, назад, из одного места в другое, течет к какому-либо объекту, на какой-либо объект (поверх его) и т.д.:

просочиться: *1. Постепенно протечь сквозь что-л., куда-л. (о жидкости)…*

einsickern: *in etw. sickern; allmählich, tropfenweise eindringen…*

выкачать: *удалить при помощи насоса…*

ausputpen: *a) durch Pumpen herausholen, herausfließen lassen…*

всплеснуться*: плеснуться, взметнуться вверх (о воде, жидкости)…*

aufbrausen: *1. brausend, schäumend hochsteigen…*

свергаться : *2. Низвергаться (о потоке, водопаде и т.п.);*

stürzen: *2. b) (von Wasser o. Ä.) mit Vehemenz hervorbrechen, heraus-, herabfließen...*

отхлынуть: *хлынув, отступить, откатиться назад (о волнах, воде)…*

zurückfließen: *1. wieder an den Ausgangsort fließen…*

перелить: *1. Выливая (жидкость) из одного вместилища, влить в другое…*

umgießen: *1. aus einem Gefäß in ein anderes gießen...*

опрыскать: *обдать, покрыть брызгами, мелкими каплями; обрызгать…*

besprengen : *eine Flüssigkeit auf etw., jmdn. sprengen; bespritzen...*

устремиться: *1. Стремительно двинуться, направиться куда-л.; броситься | О жидкости, воздухе и т.п. …*

zustürzen: *sich ungestüm, oft unvermittelt auf jmdn., etw. zubewegen...*

Как видим, приставки играют первостепенную роль при выражении направления движения воды в русском и немецком языках.

Кроме того, движение воды описывается номинативно как колебательное, вращательное, разрушительное, бешеное, способное переносить другие объекты:

волноваться: *1. Находиться в колебательном движении, образующем волны…*

wogen*: sich in Wogen [gleichmäßig] auf u. nieder bewegen…*

крутиться*: 2. Быть охваченным вихревым движением…*

quirlen: *2. a) sich ungeordnet lebhaft [im Kreise] bewegen; sich schnell drehen...*

вымыть*: 2. Размывая текущей водой землю, грунт, образовать углубление, овраг и т.п. …*

ausfressen*:* ***2.*** *(von Wasser) auswaschen, durch Unterspülen zerstören...*

взыграть*: 2. Прийти в сильное движение, волнение, разбушеваться (о море, ветре и т. п.)…*

austoben*: 1. c) mit großer Vehemenz wüten...*

пригнать*: 1. // Силой течения, движения принести куда-л. (о воде, ветре)...*

antreiben*: 3. b) ans Ufer spülen, anschwemmen…*

Особенно ярко эмоциональный фон русского человека передают широкозначные глаголы и прилагательные традиционно-поэтического и разговорного стиля:

разгуляться*: разг. 2. || Прийти в сильное волнение (о волнах, воде в реках, водоемах)…*

взбушеваться*: народно-поэт. Внезапно и сильно разбушеваться (о ветре, море и т.д.)…*

тихоструйный*: трад.-поэт. Тихо струящийся (о реке)…*

тиховодный: *трад.-поэт. Со спокойной, тихой водой, течением…*

В немецком языке используется эмотивная лексика без фольклорного оттенка: *toben, wüten, tosen, heftig, ungestüm...*

В обоих языках обозначаются также факты отсутствия и прекращения движения жидкой воды:

стоячий: *2. Нетекучий, не проточный (о воде)…*

stehendes Wasser

перекрыть: *6. ... || Остановить течение, движение чего-л. при помощи какой-л. преграды…*

absperren*: 3. (das Fließen, Strömen von etw.) unterbrechen, abdrosseln...*

Процессуальная лексика, как известно, имеет сложную семантическую структуру. Поэтому лексемы нашей картотеки нередко относятся к нескольким семантическим группам одновременно. Так, глагол *heraussprudeln* в значении «выливаться откуда-либо струей с пеной, брызгами; бить ключом» входит благодаря своим семам в семантические группы «Скорость, интенсивность движения», «Самостоятельное движение наружу», «Форма движения», «Движение, сопровождающееся пеной, пузырями и т.д.».

Движение водной среды подразумевается также при количественной характеристике жидкости, при описании степени чистоты, ландшафтном окружении воды, водоемов, при перемещении воды человеком в сосуде и т.д.:

собраться*: 2. Постепенно набраться в каком-л. количестве, скопиться где-л. (о воде, паре и т. п.)...*

sammeln: *2. c) <s. + sich> zusammenfließen, -strömen; sich ansammeln(2 b)...*

мутить*: 1. Делать мутным (воду, какую-л. жидкость)…*

trüben: *1. a) trübe (1 a) machen u. verunreinigen…*

вытекать*: 2. Брать начало (о реке, ручье)…*

ausfließen*: 1. c) (von einem fließenden Gewässer) seine Austrittsstelle haben…*

набрать*: 1. // Разг. Зачерпнуть, начерпать (воды, грязи и т.п.)…*

schöpfen*: 1. (eine Flüssigkeit) mit einem Gefäß, mit der hohlen Hand o. Ä. entnehmen, heraus-, nach oben holen...*

Итак, движение природной воды – сложный семантический признак, обусловленный, с одной стороны, многогранностью движения водных объектов в природе, с другой – спецификой семантики процессуальных слов. Наряду с универсалиями, в языковом описании и обозначении динамических проявлений воды имеются национальные отличия, связанные с различной номинативной плотностью данного языкового фрагмента, способами номинации, мировосприятием и условиями жизни немцев и русских.

Библиографический список

1. Глаголы движения в воде: лексическая типология / ред. Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина. – М.: Издательство «Индрик», 2007. – 752 с.

2. *Шамне Н.Л.* Глагольная лексика немецкого языка: проблема систематизации (на материале глаголов движения) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 2. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – С. 254–261.

3. Большой немецко-русский словарь: в 3-х т. / авт.-сост. Е.И. Лепинг, Н.П. Страхова, Н.И. Филичева и др.; под общ. рук. О.И. Москальской. – 8-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 2002.

4. Русско-немецкий словарь: ок. 53000 слов / под ред. К. Лейна. – 11-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1989.

5. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН Ин-т лингвистических исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999.

6. *Тихонов А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003.

7. Dornseiff. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen / U. Quasthoff, E. Wiegand. – 8., v. neu bearb. Aufl. – Berlin: Walter de Gruyter GmbH&Co. KG, 2004.

8. Duden. Deutsches Universalwörterbuch / herausg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. – 5., neu bearb. u. erw. Aufl. – Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 2003.

9. Wörterbuch der deutschen Wortbildung [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.canoo.net (дата обращения – 10.03.2012).

УДК 81 373.45

Гулинов Дмитрий Юрьевич
кандидат филологических наук
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
satellite74@yandex.ru

ВЕРТИКАЛЬ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ

Целью данной статьи является рассмотрение механизма централизованной реализации языковой политики во Франции, представленной в виде многоуровневой вертикали.

Ключевые слова: *языковая политика, языковое регулирование, институт языковой политики, потребители языковой политики, прескрипции.*

Вопросы языковой политики получают традиционное освещение в рамках макросоциолингвистики, поскольку затрагивают интересы всего населения, пользующегося данным языком. Интерес к этой теме, подкрепленный большим количеством работ известных отечественных и зарубежных лингвистов (В.А. Аврорин, В.И. Беликов, В.Т. Клоков, Л.П. Крысин, А.Д. Швейцер, Ж.-Л. Кальве и др.), не случаен. Внимание научного общества по-прежнему приковано к изучению факторов, влияющих на развитие и использование языка, способов его обогащения и совершенствования практики речевого общения.

В связи с этим представляется уместным рассмотреть в данной статье положительный опыт Франции в деле реализации государственной языковой политики. При этом отметим, что успешное решение задач французского государства по сохранению национального языка и его приоритетному использованию в различных сферах общественной жизни становится возможным благодаря грамотно выстроенной вертикали языковой политики.

Вертикаль языковой политики во Франции можно представить в виде нескольких уровней. Первый уровень представляют первые лица государства (президент, министры), общественные деятели, государственные чиновники, способные оказывать влияние на текущую языковую ситуацию в стране, выступать инициаторами языковых законов и распоряжений, определяющих в целом политику государства в области языка. На втором уровне располагаются институты языковой политики – государственные и общественные структуры, деятельность которых направлена на сохранение самобытности языка, а также на регулирование процессов языкового развития. И, наконец, на третьем уровне находятся потребители языковой политики государства.

Рассмотрим отдельно каждый из заявленных уровней.

История Франции содержит немало свидетельств того, как известные политические деятели становились инициаторами и разработчиками государственных распоряжений в области языка.

Так, важным в законодательном регулировании языковых вопросов во Франции стал в свое время «Закон о свободе передачи информации» («Loi relative à la liberté de communication»), появившийся в 1986 году. Разработчиком данного документа выступил Франсуа Леотар, занимавший должность министра культуры во Франции в эпоху президента Франсуа Миттерана. Закон Леотара закреплял принцип свободы в передаче аудиовизуальной информации, вменял в обязанность редакторам теле- и радиопрограмм следование принципам распространения аудиовизуальной продукции. Другое положение закона Леотара (статья 20-1) гласило об обязательном использовании французского языка в теле- и радиосферах. Оно касалось, в частности, теле- и радиопрограмм, рекламных сообщений, за исключением кинематографической продукции, а также аудиовизуальной информации оригинального происхождения.

Следующий пример – циркуляр (распоряжение о надлежащем исполнении какого-либо акта) от 2003 года, который делегировал специальные полномочия по контролю над использованием французского языка на территории Франции комиссиям по терминологии и неологии, появился благодаря премьер-министру Франции Жан-Пьеру Ра-

© Гулинов Д.Ю., 2012

фарену, ближайшему соратнику бывшего президента республики Жака Ширака [2]. Официальный документ французского правительства не обошел вниманием вопросы, связанные с положением французского языка на международной арене. В связи с этим было отмечено, что грядущее расширение Европейского союза должно послужить поводом для дальнейшего распространения французского языка в Европе.

Известные политические деятели принимают самое непосредственное участие в реализации политики в области языка, именно по этой причине языковой вопрос нередко становится частью предвыборной программы кандидатов в президенты.

Например, претендент на президентскую должность Франсуа Олланд (статья написана до объявления результатов выборов. – *прим. ред.*) выступает за ратификацию европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств. Одно из его предвыборных обещаний связано с оптимизацией работы международной организации сотрудничества франкоязычных стран, выступающей своеобразным оплотом французского языка за рубежом, помогающей соотечественникам за пределами Франции. Об этом говорится следующее: *«…Je ferai ratifier la Charte européenne des langues régionales ou minoritaires, je relancerai la francophonie, je prendrai les mesures nécessaires pour accompagner nos compatriotes établis hors de France, notamment en matière d'enseignement, en fonction de leurs revenus»* [3]. Из этого следует, что Франсуа Олланд делает упор на возрождение языкового и культурного наследия регионов Франции, обещает придать новый импульс развитию международной организации Франкофонии, то есть приведенные выше положения его программы лежат в плоскости как внутренней, так и внешней языковой политики Франции.

Другой кандидат на высший руководящий пост, лидер демократического движения Франсуа Байру в одном из своих обязательств перед избирателями затрагивает вопросы французского языка. В послании кандидата в президенты говорится следующее: *«…Le but de l'école, c'est la culture générale, c'est la langue française, l'histoire qui donne les clés de l'avenir»* [4]. В вышеприведенном послании Франсуа Байру подчеркивает роль школы, необходимость овладения общей культурой, отмечает значимость, которую приобретают французский язык и история для будущего государства.

Программа кандидата в президенты от «Национального фронта» Марин Ле Пен строится вокруг тезиса о первостатейности республиканских ценностей: *«…Réaffirmation de notre modèle républicain et de ses valeurs contre le multiculturalisme anglo-saxon»* [6]. В своем обращении к электорату Марин Ле Пен призывает возродить языковую политику французского языка, находящуюся, по ее мнению, в плачевном состоянии, путем укрепления правовой системы, в частности закона Тубона. По ее мнению, французская Академия должна стать высшей языковой инстанцией, имеющей в подчинении комиссии по терминологии. Об этом говорится буквально следующее: *«…Restaurer la politique de la langue française, tant abandonnée aujourd'hui, notamment par une legislation renforçant les dispositifs de la loi dite Toubon. L'Académie française deviendra l'autorité de référence de la langue, aidée des commissions de terminologie»* [6]. Таким образом, Марин Ле Пен выступает за самобытный характер языка, призывает к укреплению правовой базы в области языкового регулирования.

В предвыборной программе действующего президента Франции Николя Саркози есть несколько пунктов, связанных с вопросами языковой политики государства. В своем послании потенциальным избирателям Николя Саркози размышляет о роли французской культуры и французского языка на международной арене. Для этой первоочередной цели глава государства обещает способствовать дальнейшему повышению интереса к французскому языку, предлагает создать в Париже центр Франкофонии, основной миссией которого должно стать сохранение республиканских ценностей. Эти идеи нашли отражение в следующем фрагменте предвыборной программы президента Франции: *«…Pour que la culture française et la langue française rayonnent, le Président a réaffirmé son ambition de promouvoir la richesse et la diversité de notre culture à l'international. Au sein de la Francophonie, il s'est engagé à favoriser l'éducation en français dans le monde et a annoncé la construction à Paris d'une maison de la Francophonie qui témoignera des valeurs défendues par la Francophonie»* [1].

Обращаясь к проблеме статуса французского языка за рубежом, Николя Саркози замечает, что распространение французской культуры за пределами страны возможно только при условии сохранения самобытности французской культуры внутри страны. Это следует из фрагмента его предвыборной программы: *«…Le rayonnement dans le monde de la culture française ne serait pour autant réalisable si à l'intérieur de ses frontières, la France ne s'ouvrait pas à la diversité»* [1]. На основании вышесказанного можно сделать вывод, что одну из основных задач государства в деле реализации языковой политики действующий президент видит в дальнейшем распространении французской культуры и французского языка за рубежом. При этом претендент на очередной президентский срок заявляет о твердом намерении французского государства способствовать сохранению самобытности французской культуры в регионах, поскольку, по его мнению, национальная культура отражается в том числе в ее локальных конфигурациях.

Как было отмечено выше, на втором уровне вертикали языковой политики во Франции располага-

ются институты языковой политики. Термином «институт» обозначают «устойчивую форму организации совместной деятельности людей, реализующих определенные функции в обществе» [2]. К институтам языковой политики мы относим важнейшие инстанции, деятельность которых направлена на сохранение и развитие языка: Высший совет французского языка (Conseil supérieur de la langue française), Главное управление французского языка (La délégation générale à la langue française), Французская Академия (L'Académie française), Генеральная комиссия по терминологии и неологии (Comission générale de terminologie et de néologie) и другие [2].

Функционирование институтов языковой политики во Франции мы рассмотрим на примере Генеральной комиссии по терминологии и неологии, созданной в 1997 году. Основная миссия вновь созданного организма виделась в разработке специальных мер по поддержанию чистоты национального языка, в том числе по защите французского языка от иноязычной лексики, преимущественно англоязычного происхождения.

Генеральная комиссия по терминологии и неологии тесным образом связана со специализированными комиссиями различных министерств. Термины, предлагаемые этими комиссиями, рассматриваются Генеральной комиссией, а затем передаются на утверждение Французской Академии. После одобрения последней неологизмы публикуются в Официальной газете французской республики (le Journal officiel) и становятся обязательными для государственных служб, которые, в свою очередь, дают пример всем другим гражданам.

На практике эти меры выражаются в поиске эквивалентов французского происхождения для замены англоязычных терминов. Такая языковая политика не только демонстрирует возможности современного государственного регулирования языка во Франции, но и открывает новый источник обогащения французского языка.

Именно благодаря деятельности вышеуказанной комиссии во французском языке появилось множество лексических новообразований исконного происхождения. Например, компьютерная сфера обогатилась такими оригинальными терминами, как *administrateur système, adresse électronique, aide, bande passante, carte mère, corbeille, courriel, espiogiciel, gratuiciel, mel, partagiciel, pilote, fichier, logiciel, mémoire vive, mise à jour, ordinateur, pare-feu, raccourci, supprimer, trait d'union, taille, ver* и многими другими [5].

Наконец, третий уровень вертикали французской языковой политики представлен обществом, выступающим в качестве потребителя различных государственных программ. При этом общество выступает не только пассивным потребителем языковой политики, принимая как должное различные прескрипции в области использования французского языка запретительного или рекомендательного характера, но и активным участником решения языковых вопросов. В последнем случае речь идет об инициативе Главного управления французского языка, заключающейся в вовлечении населения в процесс языкового регулирования.

Для этих целей вышеуказанный институт языковой политики использует Интернет-сайт wikilf.culture.fr, главная страница которого открывается призывом: *«Participez à l'enrichissement de la langue française!»*, что уже говорит о намерении привлечь общество к решению проблем, связанных с развитием французского языка.

По своей сути Интернет-сайт напоминает лингвокреативный форум, где каждый из посетителей участвует в голосовании в пользу того или иного неологизма, предлагает на обсуждение Интернет-сообщества лексические новообразования, способствуя тем самым развитию словарного состава французского языка.

Заимствованные термины (всего 97 лексических единиц) содержатся в архивах, которые ведут свой отчет с марта 2011 года по сегодняшний день. Например, на Интернет-сайте размещены и предложены на обсуждение следующие термины англоязычного происхождения: *edit, blogueur, wiki, photowalk, freak, retrogaming, self-discount, week-end, spa, dress code, flirt, living lab, big bang, facebook etc*.

Обсуждение слов открывается разделом *«de quoi s'agit-il»*, в котором раскрывается этимологическое значение слова. За ним следует раздел *«des pistes pour se renseigner»*, содержащий ссылки на тексты, в которых встречается данное слово. И, наконец, ключевая рубрика *«proposition»* предлагает новый исконный термин, являющийся потенциальной заменой иноязычному заимствованию.

После обсуждения на сайте новые термины рассматриваются Генеральной комиссией по терминологии и неологии, и в случае положительного отзыва новые слова публикуются в Официальном журнале республики [2].

Приведем лишь некоторые, наиболее интересные, на наш взгляд, неологизмы французского языка, недавно опубликованные в Официальном журнале: *pièce à tout faire*, *livre éclair, platiniste*.

Словосочетание *pièce à tout faire* (буквально: 'комната, где можно делать все') пришло на смену англоязычному слову *hobby room*. Данный неологизм образован по распространенной во французском языке словообразовательной модели «именная конструкция с инфинитивом» N + (prép.) à + V, выражающей предмет и его назначение.

Об одном из самых продуктивных способах словообразования во французском языке красноречиво говорит пример неологизма *livre-éclair* ('быстрая книга – книга на злободневную тему, написан-

ная и изданная в кратчайшие сроки’). Слово исконного происхождения, призванное заменить заимствованный из английского языка термин *quick book*, образовано по модели S+S *(livre*=‘книга’+ +*éclair*=‘молния’*)*.

Предполагается, что новое слово *platiniste* (‘артист, комбинирующий звучание виниловых дисков или компакт-дисков для получения оригинальной музыки’) приживется во французском языке и сможет в будущем вытеснить укоренившийся в сознании французов англоязычный термин *deejay* или *disc jockey*. Что касается способа образования неологизма *platiniste*, то здесь, на наш взгляд, имеет место семантическая калька, поскольку значение нового слова складывается из входящих в его состав элементов *(platine*=‘пластинка’+*ist*=суффикс со значением действующего лица) по образцу заимствования из английского языка, в котором *disc jokey* буквально означает ‘оператор дисков, пластинок’.

Таким образом, за многие годы во Франции сложилась многоуровневая вертикаль языковой политики, определяющая основные направления как внутренней, так и внешней политики государства в области языка.

Видные политические и общественные деятели Франции, представляющие первый уровень вертикали, выступают не только сторонниками языковых реформ, но и инициаторами и разработчиками законов и распоряжений в области языка. Встроенные в вышеуказанную вертикаль институты языковой политики и представляющие второй уровень вертикали занимаются разработкой и реализацией различных лингвоохранных мер по сознательному воздействию на французский язык, определяя, тем самым, облик языковой политики Франции на современном этапе. На третьем уровне располагаются потребители языковых реформ, которые не только принимают исходящие сверху прескрипции по надлежащему использованию родного языка, но и сами активно участвуют в процессе языкового регулирования, связанном с защитой языка от иноязычных заимствований и его обогащением лексикой исконного фонда.

Библиографический список

1. *Аврорин В.А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). – Л., 1975. – 276 с.

2. *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социолингвистика. – М.: РГГУ, 2001. – 439 с.

3. *Клоков В.Т.* Языковая политика во франкоязычных странах Африки. Саратов: Изд-во СГУ, 1992. – 130 с.

4. *Швейцер А.Д., Никольский Л.Б.* Введение в социолингвистику. – М., Высшая школа, 1978. – 215 с.

5. *Calvet Louis-Jean.* La guerre des langues et les politiques linguistiques. – Paris: Payot, 1987. – 302 p.

6. Culture et communication – Présidence de la République [Электронный ресурс] – Режим доступа: //http://www.elysee.fr/president/les-dossiers/culture/culture-et-communication.67.html.

7. Politique linguistique de la France [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://fr.wikipedia.org.

8. François Hollande 2012 [Электронный ресурс] – Режим доступа: //françoishollande.fr.

9. Les 30 propositions pour l’Ecole: Second forum du Planning 2012–2020 (4 février 2012) [Электронный ресурс] – Режим доступа: // www.mouvementdemocrate.fr.

10. Lexique informatique pour débutants [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.jeanboulanger.com.

11. Marine Le Pen [Электронный ресурс] – Режим доступа: //www.marinelepen2012.fr.

УДК 81:001.12/.18

Загоруйко Илья Николаевич
Удмуртский государственный университет
ilyazag@mail.ru

ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОМ КОММУНИКАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Статья посвящена актуальной теме современной лингвистики – понятию дискурса и его разновидностям: виртуальному дискурсу и Интернет-дискурсу. Помимо экскурса в историю понятия «дискурс», рассматривается также электронная коммуникация, посредством которой осуществляется коммуникация.

Ключевые слова: *дискурс, виртуальная реальность, виртуальный дискурс, электронная коммуникация, Интернет, Интернет-дискурс.*

Изучение дискурса имеет довольно длительную историю, являясь одним из активно развивающихся направлений не только современной лингвистики, но и смежных с ней дисциплин – философии, истории, психологии, социологии, этнографии, физики, математики и др.

Первым дискурсом можно считать философские рассуждения Платона. Являясь одним из основных понятий в коммуникативной лингвистике и современных социальных науках, дискурс допускает множество научных интерпретаций. По словам Н.Н. Мироновой, к XIX веку набор значений

 © Загоруйко И.Н., 2012

сократился, и за данным термином закрепились следующие семантические параметры: диалог, беседа, речь, лекция [11, с. 53].

Термин дискурс был введен Э. Бюиссансом в работе «Язык и дискурс» и означает механизм перевода языка как знаковой системы в живую речь.

Начиная с 1960-х гг. понятие дискурс становится популярным не только в лингвистике, но и в большинстве гуманитарных наук. Связано это было с так называемым «лингвистическим поворотом», который в значительной степени был спровоцирован распространением структуралистской методологии и появлением структурной лингвистики.

Большой вклад в разработку структурно-лингвистического подхода к изучению дискурса внесла французская школа дискурс-анализа. Данное направление представлено, прежде всего, работой Мишеля Пеше «Автоматический анализ дискурса».

Дискурс Пеше – это соединение лингвистического и идеологического структурных подходов в дискурс-анализе конкретных текстов. Пеше определяет дискурс как точку, где встречаются язык и идеология. По мнению Пеше, смыслы слов меняются в зависимости от классовых позиций в политической борьбе. Дискурсивный процесс рассматривается Пеше как часть идеологических классовых отношений.

Другой французский лингвист Патрик Серио во вступительной статье к сборнику работ «Квадратура смысла» выделяет следующие значения понятия дискурс:

1) эквивалент понятия «речь» в соссюровском смысле, то есть любое конкретное высказывание;

2) единица, по размеру превосходящая фразу, высказывание в глобальном смысле; то, что является предметом исследования «грамматики текста», которая изучает последовательность отдельных высказываний.

Дискурс в рамках теорий высказывания или прагматики представляет собой воздействие высказывания на его получателя и его внесение в «высказывательную ситуацию (что подразумевает субъекта высказывания, адресата, момент и определенное место высказывания). При этом следует отметить, что во французской традиции дискурсом называется речь, присваиваемая говорящим, в противоположность «повествованию», которое разворачивается без эксплицитного вмешательства субъекта высказывания; иногда противопоставляются *язык* и *дискурс* (langue/discourse) как, с одной стороны, система мало дифференцированных виртуальных значимостей и, с другой, как диверсификация на поверхностном уровне, связанная с разнообразием употреблений, присущих языковым единицам [12, с. 549–562].

Французский философ-постструктуралист и семиотик Ролан Барт определяет дискурс как социальные знаки, наполненные общественно значимыми смыслами и мифическим содержанием. Социальными знаками являются не только слова, но также и образы, и вещи, которые сообщают нам нечто значимое. Знак, по Барту, приобретает характер символа, когда между означаемым и означающим устанавливается особенно тесная зависимость, превращающая их связь в синтетическое единство [2, с. 457].

В результате представляется возможным выделить несколько подходов к интерпретации понятия дискурс. Рассмотрим некоторые из них.

Ван Дейк определяет дискурс как понятие, касающееся речи, устной и письменной, актуального речевого действия, тогда как текст – это понятие, касающееся системы языка, преимущественно абстрактная, формальная конструкция. Дискурс – в самом общем понимании – это письменный или речевой вербальный продукт коммуникативного действия. При этом употребление понятия «дискурс» всегда касается каких-то конкретных объектов в конкретной обстановке и в конкретном контексте [3, с. 153].

Иная позиция отмечается В.В. Красных. Обращая внимание на разнообразие трактовок дискурса, данный исследователь выделяет его узкое и широкое понимание: «Дискурс в узком понимании является проявлением речевой деятельности (наряду с текстоидами) в разговорно-бытовой речи и представляет собой обмен репликами без особого речевого замысла… Дискурс в широком понимании трактуется как проявление речедеятельностных возможностей отдельной языковой личности…, как система коммуникации…» [6, с. 200–201].

Ряд лингвистов (В.Е. Чернявская, П.Ф Компанцева, Е.С Кубрякова и др). сводят различные понимания дискурса к двум основным трактовкам: «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве, совокупность тематически соотнесенных текстов» [14, с. 16].

В указанном многообразии подходов выделяются два основных.

Первый – когда под дискурсом понимаются фрагменты действительности, обладающие временной протяженностью, логикой развертывания (сюжетом) и «представляющие собой законченное сочинение, сформированное на основе организации смыслов (законченное “произведение”, например, в виде текста) с использованием смыслового кода (словаря и т.п.)» [9, с. 14].

Второй – когда дискурс рассматривается как особый вид коммуникации.

В современном коммуникационном пространстве, формируемом коммуникативными связями между людьми, группами, различными институтами, взаимодействием различных типов дискурса,

большая часть общения человека происходит посредством электронной коммуникации. Этот вид общения состоит из трех участников: пользователя, компьютера, Интернета (или любой виртуальной сети); для каждого участника свойственен свой дискурс, которые объединяются виртуальным дискурсом. При определении виртуального дискурса нужно принимать во внимание не просто текст в ситуации общения, отличающейся от непосредственного контакта специфическим электронным каналом связи, но и учитывать характеристики, заложенные в понятие виртуальной реальности. По мнению А.А. Атабековой, общение аккумулирует большое разнообразие речевых практик, способов и форматов, постепенно такое общение становится носителем характеристик нашего времени [1]. Для более полного понимания понятия «виртуальный дискурс» обратимся к определению понятия виртуальности.

Термины «виртуальная реальность» и «виртуальность», по мнению О.В. Лутовиновой, относятся к разряду так называемых «модных» терминов. «Модные» термины имеют широкий диапазон использования, вследствие чего характеризуются определенной расплывчатостью в понимании и беспорядочностью в употреблении, поскольку часто, как отмечает Г.Г. Слышкин, выполняют в научной работе не столько информативную, сколько парольную функцию [13, с. 38]. В последнее время, в связи с бурным развитием информационных технологий, использование термина «виртуальный» и его производных стало особенно популярным: «виртуальная культура», «виртуальный мир», «виртуальное сознание», «виртуальное пространство», «виртуальная реальность», «виртуальный рынок», «виртуальные деньги» и др., несмотря на то что понятие виртуальности существует еще с античных времен.

Виртуальность представляет собой объект или состояние, которые реально не существуют, но могут возникнуть при определенных условиях. Виртуальность – это также существование вещей, событий, процессов в форме мысленного представления, воображения, невещественного образа, это такие состояния, длящиеся от нескольких секунд до нескольких часов, в течение которых проявляется иная реальность бытия, особая ясность мышления, прозрачность видения ситуации, осуществляется необыкновенная легкость движений и действий. Виртуальность предстает как совокупность информации, мыслей и образов. Зачастую объекты виртуальности обладают свойствами, соответствующими объектам реального мира, но, в принципе, могут иметь и свойства, отличающиеся от них (вплоть до противоположных).

Сегодня термин «виртуальный» определяется следующим образом: существование вещей, событий, процессов в форме мысленного представления, воображения, невещественного образа, например, виртуальная реальность – умозрительное представление о действительности.

Л.Ю. Иванов выделяет три дополнительные характеристики виртуальной реальности, отличающие ее от реальности действительной:

1) нематериальность воздействия (изображаемое производит эффекты, характерные для вещественного);

2) условность параметров (объекты искусственны и изменяемы);

3) эфемерность (свобода входа / выхода обеспечивает возможность прерывания и возобновления существования) [8].

Основные свойства виртуальной реальности: иллюстративность, иммерсивность, интерактивность, интуитивность, интенсивность. Иллюстративность отражает представление информации отчетливым образом. Иммерсивность представляет собой степень погруженности субъекта в виртуальную реальность. Интерактивность определяется взаимодействием пользователя с компьютером, точнее, смоделированной им средой. Интуитивность заключается в ощущении виртуальной реальности погруженным в нее субъектом. Интенсивность задается свойством предоставления субъекту комплексной информации, предполагающей его реакцию на нее.

Все эти свойства виртуальной реальности позволяют исследователям понимать данный феномен очень широко. Виртуальная реальность рассматривается как пространство, созданное различными электронными средствами массовой информации и коммуникации. Виртуальная реальность сосуществует с подлинной реальностью, но они не являются взаимоисключающими понятиями. Н.Н. Карпицкий отмечает тот факт, что подлинная реальность порождает виртуальную, она безотносительна по отношению к последней. Иными словами, виртуальная реальность никаким образом не может повлиять на структуру подлинной реальности, но, вместе с тем, сама ее структура полностью определяется подлинной реальностью [5, с. 132]. Таким образом, дискурс, существующий в подлинной реальности, будет проецироваться в виртуальном пространстве.

Говоря о виртуальном дискурсе, нужно принимать во внимание не просто текст в ситуации общения, характеризующегося специфическим электронным каналом связи, но и учитывать характеристики, заложенные в понятие виртуальной реальности.

Бурное развитие средств, обеспечивающих каналы передачи информации, определило новый тип дискурса – компьютерный дискурс. В самом названии содержится указания на привязанность дискурса к компьютеру, поэтому все его признаки и характеристики преломляются через характеристики

программно управляемого электронного устройства обработки информации:

– хранение неограниченного количества текстовых файлов;

– решение теоретических и прикладных задач;

– кодирование информации (аудио-, фото- и видеоинформация).

О.В. Лутовинова поясняет, что термин «компьютерный дискурс» обозначает текст, погруженный в ситуацию общения посредством электронных средств связи, а точнее, посредством компьютера. При этом следует отметить, что термины «компьютерный дискурс» и «электронный дискурс» являются синонимами, поскольку компьютер (объект) является носителем определенных технических характеристик [7].

Главной средой функционирования виртуального дискурса является Интернет-среда, использующая электронный канал передачи данных. Интернет-дискурс представляет собой процесс создания текста в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими факторами, целенаправленное социальное действие, включающее взаимодействие людей.

По мнению Т.Ю. Виноградовой, при определении Интернет-дискурса нужно учитывать особенности общения через Интернет и причины обращения к Интернету как инструменту общения [4, с. 63].

Под особенностями понимаются:

1. Анонимность. Несмотря на то что иногда можно получить некоторые сведения анкетного характера и даже фотографию собеседника, они недостаточны для реального и адекватного восприятия личности. Вследствие подобной анонимности и безнаказанности в сети проявляется и другая особенность, связанная со снижением психологического и социального риска в процессе общения – аффективная раскрепощенность, ненормативность и некоторая безответственность участников общения. Человек в сети может проявлять и проявляет большую свободу высказываний и поступков (вплоть до оскорблений, нецензурных выражений, сексуальных домогательств), так как риск разоблачения и личной отрицательной оценки окружающими минимален.

2. Своеобразие протекания процессов межличностного восприятия в условиях отсутствия невербальной информации. Как правило, сильное влияние на представление о собеседнике имеют механизмы стереотипизации и идентификации, а также установка – как ожидание желаемых качеств в партнере.

3. Добровольность и желательность контактов. Пользователь добровольно завязывает контакты или уходит от них, а также может прервать их в любой момент.

4. Затрудненность эмоционального компонента общения, в то же время стойкое стремление к эмоциональному наполнению текста, которое выражается в создании специальных значков для обозначения эмоций или в описании эмоций словами (в скобках после основного текста послания).

5. Стремление к нетипичному, ненормативному поведению. Зачастую пользователи презентируют себя с иной стороны, отличной от реальной социальной нормы, проигрывают нереализуемые в деятельности вне сети роли, сценарии ненормативного поведения.

Причинами обращения к Интернету как инструменту общения может быть, например, недостаточное насыщение общением в реальных контактах. Так, пользователи быстро теряют интерес к Интернет-общению, если появляются возможности для удовлетворения соответствующих потребностей в реальной жизни. Кроме того, это и возможность реализации качеств личности, проигрывания ролей, переживания эмоций, по тем или иным причинам фрустрированных в реальной жизни. Подобная возможность обусловлена вышеперечисленными особенностями общения посредством сети – анонимностью, нежесткой нормативностью, своеобразием процесса восприятия человека человеком. Желанием переживания тех или иных эмоций объясняется, вероятно, и стремление к эмоциональному наполнению текста [4, с. 65], тем более, что Интернет этому активно способствует, поскольку отличительной чертой Интернет-дискурса является совмещение разностилевых элементов, включение разговорных слов и оборотов, элементы языковой игры, использование фразеологизмов разных структурных типов, употребление характеризующих слов в составе описательных определений, коннотативных слов и словосочетаний, косвенно отражающих оценку описываемого явления.

Итак, как явствует из вышеизложенного, понятие дискурс функционирует в двух реальностях: виртуальной и подлинной. Бурное развитие электронных технологий позволяет совершенствовать и развивать способы коммуникации, связанные с электронными технологиями. При этом основное отличие виртуальной реальности от подлинной заключается в отсутствии какой либо силы воздействия со стороны виртуальной реальности на подлинную реальность, поскольку последняя является основой возникновения виртуальной среды, создающей условия для выхода общения за его естественные рамки.

Библиографический список

1. *Атабекова А.А.* Лингвистический дизайн WEB-страниц (сопоставительный анализ языкового оформления англо- и русскоязычных WEB-страниц). – М.: Изд-во РУДН, 2003.

2. *Барт Р.* Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. – М., 2003. – С. 457.

3. *Ван Дейк Т.А., Кинч В.* Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 153–211.

4. *Виноградова Т.Ю.* Русская и сопоставительная филология: лингвокультурологический аспект. – Казань, 2004. – С. 63–67.

5. *Карпицкий Н.Н.* Виртуальность и темпоральность // Известия Томского политехнического университета. – 2003. – Т. 306. – № 4.– С. 132–136.

6. *Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. – М., 2001. – С. 200–201.

7. *Лутовинова О.В.* Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. – Волгоград: ВГПУ, «Перемена», 2009.

8. *Иванов Л.Ю.* Язык Интернета: заметки лингвиста // Словарь и культура русской речи. – М.: Азбуковник, 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.faq-www.ru/lingv.htm.

9. *Ильин М.В.* Слова и смыслы: опыт описания политических понятий. – М., 1997. – С. 14.

10. *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

11. *Миронова Н.Н.* Оценочный дискурс: проблемы семантического анализа. – М.: Изд-во РАН. – Т. 56. – №4. – С. 53–59.

12. *Серио П.* Анализ дискурса во французской школе: дискурс и интердискурс // Семиотика: антология. – М.: Академический проект, 2001. – С. 549–562.

13. *Слышкин Г.Г.* Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 38–45.

14. *Чернявская В.Е.* Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – С. 73.

УДК 811.161.1+81'42

Караева Лилия Николаевна

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

lilusha22@mail.ru

ДИНАМИКА ПРОСТРАНСТВА В ПРОЗЕ СИГИЗМУНДА КРЖИЖАНОВСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ «ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ»)

Цель данной статьи – определить, какие виды деформации пространства встречаются в тексте повести С. Кржижановского «Воспоминания о будущем», а также выявить языковые средства выражения, передающие динамику топоса. Актуальность темы определяется необходимостью описания категории пространства с точки зрения динамики пространственных отношений.

Ключевые слова: *динамика, пространственные отношения, деформация, языковые средства выражения, новообразования.*

Идея перемещения в пространстве и во времени не раз становилась основой сюжетов литературных произведений. Повесть С. Кржижановского «Воспоминания о будущем», где рассказано о строительстве главным героем Максимилианом Штерером так называемого «времяреза», по замыслу, предвосхитила созданную на несколько лет позже М.А. Булгаковым пьесу «Иван Васильевич», в которой утверждается та же мысль о создании машины времени. Герой Кржижановского выступает как исследователь проблемы space-time и видит свою цель в следующем: «Вся моя задача сводилась, в сущности, к тому, чтобы пройти по дефису, отделяющему еще time от space, по этому мосту, брошенному над бездной из тысячелетий в тысячелетия» [1, с. 408]. В своей статье мы рассмотрим, какие типы пространства открывает перед читателем текст повести «Воспоминания о будущем», определим способы его деформации, выявим наиболее яркие языковые средства, передающие динамику топоса в произведении, укажем закономерности изменения пространственных отношений.

Движение – суть поставленной нами проблемы, а также основной принцип работы штереровского времяреза – перемещение объекта (человека) из эпох в эпохи, с места на место. Формула движения, разработанная главным героем, проста: при изменении переменной «время» меняется переменная «пространство», и наоборот. Обоснование своих гипотез Штерер находит в философских трудах: «Так, по поводу гипотезы о многоосности времени он реминисцирует Лейбница: создатель монадологии, отвечая на вопрос, как при непрерывности материи, заполняющей все пространство, при занятости всех мест возможна перемена мест, то есть движение–- утверждал: единственное движение, возможное внутри такого сплошного мира, – это вращение сфер вокруг своих осей» [1, с. 357]. Опыты над часовыми стрелками в доме отца стали началом пути героя по осуществлению идеи строительства машины времени: «Штерер-младший, производя свой первый опыт, заставил часовые стрелки поменяться осями: минутную на часовую – часовую на минутную. И он мог убедиться. Что даже такая простая перестановка нарушает ход психических механизмов» [1, с. 340].

Итак, динамика – основополагающее свойство повести С. Кржижановского «Воспоминания о бу-

© Караева Л.Н., 2012

дущем», сюжет которой развивается благодарю движению героя во времени и пространстве, при этом время выступает частью пространства, оно изменяется одновременно с местом пребывания: «Время… подобно лучу, убегающему от своего источника, есть уход от самого себя, чистая безместность, минус из минуса…» [1, с. 352]. Время становится «двигателем» пространства: «Сегодня мне исполнилось двадцать два. Я медлю и медитирую, а тем временем время в борьбе за тему времени выигрывает темп» [1, с. 352]. Темпоральное ускорение происходит: 1) внутри сознания главного героя, его внутреннем пространстве, что выражается в движении мыслей Штерера. Это темпоральное ускорение отражается в использовании в пределах одного предложения слов с семантикой противопоставления как пространственной оппозиции «внешний – внутренний» («*Остановившаяся* было мысль Штерера, зацепившись за знаки слова, опять *пришла в движение»* [1, с. 378]); 2) в мире окружающей природы, быстрой смене времени суток, на что указывают хрононимы, которые обозначают время суток в повести («*Вечер* перешел в *ночь»* [1, с. 338]); 3) с объектами внешнего мира, примером чему может служить движение поезда, что на языковом уровне отражается в употреблении автором лексики с семантикой быстроты («Они [пассажиры] были похожи на людей, мимо которых *пронеслись* освещенные окна экспресса, канувшего из тьмы в тьму» [1, с. 391]). Эти резкие переходы из одного пространственного поля в другое объясняются временным ускорением, которое оказывает влияние на соотносительную категорию топоса, наделяя художественное пространство текста свойством динамичности.

В пространстве авторского текста объекты могут не только двигаться с высокой скоростью, но и замедлять свое движение («Движение *было медленным*, солнце желтым диском *перекатывалось* от запада к востоку, знакомая обочина дней *тянулась* от Futurum к Perfectum» [1, с. 417]), а иногда и вовсе останавливаться («…Солнце, взлетевшее было, точно под ударом упругой ракеты, из-за крыш, внезапно метнулось назад… и все, точно натолкнувшись на какую-то стену, там, за горизонтом, *остановилось* и *обездвижилось*; лента секунд… застопорилась на каком-то миге, какой-то дробной доли секунды – и ни в будущее, ни в прошлое» [1, с. 413]). Лексика с семантикой ускорения («метнулось»), замедления («было медленным», «перекатывалось», «тянулось») и остановки («остановилось», «обездвижилось») определяет динамические характеристики пространства, а сложная метафора «лента секунд застопорилась на каком-то миге, какой-то дробной доли секунды» создает эффект резкого торможения времени в пространстве и абсолютного отсутствия движения.

С. Кржижановский материализует время, изображая его сквозь призму пространства. Время часто сравнивается с явлениями и предметами реального мира: «…Можно перейти время, как переходят улицу, – можно проскочить меж потока секунд, как проскакивают меж мчащихся колес, не попав ни под одну…» [1, с. 359]. Выражение временных явлений через пространственные номинации позволяет не только наглядно представить эту абстрактную философскую категорию, но и раскрыть ее как динамическую модель жизни, развертывающуюся в пространстве и во времени: «…Прошедшее и будущее превращались лишь в два тротуара одной улицы, проходящим по которой предоставляется идти и по будущей и по прошедшей стороне – кому как удобнее» [1, с. 388].

Рассмотрим, какие виды деформации пространства встречаются в тексте повести «Воспоминания о будущем». Замедление и ускорение времени вызывает *сжатие* и *расширение* пространства. Закономерно то, что при ускорении времени происходит сжатие пространства («Он тянул учителя за гири, ощупывал ему его круглое белое лицо, пробирался пытливыми пальчиками внутрь его жесткого и колючего мозга» [1, с. 341]; «Сначала крыши станций опадали круто, потом двугранъ их угла стала раздаваться, меняя острый угол на тупой; вместо прямых разбегов шоссе, пересекающих путь, – витиеватые извивы ныряющего под шлагбаум проселка: Россия» [1, с. 376]); а при замедлении времени происходит расширение пространства («Дом, в котором жила семья Штереров, примыкал к горничным плантам, уходящим зелеными квадратами к далекому изгибу Волги» [1, с. 338]). Художественным выражением первого вида деформации является употребление лексики со значением ограничения в пространстве («*Под кроватью* пансионера Максимилиана Штерера… давно уже завелась импровизированная физико-химическая лаборатория» [1, с. 343]), лексики со значением физиологического или психического состояния человека («Только двое не принимали участия ни в обсуждении, ни в подслушивании: “Макс Штерер, огораживающийся книгами и *мыслями*, и Ихиль Тапчан…”» [1, с. 344], «*Пространство, прорываемое мускулами,* казалось ему тугим и трудным» [1, с. 396]), специальных слов, называющих определенные объекты тюремного мира («Последующие два с половиной года жизни изобретателя обведены колючей проволокой *концентрационного лагеря»* [1, с. 370], «В течение долгих месяцев Штерер так и не научился различать друг от друга людей, занимавших *нары* справа, слева и перед ним…» [1, с. 370]). К языковым средствам, выражающим расширение пространственных координат, следует отнести следующие: указания на место действия («*Чахлая Яуза*, прятавшаяся подо льдом, *невдалеке от обиталища Штерера* порва-

ла берега и в течение недели-другой пробовала вспомнить, какой она была в те уплывшие века…» [1, с. 364]), детальные описания интерьера («Штерер отыскал в одном из переулков, пересекающих окраинную Хапиловку, достаточно изолированную и тихую квартиру. Это был деревянный, *в три крохотных оконца* мезонин, *две низких комнаты, лестница во двор. В наружной комнате – койка и груда книг… Внутренняя комната*, куда никто не допускался, должна была служить обиталищем машине» [1, с. 363]).

Однако, помимо сужения и расширения, следует назвать и другие виды деформации пространства, среди которых *удлинение* и *укорачивание* топоса. Примером удлинения может служить следующий контекст: «Шеренга взгорбий у Кремлевской стены медленно *длиннилась»* [1, с. 394]. Второй тип деформации доказывают такие строки: «Погруженный в выравнивание дестабилизирующейся машины, я не сразу заметил, что заоконное пространство *укорачивается»* [1, с. 416]. Лексическим обозначением данных видов изменения пространства являются слова (чаще всего глаголы и прилагательные) со значением протяженности пространства или предметов в пространстве. При этом герой часто воспринимает пространственные локусы и предметы в четких геометрических формах: «Длинный дом. У подъезда рядом с обнаженной *спиралью* звонка – выпуклый *квадрат*, заклеенный бумагой» [1, с. 377]; «И в фразах, *круглых*, как нули, поверенный объяснил, что события Октября… лишают Штерера прав на отказанную ему сумму…» [1, с. 377].

В то же время движимое пространство вокруг главного героя способно разрастаться до *космических*, неземных, бесконечных размеров («Даже в области грубой пространственной техники мы уже близки к тому, чтобы достигнуть скорости вращения Земли, – стоит удвоить ведущую силу пропеллера, и можно пытаться настигнуть ускользающее за горизонт Солнце» [1, с. 418]; «Окно моей комнаты было открыто…: оно должно было превратиться для меня в окно вагона, мчащегося из эпох в эпохи» [1, с. 410]); либо достигать, по выражению В. Топорова, «*минус-пространства»*, или пустоты («Ихя робко спросил: Вы никогда не гуляете?/ Мне нет никакого дела до пространства, – отрезал Штерер…» [1, с. 346]).

Повесть «Воспоминания о будущем» отражает и нетрадиционные виды деформации: так, порой автор делит пространство, разрезая его на фрагменты («Германский рейхсвер расставлял свои батальоны, отрезая спящие под снегом озими Украины от Москвы» [1, с. 376]; «…Солнце тотчас замедлило свой лет; теперь оно было похоже на теннисный шар, который восток и запад, разыгрывая свои геймы, перешвыривает через мой брандмауэр, как через сетку» [1, с. 412]); иногда границы между двумя пространствами размываются («Однажды, вызванный вместе с двумя другими к доске, когда на ее отчерченной мелом трети не хватило места для геометрических знаков, решавших чертеж, – Штерер, обозлившись, вдруг снял губкой длинную черту равенства и несколькими ударами мелом дал решение задачи» [1, с. 343]).

Деформация пространства (сужение-расширение, удлинение-укорачивание, бесконечное-пустое) на сюжетном уровне объясняется не только переходами главного героя через возрастные границы и через связанные с этим события жизни (учеба в пансионе, служба в армии, плен), но и сменой внутреннего состояния Штерера (сон, отчаяние достроить машину времени). Отсутствие деформации наступает в момент концентрации героя над строительством времяреза: «Поглощенный работой, Штерер из-за своей единственной вещи, медленно ввеществлявшейся в бытие, не видел иных вещей, жил мимо фактов, скапливавшихся вокруг его трех окон» [1, с. 366]. Изменения в пространстве не сказываются на фигуре главного героя, он остается статичным наедине со своими мыслями, движение и трансформация касаются лишь природы и предметов внешнего мира, что на языковом уровне выражается глаголами со значением однократного действия, а также словоформами с пространственными предлогами: «Между тем заря, подымавшаяся красной опарой где-то там, *за* каменными *грудами домов*, *переплеснула* через кровли, перекрашивая воздух исчерна накрасно. Штерер не покидал своей неподвижности. *За решеткой бульвара прогромыхала* пустая колымажка, объезжающая мусорные ящики. *Меж деревьев заскребла* о землю метла. Протащились мимо, глухо колоколя друг о друга, молочные бидоны. Где-то вдалеке *заскрежетал на выгибе рельса* трамвайный вагон» [1, с. 398]. Особенность языкового стиля автора повести «Воспоминания о будущем» при решении проблемы динамики пространства проявляется в употреблении новообразований, обозначающих пространственные понятия или свойства пространства: *безместность, длиннилась, длиннящийся.*

Для пространства повести характерна направленность вперед, что доказывается большим количеством сочетаний наречия места с лексемами, имеющими временное значение: «*вперед и вперед в грядущее», «дальше и дальше в будущее»*. Усилительный повтор подчеркивает линейное движение пространства. Временные понятия передаются через метафоры, имеющие в своем составе компонент с пространственным динамическим содержанием: *ветер секунд, лента секунд, песок секунд, серая лента дней.* В основе построения данных метафор лежит сходство временных понятий – секунд, дней – с явлениями и предметами окружающего мира на основании таких признаков, как быстрота («ветер секунд»), сыпучесть («песок се-

кунд»), протяженность («лента секунд») и характеристика изменения времени («серая лента дней»).

Если попытаться выделить доминанту, определяя ее как «компонент произведения, который приводит в движение и определяет отношения всех прочих компонентов» [2, с. 411], то можно прийти к выводу, что ведущей категорией в данном тексте выступает время. С. Кржижановский прямо высказывает свою позицию относительно пространства, и, возможно, этим объясняется неустойчивость пространственной системы повести, которая смещается то в сферу внутреннего мира, то внешней действительности, а порой и вовсе в поле временных координат: «Вообще к пространству и его содержаниям Штерер относился как неспециалист, равнодушно и сбивчиво, путая просторное с тесным, никогда не мог запомнить, высок или низок потолок в его жилье, и неизменно ошибался в счете этажей» [1, с. 370]. Сюжетообразующая идея движения сквозь пространство лежит в основе называния автором традиционной ученой мысли – машины времени – с помощью таких новообразований, как «времярез», «времякол», «времяруб». В их основе содержится постоянный компонент – «время» – и переменный – чистые корни от глаголов «резать, колоть, рубить». Данные инновации выполняют номинативную функцию, обозначая изобретение главного героя.

Однако все виды деформации в повести объясняются теорией, разработанной Максимилианом Штерером, которая утверждает следующее: «Может быть, именно война, расчертившая землю фронтами, заставила его [Штерера] открыть факт как бы некоей вражды, противонаправленности времени и пространства» [1, с. 371].

Итак, мы пришли к выводу, что пространство повести «Воспоминания о будущем» динамично и подвергается различным деформациям. Мы выделили такие пространственные изменения, как сужение и расширение, удлинение и укорачивание, развертывание пространства до космических вселенских размеров и сворачивание до ограниченного отдельным предметом, объектом и его внутренним содержанием. Статичную позицию занимает сам повествователь, чью функцию в тексте выполняет биограф Иосиф Стынский, рассказывающий о Максимилиане Штерере как изобретателе времяреза. Для выражения изменения пространственных отношений в произведении используются различные лексические, грамматические, а также художественные средства: лексика со значением ограничения в пространстве, указания на место действия, детальные описания интерьера, предложно-падежные формы с локальным значением, сложные метафоры. Особенностью языка писателя являются многочисленные новообразования, обозначающие пространственные понятия или свойства пространства.

Библиографический список

1. *Кржижановский С.* Собр. соч.: в 5 т. Т. 2. Клуб убийц букв. Возвращение Мюнхаузена. Материалы к биографии Горгиса Катафалки. Воспоминания о будущем. Чем люди мертвы. – СПб.: Symposium, 2001. – 701 с.

2. *Мукаржовский Я.* Литературный язык и поэтический язык // Пражский лингвистический кружок. Сборник статей. – М., 1967.

УДК 81`38 : 82 – 053.2 / (81` 38)

Кондратьева Мария Александровна
Московский педагогический государственный университет
kondratjeva.marija@mail.ru

ЭМОТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (на материале немецкоязычного публицистического дискурса)

В статье прослеживается частотность употребления сравнительных конструкций, входящих в состав функционально-семантического поля компаративности, как функциональных синонимов, а также предпринята попытка определить, какие из них обладают наибольшим эмотивным потенциалом.

Ключевые слова: *эмотивность, эмотивные синтаксемы, эмотивный потенциал, сравнительные конструкции, функционально-семантическое поле.*

Разноуровневые языковые средства, обладающие общим семантическим признаком, объединяются и образуют функционально-семантическое поле.

По определению А.В. Бондарко, «функционально-семантическое поле – это двухстороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той же семантической зоне» [2, с. 40].

ФСП компаративности также является двусторонним единством. Оно обладает планом выражения и планом содержания, а также имеет центр (ядро) и периферию. Для того чтобы определить, единицы каких уровней составляют ядро и пери-

© Кондратьева М.А., 2012

ферию ФСП компаративности, проследим частотность употребления сравнительных конструкций, входящих в состав функционально-семантического поля компаративности, как функциональных синонимов и попытаемся определить, какие из них обладают наибольшим эмотивным потенциалом.

Категория сравнения изучается и философией, и логикой, и лингвистикой. Для современной философии сравнение – это познавательная операция, лежащая в основе суждений о сходстве и различии объектов. Как логическая категория, оно имеет большое значение при восприятии человеком предметов и явлений окружающего его мира. В лингвистике сравнение акцентирует сопоставление по сходству или различию разнообразных признаков, свойств, качеств отдельных объектов и явлений действительности. Современные исследователи обращают свое внимание на логический и лингвистический аспекты явления компаративности и на изучение их взаимодействия.

Сравнением называется образное словесное выражение, в котором изображаемое явление явным образом уподобляется другому по какому-либо общему для них признаку, в объекте сравнения выявляются новые, неординарные свойства.

В функционально-семантическое поле компаративности входят следующие компоненты: степени сравнения прилагательных и наречий, сравнительные обороты, сложноподчиненные предложения с придаточной сравнительной частью, лексические единицы с семантикой сравнения, словообразовательные сравнительные структуры и различные типы распространенного сравнения. Данные конструкции являются функциональными синонимами, под которыми мы вслед за Т.С. Сорокиной понимаем «однотипные или разноструктурные грамматические единицы как одного, так и различных уровней, выполняющих одну и ту же семантическую функцию при необязательной лексической тождественности» [3, с. 97].

При анализе газетных статей Frankfurter Allgemeine из раздела Feuilleton методом сплошной выборки были собраны словосочетания и предложения, послужившие материалом для исследования. Общее число составило 72 сравнительные единицы. Категория сравнения может быть выражена синтаксическими, лексическими, морфологическими и словообразовательными единицами. Количественное соотношение представлено в таблице.

Согласно данным подсчетам, ядро ФСП компаративости составляют синтаксические и лексические средства, на периферии находятся морфологические и словообразовательные единицы.

Наиболее часто категория компаративности выражается синтаксическими средствами. Семантика сравнения может передаваться различными синтаксическими конструкциями, неоднородными по своему составу и выполняемой функции [4, с. 36].

По степени полноты состава сравнительные конструкции можно разделить на:

1) придаточное сравнительное (представленное двумя составами);

2) неполное придаточное сравнительное;

3) сравнительный оборот.

Использование того или иного наклонения глагола в сложноподчиненных предложениях со сравнительной придаточной частью позволяет выразить реальные и ирреальные сравнительные отношения.

(1) Gelähmt von dieser «gefühllosen Kälte», legt sich Michael mit einer Überdosis Tabletten ins Bett und ist geradezu von der Idee beseelt, **wie man ihn vorfinden würde**, wie der Übervater auf ihn zustürzt und ihm «liebevolle, tröstliche Worte» zuspricht [7, с. 30].

Данное предложение с синтаксемой, то есть с минимальной семантико-синтаксической единицей языка, *«wie man ihn vorfinden würde»* выражает нереальность действия посредством конъюнктива и обладает имплицитным эмотивным потенциалом [5, с. 4]. Эмотивность выражается в данном примере также за счет метафорического переноса (*gefühllosen Kälte*). Сравнение безразличия родных людей с холодом придает этому предложению трагический оттенок.

Как отмечает Ю.Д. Апресян, для отражения эмоций существенную роль играет использование сослагательного наклонения для выражения срав-

Таблица 1

Средства выражения категории сравнения и частотность их употребления

Средства выражения компаративных отношений	Синтаксические	Лексические	Морфологические	Словообразовательные
Количество	39	17	9	7
Примеры	Das wirkt **wie ein Gift.** **Je** länger ich dasaß, **desto** nervöser wurde ich.	Es war **gleichsam** ein Skandal mit Ansage.	Gute Ernährung ist den Deutschen immer **noch wichtiger als** der Genuss.	Vor den Terrassenfenstern leuchteten der Gipfel des Hochfellners und die Kampenwand **schneeweiß** über **matschgrauen** Feldern.

нения [1, с. 454]. Убедиться в этом можно на примере следующего фрагмента:

(2) Abends liest er im Haus des Großvaters die verbotenen Werke von Kant, Schopenhauer und die Philosophen der französischen Aufklärung. Es war, **als ob du nach langem Durst endlich Wasser trinken würdest** [7, с. 29].

Метафорическое сравнение литературной и интеллектуальной жажды с биологической потребностью любого живого организма в воде и использование автором глагола *trinken* в сослагательном наклонении глагола позволяет говорящему сильнее передать свои эмоции.

Сравнительные обороты с союзами *wie* и *als* обладают достаточно ярким эксплицитным эмотивным потенциалом. Автор при помощи этих союзов специально акцентирует внимание читателя на сравниваемом объекте.

(3) Das Leben **als Kunstwerk** [7, с. 29].

(4)…so etwas **wie ein Sklave** [7, с. 31].

Для выражения компаративных отношений в сложном предложение достаточно часто используется двойной союз *je desto*. В таких предложениях речь идет о пропорциональном соотношении двух сравниваемых качествах в главном и придаточном предложениях. При этом в обоих предложениях используются прилагательные и наречия в сравнительной степени:

(5) **Je tiefer** die Ukraine in politische und wirtschaftliche Turbulenzen geriet, **je brutaler und deprimierender** die Realität des gesellschaftlichen Lebens wurde, **desto kühler** standen die Bürger des Landes zur Europameisterschaft [7, с. 33].

Повтор начальных частей двух придаточных сравнительных предложений позволяет ярче выразить эмоции. Сравнение политической и экономической ситуации на Украине с таким явлением, как турбулентность (*politische und wirtschaftliche Turbulenzen*), создает у читателей яркое представление о беспорядочном течении дел в политике и экономике данной страны.

В рамках одного сложноподчиненного предложения со сравнительной придаточной частью могут присутствовать дополнительные сравнительные обороты, придающие такому предложению яркий эмоциональный оттенок и усиливающие семантику сравнения:

(6) In leuchtender Farbigkeit setzt er sie 1977 in sein Gemälde «Gelbe Mauer», **als könne sich das Gleißen**, dass die Umgebung im komplementären Blau zerschneidet, auflösen wie ein durchdringender Strahl [7, с. 29].

Предложение несет сильный эмотивный потенциал: этому способствует использование сравнительного союза *als*, который вводит придаточное сравнительное предложение; союза *wie*, вводящего дополнительный сравнительный оборот *wie ein durchdringender Strahl*.

Достаточно часто употребляются лексические средства для выражения категории сравнения:

– имена прилагательные (ähnlich, gleich) и родственные или производные от этих имен прилагательных глаголы (entsprechen, gleichen) и имена существительные(die Ähnlichkeit, die Gleichheit, die Identität):

(7) …**die Formähnlichkeit** zwischen der höchsten wirtschaftlichen und der höchsten kosmischen Einheit… [7, с. 30];

– наречия: gleichsam, anders, bestenfalls:

(8) Die Landwirtschaft aber wachse **bestenfalls** linear [7, с. 31].

(9) **Anders** als in Croydon…[7, с. 29].

Категория сравнения достаточно часто выражается лексическими средствами. Однако они не несут в себе эмотивного потенциала, а указывают лишь на принадлежность научному или деловому стилю, для которых характерны сухость, отсутствие эмоционально окрашенных слов, сжатость, компактность изложения. Для подтверждения можно привести цитаты из научного издания Вольфгана Граф Витцхума «Völkerrecht»:

(10) **Die Gleichheit** der Staaten führt dazu, dass kein Staat über einen anderen zu Gericht sitzen darf [6, с. 190].

(11) Die Entwicklung im Gebiet der ehemaligen DDR verlief formal betrachtet **ähnlich** [6, с. 225].

(12) Dem Bild des friedlichen Austausches zwischen einer Vielfalt der Kulturelen **entsprechen** auch bilaterale Kulturabkommen, welche dem Austausch im Bereich der Bildung, der Kunst und der Wissenschaft dienen [6, с. 555].

Периферийными же средствами, выражающими категорию сравнения, являются, согласно проведенным подсчетам:

1) морфологические средства,

2) словообразовательные средства.

Категория сравнения включает в себя морфологические средства, а именно степени сравнения прилагательных и наречий, объединенные инвариантной функцией выражения значения сходства либо различия:

(13) …dass er von den **schrecklichsten** Qualen der Hölle befreit sei… [7, с.29].

(14) Die Werkschau des 1949 in Wilhelmshaven geborenen Künstlers ist in Berlin **am besten** Platz… [7, с. 32].

Для передачи сравнения используются адъективные словосложения: **lebenslänglich, riesengroß, in flammendroten nackten Männerleibern, in einen morgenröteten Himmel**.

Данный способ передачи отношений сравнения объясняется, прежде всего, особенностями немецкой словообразовательной системы.

Таким образом, для выражения семантики сравнения используются средства различных языковых уровней: синтаксического, лексического, морфоло-

гического, словообразовательного, фразеологического. Это многообразие обусловлено логической структурой сравнения, то есть движением мысли автора от заданного элемента к искомому образу.

Все компаративные единицы выражают эмотивность, однако не всем присуща одинаковая степень экспрессии. Наиболее ярко эмотивный потенциал проявляется при отрицательной коннотативной окраске сравниваемого объекта. Сравнения с отрицательной коннотацией составляют больше половины отобранных единиц. Такие единицы наиболее удачно передают отношение автора, например, его иронию:

(15) Keine Kamera waren zugegen, um die Delinquenten aufzunehmen, die gegen zehn Uhr abends **wie ein Heuschreckenschwarm** über einige Straßen hergefallen waren [7, c. 31].

Метафорическое сравнение ночного появления преступников на улицах города с нашествием саранчи, выраженное сравнительным оборотом *wie ein Heuschreckenschwarm*, показывает явное негативное отношение автора к данной группе лиц.

Функционально-семантическое поле компаративности группируется вокруг семантической категории сравнения. Ядро поля, таким образом, составляют синтаксические и лексические единицы. На его периферии находятся морфологические и словообразовательные средства. Наибольшим эмотивным потенциалом же среди данных функциональных синонимов обладают синтаксические средства. Эмотивность усиливается также за счет стилистических приемов (метафорических переносов, анафоры), сослагательного наклонения и ряда союзов. Используя сравнительные конструкции с разной степенью экспрессии, группируя их в рамках одного предложения, журналист создает яркие и понятные сознанию читателя образы, которые живо воздействуют на воображение и чувства человека.

Библиографический список

1. *Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография: избр. труды. – Т. 2. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 465 с.

2. *Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – Л., 1983. – 208с.

3. *Сорокина Т.С.* Функциональные основы теории грамматической синонимии // Вопросы языкознания. – 2003. – № 3. – С. 92–112.

4. *Черемисина М.И.* Сравнительные конструкции русского языка. – Новосибирск, 1976. – 191с.

5. *Шипова И.А.* Эмоциональный синтаксис в немецкоязычном дискурсе: Дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2005. – 231 с.

6. Wolfgang Graf Vitzthum. Völkerrecht, 4.Auflage [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// books.google.ru/books?id=vAbMuXuUNZgC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false (дата обращения 23.04.2012).

7. Frankfurter Allgemeine Zeitung, Mittwoch. – 10 August. – Nr. 184.

УДК 81`38 : 82 – 053.2 / (81` 38)

Матвеева Мария Ивановна
Московский педагогический государственный университет
montegra@bk.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ОЦЕНКА НА УРОВНЕ МИКРОТЕКСТА (на материале немецкого публицистического дискурса)

Статья посвящена анализу эмоциональной оценки и особенностей ее функционирования на уровне микротекста в немецком языке. В работе отображена сложность и многогранность средств выражения эмотивности выше уровня предложения.

Ключевые слова: *эмоциональная оценка, оценка, микротекст, эмотивность.*

В современной лингвистике существует немало работ, в которых рассматриваются способы выражения оценки в том или ином языке. В отечественном языкознании данной проблеме посвящены труды таких лингвистов, как В.И. Шаховский (1969), Е.М. Вольф (1979, 1985), Г.А. Золотова (1980), С.М. Кривонос (1980), Н.Д. Арутюнова (1982, 1983, 1985), В.Н. Телия (1986), Э.В. Хилханова (1997, 1999), Н.Н. Миронова (1998), и других. Так, в немецком языкознании оценка в семантической структуре слов анализируется в исследованиях Th. Geiger (1979), W. Zillig (1982), N. Fries (1991, 2012). Остается открытым вопрос о месте эмоциональной оценки в системе модальных грамматических категорий. Отношение «хорошо/плохо» лежит в основе категории оценки, но на него наслаиваются разнообразные дополнительные значения. Модальность оценки тесно связана с основными модальными значениями, например, с эпистемической модальностью. Мы полагаем, однако, что более глубокому пониманию сущности оценки способствует ее анализ на уровне микротекста, или минимальной тематической единицы, поскольку это позволит не только увидеть ее более полно и объемно, но и выявить определенные закономер-

 © Матвеева М.И., 2012

ности функционирования на более высоком уровне, чем предложение.

Существуют различные средства выражения эмоций и сообщения о них – интонация, специальные лексические средства (междометия), некоторые типы предложений, которые характеризуются специфической структурой (эмотивные предложения, перераспределение позиций в рамках синтаксической структуры), например:

(1) Haha, Werber sind so doof! [9; 07.10.2011].

(2) Was für ein verdammter Witz! [9; 06.10.2011].

(3) Was für ein Wahnsinn! [9; 05.10.2011].

Сообщение об эмоциях и оценках выражается в предложениях, описывающих переживания третьего лица, либо первого лица в не настоящем времени. В этом случае используются специфические средства выражения [3, с. 646]: описания жестов, сопровождающих выражение чувств, например, выражения типа **mit freundlichem/versteinertem Gesicht**:

(4) Vor kurzem war Richard Allan, Facebooks oberster europäischer Lobbyist, zu Gast im Bundestag. Mit freundlichem Gesicht hörte er dem Bundesbeauftragten für Datenschutz, Peter Schaar, zu und nickte [9; 21.11.2011].

(5) Mit versteinerten Gesichtern standen die Palästinenser am Straßenrand, einige Jungs wurden wütend, und linke israelische Aktivisten hielten sie davon ab, etwas Falsches zu tun [9; 16.11.2011].

Необходимо различать языковые средства, собственно выражающие эмоции и описывающие их (Гак (1998), Вольф (1985)). В концепции Е.В. Падучевой, речь в данном случае идет о разных повествовательных режимах. ***Нарративный режим*** (интерпретация) характеризуется тем, что отношение текста к речевой ситуации, а следовательно, и к моменту речи, для него не существует [6, с. 13]. ***Речевой режим***, или диалогический, определяется наличием говорящего и слушающего, которые связаны единством места и времени, имеют общее поле зрения, могут видеть друг друга и жесты друг друга [7; 16.04.2012]. ***Гипотаксическая интерпретация*** возникает в придаточном предложении, соотнося его с главным [8; 16.04.2012]. Интерпретация эмоциональных оценок может быть выражена глаголами или предикативными словами – разновидностью неизменяемых слов, употребляющихся только в роли сказуемого, преимущественно в безличных предложениях, в то время как к непосредственному выражению эмоций относятся междометия, эмоционально-оценочные восклицания, вербальные реакции:

– Нарративный режим:

(6) Drittens waren die italienischen Industriellen von Berlusconi genauso begeistert wie ehemals von Mussolini, spekulierten auf Steuersenkungen [9; 17.11.2011].

(7) Die Politiker schauen ganz besorgt, und manche behaupten sogar, Europa würde «scheitern» [9; 08.10.2011].

Как мы видим из приведенных высказываний, для выражения модальной оценки используются слова **begeistert** и **besorgt**. Они «интегрированы» в содержание высказывания и способствуют выражению оценки третьих лиц.

– Речевой режим:

(8) ZEIT ONLINE: «Und wenn er doch da sein wird?»

Zhadan: «Oh, dann wird er hören, was die Leute denken, wie schon bei den beiden letzten Spielen in Kiew und Lwiw. Die Ukrainer und ich werden Janukowitsch ausbuhen» [9; 30.04.2012].

В примере (8) мы можем наблюдать непосредственное выражение эмоции посредством междометия **Oh**, а именно негативное отношение, которое раскрывается дальше в высказывании.

Средства, описывающие эмоции, зачастую функционируют в микротексте или в предложении. Микротекст, как пишет О.И. Москальская, – это специальным образом организованная, закрытая цепочка предложений, представляющая собой единое высказывание [4, с. 17]. На примере следующего фрагмента мы можем проанализировать выражение эмоций на уровне выше предложения – микротекста:

(9) In der deutschen Sprache spielt das Wort Kultur eine große Rolle. Wir haben seit einigen Jahren sogar einen Kulturstaatsminister und sind heute stolz auf viele Varianten wie unsere Streitkultur, unsere Leitkultur und den Kulturbeutel. Wo die Kultur-Kultur erlebt werden kann, erfahren wir gelegentlich durchs Feuilleton. Dabei finden immer dieselben drei Städte Erwähnung: Weimar, Bayreuth und Lübeck. Dort müsste doch auch ein fruchtbarer Boden für verfeinertes Essen vorhanden sein, meinte ich und programmierte mein Navigationsgerät [9; 23.08.2011].

В приведенном отрывке автор анализирует значение слова «культура» применительно к кулинарной культуре того или иного места. В связи с тем, что такие города, как Веймар, Байройт и Любек, являются культурными центрами, Wolfram Siebeck оценивает их как плодородные почвы для изысканной еды. Средством оценки здесь является метафора, которая включена в начало последнего предложения, завершая микротекст (**ein fruchtbarer Boden für verfeinertes Essen**). В данном примере эмоционально-оценочный элемент в конце микротекста позволяет сделать некоторое обобщение, помогает привлечь внимание собеседника, заинтересовывает, создает настрой для дальнейшего погружения в мир кулинарии тех городов, куда отправляется автор.

Эмотивность высказывания может быть увеличена либо использованием различных форм интен-

сивности, как качественными, так и количественными, либо путем обращения к разуму слушающего, иначе говоря, апелляции к аргументам. Качественная интенсивность выражается в использовании более сильного слова в ряду синонимов, а количественная – в повторении слова, имеющего эмоциональную окраску [3, с. 648].

Рассмотрим пример:

(10) Als ich zur Generalprobenzeit das Hotel Goldener Anker in Bayreuth betrat, empfingen mich zwei Personen in Kostümen des 18. Jahrhunderts, also Rokoko, also Mozart, was mich verwirrte. Ich hatte doch spätgotische Wucht erwartet, Männer im Harnisch auf Harley-Davidsons und festliche Fummel an feuergestählten Frauen. Aber das hätte nicht zu diesem bezaubernden Hotel gepasst. Wagner hin, Götterdämmerung her – der Goldene Anker war schon immer etwas Besonderes in Bayreuth, nicht nur während der Festspiele; ein kleines, privates Luxushotel [9; 23.08.2011].

В данном отрывке средства интенсивности взаимодействуют друг с другом, происходит варьирование эмотивов: морфологическая транспозиция (переход от имени прилагательного **bezaubernden** к субстантивированному прилагательному **Besonderes**, а затем к имени существительному **Luxushotel**).

В следующем фрагменте средством интенсивности высказывания выступает синонимическая замена, при этом наблюдается градация признака:

(11) Ich hatte nämlich Matjes bestellt, die wurden mit Speckstippe und gekochten grünen Bohnen serviert. Sie wurden nicht wie in Worpswede in der Hammehütte Neu Helgoland, wo es die besten Matjes der Welt gibt, mit perfekten Bratkartoffeln gereicht, aber sie waren trotzdem mehr als erfreulich [9; 23.08.2011].

В приведенном высказывании после придаточного места, содержащего оценку, выраженную формой прилагательного **gut** в сравнительной степени, следует дополнительная характеристика блюда, содержащая прилагательное **perfekt**. Естественно, подобное уточнение дополняет и усиливает положительную оценку.

Синтаксическая транспозиция, изменение порядка слов в эмотивном комплексе также может служить для увеличения эмотивной силы высказывания:

(12) Auch die kenntnisreiche Sommelieuse lässt mich vergessen, dass Weimar bei allem Weltruhm ein typisches Provinzstädtchen ist, dessen kulinarische Spezialitäten die Thüringer Bratwurst (unbestreitbar lecker!) sowie ein schwarzes Bier sind, das wie ein Guinness aussieht, aber nicht einmal wie ein Bamberger Rauchbier schmeckt [9; 23.08.2011].

В приведенном фрагменте имеет место парантеза – она занимает позицию после предикатива, а не перед ним в традиционном синтаксическом построении. Ее выделение после предикатива в скобках позволяет говорящему выделить и особо подчеркнуть специфические свойства тюрингских деликатесов, не сравнимых с другими.

Эмотивность подчеркивается и употреблением после прямого обозначения косвенной номинации – метафоры или сравнения [3, с. 648]:

(13) Ich habe in Bayreuths Innenstadt kein einziges Restaurant gefunden, dessen aushängende Speisekarte meine Neugier oder sogar meinen Appetit geweckt hätte. Ich sah im Vorbeigehen riesige Klöße in sumpfigen Saucen schwimmen, ich passierte tausend fränkische Bratwürste, die viel dünner sind als ihre Thüringer Schwestern, und ich freute mich über die Bemühungen der Bayreuther Köche, den unentrinnbaren, an der Haut gebratenen Zander wenigstens in diesem Teil Deutschlands zum Verschwinden zu bringen, indem sie ihn als einzigen Fisch in ihr Repertoire aufnehmen [9; 23.08.2011].

По определению Н.Д. Арутюновой, метафора – это «троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений, для характеризации или наименования объекта, входящего в другой класс, либо для наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [1, с. 29]. В приведенном высказывании метафору **Thüringer Schwestern** можно трактовать как персонификацию – перенесение свойств человека на неодушевленные предметы. С другой стороны, это стилистическую фигуру можно охарактеризовать как окказиональную или авторскую метафору (Наер (2006)).

На примере следующего фрагмента мы можем проследить закон триады – троекратное повторение одного и того же с указанием тех признаков, которые оцениваются. Выражение положительной оценки трижды реализуется путем указания на хорошие качества материала, при этом последняя номинация является усилением признака и служит для усиления экспрессивности.

(14) Es sei ein tolles Material, sagt er: «Es riecht gut, es schaut gut aus, und es ist wahnsinnig vielseitig» [9; 08.10.2011].

Эмотивный блок обладает структурно-семантическими особенностями, так как компоненты триады могут реализовываться по-разному. В.Г. Гак (1998) указывает на то, что сходные элементы эмотивного блока могут занимать разные позиции. Рассмотрим схемы этих вариантов, предложенные В.Г. Гаком, где **А** – это сходные элементы, а **В** – это третий компонент триады, обладающий отличными от сходных элементов характеристиками (синтаксической структурой, лексическим наполнением):

– в начале блока (А1+А2+В);

(15) (А1) Der Wert moderner Autos wird wohl vor allem von den Fahrhilfen, den Komfortgadgets

und der (A2) äußerlichen Eleganz bestimmt. (B) Wie eine Armbanduhr mit hoher Goldauflage, welche die genaue Zeit auch unvergoldet anzeigen würde [9; 26.08.2010].

В приведенном выше фрагменте (14) сходные элементы (**A1** и **A2**) выражены существительными с положительным значением, однако существенным является третий компонент триады – сравнение (**B**). Элемент (**B**) раскрывает истинное отношение автора, а именно выражает сарказм, насмешку, которая открывается позитивным суждением, но в целом содержит негативную окраску и указывает на недостаток объекта оценки.

– в конце блока (B+A1+A2);

(16) Um einen (B) TVU (Total Verkorksten Urlaubstag) zu vermeiden, sollte man Kinder bei den Großeltern abgeben oder darauf achten, dass sie keinesfalls ihr Essen selbst aussuchen. Daheim müssen sie ja auch essen, was Mutter (Vater) ihnen gekocht hat, und die wissen im Restaurant ebenfalls (A1) am besten, (A2) womit sie ihre Brut füttern können, ohne dass der Notarzt kommen muss [9; 20.04.2011].

В фрагменте (15) основной элемент (**B**) – испорченный день с сильным эмоциональным потенциалом (усилительное слово total + окказионализм в форме аббревиатуры). Элемент (**A1**) выражен наречием в превосходной степени в функции предикатива, на первый взгляд, с положительным значением: вроде как знают, лучше всего, а на самом деле все не так. Компонент (**A2**) – метафора тоже с сарказмом: дети сравниваются с выводком. В смысле, даже не люди, а животные, которым нет места в ресторане.

Иногда эмотивных звеньев в блоке больше, рассмотрим следующий фрагмент:

(17) Alles wird in großen Töpfen durcheinandergekocht. Das gilt auch für die Kräuter und Gewürze, sodass auf den Tellern ein Chaos herrscht, das sich mit dem ampellosen Straßenverkehr in Kairo vergleichen lässt. (Wo tief verschleierte Frauen mit ihren Babys auf dem Arm den Kotflügeln der Autos so kaltblütig entgegengehen wie Toreros in der Arena den Stieren.) Wer den avantgardistischen Minimalismus unserer Kunstköche verabscheut, wird hier glücklich werden. In der besseren Gastronomie wiederholt sich das Prinzip des Durcheinanders, wobei die Fleischportionen größer werden und, manchmal, sorgfältiger gebraten sind. Aus dekorativen Gründen werden die einzelnen Zutaten gern in extra Schüsselchen und Tellerchen serviert, deren Inhalt aber alsbald wieder vermischt wird [9; 11.05.2011].

Компоненты эмотивного блока образуют кольцевую композицию и могут быть выражены формулой Г1+С1+П1+С2+Г2, где Г – глагол, С – имя существительное и П – имя прилагательное. Автор дает оценку кухне Египта, обращая внимания читателя на тот факт, что во всем господствует хаос. Ярким средством оценки выступает сравнение беспорядка на тарелках с уличным движением, где нет светофоров.

Итак, субъективно-эмоциональная оценка является результатом эмоциональной реакции субъекта на некоторое действие или явление. Как показал фактический материал, оценка может функционировать на уровне микротекста, образуя определенные схемы и композиции. Наблюдается варьирование оценки в начале и в конце сверхфразового единства (микротекста). Данное наблюдение мы сделали на примере нарративного режима. Перспективным представляется нам выявление схем функционирования оценки в других повествовательных режимах.

Библиографический список

1. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 895 с.

2. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. – М.: Едиториал УРСС, 2006. – 280 с.

3. *Гак В.Г.* Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.

4. *Москальская О.И.* Грамматика текста (пособие по грамматике немецкого языка для ин-тов и фак. иностр. яз.): учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 1981 – 183 с.

5. *Наер Н.М.* Стилистика немецкого языка: учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 2006. – 271 с.

6. *Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 480 с. – (Язык. Семиотика. Культура).

7. *Падучева Е.В.* Режим интрепретации как контекст, снимающий неоднозначность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lexicograf.ru/files/dialog_2008_Paducheva.pdf (дата обращения 16.04.2012).

8. *Падучева Е.В.* Дискурсивные слова и категории: режимы интерпретации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://iling-ran.ru/library/grammar_theory_group/itg4.pdf (дата обращения 16.04.2012).

9. Zeit Online: [сайт]. URL: http://www.zeit.de.

УДК 811.161.1.10.02.04

Середина Екатерина Викторовна
Белгородский государственный университет
seredina@bsu.edu.ru

ВИЗУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ

Данная статья посвящена анализу визуальной метафоры в политической карикатуре. Визуальная метафора рассматривается исходя их особенности карикатуры как смежного жанра политического, юмористического, художественного и масс-медийного дискурсов.

Ключевые слова: *политическая карикатура, визуальная метафора, креолизованный текст, политический дискурс.*

Последнее время характеризуется ростом объема визуальной информации, которая имеет более высокую информационно-энергетическую емкость и более широкий прагматический потенциал, чем вербальная информация. «Зрительная информация, воздействующая на индивида по схеме “от увиденного к услышанному”, получает все более широкое распространение, нарушая монополию печатного текста на передачу информации в самых разных сферах жизнедеятельности человека» [4, с. 119]. Для выполнения данной цели в настоящее время всё чаще используются так называемые креолизованные тексты. «Креолизованные тексты» – это «тексты, фактура которых состоит из двух гомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык))» [6, с. 180–181]. Политическая карикатура, как один из видов креолизованного текста, в настоящее время получила широкое распространение в средствах массовой информации и является орудием воздействия на читателя, следовательно, на общественное мнение и политическую ситуацию.

В широком смысле под карикатурой понимается любое изображение, где сознательно создается комический эффект, где художник совмещает реальность и фантастику, преувеличивает, акцентирует специфические черты людей, изменяет соотношения их с окружающим миром и использует неожиданные сравнения. В более узком смысле карикатура – это «особый жанр изобразительного искусства (как правило, графики), являющийся основной формой изобразительной сатиры и обладающий ясной идейной социально-критической направленностью» [2, с.5]. Основная интенция политической карикатуры – критика актуальных политических явлений, карикатурист, приступая к созданию карикатуры, имеет цель выразить общественно-политическую жизнь страны в намеренно-комичном виде. Визуальный компонент карикатуры несёт в себе больше информации и является неотъемлемым, равноценным компонентом текста, не уступающим по значению словесному компоненту, который, в свою очередь, служит своего рода комментарием или дополнением к визуальному. В связи с последним, создание визуального компонента является сложным и творческим процессом, поскольку именно визуальный компонент несёт в себе основную смысловую нагрузку. Визуальный компонент политической карикатуры может быть представлен схемами, эмблемами, символами, но чаще всего – рисунками. Для красочного описания того или иного события авторы прибегают к визуальной метафоре – одному из основных ресурсов пополнения либо обновления лексического запаса языка.

Большинство современных теорий о метафоре как образном средстве языка разработано с учётом печатного, письменно зафиксированного материала. Однако возможно исследовать метафору, ее структуру и функции не только в вербальной области, но и в области других знаковых систем. Визуальная метафора выстраивается через соотнесение двух зрительных образов, выступающих в качестве иконических знаков [4, с. 119]. При их монтажной состыковке друг с другом возникающий смысл трактуется уже как символ такого явления, которое напрямую не связано с каждым из представленных образов. Монтажный механизм метафоры здесь функционирует таким образом, что при одновременной реализации первого и второго планов содержания метафоры возникает третий план (то, что имплицируется продуцентом), то есть новая художественная реальность. Построение новой реальности является одной из самых важных метафорических функций [5, с. 85]. Именно использование принципа монтажа делает метафору универсальным и, вероятно, самым эффективным механизмом создания образности в политической карикатуре, поскольку он делает событие красочным и эмоционально-насыщенным.

Предметом настоящей статьи является визуальная метафора в англоязычных политических карикатурах. С помощью визуальной метафоры авторы политической карикатуры выражают свои мысли, изображая социально-политическую ситуацию в мире. Используя метафоры, авторы стремятся привлечь внимание общества к решению актуальных политических проблем.

Согласно М. Блэку, метафора возникает ассоциативно, когда к главному субъекту прилагается система «ассоциируемых импликаций», связанных со вспомогательным субъектом. Метафора отбира-

© Середина Е.В., 2012

ет, выделяет и организует одни, вполне определенные характеристики главного субъекта и устраняет другие, что влечет за собою сдвиги в значении слов. Для метафоры важна не истинность этих ассоциаций, а их быстрая активизируемость в сознании [3, с. 167]. Важно, чтобы метафоры, используемые в политической карикатуре, были узнаваемы и легко понимаемы. Рассмотрим пример использования визуальной метафоры в политической карикатуре. На карикатуре представлен трон, который репрезентирует «TOTALITARISM». Одна из опор «TUNISIA», поддерживающих ножки трона, треснула, из-за чего ножка «EGYPT» отвалилась, и так трон стал постепенно ломаться. Данная метафора показывает последствия недавно произошедших революций в арабском мире, что привело к смене не только лидеров стран, но и тоталитарных режимов в этих странах. Следовательно, с помощью данной визуальной метафоры автор красочно и метко показал перемены, происходящие в арабских странах.

Сама структура метафоры позволяет радикально сокращать путь от одного образа к другому. Такое быстрое, фактически моментальное перемещение, или «скачок», от одного образа к другому позволяет добиться максимальной концентрации внимания массовой аудитории [4, с. 120]. Рассмотрим политическую карикатуру, на которой представлен айсберг «DEBT CRISIS», к нему приближается корабль «FEDERAL BUDGET», на котором спорят о курсе: «LEFT!!» «NO, RIGHT!». Визуальная метафора, представляющая долговой кризис, точно подчёркивает основные свойства данного явления, а выбор именно айсберга для изображения кризиса свидетельствует о надежде на правильно избранный путь и возможности избежать разрушительных последствий в экономике страны.

Жанр карикатуры входит в пространство смехового, политического, художественного, масс-медийного дискурсов, являясь уникальным синтезом литературного творчества и изобразительного искусства, где, с одной стороны, автор выступает сценаристом и режиссером-постановщиком, а с другой – актером, художником, воплощающим свой замысел в различной изобразительной технике. Новые идеи отображения быстро меняющегося мира рождаются, прежде всего, в сознании художника-карикатуриста, так как при почти моментальном исполнении своего произведения сатирик среди авторов других изобразительных жанров обладает уникальной способностью самого быстрого реагирования на текущие события [1, с. 157].

В политической карикатуре, как в одном из жанров политического дискурса, визуальная метафора выполняет эвристическую функцию, являясь средством выражения постоянно меняющейся политической ситуации и формулирования новых политических событий. На карикатуре показана пирамида в пустыне, в вытянутой руке находится факел. Данная визуальная метафора указывает на обретение Египтом независимости, также можно судить, что США помогли зажечь этот «факел независимости». В карикатуре нет вербального компонента: визуальной метафоры, своего рода намёка или ссылки, достаточно для интерпретации сюжета. В другой карикатуре с подобным сюжетом – представленная пирамида имеет лицо статуи Свободы Америки – есть вербальный компонент: «LIKE IT? I HAVE SOME WORK DONE». Здесь вербальный компонент объясняет выбор данной визуальной метафоры, тем самым показывая, что привело Египет к обретению независимости.

Благодаря своей фигуральности, она выполняет прагматическую интерактивную функцию сглаживания наиболее опасных политических конфликтных ситуации, затрагивающих спорные политические проблемы. Здесь важно отметить, что особенность политической карикатуры – её прагматическая ценность – состоит в том, что она показывает обществу не «как надо делать», а «как не надо», тем самым указывает на предполагаемые ошибки и тупиковые пути. Ярким примером может служить карикатура, на которой показан корабль «EUROPE», который попал в воронку и идёт ко дну. На дне представлен знак валюты евро. Данная метафора говорит о том, что автор видит причину сложившихся проблем в странах Европы именно во введении новой единой валюты.

И, наконец, поскольку метафора в политической карикатуре всегда призывает к фоновым (политическим) знаниям (знание политических событий, визуальное знание политических персоналий, партий, их символики), она тем самым создает у создателей и реципиентов общую платформу, опираясь на которую карикатурист может более успешно вносить в сознание адресата свои мнения [7]. Обратимся к примеру, на карикатуре представлена пушка «EUROCRISIS PLAN», рядом с ней стоит человек и зажал уши, перед ним ядра, он заряжает её и ждёт, когда она выстрелит. Для точного понимания данной метафоры необходимо знать, о каких именно мерах по предотвращению кризисной ситуации идёт речь в карикатуре. Владея информацией о том, что совет стран Евросоюза разработал жесткую линию в проведении мероприятий по предотвращению распространения кризиса, можно сделать вывод, что данный план, с одной стороны, точно ударит по экономике отдельных стран, а с другой – приведет к разрушительным последствиям.

Политическая карикатура, входя в пространство художественного дискурса, располагает набором особых визуальных метафор, которые служат средствами украшения и активизации внимания читателей к политической проблеме и являются яркими, запоминающимися образами для читателей. Рассмотрим карикатуру под названием

«HURRICANE OBAMANOMICS», в которой президент США Барак Обама пытается удержаться за пальму при урагане и успокаивает себя «IT"S JUST A SLIGHT HEADWIND». Неологизм и визуальная метафора, представляющая реформы, проводимые президентом в экономике, в юмористическом ключе свидетельствуют о непредсказуемых изменениях в стране и о разрушительном характере данных реформ для страны. В других карикатурах с помощью визуальных метафор образно показаны проблемы с валютой евро и долговым кризисом в Европе. На карикатуре, где с лестницы упустили коляску, репрезентирующую валюту евро, визуальная метафора позволяет судить о неконтролируемости процесса падения евро и тем самым открывает для читателей возможность судить о проблемах в экономике страны. В следующем примере человека «EU» душит огромный удав «DEBT CRISIS». Такая яркая визуальная метафора отражает кризисную ситуацию в странах Евросоюза, свидетельствуя о безвыходном положении союза.

Визуальные метафоры, которые широко используются в политической карикатуре, как жанре дискурса масс-медиа, с одной стороны, выявляют необходимые наиболее яркие качества и свойства (положительные и отрицательные) политических лидеров и деятелей и, с другой, повествуют об особенностях их деятельности. Примерами могут служить политические карикатуры, на которых представлены бывшие лидеры государств, в которых произошли революции. Хосни Мубарак, бывший президент Египта, представлен медленно исчезающим в песочных часах. Данная метафора символично говорит о том, что время правления президента подошло к концу. На другой карикатуре Бен Али, бывший президент Туниса, едва держится за порванный ковер-самолёт, что свидетельствует о конце его правления. Бывшего лидера Ливии уносит в небо гриф «NATO».

Визуальные метафоры служат для создания комического эффекта в политических карикатурах. На карикатуре под названием «SIMPLE GUIDE TO SCOTTISH INDEPENDANCE» представлен лабиринт из змей, без выхода и входа. Алогичность вербального компонента (словосочетания) и визуального (лабиринта) создают юмористический настрой сюжета карикатуры.

В политической карикатуре неизменно присутствует архетипичные метафоры. Карикатуристы, желающие донести до массовой аудитории свое видение политической ситуации, используют образы природного цикла, света и тьмы, жары и холода. Такие метафоры опираются на универсальные архетипы, служат основой для понимания людьми друг друга и в то же время создают основу для политического воздействия и убеждения. Рассмотрим пример политических карикатур, которые характеризуют кризис в странах Еврозоны. С помощью визуальной метафоры карикатуристы обозначают события, явления, которые вызывают интерес со стороны общества. При анализе политических карикатур на тему долгового кризиса были выявлены следующие метафоры: мировой кризис – снежный ком, мировой кризис – цунами, мировой кризис – проливной дождь, мировой кризис – метеорит, мировой кризис – айсберг, то есть мировой кризис – природная стихия. Использование метафор для отражения сущности политического кризиса показывает неизбежность и неконтролируемость самого явления, поскольку человеку не может изменить природные условия, таким образом, авторы передают трагическое видение сложившейся ситуации в мире.

Часто визуальная метафора в политических карикатурах направлена на выявление ролей, приписываемых политикам в процессе их предвыборных кампаний. Так, кандидата от республиканской партии, губернатора штата Техас часто представляют в роли ковбоя. На двукадровой карикатуре в первом кадре под названием «THE MYTH» представлен сильный, стройный ковбой на красивом коне, а во втором – «THE REALITY» – маленький человек на пони. Данные метафоры характеризует кандидата в президенты, показывая тем самым несоответствие между его образом и реальностью.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, политическая карикатура обладает рядом специфических особенностей, которые объясняются тем, что карикатура имеет жанровые характеристики, присущие и политическому, и юмористическому, и масс-медийному, и художественному дискурсам. Визуальная метафора в сюжете политической карикатуры является универсальным средством, которое отражает эти свойства. Прежде всего, визуальная метафора является метким и ярким средством украшения, а также описания актуальных политических явлений в мире, она служит для создания красочных сюжетов и позволяет точно и образно изобразить проблемы мирового сообщества. Процесс интерпретации невербальной метафоры в политической карикатуре осуществляется сложнее, поскольку образ многогранен и неисчерпаем, поэтому часто для облегчения восприятия визуальной метафоры авторы прибегают к вербальной характеристике, представленной в виде слова или словосочетания. Знание политической ситуации в стране, а также знание символов партий, использованных в карикатуре, помогает читателю оценить и интерпретировать сюжет политической карикатуры согласно идее автора.

Библиографический список

1. *Алексеев В.А.* Оружием политической сатиры. – М.: Мысль, 1979. – С. 157.

2. *Артемова Е.А.* Карикатура как жанр политического дискурса: Автореф. дис. … канд. филол.

наук / Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2002. – 15 с.

3. *Блэк М.* Метафора / пер. с англ. М.А. Дмитровской // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 153–172.

4. *Большакова Л.С.* Когнитивный механизм создания визуальной метафоры (на материале англоязычных музыкальных видеоклипов) // Современные проблемы науки и образования. – М.: ИД «Академия Естествознания», 2008. – С. 119–123.

5. *Крюкова Н.Ф.* Метафора как прагматическое средство при построении художественного текста // Языковое общение: процессы и единицы: Межвуз. сб. науч. тр. – Калинин: Калиниск. гос. ун-т, 1988. – С. 81–86.

6. *Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М., 1990. – С. 180–181.

7. *Chilton P., Ilyin M.* Metaphor in political discourse: the case of the‘common European house’ // Discourse and society. – Vol. 4(1). – L., 1993. – P. 7–31.

УДК 494.3

Темирбекова Амина Омирбековна

Нукусский государственный педагогический институт (Узбекистан)

temirbekova@inbox.ru

ИЗ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖДОМЕТИЙ

В данной статье рассматривается история изучения междометий в тюркских языках; подвергаются анализу суждения тюркологов-лингвистов, занимающихся вопросами междометий в русском, каракалпакском, узбекском, казахском, азербайджанском, туркменском и других языках.

Ключевые слова: *междометия, эмоционально-волевая реакция, семантические и грамматические особенности, фонетико-морфологические особенности, семантико-функциональная классификация, номинативная функция, стилистическая функция, смысловая интонация.*

Исходя из опыта многовекового учения о междометиях авторы энциклопедии «Русский язык» пишут: «Междометия – лексико-грамматический класс неизменяемых слов (часть речи), не относящихся ни к служебным, ни к знаменительным словам и служащих для выражения (но не называния) чувств, экспрессивных оценок, волевых побуждений призыва» [1, с. 57] Это, на наш взгляд, на сегодня является наиболее оптимальным, логичным и научно обоснованным определением междометий.

Известно, что история изучения междометий имеет давнюю традицию. Ее истоки восходят к трудам римских языковедов (Варрон, I в. до н. э.). Следует отметить, что лингвисты разных эпох и стран относились к вопросу о междометиях поразному. Существует множество различных, совершенно противоположных по характеру и содержанию взглядов на лексико-грамматическую природу междометий.

Так, междометие в течение долгого времени оставалось и остается объектом изучения и оживленных споров видных лингвистов, чьи суждения о нём представляют собой особый интерес для определения его лексических, грамматических, стилистических особенностей.

Изучению междометий посвятили свои работы видные русисты и лингвисты-тюркологи. Например, самостоятельное научное изучение междометий было начато М.В. Ломоносовым. Его традиции были продолжены и развиты учеными последующих поколений.

Междометие – особая часть речи, которая не имеет морфологических признаков. Но в смысловом отношении она связана с областью чувств и воли: выражение удивления, сожаления, восхищения, радости; выражение побуждения – приказы и волеизъявления [2, с. 212].

В фундаментальном труде А.Н. Кононова [17, с. 245] даются сведения о видах междометий в рунических памятниках VII–IX веков, а Х.Г. Нигматов [22, с. 19; 20] рассмотрел лексико-семантические разновидности междометий в тюркоязычных памятниках XI–XII веков.

В науке о языке существуют разногласия по поводу междометий как самостоятельной части речи, определения их грамматических особенностей.

Так, Ф.Ф. Фортунатов утверждал, что междометия лишь эмоциональные сигналы, которые не переходят в слова. Ф.И. Буслаев [5, с. 256] же признал междометия частью речи. Он рассматривал их как речевые единицы, которые служат для выражения эмоционально-волевых реакций говорящего. К.С. Аксаков [2, с. 215] считал, что междометия вовсе не слова, а нечто, выражающее эмоции и чувства.

А.А. Шахматов относил междометия к внутренним проявлениям говорящего, выражающим его побуждения, но не называющим их. В.В. Виноградов [8, с. 365] рассматривал междометия как выражение субъектом различных эмоциональных реакций на реальность. Если А.А. Булаховский [6, с. 20] и В.А. Малаховский [21, с. 54] считали, что междометия – это определение чувств и эмоций, то П.Г. Стрелкова [27, с. 9; 11] относила междометия не к словам, а к эквивалентам слов. В противовес этому мнению, Е.М. Галкина-Федорук [10, с. 118; 120] приводит пример: «Оказавшись в не-

© Темирбекова А.О., 2012

приятной для себя ситуации, видя что-то неприятное, человек может воскликнуть: “Фу!” – это слово? Да. Потому что “Фу!” – это выражение отвращения».

Некоторые ученые в своих исследованиях о междометиях подчеркивают их семантические и грамматические особенности и выделяют междометия как самостоятельную часть речи. Доказательством этого может служить кандидатская диссертация А.И. Германовича [11, с. 6], который исследовал особенности междометий русского языка. Дальнейшую разработку автор продолжил в своей докторской диссертации «Междометия и звукоподражательные слова в русском языке» [12, с. 3].

В вышедшей в 1960-х – 1980-х годах академической «Грамматике русского языка» [13, с. 25; 136] были широко изучены семантические и грамматические особенности междометий. Здесь междометия по семантическим признакам подразделяются на эмоциональные и императивные, по составу – на основные и составные.

Продолжилось изучение междометий и в тюркских языках: издавались монографии, защищались диссертации.

В грамматиках гагаузского, ногайского языков [25, с. 280; 287] междометия рассматриваются как своеобразная, древняя неизменяемая часть речи, которая выражает внутренние, эмоциональное состояние человека.

Если В.И. Рассадин [26, с. 272] классифицировал междометия тофаларского языка по смысловым признакам, то в некоторых исследованиях бурятских лингвистов [14, с. 286] междометия рассматриваются как чисто субъективные речевые знаки.

Если в современном турецком языке А.Н. Кононов разделяет междометия по составу на «основные» и «составные» [18, с. 363–365, 367], то З.Г. Ураксин в своих исследованиях башкирского языка составил целую классификацию междометий.

Л. Харитонов подразделил междометия якутского языка на три смысловые группы: эмоциональные, простые и бранные.

Изучению междометий была посвящена работа туркменского ученого О. Чарыяровой. В своих исследованиях она даёт общую характеристику междометиям туркменского языка. Вместе с тем О. Чарыярова составила их семантико-функциональную классификацию, определила их фонетико-морфологические особенности. В работе она обращается к трудам греческих ученых, приводит их точку зрения на общую проблему о междометиях как части речи. О. Чарыярова междометия в туркменском языке подразделяет на эмоциональные и императивные. В узбекском языке междометиям посвятил свои труды С. Усманов. Эта часть речи рассматривается также и А.Н. Кононовым [19, с. 338, 339], который выделил два вида– основные и составные.

В казахском языке Ш.Ш. Сарыбаев выделяет эмоциональные, императивные, обрядово-бытовые междометия.

Опираясь на мнение видных тюркологов, Ш.Ш. Сарыбаев даёт общую характеристику междометиям казахского языка, приводит их семантическую классификацию, вводит ясность в определение их грамматических особенностей, однозначности и многозначности, звучания и интонации.

Несмотря на то что и в каракалпакском языке велись исследования по этой теме, многие стороны этого вопроса требуют более полного и основательного изучения. Во многих работах дается лишь общая характеристика междометий, их роль в предложении, смысловые значения, состав и способы образования.

Н.А. Баскаков [3, с. 235] дает характеристику смысловым и грамматическим особенностям междометий каракалпакского языка и относит их к речевым знакам, служащим для выражения эмоционально-волевых реакций говорящего на действительность.

В учебниках по каракалпакскому языку и в некоторых научных публикациях междометия рассматриваются в составе предикативных частиц.

А в учебниках для школ, выпущенных до 1960 года, такие слова, как тар-тар, жалт-жулт, гурт-гурт, даны как междометия.

А. Кыдырбаев [20, с. 8; 68] в работе «Имя существительное в современном каракалпакском языке» объединяет междометия и предикативные частицы в одно целое.

В вышедшем в 1968 году учебнике для 5–6 каракалпакских классов восьмилетней школы предикативные частицы введены в состав междометий, так как предикативные частицы имеют звук и форму и вполне могут называться междометиями [28, с. 274–275; 7, с. 98].

В исследованиях последних лет, учебниках и монографиях междометия заняли позицию самостоятельной части речи и стали объектом изучения.

В каракалпакском языке вопрос о междометиях до сих пор является предметом оживленных споров у лингвистов-синтаксистов и требует дальнейшего изучения.

А. Нажимов [23, с. 24; 26], исследуя междометия как знаки эмоционального выражения душевного состояния человека, отмечал: «Эмоция – это нервное возбуждение, в большей или меньшей степени воздействующее на субъективные состояния». М. Даулетов, напротив, занялся изучением синтаксических особенностей междометий.

У. Ембергенов [15, с. 12] придерживался мнения, что междометия и предикативные частицы нельзя объединять в одну часть речи. А. Бекбергенов [4, с. 26] в труде «Сопоставительная грамматика русского и каракалпакского языков», проводя сравнительный анализ, пришел к выводу, что в дан-

ных языках междометия – это слова, служащие для выражения различных чувств говорящего, но не обозначают и не называют их.

Также даются некоторые сведения о междометиях в учебных пособиях для высших и средних учебных заведений, в учебниках для средних школ [7, с. 95, 98].

В изданной в 1994 году академической «Грамматике каракалпакского языка» затрагиваются и некоторые вопросы о междометиях.

Н.А. Урумбаев в учебном пособии по морфологии русского и каракалпакского языков выделяет междометные глагольные формы. А. Умаров исследовал экспрессивно-смысловую интонацию и природу междометий в образовании вопросительных предложений в русском и каракалпакском языках.

Изучением междометий, использованных в произведениях каракалпакских поэтов, писателей, занимались многие каракалпакские ученые, такие как Д. Насыров, О. Доспанов, А. Бекбергенов, Д. Саитов [24, с. 30].

Х. Хамидов в своей работе исследовал применение междометий в произведениях классиков каракалпакской литературы XIX–XX веков и в таких народных дастанах, как «Едиге», «Коблан», «Алпамыс».

А. Ишаев [16, с. 148, 152] в статье «Особенности употребления каракалпакских слов в узбекских говорах» остановился на промежуточном положении между междометиями и звукоподражаниями, которые обозначают мгновенность действия, в результате которых появляется вероятность образования новых слов. Например: «чув-чув», «чоррей-чоррей» и др. Появление звукоподражательных единиц в речи И. Ишаев связывает с тем, что в быту мы живем в «соседстве» с домашними животными и птицами. Такие звукоподражания встречаются во всех тюркских языках.

Из всего сказанного можно заключить: если по характеристике общей природы междометий и их отдельных особенностей многие мнения пересекаются, то по отдельным вопросам (например, их классификации, составу и т.д.) – расходятся. Поэтому вопрос о междометиях требует дальнейшего изучения. Так, об особенностях стилистического применения междометий ни в одной из перечисленных работ мы не находим точных сведений.

Лишь в работе А. Бекбергенова «Стилистика каракалпакского языка» коротко сказано об особенностях применения междометий. Да и в трудах исследователей других языков семантико-стилистическое назначение междометий мало изучено, больше находим суждений об эмоционально-экспрессивном значении.

Не обладая номинативной функцией, междометия всё же имеют отношение к смысловому содержанию предложения и выделяются интонацией. Но господство экспрессивно-смысловых и интонационных элементов образует резкую грань между ними и другими частями предложения, поэтому они не входят с ними в синтаксическую связь, не отвечают на определенный вопрос, не являются членом предложения. Несмотря на всё это, междометия составляют в современных языках живой и богатой пласт для непосредственного эмоционального выражения переживаний, ощущений, аффектов, волевых изъявлений, без которых было бы трудно представить нашу речь.

Таким образом, междометия по своим фонетическим, лексико-семантическим, стилистическим и грамматическим особенностям существенно отличаются от других частей речи.

Библиографический список

1. Русский язык: энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – С.137.

2. *Аксаков К.С.* Собр. соч. Т. II. – М., 1989. – 217 с.

3. *Баскаков Н.А.* Каракалпакский язык. Т. II. Фонетика и морфология. – М., 1952. – 542 с.

4. *Бекбергенов А.* Сопоставительная грамматика русского и каракалпакского языков. – Нукус, 1995. – 35 с.

5. *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика. – М.: Учпедгиз, 1959. – 287 с.

6. *Булаховский Л.А.* Введение в языкознание. Ч. II. – М., 1957. – 20 с.

7. *Бердимуратов К., Есемуратова А.* Каракалпакский язык. Ч. I. Фонетика, лексика и морфология. – Нукус, 1968. – 168 с.

8. *Виноградов В.В.* Русский язык. – М., 1947. – 745 с.

9. Грамматика современного каракалпакского литературного языка. – Нукус, 1994. – 419 с.

10. Е.М. Галкина-Федорук. Доклады и сообщения, прочитанные на научной конференции по языкознанию // Вестник МГУ. – 1951. – № 9. – С. 118–120.

11. *Германович А.И.* Междометия русского языка. – Киев, 1966. – 38 с.

12. *Германович А.И.* Междометия и звукоподражательные слова русского языка: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Симферополь, 1961. – 26 с.

13. Грамматика русского языка. – М., 1960. – 672 с.

14. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. – М., 1962. – 330 с.

15. *Ембергенов У.* Предикативные частицы в современном каракалпакском языке. – Нукус, 1990. – 112 с.

16. *Ишаев А.* Особенности словообразования в узбекских говорах Каракалпакии // Вопросы диалекталогии тюркских языков: сб. – Баку: Изд-во Академии наук Азербайджанской ССР, 1966. – С. 148–152.

17. *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. – Л., 1980. – 254с.

18. *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. – М.; Л., 1956. – 377 с.

19. *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. – М.; Л., 1960. – 402 с.

20. *Кыдырбаев А.* Имя существительное в каракалпакском языке. – Нукус, 1961. – 155с.

21. *Малаховский В.А.* Новая грамматика русского языка. Изд. 2-е. – Л., 1926. – 74 с.

22. *Нигматов Х.Г.* Функциональная лексика тюркоязычных памятников XI–XII вв. – Ташкент: Фан, 1989. – 125 с.

23. *Нажимов А.* Ока родника // Амударья. – 1977. – № 9. – С. 24–26.

24. *Насыров Д., Доспанов О., Бекбергенов А., Саитов Д.* Язык произведений классиков каракалпакской литературы. – Нукус, 1995. – 35с.

25. *Покровская Л.А.* Грамматика гагаузского языка (фонетика и морфология). – М., 1964. – 290 с. Грамматика ногайского языка. Ч. I. Черкесск, 1973. – 303с.

26. *Рассадин В.И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. – М., 1978. – 272 с.

27. *Стрелкова П.Т.* Части речи // Русский язык и литература в школе. – 1935. – № 4. – С. 9–11.

28. Современный каракалпакский язык. Ч. I. Морфология. – Нукус, 1968. – 307 с.

УДК 808.2

Цветкова Елена Вячеславовна
кандидат филологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ТЕРМИН *БОЧАГ* В КОСТРОМСКОЙ ТОПОНИМИИ

Статья посвящена костромским топонимам, образованным на основе географического термина 'бочаг' и его производных. В определённой степени подтверждая, раскрывая, сохраняя значение исходных апеллятивов, данные топонимы отражают как типичность, так и особенности лексико-семантической системы костромских говоров.

Ключевые слова: *топоним, микротопоним, местный географический термин, бочаг.*

Как одна из наиболее значимых частей жизненного пространства человека, рельеф любой территории находит полное и яркое отражение в лексической системе её говоров. Наряду с общеизвестными это и народные, местные, в том числе и диалектные, лексемы. На основе их созданы многочисленные топонимы любой топонимической системы.

Одним из наиболее продуктивных в костромской топосистеме является местный географический термин *боча́г*, который составляет основу целого топонимического гнезда (наименований, образованных на основе лексем *боча́га́, бочажо́к, боча́жи́на, бочажи́нина, боча́жи́нка, буча́г, быча́г* и др.), отражающего взаимосвязь гидронимии и оронимии (смысловые блоки «вода» и «рельеф») Костромского края.

Фиксирующийся в русских памятниках с XVI в. [5, с. 39] термин неясного происхождения *бочаг*, как показывают многочисленные лексикографические материалы, характеризуется широким распространением в русских народных говорах, как севернорусских, так и среднерусских и южнорусских. «Ареал географической лексемы *бочаг*: новг. + вост. волог., арх., яросл., костр., твер., моск., влад., иван., нижегор., калуж., ряз., орл. – по большей части охватывает центральные области, являясь северно-, средне- и южнорусским. Если судить по количеству фиксаций, разнообразию значений, современное ядро ареала находится к северо-востоку от Москвы – в яросл., костр., иван., влад. диалектах, исторически продолжающих древнерусские говоры Ростово-Суздальской земли. По мере удаления от центра интенсивность функционирования убывает, на периферии ареала <…> *бочаг* кажется довольно редким словом» [1, с. 97].

По сведениям этимологического словаря М. Фасмера, боча́га, боча́г – «углубление, наполненное водой, лужа в высохшем русле реки», диал. Соболевский пытается связать с *бок* («Slavia» 5, с. 441). Возможно, связано с *моча́г* – то же, ср. *мо́крый*; см. Петерсон, Lunds Univ. Arsskr., N. F., Bd. 18, № 7, с. 13 (где не все верно). Моча ж., др.-русск. *моча* «дождливая погода», цслав. *моча* «болото», *мочь* «моча», болг. *моч* – то же (Младенов 305), словен. móĭa «влага, моча, ненастье», чеш., слвц. moč ж. «моча», польск. mocz (м.) – то же, в-луж. móĭ – то же, сюда же *мочага* ж., *мочаг* м. «сырое, болотистое место». Родственно *мо́крый*; см. Бернекер 2, 69 и сл.; Траутман, BSW 167 [10, с. 202]. На связь значений диалектных лексем *бочаг* и *мочаг* указывает и функционирование их в речи представителей говоров, в том числе и костромских. Имеются сведения о связи значений слов *бочаг* и *бочка* в говорах [12, с. 19; 7, с. 134; 6, с.101; 1, с. 103; 8, с. 174–176]. Как известно, создание географических терминов на основе наименований ёмкостей в говорах является типичным. Возможно, слово *бочаг* образовано от древнерусского **бъча, *бъчи* 'сосуд' [3]. Ср. прасл. **бъčі* – 'бочка', заимствованное из германских языков [11, с. 107–108]; **бъčі* выступает в знач. 'русло', а также в роли гидронимов [11, с.108].

© Цветкова Е.В., 2012

В словаре В.И. Даля рассматриваемая лексема характеризуется следующим образом: БОЧА́ГА или *моча́га* ж. *сев., бочаг* м. *мск. твр. ярс. ниж.* глубокая лужа, колдобина, ямина, залитая водою. *Большая бочага*. Онежское озеро. // Омут, ятовь, бу́чало; большая ямина, шире и глубже впадающей в нее речки или ручья. *Боча́жная*, *боча́г(ж)истая речка*, ямистая, омути́стая, колдо́бистая; узловатая, образующая бочаги, ямины: здесь *бочаг*, плесо, пошире речки. *Бочажный неводок*, малый, стени́стый (широкий) [2, с. 120, 121]. Географической пометы *кстр.* в данной словарной статье, как видим, нет, однако все содержащиеся в ней сведения имеют место в лексико-семантической системе костромских говоров, что, разумеется, находит отражение и в костромской топонимии: *Летом река высыхала, и вода оставалась только в углублениях, которые назывались бочагами. Мы все в Бочагах-то и купались. Река-то сама мелкая, а Бочаг поглубже, дак в ём и купались. Носить-то нечего было, маленькая была, а уж сама стирала; схожу к Бочажкам, постираю, высушу и опять надену* (Судиславск.); *Любая яма с водой. Через этот бочаг никак и не перебраться* (Пыщугск.); *Глубокое уширение реки* (Парфеньевск.); *Наиболее глубокое место в реке. У меня мать, бывало, залезет в Бучаг и хлопает рукам, как ворона* (Мантуровск.); *Иди осторожно, в бочаг не попади* (Шарьинск.); *Налитые водой глубокие ямы, где тёк весной ручей* (Нерехтск.); *Это глубокое уширение реки* (Парфеньевск.); *Там на реке бочагов много* (Поназыревск.); *Расширенное место на узкой реке* (Макарьевск.); *Небольшой омуток* (Межевск.) и т.д.

В СРНГ помета ‘Костром.’ даётся только при значении ‘глубокое место в реке или ручье’, однако в костромских говорах имеются все указанные в словаре значения (глубокое место в реке или ручье; часть реки между изгибами, плёс; наибольшее расширение устья речки, где образуется затишье; впадина, яма, заполненная водой; глубокая лужа), кроме значения ‘несколько взятых вместе смежных гор, прорезанных ручейками и ямами’ [9, с. 140]. Хорошо известны в Костромском крае и такие характерные для говоров Русского Севера значения, как глубокая лужа, яма в овраге, окно в болоте, омут, заводь, залив, топкое место, сырое место в лесу, низкое сырое место [8, с. 174–176]: *Бочаги в озере есть* (Красносельск.); *Бочаг – самое глубокое место в болоте* (Костромск.); *Низко, сыро – вот и бочаг* (Судиславск.) и т.д. Имеются и другие значения: водоворот, овраг, болото, пруд, сделанное талой водой углубление в земле, неглубокая яма, чередование мелких и глубоких мест в реке, яма на сырой, заболоченной дороге, место ловли рыбы и др.: *Бочаги – чередование мелких и глубоких мест в реке. Бывало, мы в маленьком бочаге купались* (Судиславск.). *Всю дорогу раздолбали – одне бочаги теперь* (Октябрьск.) и т.д. Это свидетельствует о более широком, по сравнению со многими говорами, значении слова *бочаг* и его производных в костромской лексической системе.

Такое множество и разнообразие значений, в том числе и частных, отличающих костромские говоры, находит отражение и в топонимии. Бочагами названы разные объекты: ямы возле реки. *Летом река высыхала, и вода оставалась только в углублениях, которые назывались бочагами. В Бочагах купаться ходили. Это около речки Берёзовки* (Судиславск.); ключ Бочаг; болотистая местность Бочаги. *Бабушка Прасковья всё у Бочагов осоку косила. Ямы, образованные после добывания из них глины для изготовления кирпича* (Костромск.); место в лесу Чёрный бочаг. *Место в лесу, где собирали грибы* (Нерехтск.); река Бочаги. *В настоящее время пересохшая* (Судиславск.); омут Бочаг. *В Бочаге вода тёплая, стоячая* (Шарьинск.); пруд Бочаг (Красносельск.) и т.д.

Разнообразие названий с корневым элементом *боч-* может являться свидетельством их определённой древности и этапов становления. Лексическое своеобразие подтверждается и семантическими особенностями. В соответствии с обозначаемыми объектами выделяются наименования следующих видов:

1. Орографические, указывающие на отрицательные элементы рельефа: обычно залитые водой, реже безводные ямы, впадины, овраги, рытвины, ухабы, выбоины (колдобины), глубокие лужи и т.д.

2. Гидрографические, указывающие на части реки, ручья, озера, пруда, расположенные рядом с ними места: ямы, омуты, расширения русла, заводи, заливы, водовороты, изгибы, плёсы и т.д., а также сами гидрографические объекты в целом: реки, родники, пруды.

3. Тельмографические, указывающие на болота: топи, трясины, окна, ямы и т.д.

4. Прочие, указывающие на расположенные в разных местах (в лесу, поле, селении, на дороге и т.д.) ямы и заболоченные, низкие, влажные, сырые места.

Апеллятив (местный географический термин) и основанный на нём топоним дополняют и раскрывают друг друга обычно и в их лексикографической характеристике. Например, в Словаре местных географических терминов Э.М. и В. Мурзаевых: бочаг, бочага, бочажок – глубокое место на реке (европейская часть СССР). Большая Бочага – старое название Онежского озера [4, с. 45].

Чаще в речи жителей Костромского края функционируют слова *бочаг*, *бочаги*; достаточно частотны наименования *бочажина, бочага, бочажок, бочажинина*; нередки названия *бочажинка, бучаг, бычаг*; другие названия встречаются реже. Наряду с указанными лексемами в костромских говорах имеют место и лексемы *мочаг*, *мочага*, *мочажина*, *мочажинина*, *мочажинка* и др. Наиболее частот-

ными в костромской топонимии являются названия, образованные на основе лексемы *бочаг* и ее производных. Коррелирующие с ними термин *мочаг* и его однокоренные образования для наименования используются несколько реже. Следует обратить внимание также на определенное отличие в значениях лексем с основами *-бочаг-* и *-мочаг-*. *Мочагом*, *моче(а)жиной*, *моче(а)жининой*, *мочажником* чаще называют низкое, постоянно сырое место, влажное, заболоченное место: *Куды вы в мочежину-то полезли? Стороной обойдите!* (Костромск.); *В сапогах-то и по мочежине пройти можно* (Красносельск.). Соответственно, это и топкое место на болоте, мокрая поляна на лугу; сырое, затопляемое место на поле или лугу, которое невозможно засевать или косить; болотистое место у реки или ручья, озера, пруда; заболоченное место на дороге. Сырые места и бочагами называли: Вшивый бочаг. *Сырое место в конце Бажуринского поля. Там речка Берёзовка начинается* (Судиславск.).

Использование бочага всегда было различным, что и делает более значительными семантические возможности лексемы. Например, место купания: *Ребята любили купаться в Бочаге* (Солигаличск.); *Сегодня детки весь Бочаг смутили* (Судиславск.); *Речка-то мелкая, дак в Бочагах купалися* (Парфеньевск.); *Раньше ходили в Бочаг купаться* (Кологривск.); *Внучок-от у меня ушел на Бочаг купаться* (Пыщугск.); *В Бочагах ребятня купалась. Теперь не только речка, но и Бочаги пересохли* (Шарьинск.); место полоскания белья: *Полоскать ходила. Сегодня на Бочаге-то у нас народу много* (Межевск.); источник воды для хозяйственных нужд: *Из Бочага воду брали – огород поливать* (Мантуровск.); место рыбной ловли: *Батько опять рыбачить к Бочагам поехал* (Судиславск.); *А у нас в Бочаге рыбы водится – страсть как много!* (Пыщугск.); *Там в Бочаге рыбы много* (Костромск.); *Вся рыба нонча по бочагам стоит* (Макарьевск.) и т.д. Бочаги, как вспоминают информанты, в жаркое лето высыхали, подчас полностью: *Егор, спомню, маленькой был, в Бочаг упал, да ладно, тамочки воды почитай что не было, а не то бы потонул* (Сусанинск.). В некоторых из них вода больше не появлялась, однако название обычно сохранялось.

В зависимости от особенностей бочага (например, теплая или холодная, светлая или мутная вода в нём; место, удобное для купания или опасное место, в котором нельзя купаться) различным было и отношение к нему: *Самое глубокое место на реке. В Бочаге не купайтесь: очень глубоко – вдруг утонете* (Нерехтск.); *Опасно было купаться в бочагах* (Костромск.); *Уж до чего черна вода в Бочаге!* (Нерехтск.); *Как нырнёшь в Бочаг-то, а вода тёмная, так дух и захватывает!* (Красносельск.); *В бочагах-то купались, там тепло* (Парфеньевск.); *Ребятишки в Бочаге баландаются* (Антроповск.); *Здесь не купаются – вся река в бочагах* (Красносельск.); *Эта река-то уж больно коварна, там бочагов много* (Мантуровск.); *До Бочага никто не плавал: боялись* (Костромск.); *Упал в Бочаг-от и утонул* (Антроповск.); *В этих бочагах много народу потонуло* (Антроповск.); *Глубокое место в реке, там обычно вода бывает холодная и ворожки* (Поназыревск.); *Тихое, глубокое это место на реке* (Красносельск.); *Красивое, тихое место на реке* (Мантуровск.) и т.д.

Активно функционирующие в речи наименования находят применение и в устном народном творчестве:

Трои лапти изорвали, Все девчонки как девчонки
В кучу поклали, А моя-то дурочка
В бочаг покидали, Повалилася в бочаг,
Чтобы наши не видали. Мне кричит: «дурак, дурак!»

(Д. Немытки Антроповск.; д. Калинки Судиславск.)

По дороге бочагов – не хватает сапогов (Кадыйск.). Современная загадка: *Неприглядная картина: путь преграждает…* (*бочажина*).

Почти все топонимы, созданные на основе лексемы *бочаг*, являются микротопонимами. В основном это наименования двух видов:

1. Наименования, образованные лексико-семантическим способом – путём топонимизации соответствующего апеллятива (в готовом виде, без каких-либо словообразовательных модификаций).

2. Составные (обычно двусловные) наименования, образованные по схеме: географический термин + определение (чаще), являющееся определённой характеристикой объекта. Географический термин в наименовании может отсутствовать. Некоторые названия образованы на основе сравнения, метафоры: бочаг Унитаз (Шарьинск.), бочаг Бассейн (Антроповск.) и т.п. (количество таких наименований невелико).

Для образования составных топонимов используется не только апеллятивная, но и проприальная лексика. Это антропонимы: Филинский бочаг. *По фамилии Филин назвали* (Антроповск.); Ивановский бочаг. *Ивановы там жили рядом с им* (Кадыйск.); топонимы: Лопатистый бочаг. *В посёлке Лопатино* (Антроповск.); Берёзовские бочаги. *Речка Берёзовка в Берёзовских бочагах начинается.* Репьёвские бочаги. *В деревне Репьёво* (Судиславск.) и т.д.

Топонимы сами «говорят» о разных характеристиках именуемых объектов (имеют место все типы номинации):

1) форма: бочаг Кругленькое. *Бочаг-то в форме круга, вот и прозвали Кругленькое* (Антроповск.); Бочаг Продольный, Круглый бочаг. *Дак круглой он такой* (Шарьинск.);

2) размер: Долгий бочаг (Антроповск.); Большой бочаг (Нерехтск.);

3) время создания: Новый бучаг. *Место, где река особенно широкая, напоминает пруд* (Солигаличск.);

4) глубина: *Бочаг-то этот глубокой. Опасно купаться в ём – утонуть можно* (Кадыйск.);

5) цвет воды: *До чего вода чёрная в Бочаге-то!* (Нерехтск.);

6) температура воды: *В Ближнем бочаге вода холодная. В Дальних бочагах купаемся. Там вода тёплая* (Судиславск.);

7) какое-либо другое качество: Дрянной бочаг, Ржавый бочаг (Чухломск.), Вшивый бочаг. *Сырое место в конце Бажуринского поля. Там речка Берёзовка начинается* (Судиславск.);

5) связь с другими объектами: Встречный бочаг. *Встречаются три реки* (Красносельск.); Святой бочаг. *Стояла церковь, которая ушла под воду. Считается, что вода в бочаге святая, она очень чистая* (Красносельск.);

6) связь с животными: Лошадиный бочаг (Антроповск.);

7) связь с человеком: Бочаг девочек, Бочаг мальчиков. *У нас раньше было отдельно. Такой тёплый и с галькой на дне* (Судиславск.);

8) связь с растительным миром: Сосновый бочаг. *Бочаг, где разливалась река. Сосны там по берегу. Весной боле всего рыбу в Сосновом ловили* (Судиславск.); и т.д.

Наблюдается и совмещение нескольких характеристик: бочаг Большой Круглый. *Глубокое место на реке Мера. Название указывает на размер и форму* (Судиславск.) и т.д.

В определённой степени подтверждая и раскрывая значения исходных апеллятивов, топонимы отражают как типичность, так и особенности лексико-семантической системы костромских говоров. Становясь основой для образования топонимов, местная лексика оказывается как бы законсервированной в них, что даёт ей возможность иметь более длинную «жизнь».

Библиографический список

1. *Васильев В.Л.* Новгородская географическая терминология (Ареально-семасиологические очерки). – Великий Новгород, 2001. – 255 с.

2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. – СПб.: ООО «Диамант», ООО «Золотой век», 1999. – 800 с.

3. *Мокиенко В.М.* К этимологии слов бочага, мочага, корчага // Этимологические исследования по русскому языку. – М., 1970. – Вып. 7. – С. 147–154.

4. *Мурзаевы Э.М. и В.* Словарь местных географических терминов. – М.: Гос. изд-во географической литературы, 1959. – 304 с.

5. *Полякова Е.Н.* Словарь географических терминов русской речи пермского края. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2007. – 420 с.

6. Словарь вологодских говоров / под ред. Т.Г. Паникарповой. Вып. 1. – Вологда: ВГПИ, 1983. – 143 с.

7. Словарь воронежских говоров. Вып. 1. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2004. – 304 с.

8. Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Т. 1. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. – 252 с.

9. СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Вып. 3. – Л.: Наука, 1968. – 360 с.

10. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1.– М.: Прогресс, 1986. – 576 с.

11. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачёва. Вып. 1. – М.: Наука, 1968. – 238 с.

12. Ярославский областной словарь: учеб. пособие. – Ярославль: Изд. ЯГПИ, 1982. – 58 с.

УДК 808.2

Неганова Галина Дмитриевна
кандидат культурологи
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
cultland@yandex.ru

НАЗВАНИЯ НИЗМЕННЫХ МЕСТ КОСТРОМСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ В ЖИВОЙ НАРОДНОЙ РЕЧИ И В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КОСТРОМСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Диалектная ландшафтная лексика отражает природные, культурные и языковые особенности культурного ландшафта. Ряд слов, входящих в эту группу лексики, представлен в произведениях писателей, связанных с костромским краем. В статье рассматриваются названия низменных мест и их роль в создании образа культурного ландшафта Костромского Заволжья.

Ключевые слова: *ландшафт, образ культурного ландшафта, ландшафтная лексика, диалектная лексика.*

Река Волга, с запада на восток пересекая Костромскую область, делит её на две неравные части – небольшую нагорную, которую занимает в основном Нерехтский район, и левобережную, на которой расположены 23 из 24 районов региона. Костромское Заволжье в своих географических границах охватывает бассейны левобережных притоков Волги – Костромы и Унжи, а также реки Ветлуги. «…Северными своими краями касается Северных Увалов, которые образуют цепь плоских возвышенностей, соединяющую Валдайские горы с Уральскими и составляющую естественный водораздел между бассейном Волги и бассейнами Ладожского озера и Северной Двины. При самой почти подошве Северных Увалов, на пространстве Костромской губернии, начинаются обширные леса на болотистой почве…» – характеризует территорию края Я. Крживоблоцкий в «Материалах для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба. Костромская губерния» [5, с. 40]. На эту особенность костромских лесов – их расположение в низменных сырых местах, обращали внимание и писатели, чьё творчество связано с нашим краем. Так, С.В. Максимов, уроженец Кологривского уезда, описывая дорогу из губернского города Костромы в посад Парфентьев, замечает: «Лес вырос на мокрой и ещё до сих пор сохраняющей свой дикий первобытный вид местности – огромный холодильник…»; «Мрачный и мокрый лес кончается лишь для того, чтобы дать место большому селу… а затем опять леса и селения вперемежутку» [3, с. 82]. А.Ф. Писемский в автобиографическом романе «Люди сороковых годов» указывает на труднодоступные места в заболоченных костромских лесах, в которых, как и в действительности, скрывались раскольники:

– *А бунтовщики так всё в лесу и были? – спросил Вихров.*

– Два месяца, братец, в болотах неприступных держались, никак ни с которой стороны подойти к ним невозможно было.

– Чем же они там питались?

– *Заранее уж, видно, запасено было там всего... Холода только уж их повыгнали оттуда…*[5, с. 241].

Из разговора с кучером герой романа узнаёт, как раскольники добирались до скита.

– *Глядите-ко, глядите: в лесу-то пни все идут!.. – говорил он <кучер>, показывая на мелькавшие в самом деле в лесу пни и отстоящие весьма недалеко один от другого. – Это нарочно они тут и понаделаны – в лесу-то у них скит был, вот они и ходили туда по этим пням!..* [5, с. 241–242].

Н.А. Некрасов также представляет костромской край как лесной и болотистый; в частности, поэме «Коробейники», созданной на костромском материале, читаем:

Хороша наша губерния,
Славен город Кострома,
Да леса, леса дремучие,
Да болота к ней ведут… [7, с. 83].

Как «низменный болотный край» характеризует родную сторону и костромской поэт Е. Старшинов [13] (ср.: «В нашем болотистом, низменном крае…» у Н.А. Некрасова [7, с. 389]). В.К. Хохлов в книге «Сусанинский тракт» упоминает поросшие лесом непроходимые места на болоте: «Лесные полоски – это гибельные места. Как были непроходимыми во времена Сусанина, так до сих пор непролазными остались. Даже в мороз не замерзают» [15, с. 30].

Такая природная особенность Костромского Заволжья, как болотный ландшафт (болото является одним из видов географического ландшафта [1, с. 517], который возникает и развивается «там, где, благодаря слабо выраженному рельефу местности, затруднён сток вод (атмосферных, грунтовых, речных, озёрных)», а также «путём зарастания водных бассейнов» [17, стб. 240]), актуализирована в живой народной речи – в проприальной (напр., оронимы с корнем болот-: *Болото* (Костром.), *Болотово* (Костром., Галич., Макарьев.), *Болотское* (Костром.), *Заболотное* (Макарьев.), *Заболотье* (Костром., Буйс., Галич., Кологрив., Солигалич., Чухлом.), *Подболотново* (Солигалич.), *Подболотье* (Костром.) и др. [2]) и апеллятивной лексике (напр., также с корнем болот-: *болотечко/болотичко, болотинка* ‘небольшое болотце’, *лесоболото* ‘болото, поросшее лесом’, *подболотица*, *приболоть* ‘место около болота, окраина болота’,

© Неганова Г.Д., 2012

приболотье ‘кромка болота’, *суболоть* ‘маленькое болото, болотце’, ‘низкое сырое место’).

Тельмографическая апеллятивная лексика широко представлена в костромских говорах. Приведём несколько примеров в соответствии с вопросами «Программы собирания сведений для лексического атласа русских народных говоров» [10, с. 36–37] (источники – картотека Костромского областного словаря, краткий костромской областной словарь «Живое костромское слово», «Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова» и рукопись «Словаря говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи» Н.С. Ганцовской, а также труды деятелей КНО и КНОИМК): (ЛСЛ 412) общее название болота, низкого болотистого места – *болóтвина* (Чухл.), *болóтина* (Антроп., Буйск., Галич., Костром., Нейск., Поназырев., Сусанин., Чухл., Шарьин.), *зыбун* (Макар., Павин., Солиг., Шарьин.), *зыбь* (Буйск.), *мочажина* (Солиг.), *падúна* (Солиг., Чухл.); (ЛСЛ 415) топкое место на болоте – *бездóнка* (Парф.), *бузýн* (Буйск., Чухл.), *дыбýн* (Галич.); (ЛСЛ 417) окно на болоте – *окóшко* (Солиг.), *пропáрина* (Галич.); (Л 421) безлесье, лишённое кустарника болото, болотистое место – *биль* (Сусанин.), *гладь* (Мантур., Остров., Парфен., Шар.); (ЛСЛ 422) моховое болото – *мох* (Мантур.), *мшáра* (Буйск., Красносел.), *мшамрина* (Октябр., Солиг.), *мшары* (Вохом.); и т. д. В значении ‘болото, поросшее лесом’ (Л 420) упоребляются такие местные географические термины, как лывина, ляготина, ляга, ляд, ляда, лядина, ледина, лядочек, лядым.

Рассмотрим слово *лядина,* которое, по наблюдениям Ю.И. Чайкиной, в Западной диалектной зоне охватывает «Онежскую межзональную группу говоров, западные районы Белозерско-Бежецких, Ладого-Тихвинскую группу говоров, западные среднерусские говоры (псковские, новгородские, селигеро-торжковские)», в Восточной диалектной зоне имеет «островной, реликтовый ареал, охватывающий Вологодскую и юго-восточную часть Костромской группы говоров» [16, с. 18]. Термин лядина, как отмечал Н.И. Толстой в работе «Славянская географическая терминология (семасиологические этюды)», «является, пожалуй, самым изученным местным географическим термином восточнославянской языковой территории» [14, с. 134] (исследованием лексемы занимались В.П. Петров, А.А. Уфимцева, О.Г. Порохова, Н.И. Толстой, В.М. Мокиенко, Ю.И. Чайкина и др.). По данным СРНГ, в русских народных говорах отмечено около тридцати географических значений данного слова [12, XVII, с. 263–267].

Долгое время у восточных славян термин был связан с подсечным земледелием [14, с. 138] (не случайно Э.М. Мурзаев считает, что рассматривать его следует «как термин антропогенного воздействия на природу» [6, с. 355]). Однако уже в XV веке слово начинает выходить из состава данной терминологической группы, но на Северо-Западе Руси, в письменности Пскова и Новгорода, как термин подсечно-огневого земледелия отмечался и в XVII столетии [16, с. 14–15]. В современных костромских говорах, согласно картотеке КОС, связанные с земледелием значения слова *лядина* сохраняются в Буйском районе (с. Контеево) – ‘участок покоса или пахоты’; в Галичском (д. Воронино) – ‘пахотный участок среди леса’. В основном же наблюдаются семантические переходы: ‘подсека’ → ‘неудобная для пашни или покоса земля’ (‘непригодное к посевам место’ – Межевской р-н, д. Абрамово; ‘сырое, низкое место, непригодное для покоса’ – Кадыйский р-н, д. Калиновская); ‘подсека’ → ‘заросшее поле’ (‘пустошь, заросль, покинутая и заросшая лесом земля’ – без указания места); ‘подсека’ → ‘участок леса’ (‘небольшой участок в лесу, часто сырой’ – с. Парфеньево; ‘густой лес’ – Шарьинский р-н, д. Горки); ‘подсека’ → ‘низкое болотистое место’ (‘чистое низменное место в лесу’ – с. Кадый; ‘низкое болотистое место’ – Галичский р-н, д. Морозовское; Нейский р-н, д. Пикалёво; Сусанинский р-н, с. Андреевское, д. Костилово; ‘трясина, топь, низкое сырое место на лугу, дороге, в лесу, где постоянно стоит вода’ – Галичский р-н, д. Степаново; ‘болото’ – Вохомский р-н, д. Лапшино). В говорах буйских, галичских и чухломских лядина ‘низкое болотистое место, часто поросшее густым лесом’: *Не ходи ты в лес, на лядину нарвёшься* – Буйск. (Ликурга); *В лесу лядинто много* – Буйск. (Ильино); *Лядина – непрахадимае место, где мядведя ляжбина. На лабазе сидит охотник, за мядведем смотрит* – Чухл. (Шартаново). Как народный географический термин названная лексема встречается и в языке произведений костромских писателей, в частности А.Н. Островского и С.В. Максимова.

А.Н. Островский впервые употребил слово лядина в «Путевых заметках» (май 1856 года), когда описывал дорогу к истокам Волги от Твери до Осташкова: *Поля по холмам и большею частию по выжженному лесу (лядины) возделаны кое-как, потому что камни и корни мешают вспахать и взборновать порядочно* [8, X, с. 346] (лядиной местные жители называли «вырубленное и выжженное под пашню или сенокос место в лесу; росчисть» [11, XVII, с. 263]). Данную лексему дважды встречаем в пьесе «Снегурочка» – в монологах Весны-Красны и Царя Берендея. А.Н. Островский употребляет её в качестве географического термина. Выявляются такие характеристики лядины как географической реалии: ‘низкое сырое место, где долго не тает снег’ – *(Царь:) До половины лета / Снега лежат в оврагах и лядинах, / Из них ползут туманы по утрам, / А к вечеру выходят злые сестры – / Трясучие и бледные кумохи* [8, VII, с. 412–413]; ‘место в густом лесу (в трущобе), где не тает

снег' – *(Весна-Красна:) В глухих лесных трущобах, / В нетающих лядинах возращает / Старик своё дитя* [там же, с. 367]. Сравним: в Островском р-не слово *лядина* употребляется в значениях 'низкое место в лесу, где никогда не просыхает вода' (д. Полоски) и 'полоса стоячей воды в лесу или в поле' (с. Островское). Отметим также, что в Островском, а также в соседнем Кадыйском районах фиксируется фонетический вариант *ледина* 'заболоченное место в лесу': *Брала ягоды у ледины.* Остр. (Якуниха). *А в леди́не́-то холодно, так за ноги и хватает.* Кадый, Кадыйск. (Токарево).

У С.В. Максимова слово лядина встречается в исследовании «Нечистая, неведомая и крестная сила» при описании обряда заклятья леса и имеет значение 'возвышенное место, поросшее мелким лесом' [4, с. 60]:

Старожилы лесовики, перед отправлением на сплав или рубку, умеют предохранять себя, знают, как «заклясть леса». Они отыскивают лядину, т. е. такую возвышенность, которая обросла мелким лесом и где, между прочим, присоседилась рябина. В ней-то и вся сила обороны. Вырубается такая ветка, у которой была бы «отростелина» (отпрыск), и еще несколько рябиновых палочек. Одни кладут против сердца, другие на спинной хребет…

Как видим, с одной стороны, семантика слова лядина у обоих писателей связана с семемой 'лес', с другой стороны, это противоположные по значению орографические термины: если у А.Н. Островского лядина 'низкое, заболоченное место' (что отмечается и в костромских говорах), то у С.В. Максимова – 'возвышенность'.

Выше было рассмотрено, что в костромских говорах основное значение слова лядина – 'низменное, болотистое место'. Значение же 'лес на высоком сухом месте' фиксируется в великолукских, новгородских, вологодских, великорусских говорах в Эстонии [14, с. 140]. Как отмечается в СРНГ, в олонецких и онежских говорах Олонецкой губернии в XIX веке термин определялся как 'густые заросли мелкого леса на возвышенном месте' [12, XVII, с. 265]. И С.В. Максимов не случайно употребляет его именно в этом значении: очерк «Леший», в котором встречается термин, посвящён описанию народных верований «олончан и онежан» – «великих знатоков всех лесных порядков и трущобных обычаев» [4, с. 60]. А.Н. Островский же пьесу «Снегурочка» писал на костромском материале: «Могучая, живописная, девственная красота щелыковских окрестностей, неизменно восхищавшая Островского, наполняла его теми чувствами благоговейного преклонения перед природой, которые с такой необычайной силой вылились в стихах "Снегурочки"», – отмечал А.И. Ревякин [11, с. 169].

Наблюдения показывают, что, создавая образ определённой местности, авторы точны в передаче как природных и культурных особенностей, так и языка исходного культурного ландшафта. И в немалой степени благодаря диалектной ландшафтной лексике писатели дают читателям возможность почувствовать своеобразие края, представляемого в произведении.

Библиографический список

1. Большая энциклопедия: в 62 т. Т. 6. – М.: Терра, 2006. – 592 с.
2. Костромская губерния. Список населённых мест по сведениям 1870–72 годов. – СПб.: Центр. стат. комитет МВД, 1877. – 465 с.
3. *Максимов С.В.* Избранное / подготовка текста, сост., вступ.ст., примеч. С.И. Плеханова. – М.: Сов. Россия, 1981. –560 с.
4. *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила / отв. ред. М. Стерлигов. – СПб.: Полисет, 1994. – 442 с.
5. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Костромская губерния / сост. Я. Крживоблоцкий. – СПб.: Тип. И. Тиблена и К°, 1861. – 638 с.
6. *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984. – 653 с.
7. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. стихотворений: в 3 т. Т. 2. – М.: Сов. писатель, 1967. – 702 с.
8. *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т.– М.: Искусство, 1973–1980.
9. *Писемский А.Ф.* Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. – М.: Худож. лит., 1984. – 479 с.
10. Программа собирания сведений для лексического атласа русских народных говоров: науч.-метод. пособие. – СПб.: ИЛИ РАН, 1994. – 336 с.
11. *Ревякин А.И.* А.Н. Островский в Щелыкове. – М.: ВТО, 1978. – 304 с.
12. Словарь русских народных говоров. – Л.; СПб.: Наука, 1965.
13. *Старшинов Е.* В Кострому за песнями // Северная правда. – 1971. – 10 дек.
14. *Толстой Н.И.* Славянская географическая терминология (семасиологические этюды). – М.: Наука, 1969. – 264 с.
15. *Хохлов В.К.* Сусанинский тракт: рассказы о земляках. – М.: Современник, 1987. – 366 с.
16. *Чайкина Ю.И.* Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. – С. 3–187.
17. Энциклопедический словарь А. и И. Гранат. Т. 6. – 9-е стереотип. изд. – СПб.: Тип. Т-во «Общественная польза», б. г. – 640 стб., XII с.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 81'37

Авилова Елена Равильевна
кандидат филологических наук
Технический институт (филиал)
Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (г. Нерюнгри)
lena-tem@mail.ru

МОРТАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Е. ЛЕТОВА

На примере творчества Е. Летова проанализированы особенности формирования мортальных концептов и идейного базиса панк-субкультуры, определено влияние данных концептов на авторскую картину мира.

Ключевые слова: *семантика смерти, художественный мир, панк-субкультура.*

Творчество лидера одной из известных и, пожалуй, самых концептуальных панк-групп Е. Летова на сегодняшний день находится в сфере научных интересов. На наш взгляд, это связано с переосмыслением самого феномена панка, существовавшего в советском и постсоветском пространстве. Стремлением обозначить в этом явлении не просто социальный протест или систему вывернутых наизнанку ценностей, для которой отрицание становится единственной самоцелью, а, прежде всего, попытаться увидеть в этом явлении некие онтологические, архаические формы, которые во многом и определяют общую философию и идеологию панка как культурно-исторического и социального явления.

Заметим, творчество Е. Летова довольно сложно рассматривать в контексте единого подхода, так как художественный метод автора претерпевал ряд принципиально важных изменений.

На сегодняшний день исследователями принято выделять три основных периода творчества Е. Летова: советский (1984 – начало 1990-х годов); национал-большевистский (середина 1990-х – начало 2000-х годов); творчество 2000-х гг. [см.: 8].

На сегодняшний день исследователи русской рок-поэзии неоднократно обращались к изучению мотивно-образных комплексов, так или иначе связанных семантикой смерти. В частности, Ю.В. Доманский в работе «“Тексты смерти” русского рока» детально исследует особенности художественной реализации темы смерти в творчестве А. Башлачева, В. Цоя, М. Науменко и С. Панова [см.: 3].

В своей работе мы остановимся на исследовании концепта «смерть» в творчестве Е. Летова, так как, на наш взгляд, именно этот семантический комплекс задает определяющие мировоззренческие доминаты рок-исполнителя.

Мы полагаем, что категория смерти у Е. Летова – это сложный семантический комплекс, анализировать который необходимо с помощью концептуального анализа, так как данный анализ является наиболее продуктивным способом описания индивидуально-авторской картины мира.

По мнению Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казарина, «именно в художественном тексте осуществляется эстетическая концептуализация мира, проявляющаяся и в том, что автор как творческая личность, наряду с общепринятыми знаниями, привносит в представления о мире и свои частные, индивидуальные знания» [1, с. 60].

Традиционно смерть в контексте общей языковой картины включает в себя несколько значений: биологическое явление, философское и религиозное осмысление смерти [2, с. 36].

В песенной лирике Е. Летова мы сталкиваемся с несколько иными тематическими комплексами. В частности, структура обозначенного концепта состоит из трех семантических полей: физиологическая смерть, которую следует понимать как своеобразный способ возврата к вещественному содержанию (праматери); смерть на войне как способ протеста и субкультурный код; смерть как постижение высших форм бытия.

Заметим, что физическая смерть у Е. Летова – это всегда полная телесная деструкция, которая в большинстве случаев имеет прямое соотношение с поэтическим антропоморфизмом. Данный прием на художественном уровне реализуется посредством семиотической модели тела-пространства, которое полностью деструктурируется.

Антропоморфизм у Е. Летова – это не просто поэтический прием, а свойство самой вещи. В этом контексте особенно важно и то, что в качестве одной из излюбленных форм противостояния у него выступает физическая смерть:

Хватит! Уходите прочь, мы играем для себя
Хватит! Убирайтесь вон, мы играем для себя
Хватит! Всё равно ведь вам никогда нас не понять
Хватит! Вы привыкли жить, мы привыкли умирать
[5, с. 127].

Характерны с этой точки зрения слова самого автора: «Стремление довести ситуацию до предела, до того момента, когда тебе угрожает смерть. Добиться того, чтобы сама реальность, эта тотальная чудовищная тирания “князя мира сего”, предприняла активные действия для твоего уничтожения. Ибо только в этом состоянии ты можешь про-

© Авилова Е.Р., 2012

верить, действительно ли ты чего-то стоишь, чего-то можешь, – в состоянии войны, когда ты на волоске. Любая власть – это тираническая Система, осуществляющая произвол во имя "князя мира сего"» [6, с. 57].

Что особенно важно, обозначенное выше стремление можно понимать как попытку вернуться в рай архетипов через противостояние механической упорядоченности государства. Кроме этого, данная авторская установка прослеживается у Е. Летова и на языковом уровне. В частности, здесь присутствует достаточно большое количество «телесных» метафор («Шершавая заполночь пышно свербилась сморкалась роилась»). Само «гниющее» свойство субъекта становится его первичной, внутренней природой. Следовательно, такое овеществление метафоры возвращает ее к первоначальному содержанию.

Кроме этого, обращает на себя внимание еще одна базовая семиотическая модель – модель дома. Дом, который всегда символизирует жизнь, становится у Е. Летова воплощением смерти, анти-домом, низшим подземным пространством:

За окном темно и холод
За окошком – яма
За дверью – яма [5, с. 49].

Таким образом, смерть в контексте исследуемого семантического поля понимается как установка на радикальную поляризацию героя и внешних (традиционных) форм бытия, разрушение собственной телесной целостности, что неизбежно приводит к проблематике экзистенциального толка.

Особенно обращает на себя внимание то, что в семантическом поле данной тематической группы на ряду с лексемами, синонимичными ядру концепта (сон, суицид, гроб, могила и .др.), входит лексема «слово», что позволяет говорить о том, что здесь присутствует еще один важный мотив – мотив пустого, мертвого слова.

Стать бы во весь рост – да нету больше ног.
Сжать ладонь в кулак – да нечего сжимать.
Нету больше слов, нету больше нас [5, с. 39].

Таким образом, появляется своеобразное архетипическое понимание слова, где прочитывается его изначальное мифологическое содержание. Можно сказать, что в данном случае речь идет об антропоцентрической мифологической концепции, которую условно можно обозначить как «слово – тело». Ср.: ««Внешняя форма (слова) есть тот неизменный, общеобязательный, твердый состав, которым держится все слово, ее можно уподобить телу организма» [7, с. 491].

Кроме традиционных синонимов лексемы «смерть», в структуру концепта входит ряд образных репрезентаций, семантика которых связана с войной, что позволяет сформировать еще одни важный семантический уровень исследуемого концепта, прочитываемый в контексте общей идеологии протеста и борьбы, которая является отправной точкой творчества Е. Летова.

Заметим, что война понимается на уровне подрыва основ существующего общественного строя и своего участия в этом процессе.

Осознание себя «солдатом» этой иллюзорной «войны» позволяет конкретизировать образ «врага», которому противостоит и на которого направляет свою агрессию:

Свято место не бывает без врага
Полированным прикладом – наугад
В непростреленной шинели – напролом
Бравым маршем заглушив зубовны скрежет, ведь
Солдатами не рождаются
Солдатами умирают [5, с. 230].

Война создает у Е. Летова своеобразную иллюзию полярности окружающей реальности, что позволяет провести воображаемую «линию фронта», идентифицируя, таким образом, общество как совокупность «своих» и «чужих».

На художественном уровне это опять же воплощается в строгой поляризации героя и внешних форм бытия.

А. Дугин, анализируя танатофилические мотивы в творчестве Е. Летова, определяет их сущность как конфликт рационального восприятия смерти как абсолютного прекращения существования и метафизического измерения смерти через ее преодоление и начало новой жизни, которое возможно обрести, пройдя через разные экзистенциальные состояния отчаяния, страха, боли, приобретающие различные формы страданий, суицидально-депрессивных порывов и душевных истязаний. Лишь смерть может вывести личность в новое измерение, свободное от тоталитарных законов концентрационного внешнего мира и благоприятное для приобретения истинной свободы [4].

Итак, в поэзии Е. Летова концепт «смерть» имеет сложную структуру, которую следует рассматривать в одном субкультурном контексте, так как любая его репрезентация может прочитываться в идеологическом ключе, основой которого является противостояние и разрушение любой кодифицированной системы. Поскольку смерть здесь является своеобразным уходом в альтернативную систему ценностей, являясь особой формой протеста. Кроме этого, обозначенные семантические поля, входящие в структуру концепта, образуют своеобразный метасюжет: отрицание собственной человеческой природы, разрушение тела, смерть как выход на принципиально иной уровень, завершенный процесс самоидентификации.

Библиографический список

1. *Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В.* Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: практикум. – 4-е изд., испр. – М.: Флинта; Наука, 2006. – 256 с.

2. *Дзюба Е.В.* Концепты *жизнь* и *смерть* в поэзии М. Цветаевой: Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2001. – 255 с.

3. *Доманский Ю.В.* «Тексты смерти» русского рока: пособие к спецсеминару. – Тверь, 2000. – 109 с.

4. *Дугин А.* Егор Летов: работа в черном // Официальный сайт группы «Гражданская Оборона» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gr-oborona.ru/pub/pub/1056115072.html

5. *Летов Е.* Стихи. – М.: Хор, Нота, 2003. – С. 252.

6. *Летов Е.* Я не верю в Анархию: сб. статей. – М.: Скит Интернэшнл, 2001. – С. 37.

7. *Флоренский П.А.* У водоразделов мысли. – М.: Директ-Медиа, 2008. – С. 491.

8. *Чемагина А.В.* Советские прецедентные феномены в творчестве Е. Летова. Политическая коммуникация. – Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «УрГПУ», 2009. – С. 122–124.

УДК 882.09

Андреева Валерия Геннадьевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
lanfra87@mail.ru

ВОЙНА В ИЗОБРАЖЕНИИ И ОЦЕНКЕ Л.Н. ТОЛСТОГО И Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Автор статьи рассматривает противоположные взгляды на войну Толстого и Достоевского, отмечает особый скрытый спор, который существовал между писателями и влиял на формирование их убеждений.

Ключевые слова: *война, организованное убийство или освежающая общество сила, пацифизм, роль международной войны, чувство человека.*

Вопрос о Л.Н. Толстом и Ф.М. Достоевском как единомышленниках и художниках-антиподах уже давно рассматривается литературоведами и продолжает оставаться актуальным. Толстой и Достоевский были склонны к доведению своих идей до крайностей. Как правило, выходом из созданных нелепостей своей же философии для обоих было художественное творчество. Отношение Толстого и Достоевского к войне – одна из сложных и интересных проблем. На примере обращения к ней мы попытаемся показать, как близки и в то же время как резко противоположны в убеждениях и взглядах были два великих писателя второй половины XIX века.

Чтобы кардинально изменить свою жизнь, уйти от пустого городского времяпрепровождения и не делать больше долгов, Толстой в апреле 1851 года с братом Николаем отправился на Кавказ. Именно там Толстой начинает работать над своим первым произведением – повестью «Детство». Военная жизнь благотворно повлияла на Толстого, открыла ему глаза, заставила повзрослеть, задуматься над вечными вопросами и увидеть неприкрашенную реальность. В январе 1854 года Толстой был переведен в Дунайскую армию, он принимал участие в Крымской войне и находился в самой горячей точке сражений – на Четвертом бастионе Севастополя. Жизнь солдат и офицеров, страх смерти, все тяжести военного времени Толстой хорошо знал. Он писал о войне на протяжении всей жизни. «Набег», «Рубка леса», Севастопольская трилогия, «Казаки», «Война и мир», «Анна Каренина», «Кавказский пленник», «Хаджи-Мурат» – вот далеко не полный список только художественных произведений, в которых изображается война или упоминается о ней.

Как человек и публицист, Достоевский всегда интересовался военными вопросами. Но вот в художественных произведениях своих, в отличие от Толстого, он не обращался к военной тематике. Еще со времен обучения в инженерном училище писателя тяготило военное дело.

Парадоксально то, что, изображая войну, Толстой постоянно и всё в большей степени радел о мире, а Достоевский, открывая противоречия человеческой натуры и показывая нравственную деградацию людей, пришел к утверждению войны как очищающей и освежающей силы. Уже в Севастопольской трилогии Толстой осуждает военные действия, показывает читателям их страшную кровавую реальность и абсурдность. Построив целую философию войны и мира в романе-эпопее, Толстой позднее, уже в конце 1870-х годов (это видно из финала романа «Анна Каренина»), и до конца жизни выступает сторонником пацифизма.

В романах Достоевского не слышно выстрелов сражающихся, однако почти во всех из них проливается кровь, совершаются убийства. Изображая мирное время, Достоевский открывает читателям внутренние противоречия, конфликты, преступления и подлости. Не случайно Родион Раскольников сравнивает себя с великими этого мира – Ликургом, Магометом, Наполеоном, – неизвестно, на какую бы жертву решился Раскольников, чтобы испытать свою идею, будь у него власть над людьми.

Лучшие герои Толстого и Достоевского способны мечтать, что открывает как в персонажах, так и в авторах людей неравнодушных, стремящихся к самосовершенствованию и преображению окружающего мира. Д.С. Мережковский в книге «Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники» отметил, что ему намного ближе Толстой-мечтатель. Процитировав слова Толстого «Я стариком 70-ти лет буду так же мечтать, как теперь, ребенком», Мережковский подчеркнул: «В этих простых и спокойных словах не больше ли христианского смире-

© Андреева В.Г., 2012

ния… чем во всех его последующих, столь громких и страстных покаянных исповедях?» [3, с. 14]. По мере движения к мировоззренческому перевороту толстовская мечтательность не уходит, только прячется в глубь души писателя и показывается все реже, озаряя его художественное творчество и просвечивая через надежду на становление Царства Божьего на земле. Мечты склонного к фантастическому Достоевского, наоборот, реализуются явно, оформляют его ключевые идеи 1870-х годов.

Фантастическая атмосфера у Достоевского – это зараженное, больное пространство. Именно в таком пространстве мечта о войне кажется светлой. Только война, по мнению Федора Михайловича, может изменить путаницу в людских мыслях, освежить умы. Мысли о войне, пробуждающей человечество и возрождающей его лучшие силы, Достоевский высказывал в «Дневнике писателя», особенно активно в период с апреля 1876 года. Сначала идею о пользе войны Достоевский вложил в уста парадоксалиста-мечтателя, который *спорил* с самим автором «Дневника». Несмотря на подчеркнутую разницу между собой и героем, Достоевский наделил парадоксалиста автобиографическими чертами, рассказав о его любви к детям и приведя эпизоды, созвучные происшедшим с ним самим. Как мы можем судить из дальнейшего развития Достоевским указанной темы, размышления парадоксалиста о войне оказываются близкими самому автору. Парадоксалист считает, что, в отличие от братоубийственной, междоусобной войны, политическая, международная война приносит пользу и *совершенно необходима*. Он замечает, что во время войны «все тотчас же ободряются, у всех поднят дух, и не слышно об обыкновенной апатии или скуке, как в мирное время». По его словам, «великодушие гибнет в периоды долгого мира, а вместо него являются цинизм, равнодушие, скука…; долгий мир ожесточает людей…; долгий мир производит апатию, низменность мысли, разврат, притупляет чувства; наука и искусства именно развиваются всегда в первый период после войны; в период мира укореняется трусливость и бесчестность» [1, т. 22, с. 123–125]. Более того, парадоксалист считает войну единственным спасением от той болезни, приближение которой Достоевский дал почувствовать еще Раскольникову (вспомним его сон о трихинах). Не случайно появляется на страницах «Дневника» мотив заражения: «Нет, война в наше время необходима; без войны провалился бы мир или, по крайней мере, обратился бы в какую-то слизь, в какую-то подлую слякоть, зараженную гнилыми ранами» [1, т. 22, с. 126].

Толстой и Достоевский не были знакомы, что делает еще более интересным их диалог-спор. Приближение писателей к ключевым идеям происходило параллельно. Толстовская теория непротивления злу злом по времени возникновения близка к заявлениям Достоевского о необходимости очищающей общество войны. Философия спасительной роли войны формировалась в сознании Достоевского постепенно, ее появлению способствовало чтение и осознание Достоевским романа-эпопеи «Война и мир».

«Лишь ознакомление с первыми пятью, а вскоре после этого с шестой частями “Войны и мира”, в 1869–1870-х годах приводит к тому, что именно Толстой, в творчестве которого Достоевский до этого специально выделял лишь его произведения из народной жизни и “Севастопольские рассказы”, выдвигается для него в современной русской литературе на первое место», – пишет Г.М. Фридлендер [5, с. 237]. В романе-эпопее Толстого изображена освободительная война с захватчиками, посягнувшими на свободу и независимость России. Именно такую войну прославляет парадоксалист Достоевского, а потом и сам повествователь в «Дневнике писателя». В «Войне и мире» Толстого русский народ одерживает победу с Божьей помощью, однако не русский народ развязал эту войну. Подробное изображение тактики всей кампании 1812 года, выжидающей позиции Кутузова и нашей армии открывает взгляд Толстого, которому чужда война и дорог мир. Достоевский, мечтая о спасении погрязшего в грехах общества, замечает, что война признана христианством. Однако кощунственно выглядит на страницах «Дневника» глас о необходимости войны, потому что народная вера, духовность становятся у Достоевского факторами, оправдывающими войну и убийство. А может ли их что-нибудь оправдать?

Философ И.А. Ильин в статье «Основное нравственное противоречие войны» писал: «Убийство есть акт величайшей гордыни: в нем кроется не только вознесение себя над убиваемым человеком, но и равнопоставление себя Божеству. Человек присваивает себе по отношению к убиваемому силу и власть Провидения, того совершенного деятеля, изволение которого свободно от пределов и норм» [2, с. 12]. В «Войне и мире» Толстой изображает духовный подъем русского народа, но он является результатом, фактором, сопровождающим военные действия. Достоевский, видимо, не находит другого способа духовно пробудить людей – война у него становится средством достижения цели.

«Война и мир» отчасти повлияла и на формирование идеи Достоевского о мировом предназначении России. Достоевский мечтал о том, что Россия станет предводительницей и покровительницей православия, объединит всех братьев-славян. Кстати, мысль, подобная надеждам Достоевского на роль России-спасительницы, присутствует в самом начале романа «Война и мир», она высказывается героиней, которую явно не уважает сам Толстой, – фрейлиной Анной Павловной Шерер: «Россия одна должна быть спасительницей Европы. Наш благо-

детель знает свое высокое призвание и будет верен ему» [4, т. 9, с. 5].

Война, по мнению Достоевского, благоприятно действующая на нравы и души, необходима как раз во время, когда основы, клеточки общества разрушаются изнутри. В «Дневнике писателя» мысль Достоевского об очищающей силе войны постоянно связана с рядом других, вращающихся тем: темой русской семьи, славянского единения, солидарности интеллигенции и народа, темой роли России в мировой жизни, темой всеобщей деградации, детской темой и некоторыми другими.

В восьмой части романа «Анна Каренина» Толстой высказал свою точку зрения на войну и участие в ней, резко противоположную взглядам Достоевского. Толстой выступает здесь как ярый противник любых военных действий. Позиция его, оцененная с точки зрения борца за справедливость, человека, готового помочь угнетенным, действительно выглядит крайностью. Однако необходимо учитывать, что в восьмой части своего романа Толстой излагает свою *философию жизни*, в которой, как он показал, нет места войне. Восьмая часть «Анны Карениной» открывается изображением добровольческого движения: 12 апреля 1877 года Россия объявила войну Турции. Писатель пытается объяснить нам, что желающие войны на самом деле не осознают, как она страшна, показывает авантюристов и людей, увлекающихся войной, словно новой игрушкой.

Толстой и Достоевский искали сближения с народом, старались жить его жизнью. Поэтому вопрос о народной воле становится принципиальным в их «споре». Константин Левин в «Анне Карениной» утверждал значимость единственно важного непосредственного чувства человека, но об этом же говорил Толстой в «Войне и мире», утверждая, что народный подъем 1812 года произошел от совпадения произволов всех людей, участвующих в событиях. По мнению Толстого, только *личное чувство частного человека* может стать основой для участия в военных действиях, а уже после личные стремления сливаются в «народную волю», в «национальный дух». У Толстого обратного быть не может: нельзя оправдать человека, идущего на войну, потому, что он солидарен с волей народа. Действительно, становясь сообщником убийства, отнимая у людей жизни, человек должен ощущать, в первую очередь, свою личную ответственность: «Эпоха войны <…> делает нас соучастниками и совиновниками в организованном и планомерном убивании. Все те, кто признают и испытывают моральное значение государственного сожительства и повиновения праву, получают в этом некоторый противовес по отношению к категорическому “запрету”, идущему от совести. Однако этот противовес, облегчающий с виду момент выбора и решения, на самом деле только затрудняет и осложняет его» [2, с. 20].

Война, по мнению Толстого, часто живет в сердцах неплохих людей, только еще неопытных и горящих молодым задором, жаждой скорых и решительных перемен. Вспомним сон Николеньки Болконского в финале «Войны и мира». Что ему снится? Не мир, а война: он и Пьер идут в касках впереди огромного войска! Некоторые положительные герои Толстого не в силах увидеть все стороны войны, но всеведущий повествователь открывает нам то, что скрыто от персонажей. К примеру, молодой, красивый, отзывчивый, но легкомысленный и слабовольный офицер Бутлер в «Хаджи-Мурате» представляет лишь парадную сторону войны. Автор не только замечает другую сторону: «смерть, раны солдат, офицеров, горцев» [4, т. 35, с. 79], но и на протяжении всей повести иллюстрирует ее. Нет для автора различий между солдатами, офицерами, горцами, читатель Толстого видит *людей*, чьи жизни бесценны.

Достоевский остался при своем крайнем мнении о необходимости войны и ее положительном воздействии на человечество. Толстой после написания романа «Анна Каренина», после смерти Достоевского в своих последующих статьях далее развил и несколько трансформировал взгляд на войну. В статье «Приближение конца» (1896) в центре внимания Толстого находится факт отказа молодого человека И.К. Ван-дер-Вера от поступления в национальную гвардию Голландии. По мнению Толстого, данный факт является положительным примером пробуждающейся в человечестве ненависти к убийству. Толстой искренне и наивно верит, что Ван-дер-Вер – только первая ласточка, за которой последуют другие, что люди вскоре откажутся от войны, от убийств, внимательно прислушавшись к голосу своей человеческой сущности.

В статье «Две войны» (1898) писатель и публицист говорит об испано-американской войне, а также о войне между правительствами, призывающими людей на военную службу, обучающими их убийству, и самими людьми, тяготящимися таким положением. Толстой справедливо считает войну жестокостью, однако наивно выглядит его вера в скорое преображение людей. Лев Николаевич, уповая на силу слова, надеялся на резкое изменение политической ситуации, но, к сожалению, воззвания Толстого о всеобщем мире прозвучали (и не впервые за историю человечества!), а «люди находятся в опасности от нападения правительств других государств» [4, т. 31, с. 98]. Справедливость этого «нелепого», по мнению Толстого, выражения подтверждается историей, войнами и военными действиями XX и XXI веков.

Несколько знаменательных слов о войне находим мы в романе «Воскресение». Нехлюдов посещает старого генерала, который гордится крестом, полученным за руководство русскими мужиками, убившими на Кавказе более тысячи людей, защи-

щавших свои дома и семьи. Для Толстого не существует причин, которые могли бы оправдать войну, будь то стремление завладеть желаемой территорией или укрощение лиц, не повинующихся правительству.

В заметке «Не убий» (1900) Толстой говорит о массовом гипнозе людей, которых дурят, делая орудиями убийства. В «Войне и мире» повествователь и многие положительные герои рассуждали о чувстве, руководящем русскими людьми, защитниками своей земли. Вспомним, как князь Андрей накануне Бородинского сражения объясняет Пьеру, что успех сражения не зависит ни от позиции, ни от вооружения армий, ни от их числа, а более всего – от чувства, которое есть в каждом солдате. Достоевский в «Дневнике писателя» заявлял также более о чувствах добровольцев, о чувстве своем рассуждал и Левин в финале «Анны Карениной». Но вот в поздних статьях и трактатах Толстой взывает уже к разуму людей – ответственность за себя и свои поступки так и остается у Толстого во главе угла, однако новая эпоха призывает к трезвой оценке быстро меняющейся ситуации, к постоянной бдительности.

Толстой призывает всех людей отказаться от участия в военных действиях, почти так же, как и в «Войне и мире», заявляя о том, что общее движение армии складывается из личных воль (или их продажи за небольшие материальные ценности): «Так что виноваты в угнетениях народов и в убийствах на войнах не Александры, и Гумберты, и Вильгельмы, и Николаи, и Чемберлены, руководящие этими угнетениями и войнами, а те, кто поставили и поддерживают их в положении властителей над жизнью людей» [4, т. 34, с. 204]. Разумеется, писатель и здесь переоценивает людей и слишком упрощает проблему войны, скептически относясь к созданию армий для защиты народа.

Толстой абсолютно верно пишет о войне как о событии, противном жизни и радостному бытию на земле. В трактате «Одумайтесь!» (1904) писатель напоминает людям о страданиях и муках, о разорительной, злой силе войны, истребляющей все созданное. Толстой наставляет религиозных людей «руководиться в своей деятельности не предполагаемыми последствиями своих поступков, а сознанием своего назначения в жизни» [4, т. 36, с. 131]. Однако здесь встает еще одна актуальная и в наши дни проблема истинности религиозного чувства. При всей своей односторонности, вытекающей из надежды Толстого на скорое всеобщее прозрение людей, на их способность понимать и меняться, писатель во многом прав, и его призывы к миру, доброте, любви живы и необходимы нам сегодня.

Таким образом, противоположное отношение к войне Толстого и Достоевского формировалось постепенно, а развитию соображений обоих писателей способствовал скрытый спор между ними. Более того, их воззрения на указанную проблему можно считать антагонистическими и ушедшими в две различные крайности. Достоевский был убежден в том, что деградации общества и развращению людей может положить предел международная война. Писатель констатировал духовное оскудение русских семей, необходимость сильного внешнего толчка для преображения человека, оказавшегося на распутье. Толстой был чрезвычайно уверен в способности рядового человека к самосовершенствованию. Продуктивная идея улучшения мира посредством работы над собой каждого человека, выбранная им и взращиваемая на протяжении всего пути, ярко прослеживается и в отношении Толстого к войне. Если в 1860-е годы Толстой допускал возможность освободительной войны при условии ее истинного национального характера, то уже в конце 1870-х годов писатель выступает против любых военных действий, хотя опирается на то же личное чувство человека, подчеркивая в нем противление любой несправедливости. Парадоксально, но рядом вырастает толстовская теория непротивления злу злом, война у Толстого – одно из страшнейших зол мира. Поздний Толстой не отходит от своего основания – личной позиции человека, только теперь война уже оценивается в русле религиозных убеждений писателя и проповедника. «Хочется написать о том, что когда происходит такое страшное дело, как война, все делают сотни соображений о самых различных значениях и последствиях войны, но никто не делает рассуждения о себе: что ему, мне надо делать по отношению войны» [4, т. 55, с. 11]. Толстой справедливо пишет о первостепенности определения собственных поступков человека, однако его теория уходит в крайность из-за абсолютной, наивной веры писателя в способности и доброту личности, в магическую силу слов.

Библиографический список

1. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990.

2. *Ильин И.А.* Основное нравственное противоречие войны // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. – М.: Русская книга, 1996. – 608 с.

3. *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. – М.: Республика, 1995. – 619 с.

4. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. – М.: Худ. лит, 1928–1958.

5. *Фридлендер Г.М.* Достоевский и Лев Толстой // Фридлендер Г.М. Достоевский и мировая литература. – Л.: Сов. писатель, 1985. – 456 с.

УДК 82.161.1

Баталова Тамара Павловна
кандидат филологических наук
Московский государственный областной социальный институт
slava 964964@mail.ru

ИСТОРИОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО 1860–1865 ГОДОВ

Автор статьи на основе анализа публицистики Достоевского характеризует взгляды писателя на реформу Петра I, на её прогрессивное значение и пагубное влияние некоторых её последствий на русскую жизнь.

Ключевые слова: *Пётр I, статьи, реформа, социалист.*

В рассматриваемый период (1860–1865 гг.) Ф.М. Достоевский впервые выступает с проблемными статьями, такими как «Объявление о подписке на журнал “Время” на 1861 год», «Ряд статей о русской литературе», «Два лагеря теоретиков (По поводу “Дня” и кое-чего другого)» и др. Их содержание обусловлено тесной связью с современностью и, прежде всего, – с изменением положения народа. В его историософской системе «народ, власть, общество» на первый план выдвигается *народ*. Понимая крестьянскую реформу и её результаты как «огромный переворот» в русской истории, Достоевский стремится провидеть его особенности и результаты: «Этот переворот есть слитие образованности и её представителей с началом народным и приобщение всего великого русского народа ко всем элементам нашей текущей жизни» [4, т. 18, с. 35]. Писатель подчёркивает мирный характер этого процесса: «Не вражда сословий, победителей и побеждённых, как везде в Европе, должна лечь в основание будущих начал нашей жизни» [4, т. 18, с. 35–36].

По мысли Достоевского, эти преобразования должны стать основанием русского прогресса, силы в который внесёт народ. «Именно в настоящее время, – пишет он, – мы нуждаемся в честном, прямом и, главное, верном слове о нашем народе… Народ теперь выступает на сцену, призванный к общественной жизни законоположениями 19 февраля <...> Вопрос о народе в настоящее время есть вопрос о жизни…. От того или другого решения его зависит, может быть, судьба будущего русского прогресса. Это потому так, что вопрос о русском народе видоизменяется следующим образом: есть ли у нас в настоящее время земство как элемент, отличный от служилых сословий, есть ли ещё теперь в нём какая-нибудь жизнь, может ли оно обновить небогатое жизненностью наше общество? Такой жизненный вопрос никогда не решится по теории» [4, т. 19, с. 5].

Для ответа на эти вопросы Достоевскому необходимо проанализировать сущность и последствия преобразований Петра I, так как они коренным образом изменили русскую жизнь.

При рассмотрении этого явления актуализировалась проблема соотношения объективного и субъективного факторов в истории. В этих вопросах Достоевский, по всей вероятности, опирался на научные выводы 1840-х гг. Т.Н. Грановский полагал, что в жизни народа действует закон, исполнение которого неизбежно. Но срок его свершения неизвестен. Именно в вопросе о том, каким образом он будет осуществлён, «вступает во все права свои отдельная личность», которая и «определяет конкретность исторической жизни» [см.: 9, с. 130–131]. В этом свете рассматривалась и роль Петра I. По мнению В.Г. Белинского, «необходимость нововведений в России чувствовалась предшественниками Петра; она указывалась настоящим положением государства; но произвести реформу мог только Пётр» [1, т. 8, с. 205].

Вместе с тем критик отмечает противоречивость «дела Петра»: «Итак, НАРОД <...> и ОБЩЕСТВО пошли у нас врозь» [1, т. 1, с. 66]. А.И. Герцен петровские преобразования расценивает как следствие трагичности русской истории: «Странное сочетание гениальности с натурой тигра. Страшен процесс, которым страна могла дойти до необходимости такого врача, до возможности его и до того, что она могла вынести такое царствование» [2, т. 2, с. 348]. Он указывает и на особенности реформы: «Пётр разрушил <...> единство с народом. Он вызвал полярность, противоположность одних элементов другим» [2, т. 2, с. 348]. Достоевский учитывает и результаты изучения славянофилами своеобразия русского национального характера, уклада крестьянской общины, народного быта, обычаев, творчества.

Обобщая выводы своих предшественников, Достоевский не только развёртывает и углубляет их, но и переносит точку зрения на интересы народа. С различных сторон он рассматривает предпосылки петровских реформ. Как писатель-психолог – обосновывает их национальными различиями русских и европейцев: «Все европейцы идут к одной и той же цели, к одному и тому же идеалу <...> Но все они разъединяются почвенными интересами, исключительны друг к другу до непримиримости, и всё более и более расходятся по разным путям, уклоняясь от общей дороги. По-видимому, каждый из них стремится отыскать общечеловеческий идеал у себя <...> и каждый отдельно у себя хочет совершить то, что могут совершить только все народы, все вместе» [4, т. 18, с. 54].

© Баталова Т.П., 2012

В этом отношении русский характер противопоставляется другим: «…В нём преимущественно выступает способность высокосинтетическая, способность всепримиримости, всечеловечности» [4, т. 18, с. 55]. Писатель подтверждает эту мысль тем, что русский человек «со всеми уживается и во всё вживается», что он «сочувствует всему человеческому», что «нередко открывает точку соединения и примирения в совершенно противоположных, сопернических идеях двух различных европейских народов». В то же время отмечается у русского человека и способность «самой здравой над собой критики».

В свете национальных интересов Достоевский рассматривает и деятельность Петра I. «Пётр почувствовал в себе каким-то инстинктом новую силу и угадал потребность расширения взгляда и поля действия для всех русских, – потребность, скрытую в них бессознательно и бессознательно вырывавшуюся наружу и которая была в их крови ещё с славянских времён» [4, т. 18, с. 55]. Достоевский осмысляет этот вопрос и с позиции историка: «Такое историческое явление, как Пётр, – замечает он, – выросло на русской почве, конечно, не чудом каким. Оно подновлено, несомненно, временем… В русском воздухе носились уже задатки реформационной бури, и в Петре только сосредоточилось это пламеневшее общее желание – дать новое направление нашей жизни» [4, т. 20, с. 14].

Всесторонне проанализировав предпосылки петровских преобразований, Достоевский уточняет и конкретизирует теоретические положения об их противоречивости, уточняет их с национальной точки зрения. Волю Петра он оценивает как «вполне русскую», но результаты её – как столь же великие, как и противоречивые. «Велик был тот момент русской жизни, когда великая, вполне русская воля Петра решилась разорвать оковы, слишком сдавившие наше развитие, – пишет он. – В деле Петра (мы уже об этом теперь не спорим) было много истины. Сознательно ли он угадывал общечеловеческое назначение русского племени, или бессознательно шёл вперёд, по одному чувству, стремившему его, но дело в том, что он шёл верно. А между тем форма его деятельности, по чрезвычайной резкости своей, <...> была ошибочна. <...> Факт преобразования был верен, но формы его были не русские, не национальные, а нередко и прямо, основным образом противоречащие народному духу» [5, т. 19, с. 18]. Достоевский отмечает, что именно чуждость реформы народному духу и отвратило народ от неё: «Народ не мог видеть окончательной цели реформы <...> Но то, что было в реформе нерусского, фальшивого, ошибочного, то народ угадал разом, с первого взгляда, одним чутьём своим <...> от неё отшатнулся» [4, т. 19, с. 18–19].

Изучая последствия петровской реформы, Достоевский эту мысль развивает: «…У нас водворилась только страшнейшая распущенность нравов, немецкая бюрократия – чиновничество. <...> Народ чувствовал только страшнейший гнёт. <...> Выражаясь точнее, одна ИДЕЯ Петра была народна. Но Пётр как факт был в высшей степени антинароден» [4, т. 20, с. 14–15]. Писатель показывает, что антинародность Петра проявилась в деспотизме его реформаторских приёмов и в предпочтении внешних сторон жизни духовным: «Во-первых, он изменил народному духу в деспотизме своих реформаторских приёмов, сделав дело преобразования не делом всего народа, а делом СВОЕГО только произвола. Деспотизм вовсе не в духе русского народа… Он слишком миролюбив и любит добиваться своих целей путём мира, постепенно. А у Петра пылали костры и воздвигались эшафоты для людей, не сочувствовавших его преобразованиям… То самое, что реформа главным образом обращена была на внешность, было уже изменой народному духу… Русский народ не любит гоняться за внешностию: он больше всего ценит дух, мысль, СУТЬ дела [4, т. 20, с. 15]. И далее Достоевский размышляет о влиянии этих обстоятельств на характер народа: «И чем сильнее было на него посягательство сверху, тем сильнее он сплачивался, сжимался. Борода и одежда сделалось чем-то вроде лозунга. Может быть, именно под влиянием подобных обстоятельств и сложилась в нашем мужике такая неподатливая, упорная, твёрдая натура» [4, т. 20, с. 15].

Но противоречивость петровских преобразований не заслоняет собой прогрессивности ИДЕИ Петра: «Но идея Петра совершилась и достигла в наше время окончательного развития. Кончилось тем, что мы приняли в себя общечеловеческое начало и даже сознали, что мы-то, может быть, и назначены судьбою для общечеловеческого мирового соединения». И в то же время, указывает писатель, «цивилизация привела нас обратно на родную почву. Она не сделала нас исключительно европейцами, не перелила нас в какую-нибудь готовую европейскую форму, не лишила народности» [4, т. 19, с. 18–19].

Результаты этих исследований, очевидно, ставили вопросы об исторических перспективах России. Обсуждая эти проблемы, Достоевский полемизирует с «двумя лагерями теоретиков». С одной стороны, славянофилы идеализируют допетровскую Русь, провозглашают «московскую теорию». «Но ведь она тоже кабинетное создание, – утверждает Достоевский, – плод мечты и пылкого воображения» [4, т. 20, с. 11–12].

С другой стороны, «чистые» западники-теоретики механистически поняли «общечеловечность». Достоевский возражает им. «Наш идеал, – говорит один лагерь теоретиков, – характеризуется общечеловеческими свойствами. Нам нужен человек, который был бы везде один и тот же – в Германии

ли то, в Англии или во Франции, который воплощал бы в себе тот общий тип человека, который выработался на Западе. Всё, что приобретено им общечеловеческого, смело давайте всякому другому народу, вносите общечеловеческие элементы во всякую среду, какова бы она ни была» [4, т. 20, с. 6].

Писатель улавливает диалектику «всечеловечности»: «Нет, – утверждает он, – тогда только и будет человечество жить полною жизнию, когда всякий народ разовьётся на своих началах и принесёт от себя в общую сумму жизни какую-нибудь особенно развитую сторону. Может быть тогда только и можно будет мечтать нам о полном общечеловечном идеале. <...> желание нивелировать всякий народ по одному раз навсегда определённому идеалу в основе слишком деспотично. Оно отказывает народам во всяком праве САМОРАЗВИТИЯ, умственной АВТОНОМИИ» [4, т. 20, с. 7].

Достоевский отмечает, что теоретизирующие западники, оторвавшись от реальности, не понимают положения современного поколения. «И вот всё поколение оказалось несостоятельно, и это плоды трудов Петра! Что принесло, чем кончило наше поколение: социальные не свои теории и рабскою боязнию иметь свою мысль (“Современник”, “Р. слово”). И это ещё лучшее, потому что ж представляют нам другие-то представители высшего общества? Ломаный французский язык с акцентом и доживание доходов, а основная огромная масса живёт, перебиваясь копейками и ничего не видя, кроме своих интересов. Это даже и не буржуазия; это какие-то ВПОЛНЕ УЖ ЛИЧИНКИ. Своя связь была нарушена, новая не завелась под гнётом административных начал, а у БУРЖУАЗИИ по крайней мере до конца концов было что-то, что её связывало» [4, т. 20, с. 194]. (Заметим, что эти слова Достоевского являются пророческими. История России начала XX в. показала, что одной из причин совершения октябрьского переворота 1917 г. была в слабости буржуазии: она не сумела взять власть в свои руки и удержать её.)

Историческую перспективу для России Достоевский связывает с необходимостью соединения образованного общества с народом. Он основывается на том, что в результате отрыва высшего общества от народа оно потеряло резерв своих сил и, следовательно, – способность быстро идти вперёд. «Разрозненные с народом высшие классы, – пишет он, – не подновляются новыми силами – оттого чахнут, ничего не вырабатывают. Не имея твёрдой точки опоры, они не имеют впереди ясно поставленной и точно обозначенной цели. Оттого их существование принимает какой-то бесцельный характер. Не сливая своего дела с земским делом, они по необходимости должны были поставить впереди себя только узкие цели. Оттого все лучшие порывы вперёд нашего общества неизбежно отпечатлеваются каким-то характером безжизненности, чахлости» [4, т. 20, с. 19].

Достоевский подчёркивает и объективность процесса соединения высшего общества с народной почвой. Это тоже результат петровской реформы.

«В то же время высшее общество, прожив эпоху своего сближения с Европой, свою эпоху цивилизации, почувствовало само собой необходимость обращения к родной почве. Эта необходимость предчувствовалась уже задолго прежде и, при первой возможности выразиться, – выразилась» [4, т. 19, с. 8]. Писатель отмечает, что итог этого процесса как бы продиктован всемирной историей: «Таким образом, собственные наши интересы и интересы человечества требуют, чтоб мы возвратились самым делом на почву народности, соединились с нашим земством» [4, т. 20, с. 20].

Достоевский разрабатывает и пути такого соединения – этого великого переворота в русской жизни: «1) Распространить в народе грамотность <...> 2) Облегчить общественное положение нашего мужика уничтожением сословных перегородок <...> 3) Нам нужно отказаться от наших сословных предрассудков и эгоистических взглядов» [4, т. 20, с. 20].

Итак, Достоевский и его журнал становятся в первые ряды «образованного общества», чтобы общими силами предрешить необходимый прогрессивный путь развития России.

Таким образом, проанализировав прогрессивное значение реализации идеи Петра и антинародный характер методов его преобразований и их последствий, Достоевский приходит к выводу, что соединение высшего общества с народом, ставшим в результате отмены крепостного права активным субъектом русской истории, залог нового великого поворота во всемирном развитии.

Достоевский по-своему видит и всемирный исторический процесс, выделяет в нём три периода: первобытный, цивилизацию и христианство. В наброске статьи «Социализм и христианство» он пишет: «Когда человек живёт в массах (в первобытных патриархальных обществах <...>) – то человек живёт НЕПОСРЕДСТВЕННО. Затем наступает время переходное <...> т.е. цивилизация <...> Человек как личность всегда в этом состоянии своего общественно-генетического роста становился во враждебное, отрицательное отношение к авторитетному закону масс и ВСЕХ. Терял поэтому ВСЕГДА веру и в Бога. <...> Христианство – третья и последняя степень человека, но тут и кончается развитие, достигается идеал <...> [Дальнейшее] – есть БУДУЩАЯ ЖИЗНЬ» [4, т. 20, с. 191–193].

Достоевский считает, что продуктом западной цивилизации стали социалистические теории. Идеал для России должен вырастать из её национальной почвы. «Белоараповцы (“чистые” западники, социалисты. – *Т.Б.*) не замечают, – пишет он, – что социализм вовсе не обязательно общечеловечен, что идеал общечеловечия вовсе не тот (а христианс-

кий), что социализм только есть органический продукт западной жизни и всех противоречий её. <...> Форма социальных стремлений, форма рисующегося вдали для России идеала должны быть не те, а наши, собственные наши, органический наш продукт» [4, т. 20, с. 180]. На формирование идеала, как заключает писатель, решающее влияние оказывает религия: «Из католического христианства вырос только социализм; из нашего вырастет братство» [4, т. 20, с. 177]. Достоевский отмечает, что социализм «основан на неуважении к человечеству (стадность)» [4, т. 20, с. 177]. Об этом говорит бездуховность их идеала: «Они разом решили: всеобщее материальное богатство. <...> В Белой Арапии это поставлено идеалом» [4, т. 20, с. 198].

«Социалисты дальше брюха не идут» [4, т. 20, с. 193]. Но эта всеобщность единичек – «лучиночек» – требует и социальной базы: «Для этого нужно было всем смириться и согласиться жить в обществе, весьма похожем на муравейник» [4, т. 20, с. 198]. Но логика требует дальнейшего развития бездушия: «Но так как они предчувствовали, что им возразят: что человек не согласится столько пожертвовать, – то они прямо ударились в нигилизм и стали отрицать человека, чувство, душу, религиозность, искусство, свободу – всё, – отрицать как мальчики, не давая никаких решений» [4, т. 20, с. 198].

Итак, Достоевский раскрывает корни нигилизма: они – следствие бездуховности.

Дискутируя с социалистами, Достоевский ставит вопрос о том, как можно изменить сознание человека: внешним фактором – экономическим – или внутренним – нравственным, то есть верой. Он размышляет: «Социалисты хотят переродить человека, освободить его, представить его без Бога и без семейства. Они заключают, что, изменив насильно экономический быт его, цели достигнут. Но человек изменится не от ВНЕШНИХ причин, А НЕ ИНАЧЕ КАК ОТ ПЕРЕМЕНЫ нравственной» [4, т. 20, с. 171]. Далее писатель обосновывает вывод природными человеческими потребностями: «Раньше не оставит Бога, как уверившись математически, а семейства прежде, чем мать не захочет быть матерью, а человек не захочет обратить любовь в клубничку. Можно ли достигнуть этого оружием?» [4, т. 20, с. 172].

Писатель упрекает теоретиков в голословности: «И как сметь сказать заранее, прежде опыта, что в этом спасение. И это рискуя всем человечеством. Западная дребедень» [4, т. 20, с. 172]. Из этого следует логический вывод: «народы сами собою дойдут до социализма, если только правда, что он представляет универсальное лекарство всему обществу» [4, т. 20, с. 171–172]. Упоминание «оружия» в этих записках не случайно. На эту мысль приводит стремление социалистов «переродить человека» ВНЕШНИМИ СИЛАМИ. История говорит о неразрывной связи революций с кровопролитием: «революционная партия <...> (Впрочем, кровь у них дешева)» [4, т. 20, с. 175].

Таким образом, в 1860–1865 гг., в период подготовки и проведения Александровских реформ, Достоевский, исходя из нового положения народа, размышляет об исторических перспективах России. Отвергая теории славянофилов и «чистых» западников как «кабинетные творения», он видит залог русского прогресса в сближении высшего общества с народом. Оставшиеся в записных книжках и тетрадях его мысли о противостоянии социализма и христианства хотя и не оформились в статьи, но показывают те идейные настроения писателя, что укрепятся в будущем.

В то же время отметим, что в этот период по своим историософским взглядам Достоевский, как и прежде, был близок к Некрасову. Об этом свидетельствует тот факт, что для произведений поэта 1855–1866 гг. стали связующими (термин Г.В. Краснова [см.: 7]) мотивы сближения представителей высшего общества с народом. Это подтверждают и взаимоотношения между «Современником» и «Временем» [5, т. 1, с. 420; 3, с. 485].

Отметим, что для «Современника» и «Времени» не была решающей и полемика Достоевского с молодыми сотрудниками некрасовского журнала. Очевидно, со стороны Достоевского она не была направлена против программных принципов «Современника». Учтём и то, что критика, без свободы которой не может развиваться литература, была основным жанром публицистики. Кроме того, журнальная политика нередко требовала и договорённостей между редакторами. Так, Достоевский пишет к Некрасову 3 ноября 1862 г.: «Всего лучше обругайте нас в генварском №-ре «Современника», а на февральский наш номер дайте нам Ваших стихов» [4, т. 28, ч. 2, с. 29].

Особый характер имела полемика между Достоевским и М.Е. Салтыковым-Щедриным, которую принято квалифицировать как «ожесточённая» [см.: 6, с. 230]. Но напомним, как её оценивал Достоевский. В «Записках журналиста» он признаётся: «Я ничего лично не имею против г-на Щедрина, он мне отнюдь не враг. Но я преследовал в нём литератора продажного (что я слыхал лично от г-на Щедрина). Кто же и мог ему выставить весь позор его положения» [4, т. 20, с. 199]. Этот «позор положения» заключался в том, что Салтыков, человек либеральных настроений, по приглашению Некрасова работал вместе с молодыми сотрудниками – сторонниками социалистических теорий. Салтыков, дискутируя с Достоевским, давал ему возможность углубить и уточнить свои взгляды, разъяснить их читателям и, прежде всего, «белоарапoвцам». Некрасов как редактор эту полемику в определённой степени регулировал. Так, М.А. Антонович, её участник, вспоминает, как Не-

красов, передав ему очередную, видимо, слишком забористую статью Салтыкова против «Времени», сказал автору, что потерял её. Несомненно, все трое понимали друг друга. Щедрин с сожалением воскликнул, что у него нет второго экземпляра. Этим всё и закончилось [см.: 8, с. 15–16].

Таким образом, оба журнала объективно выполняли общую задачу гражданского воспитания читателей.

Библиографический список

1. *Белинский В.Г.* Собр. соч.: в 9 т. – М.: Худ. лит., 1976–1982.
2. *Герцен А.И.* Собр. соч.: в 30 т. – М., 1954–1965.
3. *Григорьев А.А.* Литературная критика. – М., 1967.
4. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990.
5. Достоевский Ф.М. в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. – М.; Л., 1980. – С. 375–533.
6. Достоевский Ф.М. Сочинения. Письма. Документы: словарь-справочник. – СПб., 2008.
7. *Краснов Г.В.* Сюжеты русской классической литературы. – Коломна, 2001.
8. Некрасов Н.А. в воспоминаниях современников. – М., 1971.
9. *Приленский В.И.* Грановский Тимофей Николаевич // Русская философия: энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2007.

УДК 821.161

Болтовский Евгений Олегович
Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова
lestoat@mail.ru

К КАЛЕНДАРНОЙ МИФОЛОГИИ БОРИСА ПОПЛАВСКОГО

Статья посвящена рассмотрению образной парадигмы, связанной с календарной мифологией в творчестве Бориса Поплавского. Автор анализирует стихотворения с календарной семантикой и определяет их мифологическую основу, доказывает, что трансформация календарной мифологии в творчестве Бориса Поплавского связана с его религиозными поисками.

Ключевые слова: *авторский миф, космогония, архетип, бинарные оппозиции, мифологема, календарная мифология.*

Достаточно прочитать и половину любого из немногочисленных поэтических сборников Бориса Поплавского, чтобы оценить, сколь большое значение автор придавал образам с календарной семантикой. Переходя из произведения в произведение, эти образы организуют метатекст, оказывающийся символическим отражением авторской онтологии. В качестве некоего ключа к символике Бориса Поплавского можно взять стихотворение «Волшебный Фонарь» из единственного прижизненно изданного сборника «Флаги». Приведем текст полностью:

Колечки дней пускает злой курильщик,
Свисает дым бессильно с потолка:
Он может быть кутила иль могильщик
Или солдат заезжего полка.

Искусство безрассудное пленяет
Мой ленный ум, и я давай курить,
Но вдруг он в воздухе густом линяет.
И ан на кресле трубка лишь горит.

Плывет, плывет табачная страна
Под солнцем небольшого абажура.
Я счастлив без конца по временам,
По временам кряхтя себя пожурю.

Приятно строить дымовую твердь.
Бесславное завоеванье это.
Весна плывет, весна сползает в лето.
Жизнь пятится неосторожно в смерть [7, с.63].

Это стихотворение в некотором роде является программным, а вернее, иллюстрацией программы, подспудно изложенной в дневниках и эссе писателя. В нем емко выражена взаимосвязь художественного метода и мировоззрения автора, его творческой и жизненной позиций. Безрассудное искусство созидания островов из табачного дыма не ограничено соотнесением его с излюбленными Поплавским сюрреалистическими опытами «автоматического письма» или, тем более, досужими поэтическим фантазиями. Этими, выходящими на передний план, значениями поэт проводит параллель с другим, имплицитно выраженным, пониманием творчества. И в этом понимании он близок к экзистенциалистам, к идее «абсурдного творчества», описанной А. Камю. Последнее четверостишие приведенного стихотворения через миф выражает глубокую, нагую «правду», которая и объясняет смысл произведения. Эта «правда» пронизывает все зрелое творчество Бориса Поплавского. И одним из основных способов ее выражения является календарный миф.

Тут необходимо дать рабочие понятия. Определение «авторского мифа» основано на работах С. Телегина и Ю.В. Доманского. Как пишет С.М. Телегин, существует три типа связи литературы с мифом: «заимствование из мифологии сюжетов, мотивов и образов; создание писателем собственной системы мифов; реконструкция мифоло-

© Болтовский Е.О., 2012

гического сознания» [1, с. 38]. Последний тип имеет в своей основе обращение с элементарными единицами мифа – мифологемами, а на уровне психологии – с архетипами и семами. Именно этот тип связи обнаруживает авторскую мифологию. Произведение, реконструирующее мифологическое сознание, следовательно, имеет общую структуру с древними мифами и может быть подвергнуто мифопоэтическому анализу.

Под «календарным мифом» в современной науке, в частности, М. Элиаде и Е.М. Мелетинский, понимают символически осмысленную смену временных циклов – дня и ночи, зимы и лета и пр. Вот что по этому поводу пишет Е.М. Мелетинский: «В развитых земледельческих мифологиях <…> эти мифы оказываются на первом плане. Ярким примером мифа, символизирующего суточный цикл, является сюжет ночного путешествия египетского бога Ра в солнечной ладье по водам подземного хаоса и его сражение со змеем Апопом <...>. Этот путь и это сражение повторяются ежедневно» [4, с. 218]. Примером символического осмысления смены сезонов можно назвать миф о похищении Аидом Персефоны и ее поисков матерью-Деметрой. Так называемый мотив «исчезающих и возвращающихся богов» вообще свойствен очень многим мифологиям и считается наиболее древним.

Осмысление природы сквозь призму календарного мифа оказывается тематикой значимой части произведений Бориса Поплавского. Однако в отличие от архаичных верований, в которых для изображения смены циклов повсеместно используется аллегория, календарному мифу «монпарнасского королевича» свойственна пантеистическая трактовка. Это выражается в обильном использовании олицетворений. Вот некоторые примеры:

Зима плыла над городом туда
Где мы ее, увы, еще не ждали,
Как небо, многие вмещая города
Неудержимо далее и далее [7, с. 57].

Или:

И весна, бездонно розовея,
Улыбаясь, отступая в твердь,
Раскрывает темно-синий веер
С надписью отчетливою: смерть [7, с. 58].

В большинстве произведений автор явно или скрыто обращается к календарной мифологии. Из 70-и стихотворений «Флагов» около трети либо описывают времена года, либо содержат упоминания о них. Этот интерес к природе выражен в поэтическом осмыслении течения времени через смену сезонов.

Приведенные выше фрагменты позволяют сделать вывод о детерминированности описываемых явлений. Эти произведения объединены общим набором мифологем, часто отличных по своему значению от принятых в западной культуре, что позволяет говорить об их авторской природе. Ср.:

Не мучайся, читай в пыли газеты
Всё это ложь
Весна в закатах говорит о смерти
И осень тоже [7, с. 384].

Как видно, сезонные мифологемы у Поплавского находятся в одном семантическом ряду с образом смерти. На мифопоэтическом уровне это объясняется тем, что в мифологемах актуализируются родственные семы «изменчивости», «непостоянства». Сам писатель фиксирует в дневнике: «Основная истина о мире есть ощущение его как не чего-то каменного, а чего-то движущегося, становящегося и меняющегося наподобие не статуи или вещи, а разноцветной жидкости, переливающейся и уплывающей» [8, с.26]. Таким же образом эта мифологема маркирована в восточной философии, с которой Поплавский был знаком через работы А. Шопенгауэра. Литература становится для писателя способом постижения времени. Ср.:

Шипит апрельской флоры наважденье,
И пена бьет из горлышка стволов.
Весь мир раскрыт в весеннем нетерпеньи,
Как алые уста нагих цветов.

И каждый камень шевелится глухо,
На мостовой, как головы толпы,
И каждый лист полураскрыт, как ухо,
Чтоб взять последний наш словесный пыл.

Темнеет день, весна кипит в закате,
И музыкой больной зевает сад.
Там женщина на розовом плакате,
Смеясь, рукой указывает ад.

Восходит ночь, зеленый ужас счастья
Разлит во всем, и лунный яд кипит.
И мы уже, у музыки во власти
У грязного фонтана просим пить [7, с.84].

На образно-мифологическом уровне смена времен года в творчестве писателя связана с борьбой двух начал. Как указал Э. Кассирер, элементарным мифогенным элементом является семантическая оппозиция, соответствующая чувственной ориентации человека в пространстве (например, верх/них, лево/право далеко/близко). Базовой антиномией Поплавского, на которой основывается вся мифология его позднего творчества, является антиномия *Солнца* и *Луны*, которая выражается в контрастном сопоставлении двух конвенциональных начал: эллинизма и христианства. Смена времен года соотносится с изменением доминирующей силы, причем зима соотносится с христианством, а лето с эллинизмом. Эта тема хорошо освещена в дневниках и эссе Поплавского. Например: «Любящий себя сам не нуждается в Любви <…> С ним дружат боги промежуточных миров, которые презирают растерянных смертных и любят ясные, доблестные натуры, чтобы в них отразиться, таковы Парки, Сибиллы, Пифии, Горгоны, Эринии и все доблестные, солнечные существа от Аполлона Дель-

фийского до божественного Антонина (Марк Аврелий) <…> Все они солнце и разумно-поклонники <…> Они непоколебимы соблазнами мира и, не вмешиваясь, побеждают его. Друзья Иисуса же, наоборот, всегда побиваемы, ставлены в неловкое положение, прерываемы, лишаемы голоса, запугиваемы, и сам Иисус был такой же часто» [5, с. 230].

В мифологеме зимы у Поплавского актуализируется сема чистоты, невинности. Во многом это связано с мифологией белого цвета. Снег ассоциируется с опускающимся небом, которое, в свою очередь, выражает христианские добродетели: жалость, надежду, смирение. Луна, снег и небо стоят у Поплавского в одном ряду. Ср.:

А луна поет о снежном рае.
Колыхался туч чернильных вал
И последней фразою, играя,
Гром упал на черный арсенал [7, с. 179].

Или:

Поет зима, как соловей,
Как канарейка, свищет вьюга.
Луна восходит, а правей
Медведица подходит с юга [7, с. 116].

При этом важнейшая для мифологического сознания оппозиция мирского/сакрального не тождественна у Поплавского антиномиям Христианства и Эллинизма. Обе эти мифологии характеризуются как сакральные. Важно заметить, что их оппозиция основана не на отношениях травестии, как это могло бы быть в рамках традиционной мифологической конструкции. Это равнозначные и взаимодополняемые мифологии. Такая позиция приближает Поплавского к постмодернистскому мировоззрению. С одной стороны, отсюда берет развитие созерцательное мировосприятие, так как равноценные основополагающие принципы не требуют участия человека, с другой – ставит писателя перед этической дилеммой буриданова осла.

Подводя итоги, хочется дать краткую характеристику авторской календарной мифологии Бориса Поплавского. Как показал Е.М. Мелетинский, базовым конфликтом в системе этиологических (в том числе и календарных) мифов выступает противостояние Космоса Хаосу, при этом Космос состоит в отношениях преемственности к Хаосу. Хаосу, как враждебному человеку принципу, дается негативная моральная оценка, Космосу же положительная. Борис Поплавский выходит за рамки этого конфликта: космогонические принципы не подчинены отношениям преемственности и никак не маркируются. Их антагонизм протекает на одном, космическом, уровне.

На основании изученных художественных произведений и дневниковых записей Поплавского мы выделяем две специфические черты календарной авторской мифологии писателя. Во-первых, это инверсия значения мифологем весны и лета, которые в западной культуре связаны с положительно маркированными мифологемами расцвета («акме»). Во-вторых, это безоценочная реализация космогонических мифологем. Такой подход не характерен для европейской культуры – в основе его восточная философия, проводником которой выступили, в частности, идеи А. Шопенгауэра.

Проведя параллель между творчеством и биографией Бориса Поплавского, мы приходим к выводу о том, что неоднозначное восприятие мифологем может являться следствием мировоззренческих метаний писателя, хорошо известных благодаря его дневникам. Таким образом, авторская трансформация календарной мифологии в творчестве Бориса Поплавского связана с поиском истинной веры, а «стенография» религиозных поисков служит основным сюжетообразующим элементом в его произведениях.

Библиографический список

1. *Доманский Ю.* Смыслообразующая роль архетипических значений в литературном тексте: пособие по спецкурсу – 2-е изд. – Тверь, 2001.

2. *Камю А.* Миф о Сизифе: эссе // Философский портал [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.philosophy.ru/library/camus/01/3.html.

3. *Леви-Строс К.* Структурная антропология / пер. с фр. Вяч.Вс. Иванова. – М.: Академический Проект, 2008.

4. *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. 4-е изд., репр. – М.: Вост. лит., 2006.

5. *Менегальдо Е.* Поэтическая вселенная Бориса Поплавского. – СПб.: Алетейя, 2007.

6. *Телегин С.М.* Философия мифа. Введение в метод мифореставрации. – М., 1994.

7. *Поплавский Б.Ю.* Собр. соч.: в 3 т. Т. 1.

8. *Поплавский Б.Ю.* Собр. соч.: в 3 т. Т. 3.

9. *Элиаде М.* Аспекты Мифа / пер. с фр. В.П. Большакова. 4-е изд. – М.: Академический Проект, 2010.

УДК 882.09+820/888.09

Дмитриенко Иван Константинович
Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова (г. Москва)
smart-e1@mail.ru

К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ: МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НЕМЕЦКИХ РОМАНТИКОВ И РУССКИХ ПОСТМОДЕРНИСТОВ

На материале произведений Э.Т.А. Гофмана, Новалиса, Саши Соколова и Виктора Пелевина сопоставляется неомифологическая картина мира и методы использования мифологического материала в романтизме и постмодернизме. Обнаруженные сходства позволяют доказать влияние романтической традиции на постмодернистскую эстетику.

Ключевые слова: *традиция, картина мира, дискурс, романтизм, постмодернизм, мотивная структура, культурно-историческая эпоха, типологическое сходство.*

Постмодернизм как дискурс противостоит мировоззрению эпохи модерна – логоцентристской мысли Нового времени, краеугольным камнем которой был культ разума. Поэтому особый интерес вызывают те периоды в истории Нового времени, в которых были зафиксированы бунтарские настроения в отношении разума. Наиболее ярким в числе подобных явлений является движение романтизма, характеризовавшееся решительным отказом от рацио в пользу интуиции. Именно романтики открыли принципиальную ограниченность и несовершенность созданной модерном картины мира.

Говоря о романтизме, мы полагаем уместным ограничиться *немецким романтизмом* – национальным типом, стоявшим у истоков движения в целом и давшим импульс к его развитию в других странах. Среди исследователей немецкий вариант считается наиболее совершенным, «наиболее подлинным» [13, с. 11]. Для современного этапа исследования немецкого романтизма характерно нарастание числа публикаций, посвященных рассмотрению преемственности и трансформации романтических идей у представителей различных направлений западноевропейской культуры. Среди российских ученых в этом отношении выделяются В.В. Шервашидзе [27], Г.А. Фролов [24] и Л.Г. Андреев [3].

Между тем постмодернизм нередко рассматривается в аспекте насле-дования мотивов и художественных приемов предшествующих эпох. В большинстве случаев характер и мера такого заимствования обусловлены тем, что некоторые классические авторы обнаруживают определенную близость постмодернистским идеям. Эта близость, или *генетическая связь*, определяет сущность понятия *традиция* и ее отличие от стилизации: как доказала Т. Цивьян, традиции напрямую связаны с преобладающим типом сознания – именно оно определяет парадигму художественного мироощущения и эстетические критерии того или иного автора [25]. На основе актуализации определенного набора абстрактных универсалий, сопутствующих тому или иному типу сознания, происходит обращение к конкретным чертам поэтики.

Наша гипотеза состоит в том, что между романтической и постмодернистской картинами мира существует определенная связь, проецирующаяся на эстетические принципы этих направлений. В своей работе мы остановимся на обнаружении традиций романтизма (предметом анализа являются произведения Э.Т.А. Гофмана и Новалиса) и особенностей их функционирования в поэтике русской постмодернистской прозы (Саша Соколов, Виктор Пелевин).

Особенности модели мира немецкого романтизма предопределены социально-историческими условиями бытования этого течения. Грандиозные общественные катаклизмы, прокатившиеся по всей Европе на рубеже XVIII–XIX веков, ознаменовали становление нового этапа развития западной цивилизации, который нельзя было воспринимать рассудочно, аналитически бесстрастно. Это вызвало поворот интереса от внешней жизни человека и его деятельности в обществе к проблемам духовной, эмоциональной стороны личности, опору на идеальное переосмысление социальных событий.

Неудивительно, что в этом смысле классической страной романтизма была Германия: немцы изначально не были общественной нацией, поскольку были разделены на множество разных государств. Их традиционной установкой было то, что духовная жизнь – отражение общественного бытия, а значит, искусство, нравственность, наука, религия, государственное устройство, форма правления – «все они вместе имеют один и тот же корень» [8]. В философии немецкого романтизма центральное место занимал поиск трансцендентных, экзистенциальных и культурных оснований внутреннего мира человека. Романтики были нацелены на «обнаружение связи между духовным и телесным миром», на *«спиритуализацию бытия»* [13, с. 26], поэтому внешние процессы трактовались ими как результат объективаций феноменов мифопоэтического (имагнитивно-чувственного) сознания [9]. Такое мировоззрение справедливо считать неомифологическим сознанием как формой возрождения мифологического.

Миф романтики считали «первичным», «эталонным» типом знания. В нем процесс осознания,

 © Дмитриенко И.К., 2012

познания и самопознания слиты в неразрывное целое, в «синтетическую рефлексию» [28]. Миф – некий сверхобраз, сверхвыражение того, что содержат природа и история. Миф – явление в его максимальной жизни (отсюда – гиперболическая обобщенность мифа) [6]. Мифотворчество отражает способность человека выражать метаэмпирический, трансперсональный опыт в первичных, базовых образах. Таким образом, мифопоэтическое сознание в романтизме становится «новой формой чувствования, новым способом переживания жизни» [13, с. 12].

Возникновение постмодернизма также связано с разочарованием в результатах предыдущей эпохи исторического развития – модерна. Это повлекло за собой дискредитацию мировоззрения Нового времени, которая отражает возникновение нового типа ментальности – ментальности человека на сломе эпох, в период парадигматического сдвига. Вот причины активизации неомифологического сознания российского общества в конце XX века:

– распад СССР, утрата опор типового общественного сознания;

– утрата доверия к любым идеологическим движениям;

– мировой кризис. Экологические проблемы, перенасыщенность мира оружием массового поражения. Активизация религиозных пластов сознания;

– маркированность эпохи – конец столетия. Ожидание конца времен [14].

В этих условиях миф становится гармонизирующим началом, содержащим вечные и неизменные ценности, опорой в зыбком изменчивом мире.

Использование неомифологизма характерно для романа, создаваемого в лоне поэтики постмодернизма [29]. Поэтика мифологизирования предполагает вовлечение в ткань произведения образов универсальной психологии и истории, а также использует циклическую ритуально-мифологическую повторяемость для выражения архетипов и конструирования повествования.

Рассмотрим элементы мифа, в том числе фольклорные, религиозные и оккультные конструкции, используемые писателями эпохи романтизма и постмодернистами Сашей Соколовым и Виктором Пелевиным.

У истоков романтизма – роман-миф Новалиса «Генрих фон Офтердинген». Его квинтэссенция – пропитанная мифологией сказка Клингзора. Многочисленные духи природы населяют поэзию Эйхендорфа, Мёрике и Уланда: натурфилософские взгляды романтиков способствовали обращению к низшей мифологии, к духам земли, воздуха, воды, леса, гор и т.д.

В зрелом романтизме наиболее показательно творчество Гофмана. В его повести «Золотой горшок» о наличии архетипического пласта свидетельствует мифическая предыстория – история любви князя духов Фосфора к огненной лилии. Эта сюжетная линия несет смысловую нагрузку картины начала всех начал. Рассказ начинается словами: «Дух взирал на воды...», что удивительно похоже на цитату из первой Книги Бытия: «Дух Божий носился над водою» [7]. Кроме того, движение от царства Фосфора к царству Атлантиды, к которому приходит протагонист «Золотого горшка» в финале, отражает популярную среди романтиков идею о движении истории от Золотого Века к Царству Божьему. Неомифологический слой присутствует и во многих других произведениях Гофмана, например, в повести «Принцесса Брамбилла», где структурной основой является миф об Урдар-озере. Для Гофмана миф – это усиление внутреннего смысла, заложенного в художественный образ [4].

Схожая ситуация наблюдается в творчестве Виктора Пелевина. Благодаря мифу он воспроизводит и реактуализирует фундаментальные основания человеческого существования и бытия вообще [10]. Пелевин «берет архетипы» и «выстраивает вокруг него композицию». Поэтому исследователи советуют: «Анализируя какие-либо книги Пелевина, всегда надо следовать принципу: ищите архетип!» [2].

В числе архетипов могут оказаться различные религиозные традиции и философские системы, мистические практики и магические техники. Например, картина мира в романе «Чапаев и Пустота» вполне укладывается в ортодоксальную традицию Махаяны [16]. Именно с позиций буддийского учения следует толковать образы УРАЛа (Условной Реки Абсолютной Любви) и Внутренней Монголии. Препарирование буддийской мифологии свойственно многим текстам Пелевина. В частности, в повести «Желтая стрела» приводится фрагмент из буддийской притчи об обуздании собственного сознания-слона: «Милость беспредельна, и я точно знаю, что когда поезд остановится, за его желтой дверью меня будет ждать белый слон, на котором я продолжу своя вечное возвращение к Неименуемому» [19].

Фундаментальный образ романа Саши Соколова «Школа для дураков» – река Лета, которую автор связывает с мотивами смерти и бессмертия. Мифологизм этого произведения проступает и в предельной обобщенности определений: «Как же она называлась? Река называлась» [21, p. 8]; «А как называлась станция? – я никак не могу рассмотреть издали. Станция называлась» [21, p. 11]. Концентрированное выражение мировоззрение автора/героя приобретает в следующей откровенно мифологической картине: «Когда наши дачи окутает сумрак, и небесный ковш, опрокинувшись над землей, прольет свои воды на берега восхитительной Леты, я... смазываю уключины густой и темной водой, почерпнутой из реки, – и путь мой лежит за вторую излучину, в Край Одинокого Козодоя, птицы хорошего лета» [21, p. 51].

Образность «Школы для дураков» близка к разработанной О.М. Фрейденберг концепции первобытных метафорических архетипов. В этом контексте «элементарные образы» приобретают статус ритуальных заклинаний, как бы вчитывающих мифологические архетипы в будничный мир дачной зоны [17].

Неомифологическое сознание проявляется у представителей немецкого романтизма и русского постмодернизма не только на сюжетно-образном уровне, но и на уровне хронотопа. Главной составляющей мифопоэтического хронотопа является принцип дехронологизации.

Миф в силу многократной повторяемости искажает категорию времени в развертывании сюжета. Архетипические события происходили в прошлом, происходят в настоящем и будут происходить в будущем ? благодаря этому они выглядят как вечно *представленные*, а акцент переносится с хронологической последовательности на изображение «застывших» ситуаций, с повествования – на описание. В.Н. Топоров пишет: «В мифопоэтическом хронотопе время сгущается и становится формой пространства (как бы выводится вовне, откладывается, экстенсифицируется), его новым (“четвертым”) измерением» [23].

Мотив «смещенного времени» присутствует в романе Новалиса «Генрих фон Офтердинген»: «Он увидел его маленькую комнату, расположенную вплотную у стены высокого собора, от каменных плит которого поднималось великое прошлое, в то время как с купола навстречу прошлому неслось ясное, радостное будущее в образе золотых ангелочков» [18]. Новалис был убежден, что состояние бессмертия, наступление которого в религиозном веровании мы ожидаем после смерти, в скрытом виде заключается в нас уже теперь [1]. Неслучайно «Генрих фон Офтердинген» завершается обручением времен года и поколений человеческих.

По мнению В.М. Жирмунского, взгляды романтиков в этом вопросе можно свести к следующему: «Когда наступит вечность, она будет не отрицанием времени, а завершенным временем... Как “положительная середина” между прошедшим и будущим, завершенное время соединяет в себе прошедшее и будущее, вечность в своей полноте заключает в себе полноту того, что было, и того, что будет» [13, с. 170].

Вернемся к «Школе для дураков». Герои Саши Соколова живут в сказочном хронотопе, где время раздробляется на сотни кусков или совсем отсутствует в форме «безвременья» [15]. Символична фраза «часы с маятником золоченым мерно дробили несуществующее время» [21, p. 141]. Соколов стремится к тому, чтобы линейное время возвратилось к циклическому в нашем сознании. Поэтому хронотоп «Школы для дураков» можно уподобить серийному универсуму Джона Донна [11]. Отсылка к этой концепции очевидна в следующих словах героя: «Почему, например, принято думать, будто за первым числом следует второе, а не сразу двадцать восьмое? Да и могут ли дни вообще следовать друг за другом, это какая-то поэтическая ерунда – череда дней. Никакой череды нет, дни проходят, когда какому вздумается, а бывает, что несколько сразу». События, о которых идет речь в романе, ощущаются как одновременные, вернее? как единое многомерное событие. Автор то и дело ставит в скобках после глаголов их формы прошедшего и будущего времени, не давая забыть, что все, происходящее в книге, длится вечно: «...Я был совершенно уверен (уверен, буду уверен), что умру очень скоро, если уже не умер» [21, p. 23–24]. Происходит «растворение» человеческого бытия от рождения к смерти в субстанциях природы, вследствие чего его герой не может умереть, постоянно перевоплощаясь. Такое звучание мотива смерти аналогично ритуально-мифологической концепции, которая рассматривает смерть как часть регулярно повторяющегося цикла, более того, как непременное условие возобновления этого цикла [22].

В творчестве Пелевина также наблюдается отказ от линейного хроноса. Рассмотрим его на примере романа «Чапаев и Пустота». В нем десять глав: нечетные посвящены событиям 1918 года; четные – 1993–1994-го. В конце девятой главы два мира начинают совмещаться. В последней главе они совмещаются полностью, и по улицам Москвы 1990-х едет броневик Чапаева. В текст романа заложена система параллелей, которая взламывает эти противопоставления двух российских революций и уподобляет события 1917-го и 1991-го годов. Пелевинский герой, наблюдая «хозяев жизни» той и другой эпохи, смог уловить то общее, что связывает эти катаклизмы: «Почему, думал я, почему любой социальный катаклизм в этом мире ведет к тому, что наверх всплывает это темное быдло и заставляет всех остальных жить по своим подлым и законспирированным законам?» [20].

Таким образом, мифологическое время в романе вытесняет объективное историческое время, поскольку действия и события представляются в качестве воплощения вечных прототипов. Мировое время истории превращается в безвременный мир мифа [26].

Итак, можно утверждать, что у немецких романтиков, равно как и у Соколова с Пелевиным, циклическое движение времени оказывается неотделимым от регенерации жизни и преодоления смерти.

Подводя итоги нашей работе, необходимо сказать, что у романтиков и постмодернистов миф выступает, по определению М. Бахтина, как «память жанра» [5]. Активизация в те или иные эпохи определенного пласта архетипического сознания предполагает обращение к устойчивым формам и способам конструирования сюжета, хронотопа

и иных элементов художественного произведения. Подобное взаимопроникновение мотивно-образных парадигм в литературе не ново. Оно обусловливается параллелизмом культурно-исторических эпох со схожими картинами мира. Можно упомянуть теорию первичных и вторичных систем (стилей) [12]. Ко вторичным, которые характеризуются акцентом на культурную рефлексию, а также противопоставлением созданной писателем-Творцом гармонии и заведомо «дисгармоничной» и бессмысленной реальности, относятся и романтизм с постмодернизмом.

Библиографический список

1. *Fortlage Carl.* Über Novalis und die Romantik // Sechs philosophische Vortrage. – Jena: Mauke, 1872–1874. – S. 136.

2. Анализ некоторых романов, повестей и рассказов Виктора Пелевина // Интернет-журнал «Русский переплет» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pelevin.info/pelevin_222_0.html

3. *Андреев Л.Г.* Чем же закончилась история второго тысячелетия? (Художественный синтез и постмодернизм) // Зарубежная литература второго тысячелетия. – М.: Высшая школа, 2001. – С. 304–305.

4. *Архимович Н.* Проблема мифологизации сознания в немецком романтизме // Бренное и вечное: образы мифа в пространствах современного мира. – Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.brennoe-i-vechnoe.narod.ru/04-20.html

5. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советский писатель, 1963. – 363 с.

6. *Берковский Н.Я.* Романтизм в Германии. – Л.: Художественная литература, 1973. – С. 161.

7. *Ботникова А.Б.* Немецкий романтизм: диалог художественных форм: монография. – Воронеж, 2003. – С. 150.

8. *Гегель Г.В.Ф.* Эстетика: в 4 т. Т. 1. – М., 1968–1973. – С. 24.

9. *Грешных В.И.* Ранний немецкий романтизм: фрагментарный стиль мышления: монография. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1991. – 140 с.

10. *Гурин С.* Пелевин между буддизмом и христианством [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pelevin.nov.ru/stati/o-gurin/1.html

11. *Данн Д.У.* Эксперимент со временем. – М.: Аграф, 2000. – 224 с.

12. *Деринг И.Р., Смирнов И.П.* Реализм: диахронический подход // Russian Literature. – Vol. VIII. – № 1. – P. 1–2.

13. *Жирмунский В.М.* Немецкий романтизм и современная мистика. – СПб.: Типография Товарищества А.С. Суворина «Новое Время», 1914. – 207 с.

14. *Земсков В.* Мифосознание в кризисную эпоху // Вопросы литературы. – 1993. – № 3. – С. 322–323.

15. *Квон Чжен Им.* Современная русская постмодернистская проза: Венедикт Ерофеев и Саша Соколов: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – С. 12.

16. *Корнев С.* Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским или классическим? Об одной авантюре Виктора Пелевина // Новое литературное обозрение. – 1997. – № 28. – С. 250.

17. *Липовецкий М.Н.* Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 1997. – С. 188.

18. *Новалис.* Генрих фон Офтердинген // Избранная проза немецких романтиков. – М.: Художественная литература, 1979. – С. 255.

19. *Пелевин В.О.* Жёлтая стрела. – М.: Вагриус, 2000. – С. 35.

20. *Пелевин В.О.* Чапаев и Пустота. – М.: Вагриус, 2001. – С. 273.

21. *Соколов Саша.* Школа для дураков. – Ann Arbor: Ardis, 1976. – 172 p.

22. *Топоров В.Н.* Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира: в 2 т. Т. 2. – М.: Советская энциклопедия, 1982. – С. 161–164.

23. *Топоров В.Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М., 1983. – С. 227–284.

24. *Фролов Г.А.* «Ренессанс романтизма» в литературе немецкого постмодерна (Часть I. Диалог) // Он же. Литература XX века: Итоги и перспективы изучения. Материалы вторых Андреевских чтений. – М.: Экон, 2004. – С. 80–84.

25. *Цивьян Т.В.* Модель мира и ее роль в создании (аван)текста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/tcivian2.htm

26. *Цыганов А.* Мифология и роман Пелевина «Чапаев и Пустота» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pelevin.nov.ru/stati/o-myths/1.html

27. *Шервашидзе В.В.* Метаморфозы романтизма в XX веке: французский экзистенциализм // Вестник Ун-та РАО. – 2005. – № 1. – С. 21–26.

28. *Шлегель Ф.* Эстетика. Философия. Критика: в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1983. – С. 89.

29. *Шульга К.В.* Поэтико-философские аспекты воплощения «виртуальной реальности» в романе «Generation “П”» Виктора Пелевина: Дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2005. – С. 9.

УДК 82

Карданова Наталия Борисовна
кандидат филологических наук
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)
natalia.venezia@yandex.ru

ФИНАЛЬНОЕ ПРИВЕТСТВИЕ В ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПОСЛАНИЯХ ПЕТРА I К ДОЖАМ ВЕНЕЦИИ

Статья посвящена анализу такого важного компонента царского послания к иностранному государю, как финальное приветствие, в котором нередко внимание адресата фиксируется на самом главном в послании. Анализ ведется на материале грамот царей Алексея Михайловича, Иоанна и Петра Алексеевичей и Петра I.

Ключевые слова: *грамота, дипломатическая переписка, финальное приветствие, Россия, Венеция, Петр Великий.*

Финальное приветствие является важным компонентом царского послания к иностранному государю. В финальном приветствии внимание адресата нередко фиксируется на самом главном в послании.

Данный анализ ведется на материале грамот царей Алексея Михайловича, Иоанна и Петра Алексеевичей и Петра I, хранящихся в Государственном архиве г. Венеции (Venezia. Archivio di Stato), частично опубликованных в таких авторитетных изданиях, как «Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными» и «Письма и бумаги императора Петра Великого», труды проф. Е.Ф. Шмурло и др.

В посланиях русских государей финальное приветствие адресату, которое следует за основным текстом и содержит пожелание ему здоровья и благополучия, появилось не сразу. В грамотах царя Алексея Михайловича от 23 ноября 1655 г. [24, стлб. 918–925], 3 июля 1656 г. [1, t. III] и 12 июля 1662 г. [1, t. III] финального приветствия нет.

Впервые оно встречается в грамоте Алексея Михайловича от 27 апреля 1668 г. [1, t. III; ср.: 24, стлб. 716], в которой говорится об интересах, объединяющих два христианских государства, и содержится пожелание развивать отношения с Венецией – и торговые, и военные. Вновь упомянув «християнский совет» европейских монархов, Алексей Михайлович метафорически вручает благополучие дожа во власть Провидения: «Ему жъ в оборону ваше Велеможство предаемъ» – и желает (лексема «желаемъ») успеха в военных трудах: «и во умножение благополучного счастливого пребывания над неприятели желаемъ» [24, стлб. 720].

Как видим, финальное приветствие логически вытекает из «дела» (основного текста) грамоты и содержит пожелание адресату успеха именно в военных трудах.

С грамотой от 1688 г. по выполняемой коммуникативной задаче сходна грамота Алексея Михайловича от 11 октября 1672 г. [1, t. III; ср.: 24, т. IV, стлб. 766–767], в которой находим финальное приветствие, схожее с рассмотренным выше, – метафорическое вручение благополучия дожа в руки Господа и пожелание дожу военных успехов.

В грамоте царей Иоанна и Петра Алексеевичей от 5 мая 1686 г. [3] финальное приветствие не вытекает логически из его содержания, как в рассмотренных нами грамотах Алексея Михайловича. К ее основному тексту, сообщавшему о прибытии в Москву польских послов, которые привезли царю послание от дожа, составитель присоединил пожелание адресату здоровья и благополучия формально-логически: «и при семъ обьявлении мы великии государи наше царское величество вашеи велможности желаемъ от господа бога многолетного здоровья и счастливаго во владетелствах ваших поведения и правления».

Следующая грамота царей Иоанна и Петра Алексеевичей от 5 ноября 1686 г. [5] содержала сообщение о запланированном царями на март военном походе на Крымского Хана. Русские государи рассчитывали на параллельные действия со стороны дожа и ходатайствовали перед ним о совместном выступлении христианских государств против общего неприятеля. Именно после упоминания конечной цели совместных военных действий следует ходатайствовать о получении ответа от дожа, к которому присоединено финальное приветствие: «Мы великие государи наше царское величество желаемъ и здравие ваше всемогущему господу богу в сохранение предаем и счастливаго во владательствах вашихъ поведения и правления желаем».

Таким образом, финальное приветствие логически следует из ходатайства царей об ответе, предшествующего финальному пожеланию здоровья и благополучия, что свидетельствует о важности этого ответа для адресата. Логически такая структура грамоты, именно ее концовка, подводит к цели обращения царей к дожу.

Можно сделать вывод, что грамота, на первый взгляд, содержащая царское «объявление» о готовящемся походе, на самом деле имела своей целью получение ответа на вопрос, выступит ли дож в поход в назначенное время.

В верительной грамоте царей Иоанна и Петра Алексеевичей дожу Марко Антонио Джустиниано от 25 января 1687 г. [25, стлб. 1251–1253] представлена та же формула, что и в грамоте царей в Венецию от 5 мая 1686 г., однако в ней использован

© Карданова Н.Б., 2012

стилистически высокий церковнославянизм «здравия» вместо исконно русского «здоровья»: «…желаемъ от господа бога многолетного здравия». Новая формула с этим церковнославянизмом и будет воспроизводиться в последующих текстах грамот, что позволяет говорить о ней как о стилистически нейтральной.

Грамота царей Иоанна и Петра Алексеевичей от 9 марта 1687 г. [4], написанная в самом начале похода 1687 г., содержит ходатайство о присоединении к русским войскам венецианского союзника. Завершающая ее формула финального приветствия повторяет формулу пожелания здоровья и благополучия предыдущей грамоты от 25 января 1687 г., а за нею следует ходатайство о военных действиях союзника: «в вышеимянованной общей военной промыслъ с стороны вашей охотного ж приуготовления». Как нетрудно заметить, именно здесь, включив ходатайство в финальное приветствие, составитель грамоты позволил себе повторить ходатайство еще раз и прямо сказать о необходимости немедленного выступления войск союзника.

В грамоте от Иоанна и Петра Алексеевичей от 26 октября 1687 г. [6] сообщалось о прошедшей военной кампании, о наступательных действиях русской армии и измене украинского гетмана, которая была раскрыта. Понятно, что финальное приветствие не могло быть логически связано с такого рода концовкой «дела», отсюда – присоединение его к основному тексту при помощи слов «о чемъ обьявив»: «о чемъ обьявивъ желаемъ мы великие государи наше царское величество вашей велможности от господа бога многолетного здравия…» (ср. в основном тексте «а сею нашею царского величества грамотою любително ж вамъ обьявляемъ»).

Грамота царей Иоанна и Петра Алексеевиче от 13 февраля 1688 г. [2] представляла собой ответ на послание дожа, где говорилось о военных успехах венецианцев и содержалось ходатайство о немедленном военном выступлении царей. Ее авторы заверяли адресата в своей готовности к таковым действиям, несмотря на все сложности далекого пути в Крым.

Следующее далее финальное приветствие не вытекает из основной части, оно присоединено к основному тексту при помощи формального «И при сем обявлянии» (в тексте нет формулы «объявления») и представляет собой стилистически нейтральное клише; это позволяет предположить, что ответная грамота содержала дипломатически уклончивый ответ, а потому не представляла интереса для ее авторов.

В грамоте царей Иоанна и Петра Алексеевичей от 18 марта 1695 г. [7] авторы поздравляли дожа с военными победами, сообщали о своих военных планах и ходатайствовали о параллельных действиях со стороны венецианцев. Затем следовало финальное приветствие, в котором вновь появляется «И при семъ обьявлении…», хотя в основном тексте грамоты лексемы «объявлять» мы не находим.

Таким образом, в грамотах Алексея Михайловича формула финального приветствия обусловлена содержанием основного текста (когда речь идет, например, о военных действиях, – следует пожелание военных успехов). В грамотах царей Иоанна и Петра Алексеевичей вырабатывается некий семантически и стилистически нейтральный вариант (пожелание здоровья и благополучия); в случае необходимости к нему присоединяются пожелания, непосредственно связанные с основным текстом грамоты, и именно поэтому в некоторых случаях финальное приветствие позволяет точнее определить коммуникативную задачу всей грамоты.

Структура финального приветствия в трех грамотах Петра, отправленных в Венецию в 1696 г. – от 11 июня [8]; от 30 июля [16] и от 7 августа [15] – та же, что была обнаружена нами в грамоте Иоанна и Петра Алексеевичей от 18 марта 1695 г. [7]: она содержит пожелание от лица царя здоровья (церковнославянизм здравие: «многолетного здравия») и успешного правления.

Во всех трех грамотах финальное приветствие совпадает: «При сем желаемъ мы великий государь наше царское величество вашему светлейшеству от Господа Бога многолетнаго здравия и счастливаго во владетелствахъ вашихъ».

В грамоте Петра от 30 ноября 1697 г. [9], в которой союзной Венеции сообщалось, что русскому гарнизону удалось снять осаду объединенных турецких и татарских военных сил, стремившихся отвоевать свои прежние владения, после финального приветствия – традиционного пожелания здоровья и успешного правления – было выражено «желание» царя получить информацию о военных действиях Венеции прошлым летом. Иначе говоря, просьба сообщить информацию о военных действиях союзника была запрошена в формуле финального приветствия и представала как формула вежливости. Таким образом истинная цель написания грамоты была завуалирована.

Следующие две Петровские грамоты – от 11 июня 1696 г. [8] и 28 ноября 1699 г. [10] – содержали сообщения о возвращении в Венецию корабельных мастеров. В июне 1696 г. Петр, остро нуждаясь в специалистах для строительства русского флота, ходатайствовал перед дожем об их присылке в Россию, обещая им царскую «милость» и «отпуск» из России без задержания. По выполнении работы, в 1699 г. часть мастеров была отправлена на родину, другие остались для завершения строительства корабля, после чего в 1700 г. также отбыли в Венецию. В обоих случаях при отъезде мастеров Петр счел необходимым написать грамоту дожу, в которой объяснялась происшедшая задержка, поблагодарить дожа и пожелать ему вся-

ческого благополучия. С точки зрения синтаксиса формула благодарности включена в формулу финального приветствия, как и пожелание здоровья («вручив здравие ваше в сохранение всемогущему»): здесь использованы лексические средства иного стилевого регистра, более высокого. Пожелание дожу благополучного правления, где использовано известное нам клише «желаемъ от него счастливого во владениях вашихъ поведения», включает также принципиально новое пожелание – развития дипломатических отношений Венеции с Россией: «с пространством в дружбе нашей наилутчего состояния», – именно оно содержит главную информацию о стремлении русского царя к укреплению сотрудничества со «Светлейшей республикой».

В грамоте Петра от 8 июля 1700 г. [11] находим те же три формулы, что и в предыдущей грамоте (благодарность, пожелания здоровья и счастливого правления) и сходную синтаксическую конструкцию.

Две грамоты Петра к дожу от 7 декабря 1710 г. разного содержания – в защиту греческой церкви в Венеции [10; С№55] и с сообщением о новых завоеванных балтийских «провинциях» с разрешением торговать там подданным дожа [12] – содержат одинаковые финальные приветствия: «При семъ вашей светлости и яснейшей речи посполитои от господа бога многолетного здравия и счастливого пребывания желаем». Здесь использовано уже известное нам клише нейтрального стиля, адресатом выступает не только дож, но и «яснейшая речь посполитая». Кроме того, исчезает «во владетелствах ваших», что позволяет интерпретировать царское пожелание более широко.

Такое же финальное приветствие находим в верительной грамоте российскому посланнику Петра в Венеции барону Урбиху от 9 января 1711 г. [14].

Несколько модифицируется уже известное нам нейтральное клише в финальном приветствии в четырех Петровских грамотах 1716 г.: от 18 января – в «Верительной Беклемишеву» [18]; от 30 апреля – в «Ходатайстве в пользу капитана-командора М. Змаевича [19]; от 14 июня – в «Рекомендательной гр. Савве Владиславовичу» [17] и от 16 октября – в Поздравлении венецианцев в войне их с турками [20]: «При семъ вашеи светлости и яснейшей речи посполитои желаемъ от господа бога здравия и всякого благополучия». В пожелании «здравия» адресату исчезает определение «многолетного». Вместо пожелания благополучного правления находим «и всякого благополучия», которое могло бы быть адресовано любому высокому лицу; для словосочетания «счастливого пребывания» в качестве замены был найден эквивалент «благополучия».

В грамоте от 18 января 1719 г. – ответной на грамоту дожа от 6 августа 1718 г. о заключении мира с турками [21] – наряду с финальным приветствием содержится специальное указание на готовность к продолжению дипломатических отношений.

Обязательный компонент формулы пожелания – лексема «желаемъ»: она встречается во всех грамотах Петра, причем именно в форме первого лица множественного числа. Второй обязательный компонент формулы пожелания – ссылка на волю Провидения, ниспосылающего государю здравие и благополучное правление: «от господа бога». Опущена она лишь в грамоте от 18 января 1719 г.

Иную, особую лексическую форму пожелания адресату содержат грамоты от 28 ноября 1699 г. [22] (о судовых мастерах, присланных в Россию из Венеции) и от 8 июля 1700 г. [23, с.186] (об отпуске этих мастеров на родину), в которых выражалась благодарность Петра за их присылку: вместо «желаемъ многолетного здравия» здесь находим лексические средства более высокого стилистического регистра «вручивъ здравие ваше в сохранение всемогущему»/«вручаемъ здравие ваше в сохранение всемогущему господу богу».

Форма «многолетного здравия» вновь появляется в грамоте от 7 декабря 1710 года [13]. В четырех грамотах 1716 г. эта лексема исчезает; упрощается формула пожелания благополучного правления («и всяго благополучия»).

Проведенный нами анализ позволяет сделать вывод о том, что финальное приветствие лишь на первый взгляд представляется формулой вежливости, приложением к основному тексту царской грамоты, вводимым словосочетанием «при сем». Точнее, формула вежливости может быть таким приложением, когда автор грамоты не считает нужным повторить еще раз важную для него идею, как правило, ту, ради которой и была написана грамота. Это становится возможным благодаря тому, что это – единственная гибкая и подверженная эволюции часть протокола, допускающая введение дополнительной информации. Как с точки зрения семантической (пожелание здоровья и благополучия позволяет включать и другие пожелания и другую информацию), так и с точки зрения синтаксиса (допускающая расширение синтаксической структуры за счет добавления деепричастных оборотов или другого предложения). Именно в силу этого в пределах формулы финального приветствия возможно использование новых лексических форм. Их появление может быть объяснено эволюцией речевого этикета.

Библиографический список

1. Venezia. Archivio di Stato. Cerimoniali, t. III.
2. Venezia. Archivio di Stato. Czar di Moscovia dal 1655 al 1740. № 13.
3. Venezia. Archivio di Stato. Czar di Moscovia dal 1655 al 1740. № 14.
4. Venezia. Archivio di Stato. Czar di Moscovia dal 1655 al 1740. № 15.
5. Venezia. Archivio di Stato. Czar di Moscovia dal 1655 al 1740. № 16.

6. Venezia. Archivio di Stato. Czar di Moscovia dal 1655 al 1740. № 23.
7. Venezia. Archivio di Stato. Czar di Moscovia dal 1655 al 1740. № 36.
8. Venezia. Archivio di Stato. Czar di Moscovia dal 1655 al 1740. № 43.
9. Venezia. Archivio di Stato. Czar di Moscovia dal 1655 al 1740. № 48.
10. Venezia. Archivio di Stato. Czar di Moscovia dal 1655 al 1740. № 50.
11. Venezia. Archivio di Stato. Czar di Moscovia dal 1655 al 1740. № 51.
12. Venezia. Archivio di Stato. Czar di Moscovia dal 1655 al 1740. №55.
13. Venezia. Archivio di Stato. Czar di Moscovia dal 1655 al 1740. №59.
14. Venezia. Archivio di Stato. Czar di Moscovia dal 1655 al 1740. № 61.
15. Venezia. Archivio di Stato. Czar di Moscovia dal 1655 al 1740. № 64
16. Venezia. Archivio di Stato. Czar di Moscovia dal 1655 al 1740. № 65.
17. Venezia. Archivio di Stato. Czar di Moscovia dal 1655 al 1740. № 68.
18. Venezia. Archivio di Stato. Czar di Moscovia dal 1655 al 1740. № 70.
19. Venezia. Archivio di Stato. Czar di Moscovia dal 1655 al 1740. № 71.
20. Venezia. Archivio di Stato. Czar di Moscovia dal 1655 al 1740. № 72.
21. Venezia. Archivio di Stato. Czar di Moscovia dal 1655 al 1740. № 75.
22. Venezia. Archivio di Stato. Czar di Moscovia dal 1655 al 1740. № 83.
23. Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1894. – № 11.
24. Памятники дипломатических сношений с державами иностранными. Т.IV. – СПб., 1856.
25. Памятники дипломатических сношений с державами иностранными. Т.Х. – СПб., 1871.

УДК 82.09

Кихней Любовь Геннадьевна
доктор филологических наук
Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова (г. Москва)
lgkihney@yandex.ru
Меркель Елена Владимировна
кандидат филологических наук
Технический институт (филиал)
Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова» (г. Нерюнгри)
merkel-e@yandex.ru

ПОЭТ И ЯЗЫК: К ВОПРОСУ О ПОЭТОЛОГИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЯХ О. МАНДЕЛЬШТАМА И М. ЦВЕТАЕВОЙ

В статье на примере творчества Осипа Мандельштама и Марины Цветаевой анализируется диалектика взаимодействия поэта и языка, на котором он пишет. В процессе анализа стихотворений указанных поэтов доказывается, что и Мандельштам, и Цветаева используют все фонетические и семантические возможности, предоставляемые языком, и в то же время они открывают новые, еще не использованные ранее его потенции.

Ключевые слова: *язык, поэтологические стратегии, поэтическая семантика, фонемосемантика.*

Иосиф Бродский в своей «Нобелевской речи» высказал мысль о том, что поэт не только использует язык как материал для построения лирических конструкций, но и сам является «средством языка к продолжению своего существования» [1, с. 67].

Разумеется, подобная взаимообусловленность поэта и языка существовала во все времена. Но в эпоху Серебряного века, когда остро ощущалась завершенность «риторической стадии» развития литературы, симбиотические механизмы заработали в полную силу. Поэты модернистских течений подвергли критике *позитивистское* понимание *слова* как *средства*, противопоставив ему «слово-Логос», «слово как таковое», обладающее самостоятельным бытием, энергетической мощью и способностью магически воздействовать на окружающую действительность. Данное, мифопоэтическое по своей сути, представление о слове инициировало новый тип диалога поэта и языка. А это привело к появлению новых поэтологических стратегий, наиболее ярко проявившихся в творчестве Осипа Мандельштама и Марины Цветаевой.

«Симбиотические» стратегии взаимодействия поэта и языка в случае О. Мандельштама проиллюстрируем на примере его стихотворения «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма…» (1931).

По логико-синтаксической структуре стихотворение напоминает жертвенный обет, молитву. Оно выдержано в форме обращения к «отцу», который может сохранить или не сохранить «речь» поэта, то есть к некоему высшему началу, причем за свершение его просьбы поэт налагает на себя определенные обязательства.

К кому обращена мольба? Думается, что не к Всевышнему, не к народу и уж, конечно, не к кон-

© Кихней Л.Г., Меркель Е.В., 2012

кретному человеку. Бога Мандельштам не мог фамильярно назвать «другом», «помощником», не говоря уже об эпитете «грубый» в контексте сакральной мольбы. Народ тоже не подходит в качестве адресата и «помощника», поскольку строкой ниже Мандельштам называет себя «отщепенцем в народной семье».

Адресатом стихотворения является сам язык. Именно к нему поэт обращается, как к Богу. Это не выглядит странным, если вспомнить об акмеистической философии слова, в частности о его сакрализации Мандельштамом в духе Евангельского постулата: «Слово было Бог» (Ин. 1:1). Кроме того, еще в 1921 г. в статье «О природе слова» Мандельштам обозначил статус русского языка как хранителя отечественной истории и культуры: «У нас нет Акрополя. Наша культура до сих пор блуждает и не находит своих стен. Зато каждое слово словаря Даля есть орешек Акрополя, маленький Кремль, крылатая крепость номинализма, оснащенная эллинским духом на неутомимую борьбу с бесформенной стихией, небытием, отовсюду угрожающим нашей истории»[4, т. 2, с. 180].

Но почему поэт дает обет построить «срубы», да еще «такие дремучие»? Здесь возможны два объяснения. Первое – культурно-историческое, второе – лексико-семантическое. В первом случае следует напомнить, что Мандельштам всегда отождествлял поэтический труд со строительством, зодчеством. Однако если в 1910-е гг. творческий процесс ассоциировался с сооружением собора, то теперь ему на смену церковной архитектуре приходит деревянный сруб, который становится метафорой поэтического творения.

Во втором случае происходит внутритекстовое наращивание смысла, помимо социокультурных ассоциаций. В сюжетно-смысловом развертывании образ сруба становится как бы звуковым и семантическим «зародышем стихотворения», прорастая и разветвляясь целым «пучком» родственных значений. Процесс смыслового приращения идет сразу в нескольких направлениях.

Во-первых, следует выделить линию фонетической интеграции: стихотворение изобилует лексемами, в которых есть слоги «ру- / ре- / ри- / -ро / -ра / -ер», кристаллизующиеся в итоге в фонетический инвариант ***сруб / речь*** (ср.: лексемы *круговое, терпенье, сохрани, привкус, труда, новгородских, черна, Рождество, друг, грубый, непризнанный, брат, народной, построить, дремучие, срубы, татарва, мерзлые, городки, прицелясь, смерть, прохожу, рубахе, петровской, топорище*).

Во-вторых, Мандельштам учитывает прямое значение слова и одновременно его контекстные значения, понимая, что контекст способен существенно изменить изначальный словарный смысл слова.

Но специфика обращения со словом Мандельштама заключается в том, что он реализует фактически все – и главные, и второстепенные – лексические значения. И делает он это с помощью микроконтекстов. Напомним, что лексема «сруб» в русском языке имеет несколько значений. Согласно В.И. Далю, это «изба, или иное бревенчатое строение, вчерне, без полу, накату и крыши» [3, ст. 485]. И второе значение – это колодец, а точнее, его деревянное обрамление (ср. у В.И. Даля: «Колодец одевается срубом» [3, ст. 485]). Мандельштам сначала актуализирует второе значение, еще до появления лексемы «сруб» вводя в первую строфу образ «колодца». Ср.: «Как вода в новгородских колодцах должна быть черна и сладима» [4, т. 1, с. 174]. И уже потом во второй строфе появляется образ сруба в значении колодец:

Обещаю построить такие дремучие срубы,
Чтобы в них татарва опускала князей на бадье
[4, т. 1, с. 174].

Но одновременно в подтексте первой и второй строфы актуализируется и первое значение – с помощью микроконтекста, а именно эпитета «дремучий». Словосочетание дремучий сруб соотносится, конечно же, с избой, построенной в вековом лесу, непроходимой чаще. При этом Мандельштам буквально пронизывает текстовую ткань древесно-строительными метафорами, создавая микроконтексты, обусловливающие семантику строительства из древесины. Сюда относятся образы «смола кругового терпенья», «совестный деготь труда».

В-третьих, Мандельштам использует смысловой потенциал макроконтекста, начиная с собственного творчества, заканчивая самыми широкими культурно-историческими ассоциациями. В свете предшествующего творчества «сруб» выступает как контекстуальная метафора, знаменующая смену строительной парадигмы. По Мандельштаму получается, что поэтическое строительство, зодчество в условиях «нового мира», программно опрощается: вместо готического собора автор готов строить дремучий сруб (этот смысл, поясним, вырастает из сравнения нашего *сруба*, с одной стороны, с «древними срубами» из стихотворения «За то, что я руки твои не сумел удержать...» (1920), с другой – из синонимической проекции лексемы на образ «овечьих городов» в «Грифельной оде» (1923)).

Так, исходное значение сруба-колодца метонимически мотивирует и образ воды. Колодезная вода должна быть «черна и сладима», чтобы отражать звезду («...отразилась семью плавниками»). Сама атрибутика рыб (плавники) здесь не случайна (рыба у ранних христиан символизировала Иисуса Христа), да и число плавников-лучей, очевидно, имеет знаковый характер, отсылая к христианской семантике числа 7, что в сочетании со звездой ассоциируется с ситуацией празднования Рождества.

В-четвертых, Мандельштам работает с внутренней формой слова. Например, в первой строфе колодец предстает развернутой метафорой речи:

«Как вода в новгородских колодцах должна быть черна и сладима...» [4, т. 1, с. 175]. Появление образа воды и Рождества, как мы показали, метонимически и контекстуально обосновано. Но почему у Мандельштама колодец именно новгородский?

Думается, здесь не столько географическая аллюзия, сколько лингвоисторическая: через внутреннюю форму слова (новый город) эпитет оказывается соотнесен со срубом! В словаре В.И. Даля читаем: «Встарь, когда новые города, т.е. укрепления, основывались по произволу князей, говорили: *сруб*ить *город*, *городок*, обнести место *рубл*еною, прочною о*град*ой, *сруб*ить ворота, вежи и внутри несколько *изб*, это были первые *кремли*, *кремни*» (курсив наш. – *Л.К.*, *Е.М.*) [3, ст. 484].

В свете этого лингвоисторического экскурса становится понятным, что для Мандельштама строительство срубов – это закладывание нового города, и шире – строительство нового мира. Отсюда становится понятным и появление *городков* в третьей строфе (поддержанное корневой парадигмой: новгородские / городки) и князей – во второй строфе.

Но тогда и образ Рождества оказывается мотивирован не только метонимически – через соседство со звездой и водой, но и посредством актуализации его внутренней формы, в которой на первый план выступает семантика рождения. При этом, разумеется, рождественская семантика остается, но в контексте строфы трансформируется: новгородско-колодезная вода / звезда знаменует рождение-строительство нового города и одновременно освящает его.

Или другая семантическая загадка. Откуда в стихотворении о сохранности поэтической речи взялась тема казни? Оказывается, автор «вытянул» ее из внутренней формы слова «сруб», из его морфогенеза (поскольку *сруб* – от *срубить*). Ключевая лексема «сруб» хранит память о своем генезисе. А ближайшая узуальная ассоциация – «срубить голову». Вот почему следующая, финальная, строфа начинается с плахи, а кончается – петровской казнью и топорищем:

Лишь бы только любили меня эти мерзлые плахи –
Как прицелясь на смерть городки зашибают в саду –
Я за это всю жизнь прохожу хоть в железной рубахе
И для казни петровской в лесах топорище найду
[4, т. 1, с. 176].

В итоге в стихотворении реализуется вся языковая парадигма значений, близких к лексическим и фонетическим моделям, связанным со *срубом*, начиная от образа *сруба* как колодца и избы, заканчивая внутренней формой глагола *срубить*, ассоциативно «втягивающего» в пространство стихотворения тему «петровских казней» – через анаграмматическую перекличку лексем *Петр – топор*, *князь – казнь,* столь значимую в канун Большого террора.

Логика смыслового развертывания стихотворения как бы «продиктована» логикой синхронического и диахронического развития самого языка. Если не учитывать внутренних семантических процессов, которые подсказывает автору сам язык, то многие образные детали и смысловые ходы этого стихотворения останутся непонятными.

Мандельштам самой тканью своих стихов «доказывает», что каждое слово русского языка – поистине «орешек Акрополя», «маленький кремль», хранящий историческую память народа. Вот почему в эпоху, когда «за стихи убивают», он обращается к родному языку как к *Отцу*, *помощнику,* Творцу (памятуя, что «В начале было Слово», Ин. 1:1) с мольбой «сохранить *его* речь».

Речетворчество М. Цветаевой основано, согласно нашей концепции, на стремлении добраться «до глубины, до самой сути» явлений с помощью *метафорических* и *фонетических* уподоблений, как бы укорененных в самом языке.

По Цветаевой, именно эти «орудийные приемы» способны преодолеть «разорванность» бытия, показать глубинную связь всего со всем. Отсюда принципом смыслового развертывания стихотворений становится нанизывание метафорических ассоциаций, все более и более расширяющих, углубляющих, уточняющих центральный образ произведения. В итоге, ключевой образ становится развернутым символом, а точнее, авторским мифом, мотивированным звуковой ассоциацией. Как показано на примерах стихотворений «*Сивилла: выжжена, сивилла: ствол…» (1922),* «*Мину*та» (1923), *«Жалоба» (1923)*, процесс метафоризации и мифологизации начинается именно со звуковых аналогий. По убеждению Цветаевой, за звуковым родством в языке всегда скрыта смысловая связь. Поэтому фонетические уподобления в ее поэтической системе – средство обнаружения онтологического родства или бинарной оппозиции.

Так, в стихотворении «Жалоба», входящем в цикл «Федра», многократно повторенное имя *Ипполит* воспринимается как ***семантический «зародыш»***, из которого вырастает текст. В то же время имя выполняет функцию психологической характеристики лирической героини: многократное повторение имени Ипполита передает силу ее одержимости любовной страстью. Имя *Ипполит* становится своего рода «пучком», смысл из которого, по выражению О. Мандельштама, «торчит в разные стороны». Это достигается введением имени всё в новые и новые микроконтексты, создаваемые каскадом метафор, каждая из которых мотивирована звуковым уподоблением имени. Ср.:

Ипполит! Ипполит! Болит!
Опаляет… В жару ланиты…
Что за ужас жестокий скрыт
В этом имени Ипполита!

Ипполит! Ипполит! Спрячь!
В этом пеплуме – как в склепе.
Есть Элизиум – для – кляч:
Живодерня! – Палит слепень! [5, т. 1, с. 172].

В итоге, в пространстве текста образуются **сквозные** и ***взаимопроницаемые фонетико-смысловые ряды***: а) *Ипполит – болит – опаляет – в жару ланиты – палит – плач – лава – пылкий – запаленный – утоли;* б) *Ипполит – пеплум – склеп – слепну – слепень – плен – плит – лепим – плащ – пила – опилки*, в которых имя *Ипполит* является звукосмысловой «матрицей», задающей две взаимообусловленные семантические парадигмы – «пламени» и «склепа». Причем вторая смысловая парадигма помимо «гибели» несет в себе также и дополнительные семантические обертоны «плена» и «пытки», которые оказываются «изнанкой» ее страсти. Словом у Цветаевой, считает М.Л. Гаспаров, «поверяется тема: созвучность слов становится ручальством истинного соотношения вещей и понятий в мире, как он был задуман Богом и искажен человеком» [2, с. 149].

Отсюда следует вывод, что сам русский язык со всей его многовековой исторической памятью «подсказал» Мандельштаму и Цветаевой те эмоционально-смысловые ходы и поэтологические открытия, которые поэты, вне опоры на язык, не сумели бы сделать. Но, с другой стороны, лирическое творчество означенных поэтов предстает как своего рода «инструмент» русского языка, открывая его скрытую смысловые структуру и новые фонемо-фонетические возможности.

Библиографический список

1. *Бродский И.А.* Поэт и проза // Бродский о Цветаевой: интервью, эссе. – М., 1997.

2. *Гаспаров М.Л.* Марина Цветаева: от поэтики быта – к поэтике слова // Гаспаров М.Л. О русской поэзии. Анализы. Интерпретации. Характеристики. – СПб., 2001. – С. 149.

3. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. – М.: Терра-Книжный клуб, 1998. – Столб. 484–485.

4. *Мандельштам О.* Сочинения: в 2 т. / сост. П.М. Нерлера, С.С. Аверинцева, комм. А.Д. Михайлова, П.М. Нерлера. – М., 1990.

5. *Цветаева М.И.* Собр. соч.: в 7 т. / сост. А.А. Саакянц, Л.А. Мнухина. – М.: Эллис Лак, 1994–1995.

УДК 82.08

Лебедева Наталья Сергеевна
кандидат филологических наук
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
lns303@mail.ru

ИТАЛЬЯНСКИЕ МОТИВЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ 1890-Х –1910-Х ГОДОВ

Статья посвящена исследованию рецепции традиционных итальянских мотивов в русской литературе 1890-х – 1910-х годов. Они рассмотрены в поэтических произведениях символистов и акмеистов: Д. Мережковского, В. Брюсова, А. Блока, Н. Гумилева, А. Ахматовой и других.

Ключевые слова: *итальянские традиционные образы, русская литература 1890-х – 1910-х гг., философская лирика, символизм, акмеизм.*

Возникший в начале XIX века благодаря европейским романтикам, интерес русских писателей к Италии не угасал всё последующее столетие. Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, К.Д. Батюшков создавали легенду о стране великих художников, поэтов и музыкантов. При этом наибольшее внимание привлекало итальянское Возрождение: живопись Микеланджело, Рафаэля, Боттичелли. В Петербурге были хорошо известны имена композиторов XIX века – Беллини, Пуччини, Россини. А.С. Пушкин в статьях и письмах неоднократно говорил о величии итальянских писателей: «В Италии Dante и Petrarca предшествовали Тассу и Ариосту, они предшествовали Alfieri и Foscolo» [17, с. 177]. В личной библиотеке А.С. Пушкина имелось шесть изданий «Божественной комедии» Данте. Творчество Данте оказало заметное влияние на русскую литературу XIX века.

На рубеже XIX–XX веков увлечение итальянской культурой вспыхнуло с новой силой. Н.А. Бердяев писал: «Путешествие в Италию для многих – настоящее паломничество к святыням воплощенной красоты и божественной радости. Трудно выразить то душевное волнение, сладостное до болезненности, которое охватывает душу от одного названия иных итальянских городов или итальянских художников» [4, с. 376]. Итальянский язык был достаточно широко известен в России рубежа XIX–XX столетий, его часто учили самостоятельно. После того как Италия стала единым, независимым, политически стабильным государством (в октябре 1870 года объединенная армией Гарибальди), в ней увеличилось число русских путешественников и эмигрантов. З.Н. Гиппиус в биографии Мережковского писала: «Но вот – весной 1891 года – наша первая поездка за границу, – в Италию, конечно» [9, с. 194]. В том же 1891 году другой великий почитатель итальянской культуры, Вяч. Иванов, впервые приезжает в эту страну. Поездка затянулась, и воспоминания о ней Иванов заключает словами: «На третий год этой жизни мы могли считать себя до некоторой степени римлянами» [10, с. 314]. Позже особенности итальянской культуры стали темой бесед в «Башне» ? знаменитом философско-лите-

© Лебедева Н.С., 2012

ратурном кружке, собранном Вяч. Ивановым. В 1912 году Италию посетили Н. Гумилев и А. Ахматова. Воспоминания об этом отразились в их лирике.

В русских журналах рубежа XIX–XX веков появляются путевые заметки об Италии. Становятся известными книги «Путешествие по Италии» И.В. Цветаева (1883), «Моя Италия» А.А. Трубникова (1908), «Образы Италии» П.П. Муратова (1911). Много прекрасных строк посвятили Италии Блок, Брюсов, Бальмонт, Волынский, Розанов и многие другие.

Нужно отметить, что в среде русской интеллигенции рубежа XIX–XX веков представление об Италии пересматривалось под влиянием наиболее популярных философских концепций того времени, прежде всего, трудов Владимира Соловьева и Фридриха Ницше.

В основе философии Владимира Соловьева лежит утверждение, что существует два обособленных мира – земной и небесный, Мир Времени и Мир Вечности. Душа человека принадлежит одновременно двум мирам. «…Истина не только вечно *есть* в Боге, но и *становится* в человеке, а это предполагает в нем двойственность между истиною (всеединством) как идеалом и неистинною (отсутствием всеединства) как фактом или наличною действительностью…» [18, с. 745]. В мире Вечности душа оказывается во сне, после смерти и в моменты любовного и творческого экстаза. Задача художника – спасти земную красоту от разрушения, приобщить ее к вечности. Таким образом, художник призван к сотворчеству с Богом. То значение, которое В. Соловьев придавал красоте, также обращало внимание русских на достижения итальянской культуры: «Если в нравственной области (для воли) всеединство есть абсолютное благо, если в области познавательной (для ума) оно есть абсолютная истина, то осуществление всеединства во внешней действительности… есть абсолютная красота» [18, с. 745]. Н. Бердяев писал об этом: «Исключительная этичность русской души ищет себе дополнение в исключительной эстетичности души итальянской» [4, с. 368].

В конце XIX века волна интереса к Италии была связана, в частности, с тем, что русская религиозная философия того времени наследовала основные положения учения Платона так же, как и философия итальянского Возрождения. Литературовед Анастасия Пасквинелли отмечает, что Вяч. Иванов и М. Кузмин воспринимали Платона через призму итальянского Возрождения: «Речь идет о страстном желании “возврата к истокам”, о воскрешении памяти идеального мира, чьим обманчивым призраком является чувственный мир» [16, с. 179]. В творчестве гениев Возрождения, в гармонии итальянской культуры русские философы и поэты видели осуществленный синтез земного и небесного, слияние традиций античности и средневековья, соединение времени и вечности.

Данная статья посвящена исследованию основных итальянских мотивов в русской поэзии рубежа XIX–XX веков. При этом мотив понимается как «компонент произведений, обладающий повышенной значимостью (семантической насыщенностью)» [19, с. 266], «предельная ступень художественного отвлечения от конкретного содержания произведения, закрепленная в простейшей словесной формуле» [12, с. 594].

В русской поэзии, посвященной Италии, одним из основных становится мотив вечности. Его мы находим, например, в сборнике стихотворений «Одиночество» (1916) А.К. Лозина-Лозинского. Изображая природу Капри, поэт утверждает, что природа Италии хранит достижения человеческой истории: «На берегу моря в чистых рощах и на скалах живут благочестивые и большие мысли, может быть, забытые здесь античными философами, эремитами средних веков или неугомонными искателями наших всеведущих несчастных дней» [11, с. 37]. Мотив вечности есть и у Мандельштама в стихотворении «Погорим о Риме – дивный град!»:

На Авентине вечно ждут царя –
Двунадесятых праздников кануны… [13, с. 90].

В то же время в рассказах и стихотворениях об Италии постоянно присутствует мотив смерти. Мотивы смерти и вечности, бесконечного увядания и воскрешения дополняют друг друга. Это соответствует идее В. Соловьева: Мир Вечности постигается после смерти или во сне, – и идее Ницше: разрушение ведет к возрождению. Н. Бердяев писал: «Сама мертвенность Кампании, разлитая по ее поверхности смерть, является источником творческой жизни… Но такова вся Италия: в ней человеческое творчество и природа неразрывны» [4, с. 370]. В поэзии А. Блока Венеция и Равенна предстают мертвыми или спящими городами, и в то же время они хранят вечную жизнь. В стихотворении «Венеция»:

Холодный ветер от лагуны.
Гондол безмолвные гроба [5, с. 208].

И далее:

Нет! Все что есть, что было, – живо! [5, с. 210].

В стихотворении «Равенна»:

Все, что минутно, все, что бренно,
Похоронила ты в веках.
Ты, как младенец, спишь, Равенна,
У сонной вечности в руках [5, с. 205].

Силой, обеспечивающей бессмертие Италии, русские поэты и философы часто называют природное начало. Здесь сказываются и идеи Ницше. В стихотворении Н. Гумилева показан Рим, который несет в себе жестокую и обаятельную природную силу:

И город цезарей дивных,
Святых и великих пап,
Он крепок следом призывных,
Косматых звериных лап [9, с. 102].

Та же тема есть в стихотворении О.Э. Мандельштама:

Природа – тот же Рим, и, кажется, опять
Нам незачем богов напрасно беспокоить –
Есть внутренности жертв, чтоб о войне гадать,
Рабы, чтобы молчать, и камни, чтобы строить!
[13, с. 98].

Единство и борьба противоположностей связаны еще с одним важным в изображении Италии мотивом – мотивом маскарада. Маскарад олицетворяет легкое отношение к жизни, которое, с одной стороны, дает детскую радость, с другой – ощущение призрачности бытия, которое связано в представлении русских писателей с образом Венеции. Н. Бердяев, отмечая праздничное отношение к жизни как итальянскую национальную черту, подчеркивает ее значение для духа творчества: «Мы любим в итальянцах дар переживания радости жизни… Русская тоска по Италии – творческая тоска, тоска по вольной избыточности сил, по солнечной радости, по самоценной красоте» [4, с. 368].

Венеция Ахматовой живет в настоящем, светло и красочно:

Золотая голубятня у воды,
Ласковой и млеюще-зеленой;
Заметает ветерок соленый
Черных лодок узкие следы…
Но не тесно в этой тесноте,
И не душно в сырости и зное [1, с. 70].

Авторы стихов о Венеции изображают ее или как город вечной радости, праздничной детскости (А. Ахматова, М. Кузмин), или как город призраков, мистического наваждения (В. Брюсов, Н. Гумилев, А. Блок).

Венеция Брюсова возникает перед нами адским видением:

И ряд оживших призрачных строений
Являл очам, чего уж больше нет.
Что было для минувших поколений.
…
В тот вечер улицы кишели людом,
Во мгле свободно веселился грех,
И был весь город дьявольским сосудом [6, с. 32].

Изображение смерти и сна Венеции, ее «потусторонности» соответствует идее Мира Вечности. Образ маски, традиционно связанный с Венецией, у символистов становится символом причастности Миру Времени, человека из толпы, погруженного в суетную жизнь, но хранящего в душе память о Мире Вечности.

Идеи В. Соловьева и Ф. Ницше повлияли и на создание образа Рима. Рим – вечный город, хранитель времени, истории, еще – великое единство противоположностей – столица варварской Римской Империи и столица христианства. А.Н. Веселовский в своей «Памятной книжке» пишет о Риме: «…В нем что-то такое, что неудержимо приковывает к нему. Я знаю, что это такое: это не солнце, не климат, а избыток исторической жизни, разлитой в воздухе» [7, с. 30]. П. Муратов также отмечает способность Рима все вмещать и совмещать: «Люди, живущие здесь долго и хорошо знающие Рим, …верят в таинственную способность этого города все поглощать, все делать своим… соединять в пространстве нескольких саженей дела далеких друг от друга эпох и противоположных верований» [15, с. 211]. С образом Рима связан мотив исторической неразрывности. Например, в стихотворении «Будущий Рим» (1891) Мережковский пишет о том, что был велик и погиб варварский Рим, что так же достиг величия и пришел к гибели Рим христианский. «Где ты, неведомый Бог, где ты, о, будущий Рим?» – этим восклицанием Мережковский заканчивает стихотворение [14, с. 545]. Мечты Мережковского о Вселенской Церкви были связаны с размышлением над судьбой Вечного города.

Еще один важный мотив – мотив силы человеческого духа – связан в представлении русских поэтов с культурой эпохи Возрождения. Флорентийское кватроченто, его стремление возвысить человека представляется в духе идеи Богочеловека Соловьева и сверхчеловека Ницше. А. Белый в знаменитом трактате «Символизм как миропонимание» утверждает: «Только Христос и Ницше знали всю мощь и величие человека» [3, с. 183]. Философия Ницше предстает откровением: «Смерть или воскресение: вот пароль Ницше… В прошлое глядит его демонский образ, но то обман: счастливый, как дитя, ясный, он отражается в будущем» [3, с. 178–179]. Противостояние аполлонического и дионисийского начала в культуре, учение о сверхчеловеке, идея «вечного возвращения» – все это оказало влияние на символистов и акмеистов. В стихотворениях и статьях, посвященных итальянским гениям, много говорится о силе духа этих людей. Д. Мережковской первым создал ряд психологических портретов великих итальянцев. «Леонардо да Винчи» Мережковского заканчивается словами:

Ко всем земным страстям бесстрастный,
Таким останется навек –
Богов презревший, самовластный,
Богоподобный человек [14, с. 560].

В. Брюсов в своих стихах несколько раз изображает «темный лик» Данте. Данте, как Ницше, является страдальцем, переступившим предел обыкновенных человеческих знаний:

То был суровый, опаленный лик,
Не мертвый лик, но просветленно страстный
[6, с. 32].

Бальмонт дает стихотворению «Данте» подзаголовок «видение», судьба Данте представлена здесь религиозным чудом, и образ Данте также близок образу Ницше. О Леонардо да Винчи Бальмонт пишет: «Им предугадан был сверхчеловек» [2, с. 195].

Таким образом, важнейшими итальянскими мотивами в русской поэзии 1890-х – 1910-х годов становятся мотивы смерти и вечности, маскарада, природного начала, исторической неразрывности и силы человеческого духа.

Библиографический список

1. *Ахматова А.А.* Венеция // Собр. соч.: в 2 т. Т. 1. – М.: Правда, 1990. – 448 с.
2. *Бальмонт К.Д.* Стозвучные песни: сочинения. – Ярославль.: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1990. – 336 с.
3. *Белый А.* Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – 528 с.
4. *Бердяев Н.А.* Чувство Италии // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. Т. 1. – М.: Искусство, 1994. – 541 с.
5. *Блок А.А.* Лирика. – М.: Эксмо, 2008. – 320 с. – (Любимые стихи).
6. *Брюсов В.Я.* Данте в Венеции // Брюсов В.Я. Стихотворения. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 190 с. – (XX век: поэт и время).
7. *Веселовский А.Н.* Избранные труды и письма. – СПб.: Наука, 1999. – 365с.
8. *Гиппиус З.Н.* Дмитрий Мережковский // Гиппиус З.Н. Живые лица. Воспоминания. Т. 2. – Л.: Искусство, 1991. – 198 с.
9. *Гумилев Н.С.* Рим // Гумилев Н.С. «Когда я был влюблен…». Избранное. – М.: Школа-Пресс, 1991. – 624 с.
10. *Иванова Л.В.* Воспоминания. Книга об отце. – М.: Культура, 1992. – 430 с.
11. *Комолова Н.П.* Русская эмиграция в Италии в начале XX века (1903–1914 гг.) // Россия и Италия. Вып. III / ред. Л.М. Баткин. – М.: Наука, 1998. – 372 с.
12. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. – М. Интелвак, 2001. – 1 600 с.
13. *Мандельштам О.Э.* Избранное / сост., предисл. и комм. П.М. Нерлера. – СПб.: Интерпринт, 1991. – 480 с.
14. *Мережковский Д.С.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. – М.: Правда, 1990. – 672 с.
15. *Муратов П.П.* Образы Италии. – М.: Республика, 1994. – 588с.
16. *Пасквинелли А.* Итальянская тема в стихах Михаила Кузмина // Россия и Италия. Встреча культур. Вып. 4 / ред. Н.П. Комолова. – М.: Культура, 2000. – 361 с.
17. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд., 1979. – 711 с.
18. *Соловьев В.С.* Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – 694 с.
19. *Хализев В.Е.* Теория литературы: учеб. – М.: Высш. шк., 1999. – 398 с.

УДК 882

Макарова Елена Владимировна
Владимирский государственный университет
lama28@mail.ru

ЛИРИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В КНИГЕ РАССКАЗОВ «ЗАПИСКИ ОХОТНИКА» И.С. ТУРГЕНЕВА

В «Записках охотника» лирическое начало становится одной из основ индивидуального авторского стиля, который, наряду с другими связующими элементами, организует целостность циклического образования «книга рассказов». Элементы лирической прозы чаще всего сопровождают тургеневские описания природы, что объясняется свойственным романтической эпохе философско-лирическим взглядам рассказчика на природу. Соединяя произведения книги, лирическая линия имеет свое развитие.

Ключевые слова: *циклическое образование «книга рассказов», лирическая проза, поэзия и природа, немецкий романтизм, натурфилософия, образ рассказчика, субъективация, «описательная поэзия».*

В изучении «Записок охотника» И.С. Тургенева как циклического образования особого типа – книги рассказов – мы рассматриваем внутритекстовые связи, возникающие на всех уровнях произведения. Подобный подход к циклу декларирован в работе Е.Ю. Афониной: «…Системные отношения между текстами-элементами цикла возникают на всех уровнях структуры (предметно-образном, сюжетном, персонажном, повествовательном, мотивном и т.д.)» [2, с. 5]. Так, элементы лирической прозы воспринимаются у Тургенева как черты индивидуального авторского стиля повествования, наряду с комплексом других особенностей (сквозной рассказчик, место и время действия в книге, система лейтмотивов и др.) образуют единство прозаического цикла.

Говоря о характере тургеневского таланта в целом, О. Ильинский отмечает его стремление к «лирическому монологу» [5, с. 31]. Эту мысль подтверждает и творческая биография писателя: Тургенев начинал как создатель поэм в «пушкинском духе» («Параша», «Разговор»). Позднее, найдя себя в прозаических жанрах, он оставался ценителем поэзии. Во многом заслугой Тургенева стало выдвижение Ф.И. Тютчева в ряд первых русских поэтов, Иван Сергеевич являлся бессменным редактором стихотворений А.А. Фета. Наконец, вершиной творчества, результатом многолетних поисков оптимальной жанровой формы стал поздний цикл стихотворений в прозе «Senilia».

В «Записках охотника» находим первые образцы тургеневской лирической прозы. На сегодняшний день термин «лирическая проза» утвердился в литературоведении, под ним понимается «стилистическая разновидность прозы, организующим смысловым и композиционным центром которой

© Макарова Е.В., 2012

служит жизнь сознания героя, воплощенная в цепи душевных переживаний и мыслей» [10, с. 450]. Важным показателем становится здесь степень субъективации: чем сильнее выражено субъективное начало в прозаическом тексте, тем больше стремление его к поэзии. Элементы лирической прозы в книге рассказов, как правило, включены в разного рода описания. Степень «включения» их в текст может варьироваться от мельчайшего фрагмента в эпизоде («Бирюк») до полноценного рассказа («Лес и степь»).

В первых произведениях книги, тяготеющих к жанру очерка, элементы лирической прозы могут носить внешне случайный характер. Поэтическая деталь обнаруживается в бытовом, этнографическом описании убогого жилища лесника по прозвищу Бирюк: «Изба лесника состояла из одной комнаты, закоптелой и низкой… Лучина горела на столе, печально вспыхивая и погасая. На самой середине избы висела люлька, привязанная к концу длинного шеста… Я посмотрел кругом – *сердце во мне заныло…*» («Бирюк») [13, с. 156–157]. Постепенно лирический компонент включается и в систему персонажей произведения: истинные образцы народного поэтического характера являют собой Калиныч («Хорь и Калиныч»), Яков Турок («Певцы»), в какой-то мере Касьян («Касьян с Красивой Мечи») и др.

Заметим, что тургеневское описание всегда сопряжено с переживанием рассказчика, за изображением следует эмоция. Наиболее сильное переживание у охотника вызывают картины природы – они и становятся самым широким способом «проявления» лирики в книге. Свойственное эпохе поэтическое восприятие природы становится характерной чертой «Записок…». Его источником была традиция немецкого романтизма, Йенской школы романтиков (братья А. и В. Шлегели, Л. Тик, Новалис, Шлейермахер) и тяготевшего к ней Шеллинга. Философия природы и стала той сферой, в которой объединились взгляды Шеллинга и романтиков. Первым поэтом, перенесшим подобное миропонимание на российскую почву, был Ф.И. Тютчев, лично знакомый с Шеллингом. В противовес механистическому взгляду естествоиспытателей конца XVIII века философ пытался познать внутренние законы природы; видел в ней живое, одухотворяющее начало, в качестве которого заявляет себя мировая душа. Природа (как органическая, так и неорганическая) мыслилась организмом цельным, единым, развивающимся по законам гармонии. В результате все живое наделялось своего рода сознанием, называлось «дремлющей интеллигенцией, приходящей к полному пробуждению в человеческом духе» [15, с. 19]. Романтики культивировали умение художника видеть поэзию в природе, чувствовать в ней тайну и одновременно мировую гармонию. Так, в рассказе Тургенева «Бежин луг» находим описание, как бы иллюстрирующее мысли Шеллинга: «На дне ее <лощины> торчало стоймя несколько больших белых камней, – казалось, они сползлись туда для тайного совещания, – до того в ней *было немо и глухо, так плоско уныло висело над нею небо*, *что сердце у меня сж*алось» [13, с. 88].

Многие исследователи обращали внимание на характер детали в тургеневских описаниях (см.: Г.А. Бялый [3], Г.Б. Курляндская [8] и др.). В «Записках охотника» она становится своеобразной приметой лирического начала. По сути, она имеет здесь двойственный характер: с одной стороны, сложно усомниться в тургеневской детали, она предельно документальна (см. эпизод тяги из рассказа «Ермолай и мельничиха», где автор описывает, как на закате поет каждая из птиц: «Все птицы спят. Горихвостики, маленькие дятлы одни еще сонливо посвистывают… Вот и они умолкли. Еще раз прозвенел над вами звонкий голос пеночки; где-то печально прокричала иволга, соловей щелкнул в первый раз. *Сердце ваше томится…*» [13, с. 19]), с другой же – в этой гиперболизированной детальности видится поэтическая выпуклость. Деталь Тургенева приобретает поразительное сходство с поэтической деталью А.А. Фета: И.Л. Альми говорит о последней как об «изысканной и одновременно в конкретности своей почти прозаической» [1, с. 174].

Восприятие тургеневского рассказчика во многом схоже с восприятием лирического героя А.А. Фета. Поэту свойственна «сверхчувствительность», умение чувствовать природу во всех ее мельчайших проявлениях. Художник стремится уловить последнее мгновение перед закатом солнца, первый его луч на рассвете – «крайнее», переходное состояние природы. Образ «последнего луча» объединяет стихотворения А.А. Фета «Последний звук умолк в лесу глухом, / Последний луч погаснул за горою…», «Солнце садится, и ветер утихнул летучий, / Нет и следа тех огнями пронизанных туч; / Вот на окраине дрогнул живой и нежгучий, / Всю эту степь озаривший и гаснущий луч…» [14, с. 244] и тургеневское описании заката: «К вечеру эти облака исчезают… На месте, где оно <солнце> закатилось так же спокойно, как спокойно взошло на небо, алое сиянье стоит недолгое время над потемневшей землей, и, тихо мигая, как бережно несомая свечка, затеплится на нем вечерняя звезда» («Бежин луг») [13, с. 86]. Важно отметить, что сам Тургенев по манере живописания, изображения природы видел себя именно в ряду поэтов: Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, – это доказывает Л.Н. Назарова, сопоставляя тургеневскую рецензию на «“Записки ружейного охотника” Оренбургской губернии С.Т. Аксакова» с одним из его писем [11, с. 254].

Как и у любимых поэтов Тургенева, в его собственной прозе писатель стремится уловить мель-

чайшие движения в природе, не случайно поэтому автор часто сосредоточен на ее переходных состояниях: от вечера – к ночи, он ночи – к утру. Пейзаж Тургенева в абсолютном большинстве случаев динамичен. Причем динамика обнаруживается не только при описании естественной перемены в окружающей охотника среде, но и в любом пейзаже. Средством создания живой, подвижной картины у Тургенева чаще всего становится игра света. Писатель мастерски использует художественный прием светотени, умело подсвечивая в общем-то неяркий пейзаж среднего Черноземья. Характерный пример – рассказ «Свидание»; в нем описывается роща после дождя: она «беспрестанно изменялась, смотря по тому, светило ли солнце или закрывалось облаком…, то *озарялась вся, словно вдруг в ней все улыбнулось*…, то вдруг опять все кругом слегка синело… И надобно было видеть как она <листва> ярко вспыхивала на солнце, когда его лучи внезапно пробивались, скользя и пестрея, сквозь частую сетку тонких веток…»» [13, с. 240]. На текстовом уровне игра света прослеживается в изысканных и одновременно точных цветовых определениях: читатель видит «тонкие стволы… берез», которые принимали «*нежный отблеск белого шелка*», листья «*загорались червонным золотом*», «стебли высоких *кудрявых* папоротников» были окрашены «в свой цвет, подобный *цвету переспелого винограда*» [13, с. 240].

Унаследованное от романтизма пристальное внимание рассказчика к собственным чувствам становится основой для лирического восприятия природы. При этом автор создает картину объемную и осязаемую: кроме цвета и света, в ней всегда присутствуют звук и запах. Заметим, что последовательность описаний (и восприятия) в указанных эпизодах именно такая: свет-цвет-запах-звук. Примером может послужить рассказ «Ермолай и мельничиха»: «Солнце село… молодая трава блестит веселым блеском изумруда… Лесной запах усиливается… Птицы засыпают…» [13, с. 19]; или: «По ясному небу неслись высокие и редкие облака… Ноги беспрестанно путались и цеплялись в длинной траве… всюду рябило в глазах… Легкий ветерок то просыпался, то утихал… Одни кузнечики дружно трещат… и утомителен этот непрестанный, кислый и сухой звук», – «Касьян с Красивой Мечи» [13, с. 114].

Итак, источником лирического начала в книге становится образ охотника-рассказчика [7, с. 117]. Кроме знания внутренних законов природы, ему свойственно особое ее «приятие» (Ю.В. Лебедев указывал на способность приобщения рассказчика [9, с. 16]), даже растворения в ней. Пример такого рода находим в рассказе «Касьян с Красивой Мечи». Там рассказчик, лежа на спине в лесу, смотрит вверх, в небо, и ему кажется, что он видит «бездонное море, что оно широко расстилается под вами, что деревья не поднимаются от земли, но, словно корни огромных растений, спускаются, отвесно падают в те стеклянно ясные волны…» [13, с. 115]. Охотник буквально «окунается» (через сравнение с морем) в собственные ощущения. Проза Тургенева приобретает ритмизованный характер, подражает звукам морских волн: «И вдруг все это море, / этот лучезарный воздух, / эти ветки и листья, / облитые солнцем, / ? все заструится, / задрожит беглым блеском, / и поднимется свежее, / трепещущее лепетанье, / похожее на бесконечный мелкий плеск / внезапно набежавшей зыби». Принятие себя в природе и природы в себе вызывает у рассказчика родственный фетовскому восторг: «Вы не двигаетесь – вы глядите: *и нельзя выразить словами, как радостно, и тихо, и сладко становится на сердце*» [13, с. 115].

Поэтическое познание природы может происходить через доверие к собственному чувству, а также через творческую интуицию и воображение. Тургеневский рассказчик в финале упомянутого выше эпизода окунается в собственные счастливые воспоминания, «и все вам кажется, что взор ваш уходит дальше и дальше и тянет вас самих за собой в ту спокойную, сияющую бездну…» [13, с. 116]. Так в книге возникают отмеченные исследователями «интуитивные прозрения» [12, с. 133]. В сумме ощущений появляется возможность прикоснуться к чему-то, по выражению Ф.И. Тютчева, «сокровенному»; исследователь А.В. Карельский называет подобное восприятие природы «прикосновением к более глубоким “незримым сферам”» [6, с. 131].

Лирическая линия, начатая в первом очерке книги «Хорь и Калиныч» и представленная романтическим образом Калиныча, постепенно развиваясь, достигнет своего апогея в финальном рассказе «Лес и степь». Очерк во многом выбивается из цикла: в нем нет привычного сюжета, он состоит из коротких зарисовок, уже по размеру близких стихотворениям в прозе. Однако читатель подходит к нему подготовленным, предшествующие лирические описания природы суммируются в восприятии цикла. Рассказчик в доверительном тоне делится своими впечатлениями от охоты в разное время года, так дистанция между ним и читателем сводится к минимуму и пропадает: мы смотрим на происходящее глазами охотника.

В «Лесе и степи» лирический компонент вводится в книгу напрямую (впервые, за исключением отрывков песен в «Певцах») – очерку предшествует эпиграф из поэмы, преданной сожжению, как указывает автор. Здесь еще одно доказательство «интимности» ситуации, подлинность авторских переживаний, ведь сожженная поэма явно принадлежала Тургеневу (это доказывает А.Г. Цейтлин [13, с. 518]). От эпиграфа и тянется нить романтически-лирического настроения: «И понемногу начало

назад / Его тянуть: в деревню, в темный сад…», – овеянного искренней грустью. Хотя время в очерке «настоящее продолжительное» (present continuous), то есть события развертываются в данный момент, но рассказчик явно вспоминает картины русской природы. От этого переживания получают новую окраску, становятся ярче, рельефнее. Ностальгия, как в музыкальном произведении, является лейтмотивом, общим фоном всех зарисовок рассказа, ей сопутствует восторг рассказчика, вместе с тем в каждом отдельном эпизоде времени года (весна, лето, осень и зима) охотник выделяет свою эмоцию. Можно сказать, что в финале книги содержится скрытый ностальгический ключ ко всему циклу.

Близость очерка «Лес и степь» к лирической оде обнаруживается и в особом возвышенном настроении, и в искреннем восхищении каждой из картин русской природы. Повествование предельно сфокусировано на эмоциях охотника, рассказ наполнен восклицаниями: «Свет так и хлынет потоком; сердце в вас встрепенется, как птица. Свежо, весело, любо!»; «А летнее, июльское утро!»; «И как этот же самый лес хорош поздней осенью!». Многим частям очерка свойственен особый ритм, на этот раз размеренный и неторопливый. К концу рассказа он убыстряется – охотник в едином порыве говорит о новых переживаниях и картинах – и обрывается. Впервые в книге дистанция между рассказчиком и читателем полностью исчезает, мы видим лишь поток эмоций, впечатлений охотника – один их лучших образцов лирической прозы Тургенева. Не случайно Ап. Григорьев назвал очерк примером «описательной поэзии» [цит. по: 13, с. 519].

Итак, лирическое начало является неотъемлемой частью книги рассказов «Записки охотника», как нельзя лучше создает баланс с антикрепостническим пафосом произведения. Стремление автора к поэтизации природы во многом связано с традицией немецкого романтизма, именно она позволяет тургеневскому рассказчику видеть природу в единстве ее лирико-философского обобщения. Причем писатель здесь органично входит в поэтический контекст эпохи, обнаруживает сходство с такими поэтами, как А.А. Фет и Ф.И. Тютчев. По меткому выражению последнего, Тургенев раскрывает «сокровенное природы со всей ее поэзией» [цит. по: 4, с. 10].

Библиографический список

1. *Альми И.Л.* Суггестивность детали в стихотворениях А.А. Фета // Альми И.Л. Внутренний строй литературного произведения. – СПб.: Издательско-Торговый дом «СКИФИЯ», 2009. – 336 с.

2. *Афонина Е.Ю.* Поэтика авторского прозаического цикла: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Тверь, 2005. – 22 с.

3. *Бялый Г.А.* Тургенев и русский реализм. – М.; Л.: Советский писатель, 1962. – 247 с.

4. *Гапоненко П.А.* Природа и человек в творчестве Тургенева и Фета // И.С. Тургенев и русская литература. Восьмой межвузовский тургеневский сборник. – Курск: Курский гос. пед. инст-т, 1980. – С. 3–21.

5. *Ильинский О.* Двойственность эстетической позиции Тургенева // Записки русской академической группы в США. Т. XVI. – New York: [б.и.], 1983. – С. 31–47.

6. *Карельский А.В.* Метаморфозы Орфея: беседы по истории западных литератур. Вып. 3: Немецкий Орфей / сост. А.Б. Ботникова, О.Б. Вайнштейн. – М.: Рос. гуманит. ун-т, 2007. – 608 с.

7. *Конышева Е.М.* К вопросу о художественном методе в «Записках охотника» И.С. Тургенева // Творчество И.С. Тургенева: проблемы метода и мировоззрения. Межвузовский сборник научных трудов. – Орел: ОГПИ, 1991. – С. 117–125.

8. *Курляндская Г.Б.* Художественный метод Тургенева-романиста. – Тула: Приокское книжное изд-во, Орловское отд-ние, 1972. – 344 с.

9. *Лебедев Ю.В.* «Записки охотника» И.С. Тургенева: пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1977. – 80 с.

10. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 799 с.

11. *Назарова Л.Н.* О пейзаже в «Записках охотника» И.С. Тургенева и в крестьянских рассказах И.А. Бунина конца 1890-х – начала 1910-х годов // Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти акад. В.В. Виноградова. – Л.: Наука, 1971. – С. 253–262.

12. *Петрова Л.М.* Романтические элементы в художественной системе «Записок охотника» И.С. Тургенева // Творчество И.С. Тургенева. Проблемы метода и мировоззрения. Межвузовский сборник научных трудов. – Орел: ОГПИ, 1991. – С. 126–135.

13. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 12 т. Т. 3. – М.: Наука, 1979. – 526 с.

14. *Фет А.А.* Стихотворения / сост., вступит. статья и примеч. В. Коровина. – М.: Сов. Россия, 1979. – 368 с.

15. Шеллинг // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 77. – СПб., 1903. – С. 443–454.

УДК 882.09

Устинов Алексей Валерьевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
1013801@mail.ru

НАЧАЛО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Д.Л. МОРДОВЦЕВА

Данная статья посвящена исследованию роли Н.И. Костомарова и А.А. Краевского в становлении Д.Л. Мордовцева как либерально-демократического публициста и писателя.

Ключевые слова: *история русской литературы XIX века, журналистика, Катков, Костомаров, Краевский, Мордовцев.*

Даниил Лукич Мордовцев (1830–1905) оставил след в русской литературе как автор популярных исторических романов, среди которых «Великий раскол», «За чьи грехи», «Лжедимитрий» и др. Либерально-демократические взгляды писателя сложились во многом под влиянием Николая Костомарова (1817–1885), одного из самых значительных русских ученых XIX века. Представления о народе как главном действующем лице истории были близки обоим историкам и шли зачастую в разрез с позицией официальной науки тех лет. Даниил Лукич окончил гимназию в Саратове, где в период 1848–1857 гг. Костомаров находился в ссылке как участник запрещенного властями Кирилло-Мефодьевского общества.

Познакомились Мордовцев и Костомаров благодаря Анне Пасхаловой, супруге Мордовцева. Женщина незаурядного образования даже для своего времени, Анна Никаноровна помогала Костомарову собирать произведения устного народного творчества. Ученый часто посещал загородный дом Пасхаловой, где они вместе «приглашали простонародных мужчин и женщин, заставляли петь песни и записывали их» [4, с. 481]. Сближение Костомарова и Мордовцева произошло в 1856 году, после женитьбы Мордовцева на Пасхаловой. В автобиографии Костомарова не так много строк посвящено дружбе с Мордовцевым, но даже редкие упоминания позволяют судить о близких дружеских отношениях между ними. «В мае, в том же году, возвратилась из Петербурга моя давняя знакомая Анна Никаноровна, уже не г-жа Пасхалова, а г-жа Мордовцева; она приехала с молодым мужем, только что кончившим курс в С.-Петербургском университете с званием кандидата и с золотой медалью; я скоро с ним сблизился и навсегда подружился» [4, с. 497].

Вскоре Мордовцев получает место помощника делопроизводителя статистического комитета Саратовской губернии. Делопроизводителем являлся сам Николай Костомаров, высоко оценивший способности своего молодого помощника. Постепенно Мордовцев входит в круг самых образованных людей Саратова. Немалую роль в этом играет и семья Костомаровых: знаменитый историк проживал в Саратове вместе с матерью, Татьяной Петровной, гостеприимной хозяйкой, чей дом был открыт для друзей и коллег сына. Екатерина Николаевна Пыпина, воспоминания которой сохранили интереснейшие свидетельства о жизни саратовской интеллигенции второй половины XIX века, упоминает Мордовцева как одного из тех людей, чье присутствие считалось значимым: «развлечения заключались в чтении и посещении Т.П. Костомаровой, где собиралась интересная компания – Белов, Мордовцев» [1, с. 69].

В том же 1856 году Костомаров впервые извещает издателя Краевского о талантах Мордовцева, высылая ему статью своего младшего коллеги о школьном образовании в Древней Руси с таким комментарием: «По новости фактов и по стройному изложению вы вероятно почтите ее вниманием» [5, л. 6]. Материал этот в изданиях Краевского света так и не увидел, но был опубликован в 1861 году под заголовком «О русских школьных книгах XVII века» в сборнике «Чтения в обществе истории и древностей Российских при Московском Университете», а через год статья была напечатана в университетской типографии уже отдельной брошюрой [12].

После знакомства с Костомаровым начинается активная публицистическая деятельность Мордовцева. Сначала – как автора и редактора «Саратовских губернских ведомостей» (1857–58), а в 1859–62 годах – уже как журналиста столичных изданий: газет «Русский дневник», «Русская газета», журналов «Русский вестник», «Русское слово» [9, с 217–222]. В этот период Мордовцев сосредоточен на малоизученном к тому времени явлении – разбойничьем движении на Дону XVIII века. Публициста привлекают не полководцы и законодатели, а «простые разбойники», в действиях которых он видит проявление «характера целой эпохи» [10, с. 703].

В конце 1864 года Мордовцев переезжает в Санкт-Петербург, и Костомаров отправляет с ним письмо влиятельному литературному деятелю Андрею Александровичу Краевскому с шутливой просьбой приветить «изрядного витию». Это послание показывает то глубокое уважение, которые испытывал историк к своему младшему коллеге, и позволяет лучше понять взаимоотношения между ними. Приводим письмо по тексту рукописи, хранящейся в Российской национальной библиотеке [5, л. 10 – 10 об.].

«Многоуважаемый Андрей Александрович,

Сей муж, его же видите перед очима Вашима, нарицается Даниил Лукич Мордовцев, муж зело

© Авторы, 2012

честен, и премудр, и праведен во всех путех своих, вития изряден, в писании же российским языком велми искусен, злокозненнаго московскаго надмения и катковския[1] идоложертвенныя прелести бегаяй, суесловиваго же нигилизма уметаяся, добронравием же аки звезда восточная сияяй, в терпении же тверд и крепок аки адамант[2]. Сей предстоит пред вами аки овча руно злато носяй. Отризете е ножницы благословия Вашего. Аще угоден будет муж сей пред очима Вашима, облецыте и в броню истины соборнаго писания Вашего, нарицаемаго Глас, и дадите в руце ему лопату вещания, да отребит[3] тулию[4] словес земли российския и да пребудет Глас Ваш аки многоценная житница отягченная пшеницею мудрости в научение юным и во свет мирови даже до конца века. Аминь. Смиренный старец Николай иже на Неве реце. Писано в царствующем граде св. Петра лета от сотворения мира 7373[5] от воплощения же Бога слова[6] в 1864 декемврия в 16 день на память св. Пророка Аггея в среду седьмицы святых праотец[7]».

Стилистически письмо соотносится с древнерусскими посланиями и имеет ряд интересных особенностей. Автор имитирует древнерусский этикет и подписывается как «смиренный старец Николай», подчеркивая тем самым свое равенство с адресатом письма. Все письмо посвящено восхвалению Мордовцева. Костомаров называет его и «премудрым», и «праведным», сравнивая с «адамантом» – алмазом, одним из самых драгоценных камней в Древней Руси. В повествовательную ткань послания изящно вплетается новомодное для тех лет слово «нигилизм», еще раз подчеркивая шутливый тон эпистолии.

И прошение за третье лицо, и легкость шутливого тона – все это вполне привычно для Костомарова. Среди писем к Краевскому [5], сохранившихся в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки, есть и письма с хлопотами за «знакомого хохла Левченко из Херсона», с просьбами обратить внимание на «Горчайшее положение одного крайне бедного и честного семейства». Есть и такие, в которых Костомаров испрашивает помощи с тем, чтобы «взять рукопись от Вас и попытаться с нею войти в двери какой-нибудь храмины российского периодического слова» [5, л. 7]. Элегантная легкость и ироничность – характерная черта эпистолярного наследия Костомарова. В письмах к этнографу К.Н. Сементовскому Костомаров проявляет себя и как мастер иронии, и как любитель «плетения словес»: «старые люди женскаго полу рассказывают…», «Седая древность до-христианского славянского мира не подняла из мшистой могилы почтенной главы своей и память дедов не раздалась в звуках девичьих голосов», «Ежели будете ехать домой, возьмите с собой мою бричку из пленения» и т.п. [13, с. 13–24].

Мордовцев становится сотрудником газеты «Голос». Он пишет передовицы на актуальные темы того времени – о внешней и внутренней политике, о славянском вопросе. Краевский ценил Мордовцева и был заинтересован в его активном участии в «Голосе» [3, с. 59–60]. Но столичная жизнь не сложилась для Мордовцева удачно, и в 1866 году он был вынужден вернуться в Саратов. Тем не менее сотрудничество продолжилось.

Мордовцев в своих темах был избирателен. Он писал о том, что интересовало его как историка, как гражданина, о том, что сам считает важным в современной политике [6, л. 11]. И его сугубо творческий выбор не всегда был подходящим для Краевского, который нередко отклонял корреспонденцию Мордовцева. «Но как же Вам не стыдно так проморить мои статьи о пугачевщине? Первые ведь посланы были еще в октябре. Эта медленность пугает меня так, что опасаюсь вновь предлагать Вам мои работы, особенно, если вы разбогатели сотрудниками», – сожалел Мордовцев в письме редактору от 29 января 1868 года [6, л. 18]. Публиковались далеко не все материалы, высылаемые Мордовцевым. Его интерес к событиям в Польше и на Балканах, пристальное внимание к темным уголкам российской истории натыкались на принципиальность Краевского-редактора, который, по меткому замечанию современника, «всегда отлично знал для каждой данной минуты, что нужно писать, о чем писать и как писать» [8, с. 115]. Но, несмотря на творческие разногласия, отношения между Мордовцевым и Краевским сохранялись дружеские и доверительные.

В переписке с Краевским Мордовцев отзывается и на чрезвычайные происшествия: «А вот мужик-то (подчеркнуто Мордовцевым. – *А.У.*) опять спас царя, а не дворянин. Все это новые сильные аргументы для будущей борьбы с дворянством» [6, л. 3]. Речь в письме идет о неудачном покушении Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 года в Летнем саду Петербурга. Несостоявшегося убийцу ударил по руке костромской крестьянин Осип Комиссаров, которому было пожаловано за заслуги дворянское звание[8]. В этом же письме Мордовцев «проходится» по московской оппозиции Краевского: «Катков дошел до великого своим постоянством. Это новый Катон[9] со Вшивой горки[10]» [6, л. 3], – словно подтверждая правоту Костомарова.

Кроме вполне понятных рассуждений о текущей журнальной деятельности – статьях, гонорарах, поисках тем, подчас Мордовцев открывает себя как человека ранимого, душевного, разрывающегося между необходимостью зарабатывать и жаждой настоящего творческого поиска.

Мордовцев так и не смог закрепиться в Петербурге. К тому было ряд препятствий. Но главным являлась все-таки натура самого писателя – скромность и нестяжательство не позволяли ему вполне развернуться в столице. Еще в 1860-м году за него хлопотали друзья: открылась возможность занять

место профессора на кафедре истории Санкт-Петербургского университета. Об этом пишет биограф Мордовцева П.В. Быков в предисловии к петроградскому изданию «Полного собрания исторических романов, повестей и рассказов»: «Как ни лестно было это предложение для Мордовцева, любившего науку и уже внесшего в ее область хороший вклад ценными исследованиями по истории Польши, Малороссии и пугачевщины, но, поглощенный работой в саратовских архивах, он … не внял просьбам друзей и отказался от профессуры» [2, с. XIII–XIV].

Проведя в Санкт-Петербурге около двух с половиной лет – с конца 1864 по середину 1867 года, Мордовцев возвращается в Саратов. Из письма Краевскому от 29 июня 1867 года Даниил Лукич пишет: «Казенное же положение в Петербурге, тоже не блистательно оплачивающее труд, оставляет мало времени для литературных занятий, как это я и жил там в последние два года. А отдаться вполне литературе – это значит рисковать в один прекрасный день остаться без куска хлеба и квартиры, что для одинокого человека, положим, и не ужасно, но для семейного, по меньшей мере, неудобно» [6, л. 13 об.]. Вместе с этим Мордовцев с радостью делится с Краевским своими творческими планами, гордится, что открывает в саратовских архивах нечто такое, что еще не видел никто из историков, называя пугачевщину «роскошью». В письме от 11 октября 1867 года он пишет о статье, вероятно, «Русские государственные деятели прошлого века и Пугачев»: «В конце пугачевщины у меня подведется параллель между “орлами из стаи великой Екатерины” и “коршунами из стаи Пугачева” – сравнение будет не совсем лестное для первых» [6, л. 26].

Краевский в российской журналистике – личность весьма противоречивая. Нельзя отрицать весомый вклад, внесенный издателем в развитие отечественной публицистики, но существенными являются и замечания современников, считавших, что Краевский далек от самой литературы и является исключительно дельцом, чьи интересы дальше финансовой выгоды не распространяются. «Краевский, человек, собственно говоря, чуждый литературе, хотя и наживший на ней каменные палаты» – такую, например, не слишком лестную характеристику дает знаменитому издателю публицист Н.К. Михайловский, один из авторов и редакторов «Отечественных записок» [7, с. 258].

Тем не менее знакомство с Краевским, несомненно, укрепило силы Мордовцева. В своих воспоминаниях он отдаст должное Краевскому как личности, повлиявшей на его вхождение в русскую литературу [11]. Он приобрел практический опыт публициста, пусть не всегда благоприятный. Круг общения и широта затрагиваемых тем, глубина обобщений, которые позволяли писателю выходить на каждом этапе своего развития на качественно новый уровень в литературном и историческом творчестве, – все это говорит о Данииле Лукиче Мордовцеве как о незаурядном представителе демократической интеллигенции второй половины XIX века.

Примечания

[1] «Катковския... прелести» – Катков Михаил Никифорович (1817 или 1818 – 1887), идеологический оппонент Краевского. Журналист, редактор газеты «Московские ведомости» (1863–1887), один из основоположников российской политической журналистики.

[2] Адамант – алмаз (устар.).

[3] Отребит – очистит (устар.). Ср.: «отребье».

[4] Тулия – сосуд (устар.).

[5] В тексте приведено кириллическое написание даты. При этом год (1865) указан по византийской системе летосчисления, в которой год начинается в сентябре. См.: *Черепнин Л.В.* Русская хронология. – М.: ГАУ НКВД СССР, 1944. – С. 27.

[6] «От воплощения же Бога слова» – от Рождества Христова. См.: «Слово о воплощении Бога-Слова, и о пришествии его к нам во плоти». Трактат Святого Афанасия Великого (†373 г.). Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великаго, Архиепископа Александрийскаго. Ч. 3. Изд. второе, испр. и доп. – М.: Издание Спасо-Преображенскаго Валаамскаго монастыря, 1994. – С. 251–276.

[7] «В среду седьмицы святых праотец» – седмица 29-я по пятидесятнице, по православному календарю, день Пророка Аггея (29 декабря по новому стилю).

[8] Осип Иванович Комиссаров-Костромской, спасший жизнь царя 4-го апреля 1866 года, бывший костромской крестьянин, а ныне дворянин. Подробный биографический очерк с приложением портрета. – М.: Типография «Русских ведомостей»,1866. – 18 с.

[9] Катон (лат. Marcus Porcius Cato; 234 – 149 до н. э.) – древнеримский государственный деятель, страстный оратор, которому приписывается выражение «Карфаген должен быть разрушен» (Ceterum censeo Carthaginem esse delendam – лат.). Интересно, что в 1857 году в типографии Каткова был издана монография, посвященная Катону. См.: *Зедергольм К.* О жизни и сочинениях Катона старшего. – М.: Типография Каткова, 1857. – 103 с.

[10] Вшивая горка – историческое название северо-западного склона Таганского холма в Москве (см.: http://slovari.yandex.ru/~книги/Московские улицы/Вшивая горка).

Библиографический список

1. Беседы о прошлом. Рассказы Е.Н. Пыпиной в записях Н.М. Чернышевской. – Саратов: Приволжское книжное изд., 1983. – 128 с.

2. *Быков П.В.* Критико-биографический очерк // Мордовцев Д.Л. Полн. собр. исторических романов, повестей и рассказов. – Петроград: Издательство П.П. Сойкина, 1914. – Т. 1. – С. III–XXVIII.

3. *Зайцева А.А.* Газета «Голос» во внутренней политике самодержавия периода буржуазных реформ. 1863–1870: Дис. … канд. ист. наук / МГУ. – М., 1985. – 257 с.

4. *Костомаров Н.И.* Исторические произведения. Автобиография. – Киев: Изд-во при Киевском государственном университете, 1989. – 796 с.

5. *Костомаров Н.И.* Письма А.А. Краевскому. 1856–1882 // Русская национальная библиотека. – Ф. №391, ед. хр. 452.

6. *Краевский А.А.* Мордовцев Даниил Лукич. Письма А.А. Краевскому. 1866–1873 // РНБ. – Ф. №391, ед. хр. 555.

7. *Михайловский Н.К.* Литературная критика и воспоминания. – М.: Искусство, 1995. – 588 с.

8. *Михневич В.О.* Наши знакомые. Фельетонный словарь современников. – СПб.: Типография Гоппе, 1884. – 152 с.

9. *Момот В.С.* Д.Л. Мордовцев – писатель-демократ: Дис. … канд. филол. наук / МГПИ. – М., 1984. – 240 с.

10. *Мордовцев Д.Л.* Атаман Брагин и разбойник Зубакин // Русский вестник. – 1862. – № 2. – С. 703–730.

11. *Мордовцев Д.Л.* Из переписки с Краевским // Новое слово. – № 3. – 1894. – С. 89–104.

12. *Мордовцев Д.Л.* О русских школьных книгах XVII века. – М: Университетская типография, 1862. – 102 с.

13. Письма Н.И. Костомарова к К.М. Сементовскому. – Типогр. Русский библиографил, 1916. – 24 с.

14. *Степанов А.Н.* Газета А.А. Краевского «Голос» (1863–1883) // Журналистика и литература. – М., 1972. – С. 138–148.

УДК 82.08

Шашкова Екатерина Владимировна
Новгородский государственный университет
Schaschkowa-e-w@yandex.ru

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕМУАРИСТИКИ И.И. ПАНАЕВА

В статье обозначаются такие публицистические темы «Литературных воспоминаний» И.И. Панаева, как воспитание и образование, чиновничья служба. Рассматриваются обращения к фигурам Н.В. Кукольника, А.А. Краевского, М.Н. Загоскина, С.Т. Аксакова, К.С. Аксакова. Особое место уделяется именам В.Г. Белинского и Т.Н. Грановского. Основной публицистический вектор этих воспоминаний – демонстрирование нежизненности общественного уклада, не имеющего в своей основе никаких творческих и моральных сил.

Ключевые слова: *темы образования и воспитания, писатели Н.В. Кукольник, М.Н. Загоскин, А.А. Краевский, Аксаковы, В.Г. Белинский, Т.Н. Грановский, восприятие литературного процесса.*

Переиздавались «Литературные воспоминания» И.И. Панаева неоднократно, к ним исследователи обращались постоянно для иллюстрации того или иного события, уточнения того или иного факта и т.п. Вместе с тем публицистический аспект этих воспоминаний по сути дела не рассматривался. Предлагаемая статья и посвящена этой проблеме.

Панаевские воспоминания писались в 1860–1861 годах – во время подготовки и ожидания реформы по освобождению крестьян от крепостной зависимости. С первых страниц мемуаров антикрепостническая тональность является достаточно мощно. Обращаясь к своему детству, автор упоминает обстановку барского семейства, в котором он воспитывался, и перечисляет те особенности своего восприятия, определившиеся в раннем возрасте и впоследствии изживавшиеся им. Собственно, он изображает картину типическую: балованное дворянское дитя не могло находиться в Высшем училище, так как в нем обучались и разночинцы, – и такая мотивировка была оценена старшими с понимание и участием. Либо – уже юношей автор не находил ничего необычного в том, что крепостного можно было купить, продать, подарить. Когда же ему указали на безнравственность таких обыкновений, то после краткого удивления он начинал и сам осознавать недопустимость такого уклада.

Антикрепостническая тема тесно слита с темой образования. Панаев подробно изображает и преподавателей Благородного пансиона, и саму обстановку этого заведения, и учащихся. Основные понятия, которые здесь развивает автор – *косность и рутина*. Преподаватели читают давно устаревшие курсы, они нисколько не заинтересованы как-то увлечь обучаемых своим предметом, единственный вид обучения – зубрежка (исключения крайне редки). Это порождение сложившегося уклада. Отсюда характеристики и изображение дальнейших судеб воспитанников Благородного пансиона: кто не задумываясь покорно зубрит (ничего не понимая) – того и ждет удачная карьера.

Итог обучения в пансионе Панаев видит в том, что это учебное заведение не дало никаких знаний: «…Ни начальству, ни родителям, ни нам не приходит в голову, *для чего мы приготовлены* и *приго-*

 © Шашкова Е.В., 2012

товлены ли к чему нибудь?..» [2, с. 53]. Основной результат пребывания в пансионе видится следующим образом: «Чинопочитание, покорность до того были вкоренены в нас в родительских домах и потом развиты в пансионе, что мы, вступая в свет, совершенно теряемся и робеем при появлении каждой титулованной особы и при взгляде на всякую блестящую обстановку» [2, с. 53].

В воспоминаниях о Благородном пансионе у Панаева появляется весьма своеобразное «мы»: писатель не отделяет себя от своего поколения, иллюстрируя пороки и заблуждения, общие для многих. Но это «мы» еще шире: это указание на уклад, которым жило все общество, вся страна. Таким образом, Панаев изображает нравственный и духовный тупик. Внутри этого общества нет деятелей, нет сил, способных указать иную дорогу, которая могла бы вывести из порочного круга косности и рутины.

Тему образования продолжает тема чиновничества. Деятельность чиновников предстает как монотонное и унылое переписывание деловых бумаг. Бумаги пишутся, но ничего не меняется. Чиновники являют собой продукт системы образования. Бессмысленность чиновничьих занятий, их далекость от живой жизни составляют один из мотивов II и III глав.

Рутинному и косному миру противопоставляется мир литературной жизни, который манил Панаева еще в юности: вот где свобода, вот где возможность для наиболее полного раскрытия своих сил! Вступив в этом мир, после недолгого восхищения автор начинает обнаруживать, что этот чаемый мир оказывается на удивление неоднородным. Более того – первоначальный восторг вскоре сменяется разочарованием. В воспоминаниях возникает несколько историй появления «кумиров» с последующим их исчезновением из этой роли.

Немало места уделено Н.В. Кукольнику. По сути дела, Панаев сначала изображает триумф Кукольника, приобретение им большого числа поклонников и затем своеобразное застывание этого писателя – встречи с ним выглядят повторением одной и той же схемы: Кукольник в окружении почитателей, ловящих каждое слово; Кукольник, читающий свои произведения, а потом поясняющий их; Кукольник на ужине с шампанским и разговорами о святыне искусства. Эта монотонность в конце концов насторожила, и восторг от первой встречи начал таять. Вспомнить в 1860 году писателя, пик популярности которого пришелся на вторую половину 1830-х – начало 1840-х годов, имело и такой смысл: ведь Кукольник снискал шумный успех и благодаря своему произведению «Рука всевышнего отечество спасла», написанному в ура-патриотическом духе и одобренному Николаем I, – ироничные описания Панаева указывают на отрицаемую им систему взглядов идеологов официальной народности.

Надо еще прибавить, что мемуарист, описывая окружение Кукольника, неоднократно указывает, что большинство его составляют офицеры. Когда же выступление В.Г. Бенедиктова вызвало успех, то развенчивали этот успех В.Г. Белинский и Н.А. Полевой, статьи их вызвали негодование среди чиновничества. То есть Панаеву важно указать и на ту часть публики, которая является аудиторией того или иного писателя, развенчание последнего – это и развенчание определенного сегмента общества.

Особое место в воспоминаниях занимают эпизоды, связанные с А.А. Краевским. Они вкраплены в повествование о каких-либо событиях, возникают словно бы «кстати и о…», но если попытаться их собрать, то складывается следующий портрет.

Здесь надо учитывать такие следующие обстоятельства. Во время написания воспоминаний «Отечественные записки» под руководством А.А. Краевского были единственным конкурентом «Современника», на это обратил внимание еще Б.В. Мельгунов: к середине 1850-х годов «практически единственным реальным конкурентом “Современника” среди литературных журналов были “Отечественные записки”» [1, с. 139]. Но следует учитывать и то, что записным литератором Панаев сделался именно у Краевского, что их связывали родственные отношения, то есть сама эта ситуация сложная.

Первая встреча с Краевским оставляет довольно противоречивое впечатление. Сначала дается портрет, подчеркивается, что это человек «с очень серьезной и значительной физиономией» [2, с. 83]; впечатление продолжает укрепляться характеристикой, которую дает Краевскому один чиновник: «преученый человек» [2, с. 83]. А потом эти признаки словно бы разом разрушаются замечанием: «Толки об учености Краевского в департаменте основывались, кажется, на компиляции его о философии аббата Ботеня, заказанной ему графом Уваровым и помещавшейся тогда в “Журнале Министерства просвещения”» [2, с. 83]. Что же это за ученость, когда по указанию идеолога официальной народности появляется статья – и даже не статья, а, по сути дела, перевод?

Потом Панаев отвлекается от своего персонажа, рассказывает о своей работе над переводом «Отелло», о беседах с актерами Я.Г. Брянским и В.А. Каратыгиным, потом о постановке пьесы, а затем вновь – «вдруг» – вспоминает про Краевского в связи с его статьей «Мысли о России»: «В статье не было, впрочем, ничего оригинального, кроме шестой части света. Эти “Мысли о России” обнаруживали только, что Краевский явился в Петербург под влиянием тогдашних московских славянофилов» [2, с. 91]. И здесь же ироничное упоминание о приверженности Краевского к подражательности. Подражать он мог и князю В.Ф. Одоевскому: «…Г. Краевский завел у себя точно такие же оригинальные столы со шкапиками, какие были у князя Одоевского, и снял с него покрой для своего кабинетного костюма во время ученых заня-

тий» [2, с. 91]. Подражал и П.А. Плетневу, когда сблизился с ним: стал тоже совершать длительные пешеходные прогулки. Как замечает Панаев, «г. Краевский в юные свои годы легко подчинялся на время тем, с которыми сходился и которые почему бы то ни было принимал за авторитеты. Он усваивал нередко их образ мыслей и подражал им даже во внешних мелочах, стараясь, впрочем, сохранять перед своими знакомыми вид строгий и самостоятельный. Инициативы у него не было никакой». Кажущаяся «случайность» обращений к Краевскому призвана продемонстрировать случайность того в журналистике. Сама его деятельность выглядит крайне двусмысленной: «История считалась тогда его специальностью. Многие разборы исторических книг в “Литературных прибавлениях”, обративших на себя внимание и приписывавшихся перу г. Краевского, оказались принадлежавшими господину Савельеву-Ростиславичу, который часто забегал к г. Краевскому» [2, с. 98–99]. Потребность состоять при ком-то достигает высшей точки в эпизодах, посвященных смерти А.С. Пушкина. Краевский представляется человеком, который прилагает все силы, чтобы «втереться» в общество друзей поэта: «Напечатать свое темное имя рядом с именами Жуковского и Вяземского почти все равно, что попасть из капралов прямо в генералы» [2, с. 127]. Вот так оцениваются основные этапы журналисткой карьеры Краевского, основу его движения составляет всего лишь внешность, а не внутреннее содержание. Когда же Краевский решается на нечто самостоятельное, то его ждет неудача. Панаев иллюстрирует это приглашением на роль критика «Отечественных записок» В.С. Межевича и полным крахом такого действия. В целом, по Панаеву, получается, что всего лишь случайное благоприятное стечение обстоятельств послужило причиной успеха этого журнала.

Довольно неоднозначно у Панаева выглядит фигура А.С. Пушкина. Он указывает на то благоговение, с которым молодые литераторы смотрели на поэта. Но в то же время он считает, что Пушкин был виднейшим представителем аристократической партии, по сути дела, ее главой. Здесь он усматривает противоречивость позиции поэта: с одной стороны, он вроде бы отрицал высший свет, а с другой – не мог без него обходиться и предпочитал, чтоб его воспринимали как человека светского, а не как литератора.

Осуждение высшего света для Панаева – вещь как бы сама собой разумеющаяся и постоянная: «Большинство так называемых светских людей того времени отличалось крайней пустотою и отсутствием всякого образования, потому что болтовня на французском языке, более или менее удачное усвоение внешних форм пошлого европейского дендизма и чтение романов Поль-де-Кока нельзя же назвать образованием» [2, с. 116–117]. Тем не менее и для этого круга существовал своего рода фильтр по отбору литературных талантов – литературный салон С.Н. Карамзиной. С сожалением Панаев отмечает: «Дух касты, аристократический дух внесен был таким образом и в “республику слова”. Аристократические литераторы держали себя с недоступною гордостью и вдалеке от остальных своих собратий, изредка относясь к ним только с вельможескою покровительностью» [2, с. 117]. Он видит единственное исключение среди аристократической партии – князя В.Ф. Одоевского, но подчеркивает и то, что Одоевскому, несмотря на его сильное желание сблизить всех литераторов, это не удалось.

Весьма страстно Панаев выступает против теории «искусства для искусства». Выразителем ее в творчестве, по его мнению, является Пушкин, который «развивал ее в своих звучных, гармонических стихах и довел ее до вопиющего эгоизма в своем стихотворении “Поэт и чернь”…» [2, с. 171]. В проповеди этой теории Панаев увидел тупик и все признаки окостенения.

Говоря о теории «искусства для искусства», Панаев ставит имена Пушкина и Н. Кукольника рядом. «Звучные, гармонические» стихи первого оказываются близки напыщенной риторике второго: они уводят от действительности, от реальной жизни. Казенный патриотизм занимает в литературе все более и более места и развивает своими «произведениями нелепую самоуверенность, которая впоследствии стоила нам дорого, что русские могут весь мир закидать одними шапками» [2, с. 172]. Кризис литературы отражает кризис тогдашнего общества, его апатию и какое-то оцепенение, выход для него нашелся только такой: «…Большинство предалось личным интересам – взяточничеству, грабежу и удовлетворению своего чиновнического самолюбия, замаскированного верноподданническими чувствами…» [2, с. 176]. Петербургская журналистика предстает выдохшейся, занимающейся мелкими темами и сплетнями.

Указав основные признаки литературных партий, Панаев безоговорочно относит их к миру уходящему, застывшему.

Новое движение литературной жизни видится Панаеву в творчестве Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, В.Г. Белинского.

Значительный объем второй части воспоминаний занимают московские впечатления. Панаев, говоря о Москве, обозначает две партии, противостояние которых определяло литературную и общественную жизнь 1840-х – 1850-х годов, – это славянофилы и западники.

Следует помнить, что конец 1850-х – начало 1860-х годов – время бурных журнальный войн, это борьба всех против всех. «Современник» в эту пору вел полемику со всеми видными изданиями, ироничное отношение журнала к славянофильству постоянно, в указанный период оно все более обостряется,

наиболее рельефно представлено публикациями в «Свистке», где «Москва», «московский дух» – синонимы мракобесия и косности. Таковы материалы, помещенные в четвертом номере «Свистка» (Современник, 1860, № 3): «Наука и свистопляска, Или как аукнется, так и откликнется» Н.А. Добролюбова, «Дружеская переписка Москвы с Петербургом» Н.А. Добролюбова и Н.А. Некрасова и многие другие.

Панаев изображает, как он считает, самое начало славянофильства и западничества.

Будучи принятым в доме Аксаковых, Панаев искренне полюбил это семейство. С большой симпатией он пишет о С.Т. Аксакове. С добротой отзывается об аксаковском друге М.Н. Загоскине, поминает его простосердечие и добродушие.

Немало места уделено К.С. Аксакову, отмечается его честность, благородство, твердость и, вместе с тем, указывается следующая черта: «Его привязанность к Москве доходила до фанатизма; впоследствии его любовь к великорусскому народу дошла до ограниченности, впадающему в узкий эгоизм» [2, с. 182]. Панаев отождествляет К.С. Аксакова со всем славянофильством, в воспоминаниях он как бы становится символом этого движения, хотя никакие его работы не рассматриваются и даже не упоминаются. Речь в основном идет об эмоциях: К.С. Аксаков превозносит Москву, восторг его постоянен – перед Иваном Великим, перед Василием Блаженным, перед Царь-пушкой и т.д. И кому-то этот восторг может показаться искусственным и неуместным.

К.С. Аксаков предстает окаменевшим в своем энтузиазме, он вновь и вновь восклицает одно и то же: «Вот Русь-то, вот настоящая Русь-то!» [2, с. 183]. Он не изменился и спустя годы так же превозносил Москву и осуждал Петербург. Это застывание и предстает характерной чертой славянофильства у Панаева.

С В.Г. Белинским Панаев знакомится, когда тот переживал мучительный кризис: критик свято исповедовал теорию, провозглашавшую, что все действительное разумно, теорию «искусства для искусства». Белинский страстно проповедовал эти доктрины и ополчался на отступления от них. Отказ от них произошел во многом благодаря А.И. Герцену, хотя, как отмечает Панаев, этот отказ все равно произошел бы, Герцен только ускорил его.

Белинский неоднократно называется революционной натурой, подчеркивается его страстность, полная самоотдача в творчестве. *Критик как бы олицетворяет целое направление пробудившейся общественной мысли, которая завоевывает все больше и больше приверженцев.* Речь о Белинском полна намеков и недомолвок, что создает ореол некоторой таинственности вокруг его деятельности.

Своеобразным итогом исканий Белинского являются его слова: «Прежде нам нужна палка Петра Великого, чтоб дать нам хоть подобие человеческое; теперь нам надо пройти сквозь террор, чтобы сделаться людьми в полном и благородном значении этого слова. […] Нет, господа, чтобы вы ни толковали, а мать святая гильотина – хорошая вещь» [2, с. 280].

Немало места в воспоминаниях отведено Т.Н. Грановскому и его кружку. Можно сказать, что Панаев изображает идеал лидера. Не прилагая никаких видимых усилий, Грановский становится во главе Московского кружка. Он естественен и обаятелен, им никто не забыт, он для любого найдет время и скажет слово ободрения. Его лидерство никому не в тягость, а, наоборот, желанно и нисколько не обременительно. Его советы всегда кстати и принимаются с благодарностью.

Он ищет примирения со своими противниками, признает в них – в А.С. Хомякове, братьях Киреевских, К.С. Аксакове – глубокий ум и чистоту убеждений. Он стремится примирить даже «Современник» и «Отечественные записки»!

А вот с чем Грановский не мог примириться: «Он носил в душе глубокий протест против старого порядка, грозно поддерживавшегося одной физической силой, и несмотря на то, что этот протест выражался в его лекциях и в его статьях в свойственных ему формах, деликатных и мягких, – влияние его на молодое поколение все-таки было очень сильно…» [2, с. 265]. Единственный раз, когда он оставил свою мягкость, – в его последний приезд в Петербург, тогда Грановский страстно выступил с осуждением Москвы и с надеждами на северную столицу: «В Москве могут жить хорошо теперь люди остановившиеся, обеспеченные, отживающие. Человеку с свежими силами, с неостывшей энергией, с жаждой деятельности – в Москве делать нечего» …» [2, с. 264]. Западничество – это движение вперед, во что бы то ни стало, любой ценой. Слова Грановского звучали своего рода завещанием, ведь это его последняя речь, услышанная Панаевым.

Любые мемуары в той или иной степени публицистичны. Панаевские же воспоминания публицистичны по большей части, они затрагивают наиболее важные литературно-общественные вопросы, указывают истоки того или иного веяния. Основной вектор публицистики этих воспоминаний – демонстрирование нежизненности общественного уклада, держащегося только силою штыков и не имеющего в своей основе никаких творческих и моральных сил. Этот уклад являет собой косность, рутину, застывание, все его проявления встречают негативную оценку, особенно – проявления его в литературе. Приветствуется любое движение от него.

Библиографический список

1. *Мельгунов Б.В.* Некрасов-журналист. Малоизученные аспекты проблемы. – Л., 1989.

2. *Панаев И.И.* Литературные воспоминания. – М., 1988.

УДК 882.09

Котлов Александр Константинович
кандидат филологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ak_kotlov@inbox.ru

МЕТАФИЗИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В «СТЕПНОЙ КНИГЕ» ОЛЕГА ПАВЛОВА

В статье рассматриваются некоторые особенности художественно-метафизического пространства «Степной книги» (1998) О. Павлова.

Ключевые слова: *О. Павлов, «Степная книга», хронотоп, художественная метафизика, экзистенциальные и онтологические мотивы.*

«Степная книга» Олега Павлова вышла в свет в 1998 и была переиздана через десятилетие – в 2008 году. Критические оценки произведения оказались диаметрально противоположными: от довольно едких (см.: [1]) до безусловно положительных (см. [3]).

Произведение сочетает в себе свободу повествовательного мира, смысловых сцеплений и стилистики с определенными константами поэтики, художественной метафизики. В предлагаемой работе акцент сделан на рассмотрении художественно-философских доминант рассматриваемой книги, связанных, прежде всего, с соотношением метафизических и экзистенциальных мотивов, художественного времени и пространства в ней.

Сочетание замкнутости художественного пространства и одновременно его открытости есть и в самом определении специфики произведения – «книга», и в хронотопе текста[1], ориентирами которого станут зона с караульным лагерем, расположившиеся, однако, не иначе как «между небом и землей» (кстати, так называется одна из «караульных элегий»), – вот что возникает на пересечении подобных смысловых ассоциаций, хотя данная семантика и отвергалась порою критикой, видевшей в произведении лишь изображение безысходности быта и отсутствия бытия как такового.

Заглавие соотносит образ степи с гоголевско-чеховскими трансформациями подобного архетипа русской культуры (повесть «Степь», сборник «Миргород»). Однако у Павлова сама жизнь может показаться иллюзорной, «небылой», а потому так часто, как приговор, звучит даже не слово «степь», а – «пустыня» («мухи пустынные» («Тайная вечеря»); «пустынное время», «и взгляды их, как звери, бродили, нигде не находя пристанища, и умирали, наставленные последком в пустыню, в желтую стужу песков» («Между небом и землей»); «Пустыня нежно розовеет ожоговой гладью» («Сад») и т.д.) [7]. В результате создается впечатление, что степь, пустыня выражают пугающее «ничто» бытия. Солончаковые степи, где обитает народ «джан», или образ бесплодной пустыни («такыра») в одноименных произведениях А. Платонова напоминает подобная картина. Но и мысль о единстве мира, пути рождают такие метафизические пейзажи. Так, в рассказе «Петушок» читаем: «И лошади, и овцы, и волки, и люди были одиноки в степи и усталы, как один обреченный народ».

Песок, эта «пыль веков», тоже не случайно появляется в произведении Павлова, указывая в том числе на мысль о тщетности всего (это усиливается еще и каждодневными бессмысленными действиями солдат, борющихся с песком) и о мифологической «внеисторичности» происходящего: «Плац походил на половичок. Истертый сапогами, он кое-где прохудился, и из прорех сквозило песком. Этот песок выгуливали поутру вениками, а, размолотив за день, давились и кашляли от него грудью» («Тайная вечеря»). Еще ярче холодное молчание окружающего пространства передает уже упоминавшаяся метафора «желтая стужа песков» («Между небом и землей»). Образ песка, пустыни, повторяясь, формирует главные, метафизические по своей сути лейтмотивы книги: космического холода, экзистенциального одиночества, онтологической пустоты. Отсюда в главке «Сад» уже поиному, отнюдь не только номинативно звучит эпитет «пустынная» по отношению к дороге («сохлая пустынная дорога»); а в «Воскресенье» она «пустынно зияла невдалеке у всех на глазах». И эта пустынность, зияние смыслов мучительно подавляет сознание героев произведения, пугает их. Так, «сухое безжалостное пекло» («выжженная степь») вызывают психологический ступор у героя рассказа с символическим по своей сути названием – «Великая степь»: Батюшков (герой произведения) «побаивался этой степи», настоящей хозяйки, которая владеет его душой, «держит в своих руках ключи его судьбы».

«Вселенское» одиночество владеет и душой повествователя, как, однако, и всеми, по сути, безмерно одинокими героями «Степной книги», остающимися один на один с непонятным, а оттого враждебным миром, – от «щуплого, измученного жизнью воробья» («Понарошку») или собаки («Солдатская») до Палыча, Войшека и других персонажей произведения.

В «Степной книге» Павлова образ неба чаще всего явлен как знак противостоящего пустыне иного мира, надежда на обретение которого тает, как облака на раскаленном небосводе: «Раздувается

© Котлов А.К., 2012

и дышит порывисто млечная накипь облаков – *небо сбежало*, будто молоко» («Сад») (выделено нами. – *А.К.*). Герой-повествователь миниатюры «Облака» тяготится земным казарменным существованием, на земле нет для него тайн («Такая она, земля. На колени встань, рукой погладь – шершавая, теплится… И вся тайна»), и тогда он глядит в небо. Мысль, тем не менее, не рождает благостного ощущения молитвенности: «Кто знает, что с тобой будет, если в небо упасть?

Тоска. И жрать хочется, как перед смертью». Экзистенциальная неустроенность героев книги почеховски внешне почти непроявима, а лишь усилена ежедневной повторяемостью происходящего в зоне и вокруг нее, замкнутостью бытового пространства, контрастирующего с бесконечностью степи и неба над ней. Рутинность быта порождает мысль о неизменности самого бытия.

Герой «Облаков» вспоминает историю смерти Лехи Смирнова, взгляд на небо для которого стал последним: «А тогда было утро. И если сейчас бежать на багровый закат, сквозь ночь, без продыху, то, может, догонишь его? Оно покуда и глазам моим видно, на краешке земли стоящее, куда долгим днем вели его по степи убивать, опрокидывать навзничь – пасмурное утро того дня…». И всё же осуждаемый воинским уставом взгляд в небо не видится повествователю абсурдно-бессмысленным, он рождает элегически-просветленный вопрос: «А я жалел, что Леху в землю зароют. Зароют с небом в глазах. А оно все равно останется над ним висеть… И кто мне ответит – для чего жизнь устроена так. И знать хочу – отчего зеки пальцами тычут в небо. И еще подумал, что из земли неба не увидать. Потому что темно в ней. И глаза застит». Бесконечность, столь болезненно отзывающаяся в русской душе, ведет к экзистенциальным вопросам, звучащим по-платоновски «здесь и всегда». Временное и вечное, отзываясь друг в друге, формируют индивидуальную и общую художественную онтологию «Степной книги», рождая ощущение экзистенциальных поисков платоновского «вещества существования».

«Небо в глазах» героев произведения – это и отражение в них души, мучающейся, страждущей, но не пустой (слово «душа» – одно из самых часто встречающихся лексем книги). А вот солнце, столь часто появляющееся на страницах произведения, скорее ассоциируется с «таянием» смыслов или с их испепеляющей Истиной, которая не по плечу загнанным в жизненный тупик героям книги. При этом в «Караульных элегиях» этот образ появляется чаще («Между небом и землей», «Живой», «Сад», «Солдатская»), чем в «Записках из-под сапога» («Лепота», «Воскресенье», «Великая степь») и, тем более, в «Правде Карагандинского полка» («Гнушин и Мария») (отметим, что подобное деление на три цикла снято в издании «Степной книги» 2008 года). Возникает ощущение семантической нисходящей градации, когда в каждой последующей главке книги люди всё дальше от Истины, всё мучительнее их бытие. В «Караульных элегиях»: прячется от солнца, «оживляя пустынное время» собака Ласка («Между небом и землей»); «желтое солнце» (образ повторен трижды); «всё живое вокруг испепелено солнцем»; «слепну от солнца» («Живой»), «пылает солнце» («Сад»), «Солнце, взошедшее этим утром над Кызылкумами, было белым» («Солдатская»). И всё же в этой последней части «элегий» звучит голос повествователя: «Я был живым».

В то же время в «Воскресенье» (это уже «Записки из-под сапога») – «Жара растеклась лениво, сладко по жилам. И в какое-то время стало казаться, что солнце поблекло, ушло глубже в потускневшее небо. Усталым людям и всё почудилось уставшим, прожитым». А в «Лепоте» осенний пейзаж словно «размывает» солнце: «Поутру солнце невысоко поднялось над землей, но вот к полудню его уж и не было видно. Будто растворилось, замутив небо». Хотя в «Великой степи» вновь появляется «палящее нещадно солнце». Вкупе с «каменистой, будто звенящей от полуденного зноя землей» оно создает внешний фон подтекстовой метафизики рассказа. Несмотря на зловеще звучащие слова паренька-шофера о неполадке в моторе машины «Сгорело всё, как есть сгорело», автор опровергает полную утрату главным героем произведения человеческого.

Да, «он никогда не размышлял над жизнью и всё воспринимал как есть, сдаваясь безропотно перед тем, что было выше его понимания. Никогда не горевал, но и радовался чему-то редко. Довольствовался тем, что имел и не желал лучшего». Однако необходимость конвоировать заключенного «наедине со степью» пробуждает в Батюшкове чувство единства судьбы с арестантом в бескрайнем выжженном мире. Именно чувство сопричастности, на наш взгляд, и не позволит герою стрелять в неожиданно побежавшего зэка. В результате – «в том, как был он до этого устроен, что-то непоправимо разрушилось, сломалось… Случилось, что оказался он вовсе не таким, как думал столько лет о себе».

«Индивидуальную метафизику» главного героя заключительного рассказа «Степной книги» («Беглый Иван») в момент его жизни, обозначенный утратой всего (он убивает человека, которому только еще и доверял), вновь передает пейзаж. Олицетворение подчеркивает властную силу мироздания над человеком: «В степи на много километров вперед не было видно ни облачка, ни души. Голубая даль, что расстилалась до горизонта и баюкала взгляд, вовсе не манила уснуть, а молчаливо, властно ждала подношения и клонила покориться своей вековечной дремотной воле».

О. Павлов отметит в русской прозе 1990-х годов следующую характерную черту художественной метафизики и хронотопа. На его взгляд, «про-

за девяностых философствует о жизни, она метафизична и экзистенциальна в своем *остановленном времени*» (выделено нами. – *А.К.*) [8]. Доминирование пространства над застывшим в песках временем также явствует из самого заглавия рассматриваемого произведения – «Степная книга».

Еще Н.А. Бердяев в книге «Судьба России» скажет о том, что «русская душа ушиблена ширью, она не видит границ, и эта безгранность не освобождает, а порабощает ее». Поэтому, по мнению мыслителя, «духовная энергия русского человека вошла внутрь, в созерцание, в душевность, она не могла обратиться к истории, всегда связанной с оформлением, с путем, в котором обозначены границы». Потому-то «необъятные пространства, которые со всех сторон окружают и теснят русского человека, – не внешний, материальный, а внутренний, духовный фактор его жизни» [2, с. 326].

В очерке «Гефсиманское время» Павлов так определит одну из основополагающих, по его мнению, черт русской ментальности: «Русские видят себя распятыми под властью небес – и властью верховной, но волю свою передают земле. Страдающая, как будто распятая родная земля! Это не Мы – это Она страдает… Страдания за родную землю для русских – это и есть приготовление к обретению новой жизни. Страдая с ней, как ее дети, надеются тогда уж обрести спасение, найти свою правду» [6]. Оттого власть пространства (степи-пустыни) для русского писателя приобретает библейски-вневременной смысл. Именно это маркируют названия главок «Караульных элегий», такие как «Тайная вечеря», «Сад», «Мировая ночь» и другие, словно бы повторяя путь страданий Христа: от трапезы с апостолами – к Гефиманскому саду – к поцелую Иуды и троекратному отречению Петра. Только вот, как краткое видение повествователя, кротко молчит рядом с солдатиками, вдыхающими аромат свежего хлеба, Спаситель, «присаживается на скамью». Но далеко не благостны евангельски ни житье солдат в Карагандинских степях, ни бытие человеческое как таковое…

Воинская часть у Павлова, гоголевский Миргород – для данных художников это не столько узнаваемые по временн*ы*м реалиям места, сколько вневременн*а*я модель бытия погруженного в созерцание человека. Ключевое же отличие в той «точке зрения», что избрали для себя эти авторы: Гоголь – через скрупулезный анализ действительности, Павлов – через рефлексию сформировавшейся мысли о ней. Следовательно, произведение Павлова уже по исходному творческому импульсу довольно далеко отходит от классической традиции, сохраняя, в принципе, лишь ее аксиологическую составляющую – «дух русского традиционного реализма» (“the spirit of Russian traditional realism”) [10, p. 173].

Это связано в том числе и с особенностями хронотопа, когда создается ощущение «застрявшего» времени, почти остановившегося. Данная ограниченность маркеров времени (в начале повествования только – «к сумеркам», «к вечеру», «поутру», «за день» и т.д.) делает невозможным движение самого пространства и всех прикрепленных к нему материальных объектов.

Очень точно своеобразие художественного времени в «Степной книге» почувствовал В. Курбатов, отметивший в рецензии на произведение Павлова с многозначительным названием – «Призванные из пустоты» – следующее: «Напрасно будешь ловить в интонации, поступках, обмолвках, во всем быте и мире этой прозы время действия – оно размывается, ускользает. Никакого времени нет. Это происходит *всегда*, в вязкой тоскливой вечности, без прошедшего и будущего, так что, когда на минуту в этом вневременном бытии, где теряется человек, защищаясь как раз самим однообразием, в том или ином герое проступает на минуту живое движение сердца, он почти теряется, страшась позабытой или до того даже и незнаемой тайны человеческого в себе и гоня его, как помеху» (выделено В. Курбатовым. – *А.К.*) [4]. А Ю. Щербинина так образно определила свое ощущение от чтения текстов Павлова: они «внешне похожи на незамысловатые карточки из советских альбомов, полуразмытые при проявке» [9].

По словам самого Павлова, «временем в России управляет ее пространство. И, кажется, это само пространство наше так и не обрело формы» («Гефсиманское время») [6]. Следовательно, для автора концептуально важно своеобразное «поглощение» русским пространством времени, когда последнее, словно родники, подтачивающие берег реки, деформирует контуры различных топосов. Возможно, именно поэтому внешняя сюжетная динамика в «Книге степей» чаще всего заторможена. Кроме того, моделируемый художественный мир ограничен реалиями зоны – некоего «тридевятого царства», правда, отнюдь не волшебного, а часто антисказочного по сути (хотя элементы сказочного хронотопа, мифогенность иногда помогают автору усилить ощущение «всеобщности», притчевости повествования), но все же мифического, как мираж, в перспективе двух безмерных пространств – земли и неба.

Не случайно в очерке «Гефсиманское время» Павлов следующим образом разовьет свою мысль о русском «пространстве-времени»: «Есть только миф, как сказочное “тридевятое царство в тридесятом государстве”. Поэтому главное государственное понятие – *русская земля* (курсив О. Павлова. – *А.К.*), существующая как бы в небесных пределах» [6]. Эта более поздняя авторская мысль может многое объяснить в специфике пространственно-временных отношений в «Степной книге» (как, к слову сказать, и в его трилогии – «Казенная сказка», «Дело Матюшина», «Карагандинские девяти-

ны, или Повесть последних дней»), где действуют «государевы люди», смутно взыскующие этих «небесных пределов». По словам Е. Ознобкиной, «все происходит в каком-то недооформленном месте, в каком-то мареве, как будто во сне. Как если бы жизнь то ли была, то ли не была, но осталось через сон приходящее воспоминание» [5].

Итак, само метафорическое заглавие «Степная книга» не «бессубъектно», но «безличностно»: в нем ощущается власть простора, степи (мира как объективной данности) над человеком. Прозе Павлова, таким образом, более родственны экспрессионистская и экзистенциалистская традиции XX века при ценностной доминанте реализма. Не случайно не только отечественные, но и зарубежные историки литературы иногда говорят о некоторой условности в обрисовке характеров и о размытости центральных конфликтов ("Characterization in most instances is superficial, and the central conflicts are often poorly delineated" [10, p. 175]), что, заметим, можно увидеть и в творчестве других современных прозаиков.

Таким образом, изучение художественных особенностей «Степной книги» Олега Павлова и его творчества в целом, на наш взгляд, весьма перспективно для понимания процессов, происходящих в отечественной прозе последних десятилетий.

Примечание

[1] Среди немногочисленных литературоведческих работ, посвященных анализу «Степной книги», нужно назвать следующие: *Орехова Е.Е.* Художественный мир «Степной книги» О. Павлова (Герой. Среда. Поэтика): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Воронеж, 2003; *Романова Т.В.* «Степная книга» О. Павлова: специфика повествовательной формы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (2). – С. 690–693.

Библиографический список

1. *Агеев А.* Самородок, или Один день Олега Олеговича // Знамя. – 1999. – № 5. (Журнальные публикации цитируются по электронным версиям с сайта: http://www.magazines.russ.ru.)

2. *Бердяев Н.* Судьба России: Сочинения. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 2001. – 736 с. (Серия «Антология мысли»).

3. *Борисова И.* Беспощадная власть простора (Олег Павлов. Степная книга) // Октябрь. – 2009. – №2.

4. *Курбатов В.* Дорога в объезд: Связка рецензий // Дружба народов. – 1999. – №9.

5. *Ознобкина Е.* Сны о себе // Новый мир. – 2000. – №3.

6. *Павлов О.* Гефсиманское время // Октябрь. – 2008. – № 1.

7. *Павлов О.* Степная книга. – М.: Время, 2008. – 304 с. (В тексте статьи произведение цитируется по данному изданию.)

8. *Павлов О.* Остановленное время // Континент. – 2002. – №113.

9. *Щербинина Ю.* Сквозное сердце: Очерк творчества Олега Павлова // Знамя. – 2012. – № 3.

10. *Shneidman N.N.* Russian Literature, 1995–2002: on the threshold of the new millennium. – Toronto [etc.]: Univ. of Toronto press, 2004.

УДК 378.146:371.26

Ворсина Екатерина Викторовна,
Снигирева Татьяна Александровна
доктор педагогических наук, профессор
Ижевская государственная медицинская академия
vorsinaekaterina@mail.ru, snigt@mail.ru

КВАЛИМЕТРИЯ УЧЕБНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА УЧЕБНЫХ ТЕКСТОВ

В статье рассматривается квалиметрия учебной компетентности студентов. Предложен специально разработанный метод диагностики сформированности составляющих ее компетенций на основе анализа учебных текстов. Статья содержит примеры заданий и результаты диагностики.

Ключевые слова: *квалиметрия компетентности, учебная компетентность, методы теоретического познания, учебный текст.*

Реализация компетентностного подхода на различных ступенях образовательного процесса в настоящее время является одним из актуальных направлений исследований.

Долгое время обучающемуся (учащему, абитуриенту, студенту и др.) отводилась пассивная роль в обучении: «обучаемый – объект педагогического воздействия». Компетентностный подход посредством реализации развивающего обучения превращает обучающегося в субъект познавательной деятельности. Ключевой характеристикой обучающегося становится его компетентность. Внедрение компетентностного подхода в образовательный процесс не только меняет результативно-целевую основу обучения, сообразуясь с которой можно задавать его цели, критерии и процедуры оценки уровня их реального достижения, но и позволяет управлять качеством подготовки студентов на основе диагностики различных видов компетентности.

А.И. Субетто, анализируя «парадоксы квалиметрии» в контексте квалиметрии компетенций, предлагает принципы, направленные на их разрешение. Один из принципов гласит: «уровень формализации методик оценки качества компетенций, оценочных средств, тестовых/аттестационных испытаний должен соответствовать уровню возможности формализации компетенций (компетентности), приобретенных в процессе образования (обучения и воспитания) учащихся». В соответствии с этим принципом, компетенции, сформированность которых у учащихся носит сложный и неопределенный характер, должны оцениваться на основе адекватных, в определенном смысле «нечетких», процедур [6, с. 104–105]. Это особенно касается универсальных компетенций, которые являются составляющими учебной компетентности.

Под *учебной компетентностью* в нашем исследовании понимается совокупность качеств студента, включающую знания сути методов теоретического познания, навыки их применения в учебной деятельности; владение способами организации учебной деятельности, подкрепляемые мотивацией для получения знаний.

Основными компонентами учебной компетентности являются: когнитивный (знание сути методов теоретического познания), деятельностный (умения и навыки студентов по применению методов теоретического познания, а также в области организации учебной деятельности), мотивационный (ведущий мотив учебной деятельности) [1–3].

Формирование у обучающегося теоретического мышления является необходимым результатом учебной деятельности. Именно от сформированности теоретического мышления, приходящего на смену мышлению эмпирическому, зависит характер всех приобретаемых в ходе дальнейшего обучения знаний. На основе знаний и умений, полученных с помощью эмпирического обобщения, могут строиться лишь формальные действия без понимания содержательной стороны деятельности [5]. Формированию навыков владения методами теоретического познания часто препятствует сообщение преподавателями содержания учебного предмета в готовом виде (предлагаемая учебная информация уже классифицирована, проведены аналогии и т.д.). Самостоятельное применение студентами методов теоретического познания на практике требует от преподавателей разработки специальных теоретических приемов и способов построения учебной деятельности. Наряду с трудностями формирования теоретического мышления существует особая проблема диагностики сформированности владением методами теоретического познания.

Для диагностики сформированности компетенций деятельностного компонента учебной компетентности студентов мы разработали методику, которая состоит из трех этапов. На первом этапе студентам необходимо установить соответствие между названием метода теоретического познания и его определением; на втором – установить соответствие между методом познания и примером, иллюстрирующем его назначение. На третьем этапе – прове-

 © Ворсина Е.В., Снигирева Т.А., 2012

сти анализ учебного текста, используя знания сути методов теоретического познания. В нашем исследовании *учебный текст* – фрагмент текста учебника, статья (научная, из Интернета и др.), используемые для диагностики сформированности когнитивного компонента учебной компетентности студента.

Методами теоретического познания, выбранными для диагностики, являются: абстрагирование, анализ, аналогия, дедукция, индукция, классификация, моделирование, обобщение, синтез, сравнение. Данные методы не составляют таксономию и рассматриваются в нашем исследовании как равноценные.

Приведем описание содержания метода «Анализ учебных текстов», а также результатов диагностики на его основе и их сравнение с результатами выполнения заданий на установление соответствий между названием метода теоретического познания и его определением.

Данный этап диагностики – анализ учебных текстов – на наш взгляд, является наиболее сложным, т.к. студентам предлагается самостоятельно сформулировать вывод на основании представленной в тексте информации в форме того или иного метода теоретического познания. В данном случае процедура оценивания правильности выполнения заданий требует от преподавателей особого внимания, поскольку задания не имеют единственно правильной формулировки ответа и предполагают проявление, в том числе, и творческих способностей обучающихся.

В качестве примера, приведем содержание части заданий третьего этапа диагностики и ответы, приведенные студентами.

Прочитайте текст и на основании *содержащейся в нем* информации выполните задания, предложенные ниже.

Цель задания: применить методы теоретического познания (анализ, синтез абстрагирование, аналогия, дедукция, индукция, классификация, моделирование, сравнение, обобщение) при работе с текстом.

Одним из первых научных опытов, связанных с исследованием цвета и спектров, был опыт Исаака Ньютона, который пропустил солнечный свет через призму и получил спектр солнечного излучения.

Впоследствии выяснилось, что каждой узкой полоске этого спектра соответствует волна определенной длины. Таким образом, зрительное ощущение цвета связано с тем, что глаз по-разному реагирует на электромагнитные волны разной длины. Это объясняется устройством рецепторов сетчатки глаза человека.

Но почему то или иное вещество имеет цвет? Вещество и поле обладают таким общим качеством, как энергия. В процессе взаимодействия поля волны с веществом (точнее, с заряженными частицами, составляющими вещество) поле может отдать энергию веществу. В этом случае происходит поглощение электромагнитной волны. Противоположный процесс, когда вещество отдает энергию полю, называют излучением. Наконец, вещество может взаимодействовать с электромагнитной волной, изменяя ее, но не обмениваясь с ней энергией. К таким процессам относят отражение и преломление волны.

Цвет вещества зависит от того, какие процессы взаимодействия вещества и поля имеют место. Рассмотрим в качестве примера зеленый цвет листа растения. В темноте цвет листа не виден. Мы можем наблюдать свет, отраженный от листа растения, или свет, прошедший через лист (в обоих случаях зеленый). Цвет в этих случаях определяется тем, что вещество листа поглощает свет всех длин волн, кроме волны, соответствующей зеленому цвету. Белое тело абсолютно одинаково хорошо отражает все волны, ничего не поглощая. Напротив, абсолютно черное тело совершенно не отражает волны, поглощая все излучение. Некоторые вещества, например сажа, близки по свойствам к абсолютно черному телу [4, с. 55–56].

Если какое-либо задание применительно к тексту невыполнимо, напишите «нет решения», если не знаете, как его выполнить, напишите «не знаю».

1. Проанализируйте текст, т.е. выделите то существенное (предмет или явление), о котором идет речь и найдите его элементы, стороны, признаки, части.

Существенное _____

Элементы (стороны, признаки, части) _____

3. Осуществите абстрагирование, т.е. или а) среди выделенных элементов выберите несущественные или б) предположите, чем можно пренебречь при рассмотрении данного предмета или явления

«сажа – как абсолютно черное тело (пренебречь отражением и преломлением света)»

4. Проведите аналогию рассматриваемого в тексте предмета или явления с уже известным Вам другим предметом или явлением, т.е. найдите их сходства в одних признаках и сделайте заключение об их сходстве и в других признаках.

«звуковые волны: они тоже разделяются на инфразвук, слышимую часть и ультразвук, все зависит от частоты и длины волны. Можно предположить, что и у нее есть свойства отражения, поглощения и преломления»

6. Сделайте индуктивное заключение, т.е. из частных посылок (утверждений) – вывод общего характера.

Частные посылки «каждый цвет спектра имеет свою длину волны. Глаз по-разному реагирует на электромагнитные волны разной длины»

Заключение общего характера «мы можем различать цвета»

10. Сравните предметы или явления по каким-либо выбранным признакам.

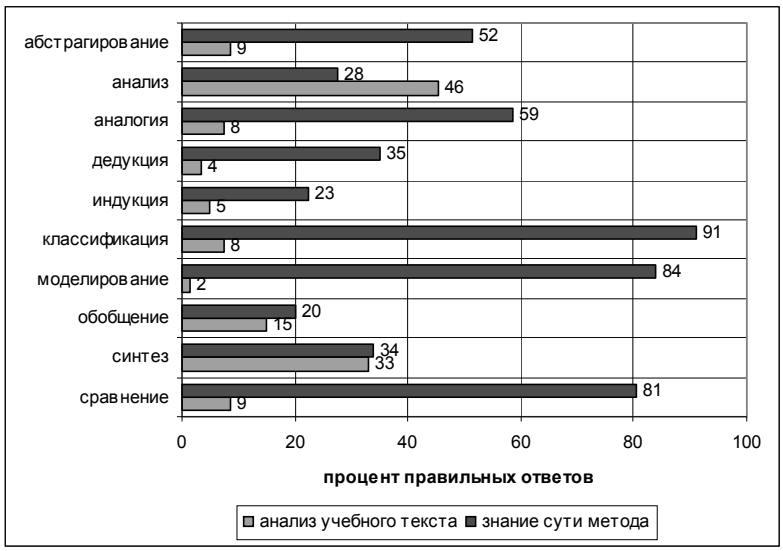


Рис. 1. Сравнительный анализ результатов диагностики сформированности владением методами теоретического познания

Что сравнивали – «процессы поглощения и излучения»

По каким признакам – «направление переноса энергии»

Общее – «происходят в процессе взаимодействия поля и предмета»

Различия – «противоположно направленные процессы: при поглощении энергии поля переходит в энергию вещества, при излучении – наоборот»

Обратим внимание, что формулировка заданий, так или иначе, содержит подсказку, заявляющую требования к полноте его выполнения.

При проведении экспертизы был получен банк возможных верных ответов, который может пополняться при проверке ответов студентов.

В исследовании сформированности умений и навыков по применению методов теоретического познания участвовало 200 студентов первого курса Ижевской государственной медицинской академии.

Анализ полученных результатов показывает, лучше всего студенты смогли выявить существенное в предложенном тексте и наиболее важные его части, признаки, т.е. проанализировать содержание. Однако справилось с этим меньше половины студентов – 46%. Провести синтез информации смогли 33% студентов. Процент выполнения заданий по другим методам очень мал и варьируется в пределах от 15 до 4%. Как показал данный этап эксперимента, задания в предложенном формате вызвали значительные затруднения. Это проявлялось в нежелании даже попытаться ответить на некоторые из заданий. Возможно, на этот факт повлияли следующие причины: недостаточная заинтересованность студентов (несоизмеримость умственных затрат и стимулов для выполнения заданий), незнакомая (новая) формулировка заданий, трудоемкость заданий и др.

Анализ процедуры проведения данного вида диагностики позволил сформулировать ряд рекомендаций по его применению:

– поскольку достаточно непросто подобрать текст, универсально подходящий для выявления всех методов, то с целью формирования определенных навыков применения методов теоретического познания, использовать одновременно только часть заданий. Это позволит добиться лучшего согласования предлагаемого текста и формируемого навыка;

– необходимо обсуждение результатов со студентами;

– в некоторых случаях целесообразно перед выполнением задания напомнить студентам суть методов теоретического познания.

Сравнение результатов первого и третьего этапов приведено на рисунке. Знание сути методов теоретического познания по всем параметрам пре-

Таблица 1

Сравнение результатов самооценки и экспертной оценки диагностики

Верно выполненных заданий	Самооценка, %	Экспертная оценка, %
0	26,5	38,5
от 1 до 4	65,0	56,5
от 5 до 9	8,5	5,0
10	0,0	0,0

восходит владение методами, кроме анализа (разница составила 18%).

Приведенные результаты исследования показывают, что наибольшее различие между знанием сути метода и умением его осуществить у методов классификации (84%), моделирования (83%) и сравнения (72%).

Параллельно с диагностикой сформированности компетенций проводилась самооценка результатов. В конце задания студентам предлагалось выбрать один из четырех интервалов, который, по их мнению соответствует количеству верно выполненных заданий. Это позволяет сравнить результаты самооценки с экспертной оценкой преподавателей (табл. 1).

Самооценка по двум интервалам оказалась выше, чем экспертная оценка. Это говорит о том, что провести адекватную самооценку правильности выполнения задания студентам затруднительно.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) метод анализа учебных текстов может быть применен для оценки качества сформированности учебной компетентности студентов;

2) неоднозначность процедуры оценивания сформированности компетенций на основе анализа учебных текстов оправдывается уровнем формализации данных компетенций;

3) применение методов теоретического познания невозможно без знания материала соответствующего предмета;

4) процедура оценивания правильности выполнения заданий требует от преподавателей особого внимания, поскольку задания не имеют единственно правильной формулировки ответа и предполагают проявление, в том числе, и творческих способностей обучающихся.

Библиографический список

1. *Ворсина Е.В., Снигирева Т.А., Баранова Л.В.* Применение педагогических тестовых материалов для диагностики сформированности владения методами теоретического познания // Тестирование в сфере образования: проблемы и перспективы развития: Материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием 19–20 мая 2009 г. – Красноярск: СибГТУ, 2009. – С. 36–40.

2. *Ворсина Е.В., Дерябина А.Г.* К вопросу о формировании и диагностике знания методов теоретического познания в учебном процессе вуза // Инновационно-образовательные технологии и эффективная организация учебного процесса в медицинском вузе. Вузовская педагогика: материалы конференции / гл. ред. С.Ю. Никулина. – Красноярск: Версо, 2011. – С. 138–140.

3. *Ворсина Е.В.* Методы диагностики сформированности компетенций студентов // Научное творчество XXI века: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием, апрель 2011 г. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2011. – С. 104–105.

4. Естествознание: 10 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений: базовый уровень / [И.Ю. Алексашина, К.В. Галактионов, И.С. Дмитриев и др.]; под ред. И.Ю. Алексашиной. – М.: Просвещение 2008. – 270 с.

5. *Смирнов С.Д.* Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности: учеб. пособие для слушателей фак-тов и ин-тов повышения квалификации преподавателей вузов и аспирантов. – М.: Аспект Пресс, 1995. – 271 с.

6. *Субетто А.И.* Универсальные компетенции: проблемы идентификации и квалиметрии. – СПб.; М.; Кострома: ИЦПКПС, 2007. – 150 с.

УДК 519

Гурьянова Елена Валерьевна

Казанский национальный исследовательский технологический университет, Волжский филиал, г. Волжск

Pashukova-E-V@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ МАТЕМАТИКА» В ДИДАКТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

В данной работе рассматривается проект дидактической системы нового поколения с виртуальной составляющей, на основе которой можно организовать обучение по дисциплине «Вычислительная математика» и подготовить инженеров способных к инноватике в данном направлении.

Ключевые слова: *виртуальный кабинет, производительность труда, полнота знаний, целостность знаний, формализационные способности, конструктивные способности, исполнительские способности.*

Современные процессы глобализации образования в мире предъявляют новые и более высокие требования к образовательной системе России. Всё более проявляется связь между степенью развития профессиональных компетенций человека и качеством его жизни. При этом профессиональные компетенции представителя современного российского общества могут способствовать не только эффективной реализации профессиональных функций, но и гарантировать успешную адаптацию личности в течение всей его активной жизни в социуме. Поэтому сегодня нужен инженер будущего, то есть инженер способный создавать инновационный продукт. Подготовить такого инженера, отвечающего требованиям стандартов третьего поколения, сложная педагоги-

© Гурьянова Е.В., 2012

ческая проблема. Для подготовки инженера будущего необходимы дидактические системы нового поколения, позволяющие сформировать специалиста на качественном уровне, в связи с чем и внедряются в учебный процесс дидактические системы нового поколения отвечающие требованиям ФГОС ВПО.

Рассмотрим проект дидактической системы нового поколения с виртуальной составляющей на основе, которой можно организовать обучение по дисциплине «Вычислительная математика» и подготовить инженеров способных к инноватике в данном направлении.

С развитием вычислительной техники появилась возможность обогатить содержание дисциплин, том числе и курса «Вычислительная математика», при помощи использования дидактических систем с виртуальными составляющими. Например, внедрения в учебный процесс виртуального кабинета, который поддерживает курс, как в теоретическом, так и в практическом плане, а также такая система предоставляет новые возможности для быстрого развития способностей, поддержки эффективной деятельности и усвоения знаний студентов [3, с. 388–396].

Виртуальный кабинет – это новое средство обучения. Виртуальный кабинет имеет определенную структуру, свои особенности сбора и организации информации. Структура определяется целями и задачами его использования.

Цели использования:

– представление материала в более наглядной и доступной форме;

– возможность учета индивидуальных способностей, потребностей, темперамента и занятости студента;

– создание психологических условий, способствующих лучшему восприятию и запоминанию учебного материала;

– облегчение процесса повторения и тренинга при подготовке к экзаменам и зачетам;

Рис. 1. Структура виртуального кабинета

– полный контроль усвоения материала студентами и объективность их оценивания;

– экономия временных ресурсов, как преподавателя, так и студента;

– доступность изложенного материала 24 часа в сутки.

Задачи использования:

1) поддерживать высокую учебную мотивацию студентов;

2) формировать умение учиться – ставить цели, планировать и организовывать собственную учебную деятельность;

3) поощрять их активность и самостоятельность, расширять возможности обучения и самообучения;

4) развивать навыки рефлексивной и оценочной деятельности учащихся, формировать адекватную самооценку;

5) содействовать персонализации образования; определять количественные и качественные индивидуальные достижения;

6) создавать предпосылки и возможности для успешной социализации выпускников.

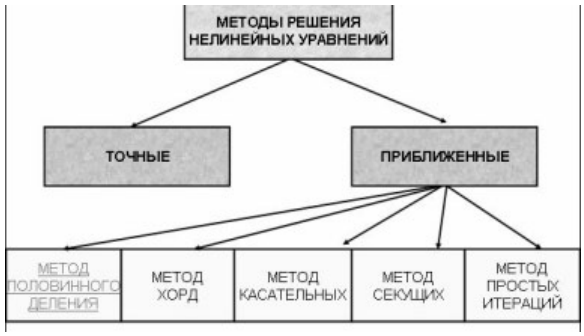


Рис. 2. Эпизоды из презентаций

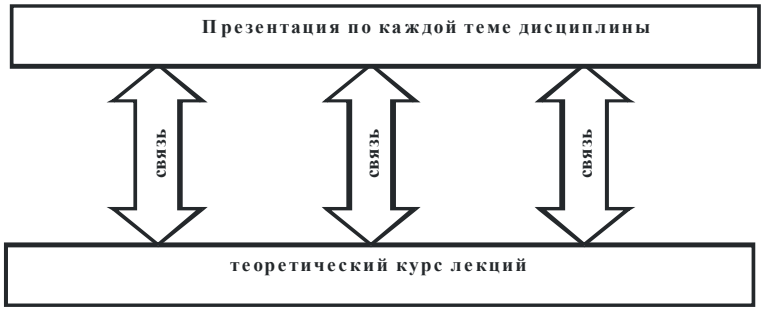


Рис. 3. Составляющие базы знаний дисциплины «Вычислительная математика»

Структура кабинета представлена на рисунке 1.

Как видно из рисунка 1, виртуальный кабинет по дисциплине «Вычислительная математика» имеет 4 составляющие:

1. Комплекс презентаций по лекционному материалу.
2. Курс лекций.
3. Курс лабораторных работ.
4. Система диагностики состояния компетенции.

На рисунке 2 приведены эпизоды из презентаций дисциплины «Вычислительная математика».

Презентации созданы на основе лекционного материала, которые служат интерактивным подспорьем преподавателя для проведения лекционных занятий и самостоятельному усвоению материала студентами, они позволяют представить информацию более наглядно и сделать ее доступной для восприятия. На основе теоретического материала у студента выстраивается база знаний.

Как показано на рисунке 3, база знаний состоит из двух частей, которые постоянно находятся в непрерывной связи.

Последовательно после усвоения единицы теоретического материала следует лабораторная работа, при выполнении которой необходимо воспользоваться полученной базой знаний.

Курс лабораторных работ имеет следующую структуру:

– лабораторные работы по разделам курса, включающие последовательное описание их выполнения;

– варианты, предлагаемые студентам для самостоятельного выполнения [1].

В начале каждой лабораторной работы преподаватель (исходя из актуального уровня развития обучающегося) строит упрощенную сущностную модель проблемы (прототип 0) с оценкой ее сложности, которая имеет единицу измерения р(час/раб), р – обратная величина показателя производительности труда преподавателя.

Производительность труда – плодотворность, эффективность производственной деятельности людей, измеряемая количеством продукции (благ и услуг), произведенной в единицу рабочего времени (час, смену, месяц, год), или величиной времени, затрачиваемого на единицу продукции. Производительность труда рассчитывается по формуле:

$$\textit{Производительность труда} = \frac{\textit{количество выпускаемой продукции}}{\textit{время, необходимое для выпуска продукции}}$$

Единица производительности труда – раб/час.

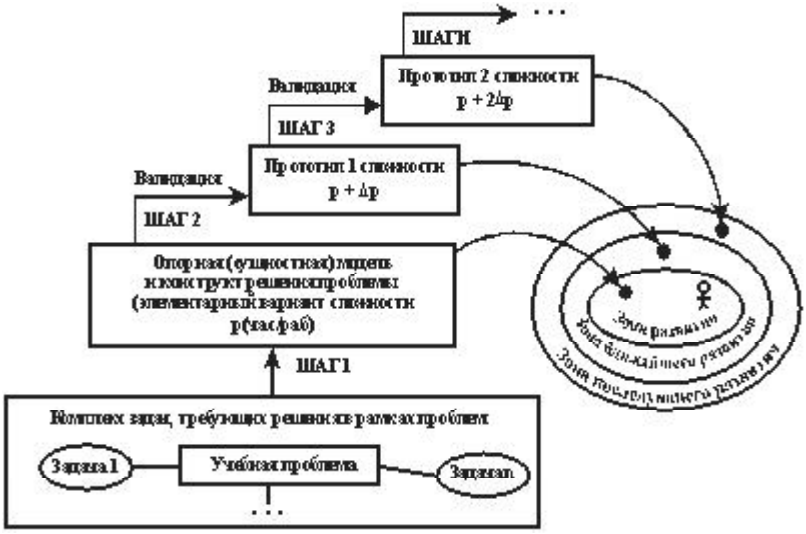


Рис. 4. Схема технологического маршрута при обучении с включением метода опорной модели и конструкта решения в дидактический процесс

– Преподаватель полностью приводит решение прототипа 0 с подробными объяснениями.

– Преподаватель строит последовательность прототипов, причем прототип 1 сложности р +Δр, получается путем валидации из прототипа 0 и т.д. Таким образом, вместо решения одной проблемы обучаемый решает последовательность прототипов проблем и тем самым он через «зоны ближайшего развития» доводит свой уровень развития до требуемого по ГОС ВПО уровня.

Таким образом, на основе изложенного теоретического материала, то есть по построенной базе знаний, перед студентом ставится база проблем, которые он должен решить.

Для того чтобы будущему инженеру решить поставленную перед ним проблему необходимо выполнить ряд требований:

1) построить модель проблемы;

2) построить алгоритм решения на основе модели проблемы и полученных знаний;

3) реализовать алгоритм решения.

Для оценивания уровня способностей студента, на основании выполненных заданий, строится модель состояния развития каждого студента. При построении модели способности разделяются на три разновидности:

А – формализационные – это способности человека, которые проявляются в фазах деятельности исследования аналогов проблемы и в фазах выбора аналога (творческого аналога) решаемой проблемы.

В – конструктивные способности (умение отобрать, создать, спроектировать) проявляются в фазах деятельности: в фазе выбора аналога, в фазе конструирования алгоритма решения проблемы. Конструирование в процессе обучения – средство углубления и расширение полученных теоретических знаний, и развитие творческих способностей, изобретательских интересов и склонностей учащихся.

С – исполнительские проявляются в фазе реализации решения проблемы.

Задания в каждой лабораторной работе подобраны так, что позволяют или предполагают целенаправленно развивать АВС – способности и целенаправленно усваивать знания.

Используя обратную величину производительности труда (Р), можно определить граничные точки модели состояния развития студента по метрикам А, В, С.

Причем метрики параметров А, В, С определяются исходя из методики основанной на акмеологическом подходе через следующий механизм.

Механизм оценки. Сравнение с показателями эксперта.

Сложность (проблема) = норматив (производительность раб/час) решение проблемы экспертом (p_0(раб/час))

Сложность формализации проблемы, т.е. А-сложность $p_A=\alpha p_0$

1. Сложность конструирования решения проблемы, т.е. В-сложность $p_в=\beta p_0$

2. Сложность исполнения решения проблемы, т.е. С-сложность $p_c=\gamma p_0$

$\alpha+\beta+\gamma=1$.

p_0(раб/час)	p_A(раб/час)	p_B(раб/час)	p_C(раб/час)

Показателями эффективности действия данного механизма формирования качеств будущего инженера на основе акмеологического подхода являются:

– высокая продуктивность деятельности;

– высокий уровень квалификации и профессиональной компетентности;

– оптимальная интенсивность и напряженность труда;

– высокая организованность;

– низкая опосредованность, зависимость от внешних факторов;

– владение современным содержанием и современными средствами решения профессиональных задач;

– стабильность высоких показателей деятельности;

– возможность развития субъекта труда как личности;

– направленность на достижение положительных социально-значимых целей.

После выполнения каждой лабораторной работы студент проходит тестирование на полноту и целостность полученных знаний.

На основе изученного лекционного материала и анализа результатов тестирований по каждой теме, можно определить граничные точки модели по метрикам POL (полнота знаний), CHL (целостность знаний), которые определяют эффективность деятельности студента по решению проблем.

Используя параметры метрик А, В, С, POL, CHL, строится модель состояния развития студента (рис. 5).

На рисунке 5 пунктирным контуром a1, b1, c1, pol1, chl1 изображен уровень способностей первого студента, a2, b2, c2, pol2, chl2 – уровень способ-

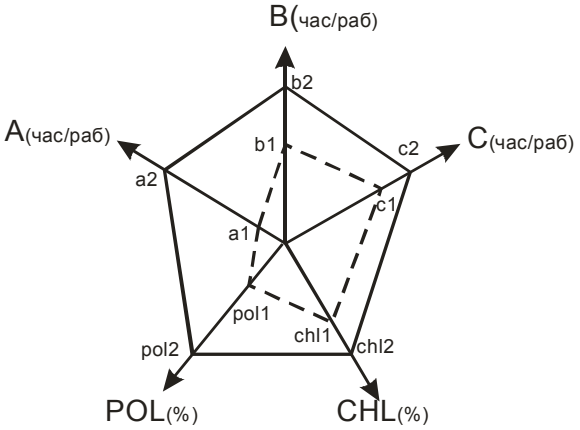


Рис. 5. Модель состояния развития студента

ностей, к которым должен стремиться студент. Если значения параметров окажутся недостаточными, то необходимо вести подготовку по их развитию и росту значений. Таким образом, по построенной модели выявляются параметры инженера и их значения, которые позволяют определить эффективность результатов его труда [2, с. 5–21].

Каждый студент должен стремиться достичь наивысшего, близкого к идеальному уровню способностей, используя уже имеющиеся способности. Таким образом, чем выше показатели этих параметров, тем успешнее будет решать сложные проблемы будущий инженер.

В связи с этим перед преподавателями стоит проблема формирования у студентов умения учиться самостоятельно, а также развития таких способностей как стремление к самопознанию, самоконтролю, самовоспитанию, самоопределению [3, с. 388–396].

В связи с бурным развитием информационных технологий количество и роль виртуальных кабинетов в деятельности учебного заведения возрастает, так как от содержания, организационной структуры и функционирования образовательного сайта зависит качество образовательного процесса внутри учебного заведения.

Библиографический список

1. *Нуриев Н.К., Старыгина С.Д., Гурьянова (Пашукова) Е.В.* Проектирование дидактических систем нового поколения для подготовки способных к инноватике инженеров // Образовательные технологии и общество. – 2009. – № 4.

2. *Нуриев Н.К., Старыгина С.Д., Гурьянова (Пашукова) Е.В.* Вычислительная математика в задачах химии и химической технологии. – Казань: Центр инновационных технологий, 2011. – С. 5–21.

3. *Гурьянова (Пашукова) Е.В.* Организация обучения по дисциплине «Вычислительная математика» в дидактических системах нового поколения // Образовательные технологии и общество. – 2010. – № 4. – С. 388–396.

УДК 159.923.33

Каширский Дмитрий Валерьевич
кандидат психологических наук, доцент
Алтайская академия экономики и права, г. Барнаул
psymath@mail.ru
Овчинникова Анна Николаевна
магистр психологии, г. Барнаул
o.anuta@gmail.com
Сабельникова Наталья Викторовна
кандидат психологических наук, доцент
Алтайская государственная педагогическая академия, г. Барнаул
nsabelni@mail.ru

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ СФЕРА ЛИЧНОСТИ И СИНДРОМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ СОТРУДНИКОВ СПАСАТЕЛЬНОГО ОТРЯДА МЧС

В статье раскрываются особенности ценностно-смысловой сферы личности работников спасательного отряда МЧС с различной степенью эмоционального выгорания. Обосновывается предположение о связи эмоционального выгорания с содержанием системы ценностей спасателей, уровнем самореализации в жизненных сферах, степенью удовлетворенности самореализацией, особенностями смысложизненных ориентаций.

Ключевые слова: *спасатели МЧС, синдром эмоционального выгорания, ценностно-смысловая сфера личности, самореализация, жизненная удовлетворенность.*

Профессия спасателя является одной из самых стрессогенных, а синдром эмоционального выгорания среди представителей этой профессии встречается довольно часто. Вместе с тем, в настоящее время недостает исследований феномена эмоционального выгорания у сотрудников спасательных отрядов МЧС, отсутствуют детальные исследования взаимосвязи феномена выгорания и ценностно-смысловой сферы личности данной категории работников. **Целью нашего исследования** стало изучение особенностей ценностно-смысловой сферы спасателей МЧС, переживающих разную степень эмоционального выгорания. Исследование было направлено на решение следующих задач: выявить уровень эмоционального выгорания спасателей и определить место эмоционального выгорания в структуре других защитных механизмов Эго; изучить субъективные ценности и смысложизненные ориентации спасателей и их связь с уровнем и отдельными проявлениями эмоционального выгорания. Выборку составили 54 спасателя МЧС в возрасте 24–50 лет (средний возраст – 37,7 лет).

Методы исследования. Для выявления уровня эмоционального выгорания спасателей использовался опросник MBI К. Маслак и С. Джексон, в адаптации Н.Е. Водопьяновой. Особенности ценностно-смысловой сферы спасателей изучались с помощью теста смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева и методики изучения сис-

© Каширский Д.В., Овчинникова А.Н., Сабельникова Н.В., 2012

темы ценностей (KVS-3) Д.В. Каширского. Для определения защитных механизмов применялась методика «Индекс жизненного стиля» (Р. Плутчик, Г. Келлерман, Х.Р. Конте в адаптации Е.С. Романовой и Л.Р. Гребенникова), а для исследования личностных особенностей спасателей – 16-факторный опросник Р. Кеттелла. В качестве математико-статистических методов анализа данных использовался t-критерий Стьюдента для независимых выборок.

Проведенное исследование позволило выявить ряд статически значимых закономерностей и сформулировать следующие **выводы:**

1. Синдром эмоционального выгорания относится к числу феноменов личностной деформации и развивается особенно часто у представителей «помогающих профессий», в том числе у сотрудников спасательного отряда МЧС. Синдром эмоционального выгорания является следствием профессионального (связанного с профессией, родом деятельности), рабочего (вызванного условиями труда, местом работы и пр.) или организационного (негативное влияние на работника конкретной организации) стресса. Эмоциональному выгоранию в большей степени подвержены те сотрудники организации, индивидуально-психологические особенности которых, не соответствуют требованиям профессии. Механизм выгорания представляет собой используемый личностью механизм психологической защиты, срабатывающий в тот момент, когда резервы человека исчерпаны.

2. Проведенное эмпирическое исследование показало, что наиболее значимыми ценностями для спасателей являются: семья, работа, здоровье, любовь, дружба и ответственность за себя и свои поступки, наименее значимы – религиозные ценности, высокий социальный статус и активность для достижения позитивных изменений в обществе. К сферам наиболее полной самореализации могут быть отнесены: общение, работа и отношения с друзьями, а наименее низкий уровень самореализации характерен для таких сфер, как религия, активность в обществе, материальная сфера и творчество. В большей степени работники спасательного отряда МЧС удовлетворены самореализацией в таких областях, как любовь, работа, отношения с друзьями, и в меньшей степени довольны своим здоровьем, социальным статусом и творческой самореализацией.

3. Ценности спасателей, связанные с любовью, работой и друзьями в целом в их жизни удовлетворяются. В то время как здоровье и сфера семейных отношений, входя в число высоко приоритетных ценностей спасателей, представляют собой наиболее вероятные источники внутреннего конфликта. Сферами наиболее вероятных источников внутренних конфликтов в системе ценностей работников МЧС являются также «высокое материальное благосостояние» и «полная самореализация». Однако обе этих сферы не входят в число определяющих («осевых») ценностей спасателей. В отношении, возможно, испытываемого респондентами внутреннего конфликта в сфере самореализации, можно сказать также и то, что переживания подобного рода являются для личности очень важными. Неслучайно, А. Маслоу различал уровни жалоб, касающихся, соответственно, неудовлетворения Д- или Б-потребностей и указывал, что последние, или метажалобы, являются хорошим показателем того, что в психике все обстоит вполне благополучно.

4. Большая часть представителей спасательного отряда МЧС имеют высокую толерантность к эмоциональному выгоранию в целом, так и к его отдельным проявлениям – эмоциональному истощению, деперсонализации, редукции личных достижений. Установлено влияние семейного статуса, возраста и стажа работы на выраженность эмоционального выгорания у сотрудников МЧС: спасатели, не состоящие в браке, испытывают меньшее эмоциональное истощений и меньше подвержены деперсонализации (цинизму), а редукция личных достижений выше у женатых работников спасательного отряда МЧС; с возрастом у спасателей повышается деперсонализация, а стаж работы в МЧС в целом негативно влияет на психологическое здоровье сотрудников, повышая эмоциональное истощение, деперсонализацию и снижая уверенность в собственной компетентности (редукция личных достижений).

5. Определено место эмоционального выгорания в структуре других механизмов психологической защиты. Установлено, что к эмоциональному выгоранию и деперсонализации в большей степени склонны спасатели, использующие регрессивные механизмы защиты, а к редукции личных достижений – использующие замещение и гиперкомпенсацию (реактивные образования). При этом более толерантны к эмоциональному истощению и деперсонализации, использующие механизм замещения. В большей степени механизмы психологической защиты (в частности, замещение и реактивные образования) свойственны работникам МЧС с выраженной редукцией личных достижений.

6. Установлены связи между личностными особенностями спасателей и их склонностью к эмоциональному выгоранию. Так, у сотрудников спасательного отряда МЧС с высоким уровнем эмоционального выгорания в большей степени выражена способность к анализу и обобщению материала (фактор B^+), склонность к пересмотру существующих принципов, стремление к нововведениям и больший радикализм (фактор Q_1^+) по сравнению с их коллегами с низким уровнем эмоционального выгорания. Сотрудники МЧС с невыраженным эмоциональным выгоранием продемонстрировали

более высокий уровень самооценки и удовлетворенность собой (фактор MD^+). Спасатели с высокой толерантностью к эмоциональному истощению более активны, предприимчивы, склонны к риску, экстравертированы (фактор H^+). Спасатели с выраженной деперсонализацией более выдержаны, решительны, обязательны, ответственны и отличаются выраженным Супер-Эго (фактор G^+), предприимчивы, склонны к риску, общительны (фактор H^+), независимы во взглядах и стремятся к принятию самостоятельных решений (фактор Q+).

7. Более устойчивы к эмоциональному выгоранию спасатели, ориентированные на ценность здорового образа жизни. Для личности с высоким уровнем эмоционального выгорания характерно более выраженное стремление к гармоничной жизни, семейным ценностям и творческой самореализации. Возможно, что ориентация на данные ценности выполняет, отчасти, психотерапевтическую (компенсаторную) функцию для личности, испытывающей профессиональный или рабочий стресс.

8. Между уровнем эмоционального выгорания спасателей и степенью их самореализации существует обратная зависимость: чем выше уровень эмоционального выгорания (эмоционального истощения, деперсонализации) работников МЧС, тем ниже степень их самореализации в разнообразных областях жизни. Спасатели без выраженных проявлений эмоционального выгорания намного выше оценивают уровень своего материального благосостояния, чувствуют себя более свободно и гармонично, их степень самореализации выше в сфере образования, религии и любви, они ответственны за себя и свои жизненные выборы и др. Более толерантные к эмоциональному выгоранию спасатели, чувствуют большую удовлетворенность самореализацией, в том числе в тех сферах жизни, которые являются для них главными жизненными ценностями – в любви и в работе. Заметим, что именно способность любить и работать назывались З. Фрейдом в качестве основных критериев здоровой (продуктивной, зрелой) личности.

9. Существует зависимость, проявляющаяся в большей выраженности внутреннего конфликта в системе ценностей у спасателей, характеризующихся отсутствием выраженных признаков эмоционального выгорания. По-видимому, противоречия в системе ценностей сотрудников спасательного отряда МЧС, создавая в их психике некоторое напряжение, не достигают высокой (патологической, болезненной) выраженности, а выступают в качестве условия (психологического средства) саморазвития личности. В структуре ценностей спасателей с высоким уровнем эмоционального выгорания диссонансы и противоречия выражены намного слабее, что затрудняет, по-видимому, процесс саморазвития личности и коррекцию синдрома эмоционального выгорания.

10. Уровень эмоционального выгорания сотрудников спасательного отряда МЧС связан с показателями осмысленности жизни. Работники спасательного отряда МЧС, устойчивые к выгоранию, рассматривают свою жизнь как более эмоционально наполненную и ориентированную в будущее, чем их коллеги с высоким уровнями эмоционального выгорания.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить особенности ценностно-смысловой сферы личности спасателей с различной степенью эмоционального выгорания. Полученный результат позволяет сделать вывод о том, что деформация личности, проявляющаяся в эмоциональном истощении, деперсонализации и редукции личных достижений, связана с определенными изменениями в системе ценностно-смысловых образований. Таким образом, в основе низкой толерантности к выгоранию может лежать не только несоответствие стрессовой ситуации и индивидуально-психологических особенностей личности, но и неразрешенные конфликты в системе ценностей человека. Внутренние противоречия и конфликты в системе ценностей – обязательный элемент здоровой, зрелой психики. Процесс развития личности представляет собой разрешение внутренних противоречий, и мы обнаружили их существование в системе ценностей сотрудников спасательного отряда МЧС с высокой толерантностью к эмоциональному выгоранию. В группе спасателей с высоким уровнем выгорания внутренние противоречия менее выражены, что с одной стороны говорит о большей гармоничности и согласованности систем ценностей респондентов. Однако эта «сглаженность» и согласованность, проявляющаяся в сходстве иерархий жизненных сфер «по значимости» и «степени самореализации», характерная для данной категории людей, выступает, очевидно, в качестве ограничения их личностного роста. Возможно, в данном случае проявляется один из механизмов психологической защиты, используемый личностью с высоким уровнем выгорания, когда происходит подавление внутренних дисбалансов, которые, однако, необходимы и имеют место в здоровой психике, так как несут конструктивную функцию. Как отмечали А. Маслоу, К. Роджерс, Г. Олпорт и др., личностный рост происходит не вследствие гомеостаза, «восстановления равновесия» или «редукции напряжения», а в результате выхода личности на новые уровни функционирования, благодаря гетеростазу, повышению напряжения, посредством работы субъекта по разрешения внутренних конфликтов и противоречий.

Анализ полученных результатов позволяет выделить такую особенность ценностных выборов спасателей, демонстрирующих признаки эмоционального выгорания, как ориентация (в типологии Г. Олпорта) на социальные («семья»), эстетичес-

кие («гармоничная жизнь») и экономические («реализация творческих замыслов») ценности. Можно предположить, что стремление к внутренней согласованности, сбалансированности жизни, семейным ценностям и творчеству, являются гармонизирующими устремлениями личности с высоким уровнем эмоционального выгорания. Таким образом, выбор определенных ценностей может иметь для «выгорающей» личности компенсаторный характер.

Материалы исследования могут быть полезными для профессионального отбора спасателей и организации психологического сопровождения сотрудников МЧС с целью профилактики (коррекции) синдрома эмоционального выгорания.

УДК 519.1

Нурлигареев Хайдар Джамилевич
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
haidar_nur@yahoo.com

ИЗБРАННЫЕ ГЛАВЫ ДИСКРЕТНОЙ ГЕОМЕТРИИ НА ФАКУЛЬТАТИВНЫХ ЗАНЯТИЯХ МАТЕМАТИКОЙ В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ШКОЛАХ

Настоящая статья посвящена избранным вопросам дискретной геометрии, излагаемым на факультативных занятиях в математических классах. Рассматриваются окружности и правильные и полуправильные многоугольники на клетчатой бумаге, классифицируются правильные паркеты и полуправильные многоугольники на них. Теоретическая часть сопровождается предлагаемыми школьникам задачами.

Ключевые слова: *Клетчатая бумага, полуправильный многоугольник, правильный паркет.*

Эта статья основана на курсе из двух лекций, прочитанных автором в ходе работы летней школы «Современная Математика» для школьников старших классов и студентов младших курсов в июле 2010 года в Дубне. Она включает в себя как темы, традиционно излагаемые на факультативных занятиях в школе имени А.Н. Колмогорова СУНЦ МГУ, так и темы, которые обычно остаются за рамками специального курса.

Первую лекцию мы начали с исследования возможности расположения на клетчатой бумаге окружностей [2], а также правильных и полуправильных многоугольников [1; 3]. Далее проводилась классификация правильных паркетов [4; 5], после чего стало возможным рассмотреть некоторые обобщения вопросов первой части лекции с клетчатой бумаги на паркеты. Именно, в ходе занятий обсуждалось, какие правильные и полуправильные многоугольники можно расположить на каждом из правильных паркетов [6]. Все эти темы нашли своё отражение в данной статье.

На второй лекции мы перешли от паркетов к мозаикам. Были рассмотрены примеры периодических и непериодических мозаик, а также предложены различные способы «конструирования» непериодических мозаик на плоскости. В частности, обсуждались знаменитые мозаики Пенроуза и гипотеза Конвея. В завершение мы познакомились с наиболее современными результатами, в данной области: теоремой Вире и теоремой Долбилина (без доказательства). Материалы второй лекции в статью не вошли.

Задачи на клетчатой бумаге

Клетчатая бумага, под которой здесь и далее мы будем подразумевать множество всех точек плоскости, обе координаты которых являются целочисленными, представляет собой своеобразный мост с интенсивным двусторонним движением. Этот мост даёт возможность при решении чисто геометрических задач воспользоваться методами алгебры, теории чисел и математического анализа, и наоборот, задачи аналитического характера позволяет переводить на геометрический язык. Кроме того, клетчатая бумага является объектом, привычным и понятным любому школьнику. Поэтому она играет столь важную роль в наших изысканиях с методической точки зрения.

Сперва мы рассмотрели следующие два вопроса.

Вопрос 1. Верно ли, что для любого числа $n \in \mathbb{N}$ найдётся круг на плоскости, содержащий внутри себя ровно n узлов клетчатой бумаги?

Вопрос 2. Верно ли, что для любого числа $n \in \mathbb{N}$ на плоскости найдётся окружность, проходящая ровно через n узлов клетчатой бумаги?

Первый вопрос представляет собой несложное упражнение; ответ на него положительный. Рассмотрение второго вопроса полезно предварить следующей леммой из области делимости целых чисел.

Лемма 1. Для каждого целого неотрицательного k уравнение $x^2+y^2=5^k$ имеет ровно $4(k+1)$ различных целочисленных решений.

Для доказательства леммы 1 индукцией мы убеждаемся, что уравнение $x^2+y^2=5^k$ имеет ровно восемь таких решений (x,y), что x и y не делятся на 5. Они дают нужное количество решений вместе с теми $4(k-1)$ корнями, которые имеют вид $(5a,5b)$, где $a^2+b^2=5^{k-2}$.

Из леммы сразу вытекает ответ на второй вопрос для натурального n, кратного четырём. Она же используется, чтобы показать, что для чётных n

© урлигареев Х.Д., 2012

подходит окружность с центром в точке (1/2,0) радиуса $\frac{5^{(k-1)/2}}{2}$, а для нечётных – окружность с центром (1/3,0) радиуса $\frac{5^k}{3}$. Таким образом, имеет место следующая теорема.

Теорема 2. Для любого натурального *n* существует окружность, проходящая ровно через *n* узлов клетчатой бумаги.

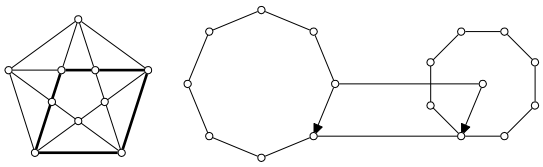
Следующий вопрос, подлежащий рассмотрению, касается многоугольников.

Вопрос 3. Для каких натуральных *n* на клетчатой бумаге можно расположить правильный *n*-угольник?

Мы начали изучение данного вопроса со случая *n=3*. Это логично сделать, во-первых, потому что он не слишком сложен, а во-вторых, потому что оба рассмотренных нами доказательства того, что правильный треугольник не может лежать на клетчатой бумаге, обобщаются на более сложные задачи. Согласно одному из них мы предполагаем, что правильные треугольники, лежащие на клетчатой бумаге, существуют, и выбираем среди них такой, длина стороны которого является наименьшей. Затем выписываем в координатах условие равенства сторон и, рассматривая делимость на два и четыре, приводим его к противоречию.

Второе доказательство использует тригонометрию. Предполагая, что правильный треугольник лежит на клетчатой бумаге, мы рассматриваем один из его углов. С одной стороны, тангенс этого угла равен $\sqrt{3}$. С другой стороны, выражая его через координаты вершин треугольника, нетрудно убедиться, что этот тангенс рационален. Противоречие.

Случай *n=4* очевиден, а случай *n=6* легко вытекает из случая *n=3*. Сложнее разобраться с правильными *n*-угольниками при *n=5* и *n>6*. То, что ни один из них также не лежит на клетчатой бумаге, доказывается при помощи принципа крайнего с использованием правила параллелограмма. Рассуждая от противного, мы на основе имеющегося изготавливаем правильный *n*-угольник, длина стороны которого меньше, чем у исходного, чего быть не может (см. рис.).



Итак, справедлива следующая теорема.

Теорема 3. Плоский правильный *n*-угольник нельзя расположить на клетчатой бумаге при $n \neq 4$.

Формулировка вопроса 3 естественным образом продолжается на классы равносторонних многоугольников (у которых все стороны равны) и равноугольных многоугольников (у которых все углы равны).

Вопрос 4. Для каких натуральных *n* на клетчатой бумаге можно расположить равносторонний *n*-угольник?

Вопрос 5. Для каких натуральных *n* на клетчатой бумаге можно расположить равноугольный *n*-угольник?

Ответ на вопрос 4 даёт нижеследующее утверждение.

Теорема 4. Для любого чётного *n*, большего двух, существует равносторонний *n*-угольник, лежащий на клетчатой бумаге. Ни один равносторонний многоугольник с нечётным количеством вершин расположить на клетчатой бумаге нельзя.

Доказывая теорему 4 для чётных *n,* мы приводим пример, конструируя его на основе квадрата и равностороннего шестиугольника (отметим, что построенный таким образом многоугольник получается невыпуклым). Для нечётных *n* рассуждаем от противного с применением принципа крайнего: предполагая существование искомого многоугольника, записываем в координатах условие равенства его сторон и приводим его к противоречию с предположением, рассматривая делимость на два и четыре.

Изучить равноугольные многоугольники сложнее. Здесь всё зависит от величины $x = tg\frac{2\pi}{n}$ – как и выше, она не должна быть иррациональной. Оказывается, это возможно только при *n = 1, 2, 4, 8*. Чтобы убедиться в этом, мы выражаем при помощи формул Муавра и бинома Ньютона $tg(n\alpha)$ через $tg\alpha$, после чего, подставляя $\alpha = \frac{2\pi}{n}$ и приравнивая $tg(n\alpha)$ к нулю, получаем уравнение относительно величины $x = tg\frac{2\pi}{n}$. Для нечётных простых *n* это уравнение не может иметь никаких решений, кроме $x = \pm 1$, которые не годятся. Не может оно иметь решений и при составных *n*, имеющих нечётный простой делитель, поскольку $tg(n\alpha)$ представляется в виде отношения двух многочленов от $tg\alpha$ с целыми коэффициентами. Остаётся последняя возможность: $n=2^k$. Здесь прямым вычислением можно убедиться, что $tg\frac{2\pi}{16} = \sqrt{2} - 1$, то есть *k>3* тоже не подходят. Учитывая, что квадрат и равноугольный восьмиугольник расположить на клетчатой бумаге можно, мы получаем следующий результат.

Теорема 5. Среди всех возможных равноугольных многоугольников на клетчатой бумаге могут быть расположены только прямоугольник и восьмиугольник.

Правильные паркеты

Клетчатая бумага представляет собой частный случай замощения плоскости правильными многоугольниками без пробелов и наложений, при котором любые два многоугольника пересекаются либо по вершине, либо по стороне, либо не пересекаются вовсе. Каждое такое замощение называется *паркетом*. Паркет называется *правильным*, если для любых двух узлов паркета найдётся движение, которое переводит первый узел во второй и относительно которого паркет инвариантен. Правильные многоугольники, составляющие паркет, мы будем называть *плитками*, а их вершины – *узлами* паркета.

Каждый узел паркета характеризуется множеством плиток, прилегающих к этому узлу, и порядком, в котором они встречаются при обходе данного узла против часовой стрелки. Этот порядок можно записать в виде последовательности чисел, отвечающих количеству сторон соответствующих плиток, которая называется *типом* данного узла. Ясно, что в каждом правильном паркете все вершины имеют одинаковый тип (который называется *типом правильного паркета*), и что любой правильный паркет определяется типом своих вершин.

Число различных правильных паркетов (с точностью до движений и гомотетии) конечно. Более точно, справедлива следующая теорема.

Теорема 6. Существует ровно 11 типов правильных паркетов: *(6)3; (4)4; (3)6; 3,12,12; 4,8,8; 3,6,3,6; (4)3,6; 3,4,6,4; (3)3,(2)4; (2)3,4,3,4; 4,6,12*.

Доказательство теоремы 6 объёмно, но не представляет сложности в идейном плане. Ясно, что в каждом узле правильного паркета может сходиться от трёх до шести плиток. Для каждого из этих случаев мы записываем условие того, что сумма прилегающих к данному узлу углов плиток равна 2p. Получается набор уравнений в целых числах, каждое из которых решается несложным перебором. Остаётся проверить, какие из найденных решений соответствуют правильным паркетам, а какие – нет.

Вопросы 3, 4 и 5 естественным образом переформулируются для правильных паркетов, превращаясь в хорошие исследовательские задачи для школьников. Наиболее просто доказывается результат, касающийся равносторонних многоугольников.

Теорема 7. На паркетах *(4)4* и *4,8,8* равносторонний *n*-угольник может лежать тогда и только тогда, когда *n* чётно (*n>2*). На каждом из остальных паркетов можно расположить равносторонний многоугольник с произвольным числом сторон.

Для доказательства теоремы 7 достаточно предъявить способ построения искомых многоугольников, что не представляет особого труда, а также провести рассуждения при рассмотрении многоугольников с нечётным числом вершин на паркетах *(4)4* и *4,8,8* (что делается точно так же, как и при доказательстве теоремы 4).

Изучение равноугольных многоугольников на правильных паркетах более трудоёмко. Вводя удачную систему координат, можно увидеть, что если равноугольный *n*-угольник лежит на данном паркете, то $tg\frac{2\pi}{n}$ должен иметь вид p, $q\sqrt{3}$, $p+q\sqrt{2}$ или $p+q\sqrt{3}$ (в зависимости от паркета), где *p* и *q* – рациональные числа. Методом, аналогичным рассмотренному выше, устанавливается справедливость следующей леммы.

<u>Лемма 8.</u> Пусть число *n* натурально. Тогда если $tg\frac{2\pi}{n}$ имеет вид p, $q\sqrt{3}$, $p+q\sqrt{2}$ или $p+q\sqrt{3}$ (в зависимости от паркета), где *p* и *q* – рациональные числа, то *n* не может принимать значения, отличные от перечисленных в таблице 1.

Используя лемму 8, можно доказать следующую теорему.

Теорема 9. На каждом из 11-ти правильных паркетов можно расположить некоторый равноугольный *n*-угольник тогда и только тогда, когда *n* принимает одно из значений, указанных в таблице 2.

Все равноугольные многоугольники, соответствующие указанным в таблице значениям, легко строятся. То, что при других значениях *n* никакой равноугольный *n*-угольник разместить на паркете нельзя, вытекает из леммы 8. Исключение составляет паркет *(3)3,(2)4*: на нём оказывается невозможным расположить также равноугольные *12*-угольник и *24*-угольник, хотя это никак не противоречит лемме 8. Для доказательства отмеченного факта приходится задействовать более сложные методы, которые здесь мы рассматривать не будем.

Задачи к курсу

Задача 1. Пусть *N(O,R)* – число точек с целыми координатами, лежащих внутри круга радиуса *R*

Таблица 1

Вид	p	$q\sqrt{3}$	$p+q\sqrt{2}$	$p+q\sqrt{3}$
n	*1, 2, 4, 8*	*1, 2, 3, 4, 6, 12*	*1, 2, 4, 8, 16*	*1, 2, 3, 4, 6, 8, 12, 24*

Таблица 2

Тип паркета	*(4)4*	*4,8,8*	*(3)3,(2)4*	*(6)3; 3,6,3,6; (3)6; (4)3,6*	*3,12,12; 3,4,6,4; 4,6,12; (2)3,4,3,4;*
Число *n*	*4, 8*	*4, 8, 16*	*3, 4, 6, 8*	*3, 4, 6, 12*	*3, 4, 6, 8, 12, 24*

с центром в точке O. Докажите, что $\lim\limits_{R\to\infty}\frac{N(O,R)}{R^2}=\pi$.

Задача 2. Докажите, что на клетчатой бумаге можно расположить выпуклый равносторонний многоугольник с любым чётным числом сторон.

Задача 3. Пусть $(x-x_0)^2+y^2=R^2$ – окружность, проходящая ровно через n узлов решётки $\mathbb{Z}^2$. Докажите, что на сфере $(x-x_0)^2+y^2+(z-\sqrt{2})^2=R^2+2$ лежат ровно n узлов решётки $\mathbb{Z}^3$.

Задача 4. Докажите, что плоский правильный n-угольник можно расположить на решётке $\mathbb{Z}^3$ тогда и только тогда, когда $n=3$, $n=4$ или $n=6$.

Задача 5. Для каких $n\in\mathbb{N}$ на решётке $\mathbb{Z}^3$ можно расположить

а) замкнутую ломаную из n звеньев одинаковой длины;

б) замкнутую равноугольную ломаную из n звеньев?

Задача 6. Докажите, что для каждого натурального n существует окружность, проходящая ровно через n узлов паркета типа: а) *(6)3*; б) *(3)6*.

Задача 7. Для каждого из правильных паркетов перечислите все натуральные значения n, при которых на этом паркете можно расположить некоторый правильный n-угольник.

Библиографический список

1. *Вавилов В.В., Устинов А.В.* Многоугольники на решётках. – М.: МЦНМО, 2006.

2. *Вавилов В.В., Устинов А.В.* Окружности на решётках // Квант. – 2006. – № 6. – С. 10–14.

3. *Вавилов В.В., Устинов А.В.* Полуправильные многоугольники на решётках // Квант. – 2007. – № 6. – С. 13–15.

4. *Колмогоров А.Н.* Паркеты из правильных многоугольников // Квант. – 1986. – № 8. – С. 3–7.

5. *Михайлов О.* Одиннадцать правильных паркетов // Квант. – 1979. – № 2. – С. 9–14.

6. *Нурлигареев Х.Д.* Равноугольные многоугольники на правильных паркетах // Математическое образование. – 2011. – № 2 (58). – С. 39–63.

УДК 37.015

Паклина Ольга Валентиновна
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
Паклин Дмитрий Борисович
Ярославский филиал Военно-космической академии им. А.Ф.Можайского
uncollege@yandex.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЕВРОПЕ И ТЕНДЕНЦИИ ЕГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ

Требования развития образования, в соответствии с европейскими нормами привели многие страны к глубоким реформам системы образования, модернизации профессионального образования через введение непрерывного многоуровневого образования, провозглашение компетентностного подхода, тотальную информатизацию. В каждой стране процесс развития теории и практики непрерывного образования имеет свои специфические черты, но в то же время выявляются и их общие принципы.

***Ключевые слова**: современная система профессионального образования и обучения, философия образования, преемственность содержания образования, единые европейские образовательные стандарты и квалификации, продолжительность и уровень образования, основные образовательные модели, непрерывное образование, профессиональные компетенции.*

В современных условиях стало очевидным, что назрела проблема комплексной структурной перестройки образовательной системы в целом и системы профессионального образования в частности. Сегодня необходимо сохранить сильные стороны российской образовательной системы, сделать ее гибкой и адаптивной, чтобы в новых экономических условиях она сохраняла свою роль как одного из ведущих факторов общественного развития с учетом интересов общества и отдельно взятой личности.

В Приоритетных направлениях развития образовательной системы РФ, одобренных Правительством РФ в декабре 2004 года, поставлена задача реструктуризации систем профессионального образования. Необходимость решения этой задачи определена: положениями Концепции модернизации российского образования в период до 2010 г., положениями Федеральной целевой программы развития образования на 2011–2015 гг., Копенгагенским и Болонским процессами, удовлетворением запросов экономики, обеспечением доступности, качества и эффективности начального и среднего профессионального образования, созданием многоуровневых учреждений профессионального образования.

Стратегической целью модернизации профессионального образования в современном мире является создание принципиально новой системы образования – непрерывной, главной идеей и целью которой является постоянное развитие личности в течение всей жизни в интересах человека и общества.

© Паклина О.В., Паклин Д.Б., 2012

Требования развития образования закономерно привели многие страны к «образовательному буму», к глубоким реформам систем образования, вне этого процесса фактически не остается ни одна страна современного мира, в том числе и Россия. В странах Европейского Союза процесс реформирования систем образования идет непрерывно. Во Франции фундаментальные реформы образования принимались в 1959, 1975, 1989 гг. В Великобритании Закон «О коренной реформе образования» был провозглашен еще во время Второй мировой войны (1944 г.). В 1988 г. Парламент принял новый закон, предусматривающий глубокую перестройку системы образования – Закон «Об образовательных стандартах и структуре школьной системы». В Испании «Общий закон об образовании» был принят в 1970 г., затем последовали законы «О реформе университетов» (1983 г.), «О праве на образование» (1985 г.), «Об общей структуре образовательной системы» (1990 г.).

Разработка концепции непрерывного образования приобрела международные масштабы благодаря деятельности ЮНЕСКО. В 1997 году международная комиссия ЮНЕСКО по разработке вопросов образования и обучения сформулировала главную цель образования – научить людей самостоятельно приобретать знания.

Основными процессами в области профессионального образования и обучения, происходящими в странах Евросоюза, являются Копенгагенский (начальное и среднее профессиональное) и Болонский (высшее профессиональное образование) процессы, начало которым было положено в марте 2000 года в Лиссабоне. На этом заседании участники официально подтвердили статус образования в качестве неотъемлемой части экономической и социальной политики и фактора повышения конкурентоспособности, сближения народов и обеспечения полноценного развития граждан. Решения, принятые в Лиссабоне, получили дальнейшее развитие в докладе «Конкретные задачи для систем образования и профессионального обучения будущего», принятом на заседании ЕС в Стокгольме.

На конференции в Брюгге в октябре 2001 г. руководители профессионального образования и обучения подтвердили свою волю к сотрудничеству в области профессионального образования. На этой конференции был инициирован процесс сотрудничества в области признания дипломов (свидетельств) профессионального образования и квалификаций и определены основы этого сотрудничества (прозрачность, взаимное доверие, использование имеющегося практического опыта, взаимодействие с социальными партнерами).

На заседании в Барселоне в марте 2002 г. ЕС принял Рабочую программу, направленную на создание в Европе к 2010 году системы профессионального образования и обучения, которая станет мировым стандартом качества, предусматривающую дополнительные мероприятия по внедрению механизмов обеспечения прозрачности и взаимного признания дипломов и квалификаций, включая мероприятия по образцу реализуемых в рамках Болонского процесса, скорректированные с учетом особенностей профессионального образования и обучения в различных странах, что было еще раз подтверждено на конференции «Укрепление сотрудничества в области ПОО» в Брюсселе в июне 2002 г.

В ноябре 2002 года в Копенгагене была принята «Декларация Европейской комиссии и Министерства профессионального образования европейских стран по развитию и сотрудничеству в области профессионального образования и обучения в Европе», содержащая восемь основных положений: европейское образовательное пространство ПОО; прозрачность квалификаций; система переноса зачетных единиц; общие критерии качества; профессиональная ориентация и консультирование; отраслевые компетенции и квалификации; признание неформального и спонтанного обучения; повышение квалификации преподавателей [1].

Присоединение Российской Федерации к Болонской Декларации позволяет нашей стране осуществлять образовательную реформу высшей профессиональной школы в соответствии с европейскими нормами.

Болонской Декларацией предусматривается:

– обеспечение трудоустройства выпускников и усиление конкурентоспособности системы высшего профессионального образования (ВПО);

– введение системы двухэтапного ВПО: базового и постдипломного;

– принятие системы кредитов, как средства повышения мобильности студентов;

– стимулирование мобильности и создание условий для свободного перемещения студентов, преподавателей, менеджеров образования, исследователей;

– развитие европейского сотрудничества в области контроля качества с целью выработки сопоставимых критериев и методологий;

– усиление европейского измерения ВПО, в таких областях, как проектирование образовательных программ, научные исследования и т.д.

В целом, Болонский процесс существенно расширяет возможности человека и содействует реализации основной социальной функции высшего образования. В настоящее время можно выделить общую тенденцию, характерную для всех современных зарубежных профессиональных школ – это то, что учебный процесс строится в соответствии с новой философией образования – информационной в отличие от старой – индустриальной.

Сильными сторонами современной европейской системы профессионального образования и обучения, которые могут быть перенесены на российскую почву, являются:

– согласованность ступеней образования (плавный переход от одной к другой ступени, преемственность содержания образования, как в рамках всего образовательного процесса, так и внутри отдельных предметов);

– приведение содержания подготовки квалифицированных специалистов по определенным направлениям в разных странах к единым европейским образовательным стандартам и квалификациям, что расширяет пространство рынка труда, облегчает процесс трудоустройства и организацию практического обучения;

– свободный и осознанный выбор профессии (специальности) и направления специализации учащихся профессиональных школ, когда они сами выбирают продолжительность и уровень образования;

– возможность непрерывной подготовки и переподготовки по выбранной профессии (специальности) в течение всей профессиональной карьеры;

– практическая направленность профессионального образования, большое количество часов практического обучения, разнообразие видов практики, тесная связь с теоретическим обучением;

– проблемное обучение по предметам (дисциплинам) или по комплексу предметов [2].

Организацией, осуществляющей регулирование процесса развития мирового образовательного пространства, является ЮНЕСКО. Анализ международного профессионального образования позволяет выделить в следующие основные образовательные модели, сложившиеся к настоящему времени:

– **финская модель** (1 ступень – общеобразовательная школа, 2 ступень – гимназия, профессиональное образование, 3 ступень – высшее техническое училище, университет, магистратура, аспирантура);

– **немецкая модель** (1ступень – общая школа, 2 ступень – реальное училище, гимназия, основная школа, 3 ступень – институт, университет, аспирантура) [3];

– **английская модель** (1 ступень – объединенная школа, 2 ступень – грамматическая и современная школа, колледж, 3 ступень – университет, магистратура, аспирантура) [4];

– **американская модель** (1 ступень – общая основная школа, 2 ступень – двухлетний колледж начального уровня, 3 ступень – четырехлетний колледж и университет);

– **российская модель** (1 ступень – основная школа, 2 ступень – полная средняя школа, учреждения начального профессионального образования (лицеи), учреждения среднего профессионального образования (колледжи), 3 ступень – институт, университет, академия, бакалавриат, магистратура, специалитет, аспирантура, докторантура).

На современном этапе увеличивается потребность в специалистах среднего звена для обеспечения потребностей как федерального, так и регионального рынков труда, технологической культуры производства, административно-технической поддержки процессов управления, развития рыночной инфраструктуры, технического, информационного и социального сервиса.

Уровни образования							
3 ступень	Высшая школа или институт (Fachhochschule) и университет		Колледжи высшего образования (College of Higher Education), Технические институты, университет (бакалавр, бакалавр с отличием, магистр, доктор философии)		Четырёхлетний колледж высшего профессионального образования(College of Higher Education), университет (бакалавр, бакалавр с отличием, магистр, доктор философии)		Институт, Университет, Академия (бакалавриат, магистратура, специалитет, аспирантура, докторантура)
2 ступень	Профессионально-производственное образование (Berufsschule), специальная профессиональная школа (Fachschule)		Колледжи дальнейшего образования (College of Further Education)		Высшая (старшая) школа(*highschool*) или Двухлетний колледж начального уровня, (community colleges, junior colleges, technical colleges, liberal arts colleges), степень *associate's degree*		Учреждения начального профессионального образования (лицеи), Учреждения среднего профессионального образования (колледжи).
1 ступень	Школьное образование - 3 ступени: начальное (Grundschule), среднее I и среднее II гимназия, реальные училища		Объединенная школа (грамматическая и современная школа)		Начальная школа (*elementaryschool*), средняя школа (*middleschool*)		Общеобразовательная школа, гимназия
Образовательные модели	**Немецкая модель**		**Английская модель**		**Американская модель**		**Российская модель**

Рис. 1. Основные образовательные модели профессионального образования

Политика государства в области образования и подготовки кадров является составной частью целостной политики, которая проводится в различных сферах жизни общества. Социально-экономические преобразования в обществе, происходящие в России, закономерно вызвали инновации в профессиональном образовании, которые, в свою очередь, нашли отражение в государственных документах, таких как Закон «Об образовании», Постановления правительства, Национальная доктрина развития образования РФ и другие. В этих документах закреплены основные потенциальные возможности развития профессионального образования, определены принципы, функции, структуры и механизмы преобразований.

В настоящее время происходят кардинальные преобразования всей системы профессионального образования России. Так государство провозглашает приоритет профессионального образования в социальной стратегии через приоритетный национальный проект «Образование». Вступление России в Болонский процесс позволяет осуществлять меры по вхождению в мировое образовательное пространство.

Происходит модернизация профессионального образования через введение непрерывного многоуровнего образования, провозглашение компетентностного подхода, тотальная информатизация образования, распространение дистанционного обучения. Системы профессионального образования ориентируются на потребности рынка труда. Улучшение финансово-экономического обеспечения образования содействует его интеграции в инфраструктуру современного производства.

Все перечисленные меры по преобразованию профессионального образования обуславливают необходимость научно-методического обеспечения, требуют пересмотра устоявшихся (традиционных) подходов, поиска новых принципов проектирования содержания образования, новых образовательных технологий. Пути модернизации профессионального образования предлагают решение на федеральном, региональном, муниципальном уровнях трех ключевых взаимосвязанных задач: качество профессионального образования, его доступность и эффективность.

Непрерывное образование – это комплекс государственных, частных и основанных на другой форме собственности образовательных учреждений, обеспечивающих организационное и содержательное единство, преемственность и взаимосвязь всех звеньев начального, среднего, высшего профессионального образования, переподготовку и повышение квалификации каждого человека с учетом настоящих и перспективных общественных и экономических потребностей и личных образовательных целей и возможностей.

В каждой стране процесс развития теории и практики непрерывного образования имеет свои специфические черты, но в то же время выявляются и их общие принципы: гибкость и вариативность системы образования; совершенствование организации и содержания системы общего образования; перестройка системы профессионального образования, что дает возможность повышать профессиональные компетенции всего активного населения и перейти от технико-практической к местно-прагматической направленности профессионального образования и обучения, а также социально-ориентированной и гуманистической системе профессионального образования.

Библиографический список

1. *Бирюков А.В.* Две модели интеграции: реформа образования в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Болонский процесс // Высшее образование сегодня. – 2004. – № 12. – С. 48–51.

2. *Машукова Н.Д.* Формирование профессиональных стандартов и их сопряженность с образовательными стандартами. – М.: ИПР СПО, 2003. – С. 49–64.

3. *Даурова Х.М.* Система образования объединенной Германии. – Майкоп, 2002. – С. 31.

4. *Глазунов А.Т.* Британская профшкола. – М.: Издат. центр АПО, 2002. – С. 75.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32.001

Зайцев Александр Владимирович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
aleksandr-kostroma@mail.ru

ДИАЛОГИКА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ИСТОКИ, ПОНЯТИЕ, СМЫСЛ

В статье рассматривается возможность приложения теории диалога М.М. Бахтина и В.С. Библера к анализу диалогической коммуникации государства и гражданского общества. С позиций политической науки обосновывается диалогика гражданского общества как сфера субъект-субъектной коммуникации, симметричной интеракции, делиберации, полифонии, плюрализма и толерантности.

Ключевые слова: *диалогика, диалог, гражданское общество, государство, взаимодействие.*

Демократизация взаимоотношений государства и гражданского общества в их взаимодействии в государственно-управленческих и коммуникативных процессах предполагает создание атмосферы доверия и согласия, в том числе на основе публичного диалога между государственными структурами и представляющими интересы граждан общественными институтами. Диалог – это не просто разговор разных лиц, а определенный тип общественных отношений. В процессе диалога люди должны не только слушать и слышать друг друга, но и пользоваться одними и теми же правилами коммуникации. Культура общественного диалога, дискуссий, дебатов, полемики в нашей стране до сих пор все еще не осознана в должной мере и тем более широко не воплощена в социальную и политическую практику.

Диалог – в современном понимании этого феномена – является неким аналогом общественной дипломатии как процедуры переговоров с итоговой договоренностью. Общественный диалог – это путь, ведущий от разногласий и конфликтов, сначала через совместное обсуждение имеющихся проблем, к сближению позиций, а затем к взаимопониманию и сотрудничеству сторон этого дискурса. Поэтому дух подлинного, а не формально-показного диалога – это всегда конструктивный поиск разрешения конфликтных ситуаций в ходе общественных переговоров, дискуссий, полемики, дебатов, сопоставления и выбора различных подходов и аргументов, идей и вариантов решений. При этом областей общественного диалога множество: это и диалог между различными общественно-политическими силами, между ними и властью, между властью и гражданами, это может быть диалог культур или цивилизаций, мировоззрений, межрелигиозный или межконфессиональный диалог и так далее.

С одной стороны, суть общественного диалога расшифровывается через такие понятия, как «общение», «взаимодействие», «контакт», «обсуждение», «разговор», «обмен посланиями», «переговоры», «консультации» и т.д. При ведении такого диалога необходимы совместные действия во имя взаимопонимания, обмена и увязывания в целое всего положительного, чем располагает каждая сторона. Но, с другой стороны, диалог не может обойтись без спора, борьбы мнений, дискуссии, критики, полемики, ибо надо отстаивать свою точку зрения, отвергать уязвимое и неприемлемое в позициях партнеров, критически проверять устойчивость их предложений, самокритично анализировать свою позицию. «Диалогическое взаимодействие осуществляется на всех уровнях социального бытия, так как диалог имманентно присущ социальности. Субъектами реализуется выработка стратегии совместных действий» [1].

Разумеется, есть силы, с которыми диалогические отношения невозможны. Таковы экстремисты всякого рода, поскольку экстремизм и, тем более, терроризм, изначально не признает партнерства и крайними радикальными мерами стремится утвердить и провести в жизнь только свои, по сути дела, антидиалогические, представления о должном в общественной жизни.

Проблема диалога в современном мире вызывает огромный интерес у философов и ученых, педагогов и культурологов, политиков и священнослужителей, у представителей разных направлений общественной мысли. Объясняется это тем, что в конце XX – начале XXI века в мире обозначился ряд таких острых и актуальных проблем, разрешение которых возможно только на основе глобального или локального общественного или гражданского диалога. Диалог в современном мире предстает в виде широкой междисциплинарной научно-теоретической парадигмы и важнейшей формы социокультурной и политической деятельности, характеризующейся тенденцией к глобальному «согласию» культур, цивилизаций, народов, религий, государств, идеологий, политических и общественных организаций, то есть всех субъектов социально-политического процесса. Благодаря становлению общественного диалога исчезают прежние разграничительные барьеры, выстраиваются новые дружественные и партнерские отношения между странами, народами, социальными общностями и группами, управляющими и управляемыми, вла-

© Зайцев А.В., 2012

стью и обществом. Терпимость по отношению к другим религиям, культурам, обычаям, взглядам и интересам, уважение к правам человека, национальным и политическим меньшинствам – условие и гарант мирного гражданского сосуществования как разных государств, так и населения в каждой из существующих стран.

В третьем тысячелетии общественный диалог приобретает всё большее значение, как залог мирного существования современной постиндустриальной информационной цивилизации. Глобальные вызовы в мире и перемены, бурно происходящие в информационно-коммуниктивном пространстве, в социально-экономической и общественно-политической жизни, требуют от рядовых граждан, профессиональных политиков, политической элиты, правящих партий, государства и гражданского общества, «партии власти» и оппозиции умения эффективно разрешать возникающие конфликты и противоречия, толерантно и мирно сосуществовать в общем жизненном пространстве, быть открытыми для переговорного процесса, партнерства, взаимодействия, уметь строить диалог со всеми субъектами, агентами и акторами социально-политического коммуникативного процесса. В современных условиях власть всё больше трансформируется – медиатизируется и становится информационной властью (медиакратией), осуществляя политику в ее символическом выражении.

Осознание предельности человеческого существования и связанное с этим стремление к безопасности и продлению социального бытия делают актуальным становление новой мировоззренческой и практической основы целостного бытия человечества, онтология которого должна строиться на признании преимущества открытых транспарентных систем, способных к общественному диалогу. Утрата доверия к социальным институтам индустриальной цивилизации, отчуждение от результатов и продуктов своей деятельности, дегуманизация социальных отношений на основе манипуляции общественным мнением со стороны «традиционных» СМИ и политических PR-технологий стали, к сожалению, определяющей чертой бытия современного социума, государства, гражданского общества и отдельного человека. В процессе симулякризации действительности даже общественный диалог подвергся серьезным мутациям и стал все больше походить на парадиалог и выхолощенный до неузнаваемости монологизированный псевдодиалог.

Изменение сложившейся ситуации предполагает теоретическое осмысление сущности человека как гражданина, его коммуникативной природы, условий развития и существования личности и социума, коммуникации государства и гражданского общества. Исследованием этих и других проблем занялись еще представители нового философского направления, возникшего в 10-х – 20-х годах XX века и получившего название философии диалога. Её основоположниками стали: Мартин Бубер (1878–1965), Ойген Розеншток-Хюсси (1888–1973), Михаил Михайлович Бахтин (1895–1975), Франц Розенцвейг (1886–1829), Фердинанд Эбнер (1882–1931) и другие мыслители.

Благодаря им такие понятия, как «диалогизм» и «диалогичность», приобретают широкий диапазон смыслов, характеризующих онтологическую природу диалога, его гносеологическую функцию и методологическую роль в осмыслении сложнейших проблем современности. Свою весьма пеструю теорию представители философии диалога связывают с присутствием живого равноправного участника процесса говорения, наличием «другого», способного принять участие в беседе и отвечать на обращенную к нему речь. С точки зрения методологии это означало отказ от прежних моноцентричных субъект-объектных отношений, сформировавшихся в эпоху Нового времени, и переход к субъект-субъектному, то есть не монологическому, как ранее, а равноправному диалогическому взаимодействию полноценных акторов коммуникативного процесса. Эта дискурсивная теория в дальнейшем была перенесена такими мыслителями, как М. Фуко, М. Хабермас, К. Апель и другие, из сферы абстрактных метафизических рассуждений представителей диалогической философии в сферу социальной и политической коммуникации власти и социума, государства и гражданского общества. Это соответствовало демократизации общественно-политической жизни западноевропейского общества, отходу от монологически-вещательных, пропагандистских, административно-командных и авторитарно-тоталитарных методов управления к более современным, учитывающим возрастающую политическую роль и значение гражданского общества, его институтов и организаций. Так диалог постепенно становится важнейшей метафорой современной цивилизации и демократизации политики.

М.М. Бахтин стал наиболее значительными выразителем смены гуманитарно-философской парадигмы в XX веке на российской почве. Его философские труды, научные исследования в области лингвистики и филологии, эстетики и этики, риторики и педагогики богаты мыслями о диалоге. Диалогический подход пронизывает всё его творчество, являясь точкой отсчета в его методологии социогуманитарного знания, применимого и в политической науке. М.М. Бахтин утверждает, что жизнь по природе диалогична, а принцип диалогизма свойствен не только философскому, но также научному и художественному мышлению, всему бытию в целом. В его трактовке диалог становится универсальным понятием, «пронизывающим всё, человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще всё, что имеет смысл и значение» [2, с. 49].

Диалогика – учение, разработанное В.С. Библером, обосновавшим, вслед за М.М. Бахтиным, диалогический характер культуры, общества, бытия и познания. «Диалогика – логика диалога двух и более логик». Если диалектика «предполагает развитие одной, данной логики – самотождественной», то диалогика есть «общение логики и логики», не совпадающих одна с другой, выходящих на «грань с другой логикой, с другой всеобщей культурой» [3, с. 14–15]. Диалектика – это логика диалога, а диалогика – диалог разных логик. При сопоставлении различных логик, доминирующих в истории общества и науки, спор о том, какая из логик лучше, на уровне исходных допущений оказывается спором о том, чье представление о мироустройстве вернее. Однако обозримая историческая перспектива не дает оптимистических оснований для скорого решения таких мировоззренческих проблем. В отличие от вертикальной структуры классической логической триады «понятие – суждение – рассуждение», занимающей центральное место в монологике, в диалогике на первый план выходят горизонтальные структуры, определяемые обменом мнениями (переговорами) между агентами в интересах построения соглашений и коллективного принятия решений. Соответственно этому, любое рассуждение рассматривается как диалогическое, а не монологическое. Основная идея В.С. Библера заключается в том, что мы живем в период смены логики: от доминирующей рациональной логики к диалогике – диалогу разных логик или «диалогической полифонии». Если для эпохи Нового времени была присуща логика понимания мира как объекта познания, то для современной эпохи основной проблемой становится логика взаимопонимания и взаимодействия. В этом смысле диалог не совместим с отношениями типа «субъект-объект». Любая объективация есть выпадение из диалога и, следовательно, из мира человеческих взаимоотношений. Все, что движется в логике объективации (овеществления, отчуждения), к диалогу не способно. Вещи – в виде природных или искусственных образований – в диалог не вступают, в него вступают только люди и лишь в качестве взаимно опосредующих друг друга субъектов. Поэтому правильнее говорить не о диалоге культур (или цивилизаций), а о диалоге людей, граждан, их объединений, представляющих разные, в том числе и политические, культуры. В связи с этим В.С. Библер замечает: «Для гражданского общества характерны – четкая расчлененность, разветвление общественных связей и интересов, динамичная структурализация социальной жизни, с выходом на ясное сознание социально-политических интересов и устремлений различных социальных групп, классов, идейных программ, форм деятельности и т.д. В этом плане – гражданское общество есть форма общения…» [4]. Отсюда вытекает политический плюрализм мнений, оценок, диалог культур и полифония идеологий, свободная конкуренция политических сил и проектов, – таков в общем виде идеал гуманистического общества XXI века, вытекающий из диалогики В.С. Библера.

Диалогические отношения в социуме «разыгрываются» на множестве «сцен»: в средствах массовой информации, в Интернете, парламенте, на съездах, собраниях, митингах, конференциях, в дискуссионных клубах, общественных советах и на других площадках диалоговой коммуникации. Для налаживания гражданского диалога важно отказаться от глубоко укоренившейся в политическую и гражданскую культуру дихотомии «мы» – «они», необходим отказ от стереотипного образа «врага» и готовности «сражаться с ним до победы». Самое трудное в установлении диалогических отношений – научиться искусству компромисса, то есть способности уступать, признавать свою неправоту, слабость собственных аргументов, соглашаться с доводами партнеров-соперников, видоизменять свой подход, оценки, требования. Компромисс предполагает достижение согласия между партнерами, находящимися внутри системы диалогических отношений, притом автономными и равноправными. Преодоление реального или потенциального конфликта связано с отказом участников социального взаимодействия от одних требований, при трансформации других в целях локализации и ликвидации конфликта, установления динамического равновесия как условия оптимального функционирования и развития социальной системы. На первый взгляд, может даже показаться, что в такой диалогической ситуации может произойти «потеря лица» или «пострадает статус» какого-либо участника коммуникации как представителя определенных общественно-политических сил. Или, быть может, компромисс, обретенный в диалоге, может быть расценен как слабость или даже трусость. Поэтому психологически важно осознание общности конечных интересов всех участников диалога на пути к наилучшему рациональному результату, достигаемому общими усилиями, в том числе и через уступки, консенсус и компромисс.

В условиях политической монополии и идеологического диктата КПСС, как пишет В.С. Библер, «были вышиблены из государственных механизмов все “шестеренки”, соединяющие общество и аппарат, бюрократы существовали и действовали вне системы обратных связей, только в режиме “сверху – вниз”, а организации квазигражданского общества выступали в роли “приводного ремня” от правящей бюрократии к социуму». «Там, где нет форм гражданского общества, там общение людей перестает быть общением самостоятельных субъектов – субъектов собственности, права, творчества, рынка – и оказывается “общением” варварских – только индивидуально психологически ок-

рашенных – диффузных стихий (и винтиков одновременно)» [4].

Диалогика, как наука и искусство коммуникативного мышления и социального действия, позволяет вести плюралистическое рассуждение о едином и многообразном мире, его отдельных частях и сферах общества на основе анализа различных точек зрения и интерпретаций исследуемого предмета. Представители разных мнений должны исходить не из утверждения истинности своих взглядов в последней инстанции, а из признания определенной рациональности противостояния мнений и необходимости не только выслушать иные мнения, но если они окажутся истинными, то и воспринять их. Как правило, такой полифоничный и всесторонний анализ различных позиций сводится либо к творческому взаимодействию, либо к их конфликтному противодействию. Творческое же развитие диалогических идей и принципов полифонии М.М. Бахтина, В.С. Библера и их единомышленников, применение этих теоретических концепций, взглядов к диалогике гражданского общества и его интеракции с государством в значительной степени помогут решить давно назревшие проблемы развития гражданской активности, участия населения в контроле над властью и в управлении государством.

Конечно, ни М.М. Бахтин, ни В.С. Библер в силу объективных причин не занимались собственно политологической проблематикой. В центре их внимания – эстетика словесного творчества, мышление, философия, диалогическое общение и коммуникация, полифония и диалог культур. Но эти и другие диалогические идеи вполне применимы в сфере целого ряда социальных и гуманитарных наук, в том числе в лоне политической науки. Тем более, что, как справедливо отмечает В.С. Рахманин, «многие события в политической жизни России и мира в целом в последние десятилетия нередко трудно объяснимы из-за теоретико-методологической непроработанности проблем диалога культур вообще, политических в особенности. Эти проблемы приводят к столкновениям не только различных концепций, но и социально-политических практик... С одной стороны, государства и социумы становятся все более открытыми для диалога, а с другой стороны, демократия в современном мире не находит пока способов и методов преодоления конфронтации, насилия, национально-этнических конфликтов, склонности к геополитическому гегемонизму под флагом защиты демократии. Либеральные реформы в России не привели к полноценной демократии... Демократический диалог между государством и обществом, властью и оппозицией, капиталом и трудом подвергается манипулятивной экспансии политических технологий» [5, с. 262–263].

С В.С. Рахманиным солидарен и С.П. Поцелуев, отмечающий факт недостаточной разработанности теории и методологии изучения общественного диалога политической наукой. Ведь к исследованию проблемы диалога сегодня самым парадоксальным образом «ближе всего подходят не столько политологи, сколько их коллеги из смежных отраслей знания: философы, лингвисты, социологи, медиаведы» [6, с. 6]. О диалоге, которому посвящены и о котором написаны буквально горы литературы как в мировой, так и в отечественной науке, до сих пор мало что сказано современной политической наукой. И если политический диалог, пусть и недостаточно, но все-таки привлекает к себе внимание ряда исследователей, то такая разновидность общественного диалога, как гражданский диалог или диалог государства и гражданского общества, вообще выпал из поля зрения отечественной политологии. И хотя редко какая научная работа или статья, посвященная взаимодействию власти и социума, обходится без упоминания необходимости развития, совершенствования, углубления и даже институционализации диалога, исследований, специально посвященных осмыслению природы, содержания и сути социально-политического (гражданского) диалога государства и гражданского общества, до сих пор не существует. Поэтому данная работа, опирающаяся на социокультурную а также неоинституциональную методологии анализа диалогики гражданского общества, вытекающую из исследования диалога М.М. Бахтиным, В.С. Библером, А.С. Ахиезером и другими отечественными и зарубежными обществоведами, является новаторской попыткой автора хотя бы частично восполнить образовавшийся вакуум в современной российской политической науке и восполнить его теорией диалогики гражданского общества.

Под понятием «диалогика гражданского общества» автор понимает институциональную коммуникативную природу (матрицу) гражданского общества, которая устроена на горизонтальных субъект-субъектных связях и отношениях, то есть на диалоге как внутри самого гражданского социума посредством сетевой интеракции между организациями, институтами и отдельными акторами, так и в сфере взаимодействия с государством и его институциональной инфраструктурой. Для российского государства, в отличие от гражданского общества, присуща не горизонтальная, а вертикальная, иерархическая, вещательная, пропагандистская, то есть, по сути дела, монологическая институциональная матрица. Данную экзогенную коммуникативную технологию государство пытается экстраполировать и на интеракцию с гражданским обществом, встроив его в свою вертикаль власти. Данная интенция проявляется в использовании различных коммуникативных технологий в виде диалогизизации традиционного для российской власти монолога или других диалогических симулякров в виде парадиалогических и псевдодиалогических форм взаимодействия,

а по сути дела, воздействия на общественное сознание и общественное мнение. Диалогика гражданского общества проявляется:

– в наличии горизонтальных коммуникативных механизмов и средств внутригражданской интеракции и взаимосвязи между вступающими в обоюдный диалог друг с другом гражданами, организациями, структурами и другими элементами гражданского общества;

– в свободной двухсторонней коммуникации рядовых граждан, а также их добровольных ассоциаций, включающих некоммерческие, негосударственные и неправительственные организации, общественные структуры, политические партии, профсоюзы и церковь с государством, создающим законодательно закрепленные юридические и материально-технические условия для такого общественного диалога;

– в формировании и расширении публичной сферы, представляющей собой коммуникативное пространство, где устанавливаются диалогические связи и коммуникация между государством, бизнесом и гражданским обществом;

– в участии отдельных индивидов, институтов и структур гражданского общества в разработке, обсуждении и принятии решений по экономическим, политическим, социальным и иным вопросам, то есть в публичной политике;

– в агрегации, артикуляции и представлении общественных интересов в сфере публичной политики и в формировании общественного мнения;

– в публичном контроле за деятельностью власти и за положением дел в государстве, в экономике и в социокультурной сфере; проведении общественных экспертиз, консультаций и общественных обсуждений принимаемых законопроектов и социально значимых политических решений;

– в развитии и продвижении гражданских инициатив и инноваций, в формировании новой гражданской культуры общества активистского типа;

– в общественном влиянии и воздействии на формирование текущей и перспективной политики внутри государства и за его пределами.

В отличие от государства, гражданское общество заинтересовано в институционализации равноправного и симметричного диалога не только в сфере внутригражданской коммуникации, но на поле публичной интеракции с государством и бизнесом. Диалогика онтологически присуща гражданскому обществу, выступает в виде его делиберативности, плюралистичности, транспарентности, толерантности, полифоничности и публичности.

Библиографический список

1. *Виноградова Н.Л.* Диалогическая сущность социального взаимодействия: Автореф. … д-ра филос. наук. – Волгоград, 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dslib.net/soc-filosofia/vinogradova.html.

2. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1979.

3. *Библер В.С.* Диалектика и диалогика // Архэ. Ежегодник культурологического семинара. Вып. 3. – М., 1998.

4. *Библер В.С.* О гражданском обществе и общественном договоре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bibler.ru/bim_ng_o_grazhd.html.

5. *Рахманин В.С.* Диалог политических культур как демократический процесс // Логос. – 2005. – № 4 (49).

6. *Поцелуев С.П.* Диалог и парадиалог как формы дискурсивного взаимодействия в политической практике коммуникативного общества: Автореф. ... д-ра полит. наук. – Ростов-на-Дону, 2010.

УДК 316.33.321

Зимин Вячеслав Александрович
Самарский институт Восточной экономико-юридической гуманитарной академии
natali.26.12@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И ЕЕ ТЕОРИИ

В статье дана основная характеристика политической модернизации, раскрыто ряд ее теорий, затронуты отдельные вопросы модернизации в Российской Федерации.

Ключевые слова: *теории, политическая модернизация, либеральное и консервативное направления.*

«России нужна всесторонняя модернизация, – заявил Д. Медведев. – Нам нужна экономика, основанная на интеллектуальных достижениях, то есть так называемая умная экономика, – но умная экономика может быть создана только умными людьми» [7]. По этой причине наше общество усложняется, становясь неоднородным и многомерным. «Таким обществом не нужно пытаться командовать – с ним нужно сотрудничать. Политика должна становиться более умной, более гибкой, более современной» [7].

Известный политолог Г. Павловский отметил, что «Заявления Медведева, сделанные на Госсовете, исключительно важны. Он совершенно определенно сказал, что политика модернизации – это никакая не мода, не подражание, не поветрие, это нужно стране, чтобы преодолеть отсталость, что речь идет также о модернизации политической системы. …Нам надо строить свою, российскую модель, и эта модель будет свободной, а не тоталитарной» [9].

Политическую модернизацию многие политологи определяют как процесс перехода общества от традиционной политической системы к современной – индустриальной или постиндустриальной. Эта модернизация сформировалась в 50–60-е годы XX века для обоснования политики Запада по отношению к освободившимся от колониальной зависимости странам. Термин «модернизация» в этот период означал «одновременно и стадию (состояние) общественных преобразований, и процесс перехода к современным обществам. Он нес в себе нормативность, заданность перехода к «модерну», воплощению критериев современного общества, которые необходимо учитывать недостаточно развитым странам в процессе своего реформирования» [10, с. 297].

Методологической основой теории модернизации стали социологические концепции О. Конта, Г. Спенсера, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Ф. Тенниса и их подходы к проблемам общественного развития.

Вначале многие западные ученые рассматривали модернизацию как вестернизацию, простое механическое заимствование опыта Запада и их институтов, без учета фактора социокультурной самобытности ряда стран. Позднее эта односторонность была преодолена. Связь между развитием и модернизацией стала изучаться более критически. В конце 90-х – начале 2000-х гг. стали более детально исследоваться конкретные политические процессы с учетом специфических национальных, исторических условий и культурного развития разных стран.

При осуществлении преобразований в стране ученые называли свою последовательность. К. Гриффин предлагал начинать реформы с сельского хозяйства, А. Экстайн – с индустриализации общества, С. Эйзенштадт – с развития институтов, учитывающих социальные перемены, Б. Шрамм основную роль в этих процессах отводил политическим коммуникациям, которые транслировали общие ценности и т. д.

Значительную роль в разработке концепций политической модернизации имеют ученые Г. Алмонд, Л. Биндер, С. Верба, Р. Даль, Л. Пай, С. Хантингтон, В. Цанф, Д. Коуэлман, А. Мартинелли, И. Валлестайн, К.С. Гаджиев, В.В. Ильин, А.С. Панарин, И.И. Лукащук, А.И. Соловьев и др.

Пути модернизации предлагались с одной стороны консерваторами, а с другой – либералами.

Политологи консервативного направления (С. Хантингтон, Х. Линдц, Т. Цуратани и др.) в период модернизации большую опасность видят в том, что рост политического участия может обогнать существующий реальный уровень подготовленности масс к такому участию. Они видят опасность для модернизации в политической нестабильности, [13, p. 12] предлагают сначала создать прочные политические институты. В то же время ученые не отрицают демократические ценности и имеют схожие взгляды с либералами на конечные цели политической модернизации. В целом консерваторы основное внимание акцентируют на наведение политического порядка с помощью централизованных институтов. Они предлагают ряд альтернативных вариантов модернизации.

Политологи либерального направления (Г. Алмонд, Р. Даль, Л. Пай и др.) считают, что для успешной политической модернизации необходимо широко вовлекать народ в деятельность институтов представительной демократии и создавать условия для свободной конкуренции политических элит.

Американский политолог Р. Даль в русле либерального подхода выдвинул теорию полиархии. Он подчеркивает приоритет политического плюрализма и способность демократических институтов обеспечить согласование интересов групп и индивидов без утраты их автономии. В полиархии ос-

© Зимин В.А., 2012

новным принципом является представительный характер власти. Он реализуется через выборность. Р. Даль расширил критерии демократического процесса. В полиархию он включает семь институтов, которые сложились в процессе адаптации демократических идей. От ученого не ускользают и недостатки организационного плюрализма. «Ассоциации могут достигать большего, чем просто защиты или артикуляции интересов своих членов. Они способны также заострять и преувеличивать частные аспекты групповых интересов как противостоящие другим, возможно отмеченным большей привлекательностью и лояльностью интересам…» [3].

Для модели плюралистической демократии характерно соревнование между политическими партиями во время выборов и возможность групп интересов свободно выражать свои взгляды. Благодаря заключению разнообразных компромиссов поддерживается баланс отношений, и этим путем снижается напряженность межгруппового противостояния. «Практический опыт показал, что, при всех преимуществах такого понимания демократии, применение данной модели власти возможно только за счет распространения в обществе единых, базовых для всех групп идеалов и ценностей, отсутствие которых превращает межгрупповые различия в непреодолимое препятствие для принятия государственных решений. В рассматриваемой трактовке демократии слабо учитываются степень и характер влияния на власть различных групп, а также роль личности в политическом процессе» [10, с. 271–272].

Развитие группового представительства интересов отводит гражданину пассивную роль. Членами каких-либо групп является лишь небольшое число людей, значит интересы всех граждан в данной модели демократии недопредставлены. «Такая демократия, по мнению ряда ученых, представляется не как власть народа, а как власть с согласия народа. Для плюралистов основное предназначение демократии – защита требований и прав меньшинств» [11, с. 154].

В дальнейшем идейное содержание теории политического плюрализма значительно расширилось. Большое место в ней было отведено критике тоталитарных режимов. Идеологи либеральной демократии в связи с этим подчеркивают преимущества многопартийной политической системы, усиливают аргументацию в защиту идейного и мировоззренческого плюрализма, принципов терпимости по отношению к сторонникам иных политических взглядов, права граждан на оппозицию.

Важнейшим компонентом процесса политической модернизации является переход от авторитаризма (тоталитаризма) к демократии (демократический транзит) [8].

Американский политолог С. Хангтингтон называет три модели демократического транзита, ставшие классическими: классическая линейная модель (Швеция, Великобритания); циклическая модель (во многих странах Азии, Африки и Латинской Америки); диалектическая модель (Греция, Португалия, Испания).

Для классической линейной модели характерно постепенное ограничение монархической власти и расширение прав парламента и граждан страны. Для циклической модели характерно чередование авторитарных и демократических форм правления. Для диалектической модели характерна нестабильность переходных политических режимов.

Американские политологи Ф. Шмиттер, Г. О´Доннел считают, что демократизация общества проходит три стадии: либерализацию, демократизацию, ресоциализацию граждан (усвоение ими новых норм и ценностей демократии). Данная модель ценна тем, что она указывает на возможность недемократических альтернатив развития и акцентирует внимание на том, что существенным условием и содержанием одного из этапов является согласие элит.

Одной из основополагающих в теории политической модернизации является категория рационализации, так как она характеризует общесистемные свойства политического транзита (здесь: дифференциация и оценка деятельности политических институтов; национальная интеграция; социальная мобилизация).

Экономическая политика в процессе политической модернизации должна основываться на балансе интересов всех социальных групп.

Наиболее полную характеристику политической модернизации как процесса изменения политической системы дали отечественный политолог К.С. Гаджиев и израильский ученый Ш. Эйзенштадт. Это:

– организация дифференцированной политической структуры с высокой специализацией политических ролей и институтов;

– создание конкурирующих политических организаций, которые распространяют политическое влияние на разные функциональные сферы;

– дальнейшее возрастание способности политической системы к успешной адаптации к новым образцам социальных целей, созданию новых видов институтов, которые могли бы обеспечивать как контроль над ресурсами, а также и каналами для эффективного диалога между населением и правительством;

– обеспечение беспристрастной законодательной системы в стране, политико-правовых технологий решения конфликтов;

– мобилизация социальной периферии и рост уровня политического участия граждан за счет расширения субъектов избирательного права;

– создание в стране рациональной политической бюрократии при большой централизации правительственных функций;

– обеспечение гарантий деятельности оппозиционных политических партий, обязательного наличия добровольных ассоциаций и свободной прессы;

– уменьшение роли традиционных элит, их легитимации или замена их модернизаторскими;

– формирование способности политической системы аккумулировать требования и претензии разных социальных групп, создавать в стране политико-правовые механизмы институционализации разрешения конфликтов [12; 1].

Успешной модернизации способствуют следующие факторы: внутренняя готовность модернизирующегося общества к глубоким политическим реформам, ограничивающим власть бюрократии и устанавливающим адекватные «правила игры» для главных политических акторов; желание и способность развитых стран планеты оказать этому сообществу эффективную экономическую и политическую помощь, смягчив тяжесть проводимых реформ [6, с. 44].

Процессу политической модернизации могут препятствовать такие основные причины: отставание от изменений в других сферах жизнедеятельности общества. Подобный разрыв может стать причиной революционного кризиса; к быстро развевающейся демократизации может оказаться не подготовленным уровень развития гражданского общества и политической культуры социума. В этом случае также велика вероятность возникновения кризисной ситуации, чреватой хаосом, ведущей к охлократии [5, с. 93].

Видные российские политологи В. Пантин, М. Ильин, Е. Мелешкина относят процесс политической модернизации в Российской Федерации к эндогенно-экзогенному типу. Характерной особенностью данного типа модернизации является сочетание различных собственных и заимствованных из-за рубежа институтов и традиций. В стране государство играет исключительную роль из-за слабости гражданского общества. Модернизация российского общества постоянно подменяется модернизацией государства.

Сегодня политическая модернизация в Российской Федерации осуществляется в более благоприятных условиях: «устойчивый экономический рост, политическая стабильность, постепенное повышение уровня жизни. Однако для дальнейшего продвижения вперед по пути политической модернизации необходимо не только осознание необходимости реформ, политическая воля реформатора, но и глубинная трансформация ментальности российского общества, связанная с условием опыта европейской цивилизации» [4, с. 373].

Самыми заметными идеями в 2012 году в России стали: радикальная либерализация законодательства о политических партиях, а также изменение системы выборов губернаторов и депутатов Государственной Думы и введение единого дня голосования для всех региональных выборов.

Перемены в политической системе не закончатся, этот процесс будет идти. «В этой связи, задачи и принципы модернизации не должны восприниматься как очередная компания, как рывок под воздействием импульса сверху. Они должны позиционироваться и получать политико-правовое оформление как основной стиль политического управления, суть которого состоит в выявлении накопившихся проблем и предложении адекватных способов их решения. Данная адекватность возможна при наличии реальной, а не имитационной конкурентной политической среды, при наличии реальных каналов обратной связи во взаимоотношениях власти и общества, при наличии понятных большинству граждан правил и механизмов формирования органов власти и т. п. политических преобразований» [2, с. 19].

Библиографический список

1. *Акмалова А.А., Капицын В.М., Панкова Л.Н.* Политология: вопросы и ответы. – М.: Юриспруденция, 2004.

2. *Вилков А.А.* Аграрный вопрос как фактор политической модернизации России // Реформа 1861 г. и современность: 150 лет со дня отмены крепостного права в России. – Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2011. – С. 19.

3. *Даль Р.* О демократии // Антология мировой политической мысли. Т. 2. – М., 1997.

4. *Исаев Б.А., Баранов Н.А.* Политические отношения и политический процесс в современной России. – СПб.: Питер, 2008. – С. 373.

5. *Ланцов С.А.* Российский исторический опыт в свете концепций политической модернизации // Полис. – 2001. – № 3. – С. 93.

6. *Лапкин В.В., Пантин В.И.* Ритмы международного развития как фактор политической модернизации России // Полис. – 2005. – № 3. – С. 44.

7. *Медведев Д.* Выступление на заседании Госсовета, посвященному развитию политической системы России // Российская газета. – 2010. – 25 января.

8. *Мельвиль А.Ю.* Демократические транзиты (Теоретико-методологические и прикладные аспекты). – М., 1999.

9. Российская газета. – 2010 – 25 января.

10. *Соловьев А.И.* Политология: политическая теория, политические технологии. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 297.

11. Теории политики / под ред. Б.А. Исаева. – СПб.: Питер, 2008. – С. 154.

12. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ: сравнительное изучение цивилизаций. – М., 1999.

13. *Huntington S.P.* Political Deveiopment and Political Decav // Word Politics. – 1995. – Vol. 17. – № 3. – P. 12.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 340

Рощин Борис Евгеньевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
pravoborise@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОХРАНЫ ТРУДА РОССИЙСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА В 1918–1920 ГОДАХ: ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В предлагаемой статье рассмотрены некоторые основные особенности процесса государственного обеспечения охраны труда российского пролетариата и формирования советской системы административного надзора за соблюдением трудового законодательства в сфере охраны труда в период радикальных революционных преобразований российского общества, на первоначальном этапе социалистической организации труда (1918–1920 гг.).

Ключевые слова: *социалистическая организация труда, социально-трудовая сфера, идеология большевизма, российский пролетариат, инспекция труда, административный надзор, технический надзор, охрана труда.*

Все завоевания, которые рабочий класс делает на своём пути к коммунизму, по сути дела, являются прямо или косвенно охраной труда.

Н.И. Бухарин

На современном этапе развития российского общества понятие «охрана труда» представляет собой сложное, многоаспектное явление, и, следовательно, на практическом уровне эффективная охрана труда возможна лишь при комплексном анализе и учете всех ее аспектов. Данное явление находится в поле зрения ряда наук: экономики, социологии, медицины, юриспруденции и других. В широком смысле охрана труда представляет собой упорядоченную систему сохранения жизни, здоровья работников в процессе их трудовой деятельности, включающую ряд необходимых мероприятий (правовых, организационно-технических, социально-экономических, лечебно-профилактических, санитарно-гигиенических, реабилитационных и других).

Конституция РФ (ст. 37) декларирует право каждого (гражданина, иностранца, апатрида и др.) на применение своих способностей к труду и на осуществление соответствующих трудовых функций в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены.

Охрана труда в юридическом аспекте – это межотраслевой правовой институт, представляющий собой совокупность правовых норм различной отраслевой принадлежности (трудовое, административное, уголовное право, право социального обеспечения и другие отрасли права), обеспечивающих безопасность жизни и здоровья работников в процессе их трудовой деятельности. «Институт охраны труда также рассматривают как один из основных институтов трудового права, что исторически обусловлено самим процессом возникновения отрасли трудового права, а также преобладанием в институте охраны труда норм трудового права» [16, с. 453].

Разумеется, формирование и развитие отраслевой системы российского трудового права осуществлялось в конкретно-исторических условиях под непосредственным влиянием исторических процессов (экономических, политических, социальных, культурных). Основные системообразующие институты трудового права, одним их которых является институт «охраны труда», имеют свою давнюю историю и уходят своими «генетическими» корнями в историческое прошлое.

Целью работы является рассмотрение некоторых особенностей государственного регулирования охраны труда, краткий анализ процесса формирования системы административного надзора в сфере охраны труда и правового обеспечения соответствующих мероприятий, проводимых советской властью на первоначальном этапе социалистической организации труда (1918–1920 гг.).

Известный исследователь трудоправовой сферы профессор И.Я. Киселев отмечал: «Советское трудовое право было рождено в результате коренных революционных преобразований в России после захвата власти большевиками 25 октября 1917 года. Советская власть без промедления стала формировать новое трудовое законодательство…» [10, с. 29].

При создании новой отраслевой системы советского трудового права, как правового механизма обеспечения новой формы организации социалистического труда, формирование института охраны труда имело приоритетное значение, поскольку при смене «общественно-экономической формации» (повлекшей базовое изменение формы организации труда, смену форм собственности на основные средства производства, резкое ограничение товарно-денежного оборота, решительный отказ от право-

© Рощин Б.Е., 2012

вого (дореволюционного) опыта и т.п.) произошли фундаментальные изменения в социальной системе российского общества (в том числе в социально-трудовой сфере).

В конкретно-исторических условиях (при тотальной хозяйственной разрухе) российские трудящиеся, испытывая объективные трудности в сфере труда, в наибольшей степени были подвержены неблагоприятному воздействию опасных производственных факторов. Советская власть (в том числе в целях скорейшего завоевания доверия рабочих масс) безотлагательно приступила к решению острых проблем по охране труда российского пролетариата. Так, в резолюции «Инспекция труда и Отделы охраны труда», принятой на II Всероссийском съезде комиссаров труда, представителей бирж труда и страховых касс, проходившем в Москве с 18 по 25 мая 1918 года, говорилось: «Задачей рабоче-крестьянского правительства в области охраны труда является принятие всех необходимых мер для сохранения рабочего класса от вырождения, предоставления ему возможности свободного духовного и физического развития и сохранения его живой силы… Эти задачи, вообще, могут быть выполнены только при осуществлении самого глубокого проникновения во все моменты жизни рабочих с целью правильно организовать профилактику в самом широком смысле этого слова» [4, с. 374]. Нетрудно заметить, что данная концепция по существу не изменилась и на современном этапе развития охраны труда. Следует также отметить, что подобные резолюции всевозможных съездов (в рассматриваемый период) являлись руководящими установками к определенным действиям и идеологической основой для советского правотворчества.

Одним из первых нормативно-правовых актов, заложивших правовые основы советской системы административного надзора за сферой охраны труда, стал декрет Совета Народных Комиссаров (далее – СНК) «Об Инспекции Труда» (от 18.05.1918 г.), согласно которому в Советской России учреждался «институт выборной рабочей инспекции», главная цель которой – осуществление охраны жизни, здоровья и труда всех работников, занятых «какою бы то ни было хозяйственной деятельностью», и распространение данной охраны на жизненные условия российских трудящихся как по месту работы, так и на жилищно-бытовую сферу. Следует отметить, что изначально формулировка «какою бы то ни было хозяйственной деятельностью» звучит достаточно неопределенно, а распространение полномочных обязательств данной инспекции на внетрудовую сферу жизнедеятельности работника (в том числе на бытовую) практически размывало должностные обязанности инспектора. К тому же, согласно ст. 5 данного декрета, наркому труда и областным комиссарам труда настоятельно рекомендовалось по мере возможностей распространять деятельность инспекции на лиц, «занятых хозяйственной деятельностью не только по найму». Очевидно, что подобный объем работы снижал эффективность деятельности данной инспекции.

Инспекция труда создавалась и функционировала в ведении Народного Комиссариата Труда (далее – НКТ) и его органов на местном уровне. Для достижения определенных данным декретом целей на инспекцию возлагались наблюдение и контроль за проведением в жизнь и соблюдением нормативно-правовых актов советской власти (декретов, постановлений, положений, инструкций и т.п.) в сфере «охраны интересов трудящихся масс», а также непосредственное осуществление соответствующих мероприятий по охране безопасности жизни и здоровья российских трудящихся. Одновременно на инспекцию возлагались обязанности по безотлагательной организации технического надзора, путем привлечения соответствующих специалистов либо заключения соответствующих договоров с техническими организациями [12, ст. 474]. В отчете НКТ «Инспекция труда (первые шаги и перспективы)», опубликованном в 1919 году, отмечалось, что «надзор по охране труда сразу распространен был на всех трудящихся, вместо того, чтобы охватывать, как прежде, только незначительные, организованные круги их» [1, с. 10].

В реальной действительности данное положение действовало лишь на теоретическом уровне. Обладая государственно-властными полномочиями, представители трудовой инспекции («инспектора и инспектриссы»), имели право привлекать к административной ответственности, налагая штрафные санкции (в пределах, установленных специальной инструкцией), либо инициировать привлечение к суду лиц, виновных в нарушении (неисполнении) соответствующих правовых нормативов по охране труда. Для осуществления соответствующих контрольно-надзорных функций инспекторы труда наделялись правом свободного доступа «во всякое время во все без изъятия места работы, отдыха и жилья трудящихся и их семей».

Процесс организации данной инспекции осуществлялся на выборных началах, что, согласно определенным идеологическим установкам, должно было способствовать практической реализации соответствующих принципов советской политики – широкого привлечения рабочих масс к участию в делах страны, к творческой управленческой работе в советских организациях. Инспекторы труда, как представители и носители государственной власти, избирались Советами профсоюзов и Страховыми кассами (общегородскими или окружными).

Декрет «Об Инспекции труда» упразднил:

– фабричную инспекцию, действовавшую согласно Уставу о промышленном труде (УПТ 1913г.);

– горную инспекцию;

– главное по фабричным и горнозаводским делам присутствие, дела, архив, имущество которого подлежали передаче в ведение НКТ;

– губернские и областные по фабричным и горнозаводским делам присутствия. При этом согласно декрету СНК «О дополнении декрета об Инспекции Труда» (от 25.06.1918 г.), ликвидация данных учреждений (и соответствующие при этом расходы и расчеты) возлагались на НКТ, а все кредиты по ликвидируемым учреждениям, «включенные в роспись на 1 полугодие 1918 г.», поступали в распоряжение НКТ [13, ст. 558]. Более того, согласно ст. 15 декрета «Об Инспекции Труда» (от 18.05.1918 г.), все фабричные инспекторы и горные инженеры обязывались в месячный срок со дня опубликования декрета сдать местным наркомам труда все архивы, дела, имущество и т.п.

После опубликования данного декрета НКТ оперативно издал циркулярное указание № 8 «Всем Губернским Комиссарам Труда», согласно которому незамедлительная приемка дел возлагалась на губернских наркомов труда. Согласно данному циркуляру № 8, приемку дел следовало производить по соответствующей описи: списки промышленных заведений; списки паровых котлов; наряды фабрик; акты соглашения и несоглашения; информация о несчастных случаях; текущие дела; архив; казенное имущество [5, с. 272].

В развитие декрета «Об Инспекции Труда» (от 18.05.1918 г.) было принято постановление НКТ «О наказе Инспекции Труда» (от 31.07.1918 г.), которое достаточно подробно устанавливало основные функции данной инспекции, а также (в отличие от декрета) конкретизировало сферу деятельности трудовой инспекции. Функции данной инспекции распространялись на всех лиц, независимо от субъективных (в том числе гендерных) признаков (пол, возраст, вероисповедание, национальность) во всех отраслях труда (заводского, фабричного, транспортного, горно-промышленного, сельскохозяйственного, домашней промышленности, личных услуг по найму и др.).

Таким образом, на теоретическом уровне неким критерием подведомственности данной инспекции являлся сам трудовой процесс, осуществляемый у любого, допустимого законом работодателя, при соответствующем вознаграждении работника.

Поскольку на данный момент российская экономика оставалась многоукладной и государство еще не стало единственным работодателем-монополистом, деятельность инспекции распространялась и на частных работодателей. Так, постановление НКТ «О наказе Инспекции Труда» определяло основные направления деятельности данного органа:

1) надзор за соблюдением (применением, исполнением) соответствующих нормативно-правовых актов в социально-трудовой сфере. Для этого инспектор имел право, в частности, требовать от администрации соответствующих промышленных заведений предоставления всей необходимой документации, относившейся к вопросам охраны труда. Следует также отметить, что к моменту издания декрета «Об Инспекции Труда» в основном вся документация предприятий носила открытый характер, поскольку декрет СНК «О рабочем контроле» (от 14.11.1917 г.), в частности, устанавливал, что органы рабочего контроля «имеют право контроля всей деловой переписки предприятия… Коммерческая тайна отменяется. Владельцы обязаны предъявлять органам рабочего контроля все книги и отчеты…» [6, с. 174];

2) общий осмотр промышленных заведений и условий мест работы. Для этого трудовые инспекторы обязывались непосредственно посещать промышленные заведения (цеха, отделы, а также больницы, квартиры для рабочих, детские приюты, ясли, школы, бани и пр., существовавшие при заведениях) в целях осуществления контрольно-надзорных функций;

3) проверка правильности ведения соответствующей документации (в том числе расчетных книжек);

4) надзор за трудом малолетних и подростков, при осуществлении которого трудовому инспектору надлежало обращать особое внимание на ряд существенных моментов: не задействованы ли в трудовом процессе малолетние в возрасте до 14 лет; соблюдаются ли правовые нормы о рабочем времени и времени отдыха несовершеннолетних (сокращение рабочего дня до 6 часов для работников в возрасте до 18 лет, запрет сверхурочных работ и ночного труда подростков); не допускаются ли подростки к соответствующим станкам, агрегатам и другому оборудованию, допустимому только для взрослых;

5) надзор за охраной труда женщин, при осуществлении которого инспектору труда предписывалось выяснить следующие моменты: соблюдается ли запрет на ночные, сверхурочные, а также вредные и опасные работы; соблюдаются ли установленные законом нормы социальной защиты женщин (предоставление отпуска по беременности и родам, продолжительностью 8 недель до и 8 недель после родов (согласно ст. 30 декрета «О страховании на случай болезни» от 22.12.1917 г.); предоставление специального перерыва в течение рабочего дня для кормления ребенка, продолжительностью не менее ½ часа через каждые 3 часа (согласно ст. 33 декрета «О страховании на случай болезни»);

6) привлечение к ответственности правонарушителей в сфере охраны труда. Так, обладая государственно-властными полномочиями, трудовой инспектор нес определенные обязанности по выполнению ряда ключевых функций: а) вынесению соответствующих предписаний (адресованных работодателю) об устранении нарушений, обнаружен-

ных инспектором, которые создавали реальную угрозу жизни и здоровью работников; б) принятию экстренных мер (совместно с фабрично-заводским комитетом) в случаях, не терпящих отлагательства, вплоть до временного закрытия предприятия; в) составлению протоколов о соответствующих правонарушениях со стороны работодателя и инициирование привлечения к суду нарушителей [14, ст. 620].

Разновидностью административного надзора в сфере охраны труда стал надзор за соблюдением правил техники безопасности, главной целью которого являлось обеспечение безопасности жизни, здоровья трудящихся и окружающего населения от производственной деятельности различных предприятий. Правовой основой данного вида административного надзора стало соответствующее положение НКТ «Об органах надзора по Технике Безопасности» (от 8.08.1918 г.).

Организационная система данного вида надзора состояла из 2-х звеньев:

1) на центральном уровне при НКТ создавался технический подотдел отдела охраны труда и социального страхования, на который возлагались соответствующие функции (организация органов технадзора на местных уровнях и общее руководство их деятельностью, разработка новых «законоположений в области охранения жизни и здоровья населения с точки зрения технической безопасности», рассмотрение жалоб на действия нижестоящих органов надзора по технике безопасности);

2) на местном уровне (как правило) учреждались соответствующие технические подотделы при отделах охраны труда и социального страхования губернского отдела труда, на которые, в частности, возлагалось представление в отдел труда соответствующих технических заключений: а) по постройкам зданий, сооружений, при возведении которых требовалось соблюдение определенных правил по технике безопасности; б) на установку и запуск различных сооружений и устройств; в) на открытие промышленных заведений, изначально представлявших особую общественную опасность (производство взрывчатых веществ, ядовитых газов и т.п.); г) на установку паровых котлов; д) на установку электросетей.

Непосредственное осуществление технадзора на местах возлагалось на участковых агентов технического надзора, утверждаемых в должности НКТ, с присвоением соответствующего звания технических инспекторов, которые наделялись определенными полномочиями: а) непосредственное осуществление на местах осмотров, обследований и, в необходимых случаях, проведение испытаний устройств, сооружений, агрегатов и т.п., на предмет соблюдения правил техники безопасности, установленных для их эксплуатации; б) участие в расследовании причин крупных технических аварий и несчастных случаев, повлекших тяжелое увечье или смерть работника [3, с. 123–125]. Так, согласно «Наказу агентам по Технике безопасности» (от 24.08.1918 г.), принятом в развитие положения НКТ «Об органах надзора…» (от 8.08.1918 г.), при каждом несчастном случае, произошедшем в промышленном заведении, технический инспектор обязывался незамедлительно прибыть на место происшествия для проведения соответствующего расследования всех обстоятельств дела (причин, условий, обстановки и т.п.) совместно с инспектором труда, представителем санитарного надзора, представителем соответствующего профсоюза и рабочего комитета. О результатах расследования составлялся соответствующий протокол, копия которого направлялась в губернский отдел труда [7, с. 127].

Первый КЗоТ РСФСР (декабрь 1918 г.) посвятил самостоятельный раздел урегулированию вопросов охраны труда, конкретизировав и упорядочив соответствующие нормы, принятые ранее. Так, согласно ст. 127 охрана труда (также жизни и здоровья) работников, занятых «какою бы то ни было хозяйственной деятельностью», возлагалась на инспекцию труда, технических инспекторов и полномочных представителей санитарного надзора. Более того, КЗоТ подтвердил принцип избираемости только в отношении инспекторов труда, и, следовательно, агенты технадзора не могли избираться на данную должность. Ст. 130 КЗоТ в более конкретной форме устанавливала основные задачи органов инспекции труда, изначально определенные ст. 1; 8 декрета СНК «Об Инспекции Труда», которые заключались в непосредственном наблюдении за «проведением в жизнь» всех нормативно-правовых актов, обеспечивавших всестороннюю охрану жизни и здоровья российских трудящихся.

Для решения подобных охранительных задач органы инспекции труда наделялись соответствующими административными полномочиями, среди которых законодатель сохранил в отредактированном виде право принятия трудовыми инспекторами экстренных мер, направленных на устранение реальной угрозы жизни и здоровью работников, с немедленным извещением о таком решении местного отдела труда. В какой степени допустимы данные экстренные меры и каков их объем, КЗоТ не детализировал и, в отличие от п. «ж» ст. 3, ч. II «Наказа агентам надзора по Технике Безопасности» и п. 23, XIV раздела постановления НКТ «О наказе Инспекции труда», отказался от радикальной формулировки, звучавшей довольно категорично: «принятие экстренных мер – вплоть до временного прекращения работ, закрытия завода, мастерской, остановки машин, двигателя, станка и проч.»[15, ст. 905].

Анализ первоочередных нормативно-правовых актов по охране труда российского пролетариата, принятых на первоначальном этапе социалистичес-

кой организации труда, позволяет сделать некоторые выводы:

1. Практическое осуществление государственной политики по охране труда было сопряжено с рядом объективных проблем (организационных, кадровых, функциональных). Одной из главных проблем, остро проявившихся на практике, стало отсутствие необходимого профессионального опыта у рабочих инспекторов, избранных в основном из пролетарской среды по классовому признаку. Принятие специального положения НКТ «Об органах надзора по Технике Безопасности» и соответствующего «Наказа агентам надзора…» было вызвано объективными условиями и направлено на частичное решение организационных проблем в сфере охраны труда. Очевидно, что для реального выполнения раздела VIII, IX, XI Наказа (то есть осуществления надзора за зданиями, сооружениями, оборудованием и т.п., а также за работой котельных, машин, механизмов и т.п., вести надзор в особо вредных производствах, расследовать несчастные случаи на производстве) требовались специалисты узкого профиля, получившие техническое образование и обладавшие соответствующим опытом (что и было установлено в качестве обязательных требований к агентам по технике безопасности). Функции инспектора по труду и агента по технике безопасности во многом дублировались, но по объему функции агента были более конкретны, хотя тенденции расширить полномочия и возложить на агентов по технике безопасности лишние и несвойственные им (как специалистам узкого профиля) обязательства явно просматриваются в «Наказе агентам по Технике Безопасности» (участие агента в разработке расценок заработной платы, правил внутреннего распорядка, содействие функционированию специфических музеев).

2. Острой организационной проблемой стало также повсеместное отсутствие необходимого числа соответствующих кадров, способных приступить к осуществлению данной деятельности. Так, в отчете НКТ «Инспекция труда (первые шаги и перспективы)» (1919 г.) констатировалось, что «часто на местах не приступали к выборам инспекторов труда за отсутствием соответствующих работников, причём иногда даже просили присылать таковых из центра. Но твердые указания на то, что инспекция труда, как выборный рабочий орган… должна формироваться преимущественно из местных сил, обычно оказывали свое действие и работники находились. Прекрасный пример в этой области представляет Кострома, где после устной беседы в центре с местным Комиссаром Труда, нашлись 4 старых партийных рабочих…» [2, с. 11]. В вышеупомянутом отчёте НКТ также отмечалось, что к середине января 1919 года «вовсе не избраны инспектора (или нет сведений)» в некоторых российских губерниях: Архангельской, Вологодской, Псковской, Петроградской и ряде других. «В Петрограде до сих пор нет инспекторов труда, но в скором времени состоится первый выпуск специальных курсов, готовящих ряд работников для инспекции», – сообщалось в данном отчёте. Подобная информация свидетельствует о том, что к началу 1919 года даже в таком промышленном регионе, как Петроград, ни о какой полноценной охране труда не могло быть и речи (поскольку старые надзорные органы были ликвидированы по истечении одного месяца после опубликования декрета СНК «Об Инспекции труда» и было прекращено их сметное финансирование). Кроме того, сложившаяся к началу 1919 года реальная ситуация красноречиво свидетельствует о том, что множество нормативно-правовых актов, принятых «на заре» советской власти (что отмечают многие исследователи), носило характер популизма. Так, после публикации для практического применения декрета СНК «Об Инспекции труда» (18.05.1918 г.) и, спустя два месяца, соответствующей инструкции (руководства к действию) в форме постановления НКТ «О наказе Инспекции труда» (31.07.1918 г) стало очевидным, что соответствующие профессиональные кадры не появятся сами собой и система административного надзора в социально-трудовой сфере работать не будет. Заведомо невыполнимые законы, как известно, способны породить в обществе лишь недоверие к государственной власти и правовой нигилизм, что наглядно подтверждает исторический опыт.

3. При избрании на должность инспектора труда на первое место выдвигалась классовая принадлежность кандидата на должность, при этом отсутствовали четкие профессиональные требования (образование, возраст, опыт работы, деловые качества и другие важные критерии).

Принцип выборности трудовых инспекторов, осуществляемый при узкоклассовом подходе, часто приобретал формы весьма причудливых метаморфоз. Так, в том же отчете НКТ «Инспекция труда (первые шаги и перспективы)» отмечен «недопустимый факт», когда «в одной губернии обратились на Биржу труда за “специалистом по охране труда” и затем, получив оттуда двух беспартийных инженеров, совершенно чуждых рабочей жизни, избрали их на рабочей конференции» [3, с. 11]. Данная информация свидетельствует о том, что на практике при избрании на должность трудового инспектора «во главу угла» ставились не его профессиональные качества, а классовая принадлежность. Согласно насаждаемой идеологии, рабочий от станка мог успешно справиться с работой трудового инспектора, а «буржуазный» инженер не мог.

4. Классово-идеологический подход к организации охраны труда российского пролетариата породил проблему «отсутствия исторического опыта», решительного отрицания «генетических корней», в результате чего создание советской системы ох-

раны труда осуществлялось в основном «с чистого листа», без основательного изучения и использования положительного опыта предшественников. Так, перед принятием декрета «Об Инспекции Труда», в циркуляре № 7 НКТ, опубликованном в Вестнике НКТ № 4-5, 1918 г., указывалось, что для «правильного разрешения вопроса об учреждении Инспекции Труда необходимо исходить из того основного положения, что между прежней фабричной Инспекцией и Инспекцией Труда нет органической преемственной связи. Как задачи, так и метод того и другого органа настолько различны, что если между ними и существует историческая связь, то она носит чисто хронологический внешний характер» [8, с. 269].

Между тем анализ соответствующих правовых нормативов позволяет предполагать, что генетические корни «административных» контрольно-надзорных функций в сфере охраны труда уходят в период последних двух десятилетий XIX века, когда в российской империи формировалось и активно развивалось так называемое «фабричное законодательство». Однако ценный опыт фабричных инспекторов был решительно отвергнут, как совершенно непригодный в новых исторических условиях, а сами специалисты, среди которых были известные ученые, практики в различных областях, общественные деятели, подверглись достаточно жесткой оценке со стороны соответствующей идеологии. Оценка деятельности фабричных инспекторов со стороны марксистско-большевистских лидеров содержала крайне негативную критику на протяжении всего периода легального существования фабричной инспекции в России. «Фабричные инспекторы вполне подчинены министерству финансов, которое превращает их в прислужников фабрикантов, заставляет их доносить полиции о стачках и волнениях, заставляет их преследовать рабочих за уход с фабрики, даже тогда, когда их не преследует фабрикант, одним словом, превращает фабричных инспекторов в каких-то полицейских служителей, в каких-то фабричных урядников», – так писал В.И. Ленин о «буржуазных» трудовых инспекторах ещё в 1897 году в работе «Новый фабричный закон» [11, с. 78–79].

5. Одной из самых важных проблем в формировании и функционировании системы советского административного надзора стала практическая невозможность (несмотря на законодательные требования) реального распространения охраны труда (и административного надзора по ее соблюдению) на все виды труда (строительных рабочих, сферу личных услуг, трактирный промысел, сельское хозяйство и т.д.).

Острые проблемы, в частности, по вопросам охраны труда имелись в сфере сельского хозяйства, по причине «классовой» отсталости, дезорганизованности, хаотичности данной сферы экономики. Так, в официальном сообщении НКТ «Задачи отдела борьбы труда с капиталом», опубликованном в Вестнике НКТ (№ 1, 1918 г.), говорилось: «…Есть еще отрасли труда, где никто или почти никто не внес организации, – это громадные кадры сельского пролетариата – у него и среди него нет еще организации и нет даже духа организованности, не чувствуется необходимости создать их, а между тем это настоятельная потребность» [9, с. 110]. Кроме того, практически невозможно было проведение административного надзора за видами труда, имевшими фактически гражданско-правовой характер, при которых на стороне работодателя выступало физическое лицо, не имевшее статуса хозяйствующего субъекта (например, оказание личных услуг или выполнение разовой работы за денежное вознаграждение).

Таким образом, на первоначальном этапе социалистической организации труда, в период «военного коммунизма» осуществлялось формирование советской системы административного надзора за революционной законностью в социально-трудовой сфере в целом, с превалированием данного надзора в сфере охраны труда.

В заключение следует отметить, что охрана труда, как объективное социальное явление и сущностная трудоправовая категория, прошла особый эволюционный путь и имеет свой достаточно самобытный исторический опыт, позволяющий оценить прошлое в контексте современности, учесть позитивные и негативные исторические моменты, спрогнозировать, в определенной степени, тенденции на будущее.

Библиографический список

1. Бюллетень отдела Социального Страхования и Охраны Труда при Народном Комиссариате Труда. – 1919. – № 1. – С. 10.

2. Бюллетень отдела Социального Страхования и Охраны Труда при Народном Комиссариате Труда. – 1919. – № 1. – С. 11.

3.Там же. – С. 11.

4. Вестник Народного Комиссариата Труда. – 1918. – № 4–5. – С.374.

5. Вестник Народного Комиссариата Труда. – 1918. – № 4–5. – С.272.

6. Вестник Народного Комиссариата Труда. – 1918. – № 1. – С. 174.

7. Вестник Народного Комиссариата Труда. – 1918. – № 4–5. – С. 127.

8. Вестник Народного Комиссариата Труда. – 1918. – № 4–5. – С. 269.

9. Вестник Народного Комиссариата Труда. – 1918. – № 1. – С. 110.

10. *Киселёв И.Я.* Трудовое право России и зарубежных стран. – М., 2005. – С. 29.

11. *Ленин В.И.* О трудовом законодательстве. – М., 1959. – С. 78–79.

12. Собрание Узаконений РСФСР. – 1918. – № 36. – Ст. 474.
13. Собрание Узаконений РСФСР. – 1918. – № 47. – Ст. 558.
14. Собрание Узаконений РСФСР. – 1918. – № 56. – Ст. 620.
15. Собрание Узаконений РСФСР. – 1918. – № 87–88. – Ст. 905.
16. *Хохлов Е.Б., Сафонов В.А.* Трудовой право России. – М., 2009. – С. 453.

УДК 347.91 (470.342)

Туйчиев Валижан Маматрахимович
Управление Федеральной службы судебных приставов по Кировской области
tuichiev70@yandex.ru

ПРАВОВОЙ СТАТУС СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ МИРОВЫХ СУДОВ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

В статье анализируются особенности организационно-правового положения судебных приставов мировых судов Вятской губернии в пореформенный период. Автор рассматривает порядок назначения на должности судебных приставов, исследует полномочия и ответственность приставов мировых судов.

Ключевые слова: *правовой статус, судебные приставы, мировые суды, Вятская губерния.*

В России до судебной реформы 1864 г. фактически отсутствовал институт судебных приставов. Появление судебных приставов в 60–70 годы XIX века стало одним из закономерных итогов преобразований в системе судоустройства и судопроизводства, диктуемых всем ходом социально-экономического развития страны. Реформа суда не могла быть успешной без создания эффективного механизма исполнения судебных актов. Образованный на основе Судебных уставов институт судебных приставов явился новым структурным образованием в системе судебной власти Российской империи по содержанию и по формам деятельности.

Мировые судебные учреждения в России были введены 17 мая 1866 года в Петербурге и Москве, после чего постепенно вводились и в других местах. Судебная реформа 1864 г. в сфере исполнительного производства в Вятской губернии стала реализовываться в 1869 году, когда при мировых съездах губернии впервые появились судебные приставы.

Судебные приставы мировых судов Вятской губернии являлись неотъемлемой частью аппарата судебных органов и состояли при съездах мировых судей, а не при мировых судьях. В отличие от общих судов, введение института судебных приставов при мировых съездах не носило обязательного характера и входило в компетенцию органов местного самоуправления. В Учреждении судебных установлений было записано, что «для исполнения решений мировых судей и их съездов и для других исполнительных действий по распоряжениям съездов и их председателей, при сих съездах могут быть назначаемы особые судебные приставы», а число приставов и их содержание определяются земскими собраниями или городскими думами[1].

Такой порядок генерировал принципиальные отличия в организационно-правовом статусе судебных приставов мировых учреждений и общих судебных мест. Во-первых, денежное содержание судебных приставов мировых судов Вятской губернии отличалось в различных уездах в зависимости от уровня социально-экономического развития, отношения земства к приставам и других факторов. Во-вторых, судебные приставы в системе мировых судов за совершение исполнительных действий получали меньшее вознаграждение по таксе, чем их коллеги в общих судах. Определение вознаграждения по таксе зависело от позиции земских органов, поэтому в ряде уездов некоторое время такса не действовала. В-третьих, количество судебных приставов при съездах мировых судей в Вятской губернии периодически менялось, а в нескольких уездах нами выявлены факты временной ликвидации судебных приставов мировых судов. Наконец, органы земского самоуправления, кроме денежного содержания, могли предоставлять судебным приставам дополнительные выплаты (на оплату труда рассыльных, канцелярские расходы и т.д.), обеспечивать бесплатным проездом на земских лошадях, а также вводить иные льготы.

Изучение источников показывает, что правотворческие функции земства не ограничивались только указанными вопросами. В ряде случаев земские органы выходили за рамки предоставленных им законом полномочий. К примеру, органы земского самоуправления не имели права надзора за судебными приставами. Подобный надзор осуществлялся министром юстиции, кассационными департаментами Правительствующего Сената, органами прокуратуры и руководителями судебных мест. Однако земские уездные собрания Вятской губернии предпринимали попытки контролировать действия судебных приставов, состоящих при съездах мировых судей. Например, из постановления Орловского уездного земского собрания от 27 сентября 1873 г. следовало, что судебные приставы при

© Туйчиев В.М., 2012

обнаружении несостоятельности должников должны были «доносить об этом управе»[2].

В отношении судебных приставов, назначаемых на должность, действовал значительный перечень цензов, препятствовавших поступлению на государственную службу. Не могли быть судебными приставами: 1) лица, не достигшие 21 года; 2) иностранцы; 3) несостоятельные должники; 4) состоящие на государственной службе или занимающие какую-либо выборную должность; 5) подвергшиеся по приговорам суда ограничению или лишению прав состояния; 6) священнослужители, лишенные духовного сана по приговорам духовного суда; 7) состоящие под следствием за преступления и проступки, влекущие за собою лишение или ограничение прав состояния, а также осужденные за подобные преступления и проступки; 8) уволенные со службы по решению суда или из духовного ведомства; 9) исключенные из сословий по постановлениям соответствующих органов; 10) лишенные по решению суда права на ведение чужих дел[3].

Судебные приставы допускались к исполнению обязанностей после принятия присяги и внесения денежного залога. Залог вносился в целях возмещения убытков, которые мог причинить пристав. Размер залога в мировых судах Вятской губернии составлял в большинстве уездов 600 рублей и устанавливался земскими собраниями. При поступлении на службу кандидаты представляли в обеспечение залога подтверждающие банковские документы. Суммы залога зачислялись на депозит мировых съездов, при которых состояли судебные приставы.

Залог в 600 рублей для Вятки являлся значительным, и эту сумму могли внести не все кандидаты на должности судебных приставов. Поэтому допускался меньший размер залога. Кроме того, разрешались варианты поручительства председателей съездов мировых судей или известных лиц, которые могли внести за приставов залог. Поручители брали на себя гарантии, что в будущем пристав внесет залог. Если этого не происходило, то судебный пристав увольнялся со службы. Подобный случай произошел в 1881 г. с судебным приставом при съезде мировых судей Глазовского уезда Вятской губернии Люстрицким. Он был принят на службу без полного требуемого по закону залога для Глазовского уезда в 600 рублей. Люстрицкий прослужил меньше одного года и, не имея возможности внести всю сумму залога, был уволен с должности[4].

Судебные приставы утверждались в должности не раньше, чем по истечении одного года со времени допущения к исполнению должностных обязанностей[5]. Каких-либо принципиальных различий в правовом статусе исправляющих и утвержденных в должности судебных приставов не существовало. Судебные приставы в мировых судебных учреждениях допускались к исправлению должности, а позже утверждались в должностях судебных приставов председателями съездов мировых судей.

Поступившему на службу судебному приставу выдавалось свидетельство с указанием местности, назначенной ему для жительства. В случае изменения места жительства в свидетельстве делалась отметка. Выдача свидетельства не являлась формальным актом, поскольку судебные приставы не могли без разрешения председателей судов самостоятельно менять место жительства[6]. Так, в октябре 1885 г. депутаты Яранского уездного земского собрания рассматривали ходатайство Кукарского волостного правления о назначении места жительства судебному приставу в слободе Кукарке. Депутаты ходатайство отклонили, ссылаясь на ст.306 Учреждения, поскольку назначение места жительства судебных приставов зависит от председателя съезда мировых судей и не входит в компетенцию земского собрания[7].

На судебных приставов возлагались обязанности по исполнению судебных решений по гражданским и уголовным делам, обеспечению порядка в судах, охране имущества умерших лиц и выполнению поручений руководителей судебных мест. В соответствии с Уставом гражданского судопроизводства судебные приставы могли использовать следующие основные способы исполнения: 1) передача имения натурой лицу, которому оно присуждено; 2) обращение взыскания на движимое имущество должника; 3) обращение взыскания на недвижимое имущество должника[8]. Как и в целом по России[9], самым распространенным способом исполнения решений судов в Вятской губернии являлось обращение взыскания на движимое имущество должников[10].

В ходе совершения исполнительных действий активно применялись принудительные меры, включая обращение взыскания на недвижимость должников. В силу преобладания крестьянства в Вятской губернии, малой плотности населения и других причин судебные приставы мировых судов широко использовали административные возможности сельского и волостного начальства. Волостные правления по просьбе судебных приставов оказывали помощь в доставлении повесток, вывешивали объявления о продаже имущества должников. Представители сельского и волостного руководства принимали участие в производстве публичных торгов, присутствовали при аресте имущества должников[11].

Исполнение приговоров по уголовным делам являлось важнейшей обязанностью судебных приставов. Особенность состояла в том, что за взыскание денежных штрафов по уголовным делам, в отличие от исполнения решений судов по гражданским делам, судебные приставы не получали положенное им по таксе вознаграждение. Как подчеркивал Правительствующий Сенат, действия судеб-

ных приставов по исполнению приговоров составляют «акт уголовного правосудия», не зависят от воли частных лиц, а потому осуществляются безвозмездно[12].

Судебные приставы, состоящие при мировых съездах, занимались взысканием уголовных штрафов, суммы которых являлись малозначительными. В сфере уголовного судопроизводства к компетенции мирового судьи были отнесены проступки, за которые предусматривались следующие наказания: 1) выговоры, замечания и внушения; 2) денежные взыскания не свыше 300 рублей; 3) арест на срок не свыше трех месяцев; 4) заключение на срок не свыше одного года[13]. Соответственно судебные приставы мировых учреждений исполняли решения суда о денежных взысканиях на сумму не более 300 рублей.

Охрана имущества умерших лиц заключалась в производстве описи, опечатывании и сохранности наследственного имущества. Законодательство не содержало детальных норм, регулирующих совершение охранительных действий судебными приставами. Одним из серьезных недостатков закона являлось отсутствие конкретного предписания приставу о том, стоит ли ему оценивать описанное имущество, или же необходимо ограничиться производством описи. Однако на практике судебные приставы старались одновременно проводить опись вместе с оценкою, поскольку за каждый оцененный и описанный предмет им полагалась оплата.

За неисполнение или ненадлежащее исполнение служебных обязанностей, а также за совершение противозаконных поступков, судебные приставы несли гражданскую, дисциплинарную и уголовную ответственность. Срок давности привлечения приставов к дисциплинарной ответственности составлял один год «со времени учинения действия или упущения, подлежащего дисциплинарному взысканию»[14].

Материалы по Вятской губернии свидетельствуют, что применение мер дисциплинарного воздействия со стороны председателей мировых съездов не получило широкого распространения, даже если в ходе дисциплинарного производства была доказана вина судебного пристава. В результате анализа 31 жалобы, поданной на судебных приставов мировых учреждений Вятской губернии в 1876–1882 гг., было установлено, что в ходе проверки подтвердились сведения о наличии дисциплинарных проступков в отношении 11 судебных приставов. Однако из этого числа к дисциплинарной ответственности было привлечено всего 3 судебных пристава[15].

Небольшой процент наказанных приставов объяснялся несколькими причинами. Во-первых, к моменту рассмотрения жалобы по существу, во многих случаях, истекал срок привлечения пристава к дисциплинарной ответственности. Во-вторых, руководители судов по различным мотивам не наказывали судебных приставов при наличии в их действиях дисциплинарных проступков, а ограничивались устными замечаниями. Наконец, по нашему предположению, судебных приставов не привлекали к дисциплинарной ответственности, если дисциплинарные проступки являлись малозначительными.

Таким образом, в целом действующее законодательство предъявляло единые требования к правам и обязанностям судебных приставов мировых и общих судов. Принципиальное отличие состояло в том, что введение института приставов в мировых судебных учреждениях не являлось обязательным и зависело от позиции органов местного самоуправления. Данное обстоятельство, а также наличие других факторов (несовершенство законодательства, особенности социально-экономического развития региона и т.д.) обусловили определенную специфику в правовом статусе судебных приставов мировых судов Вятской губернии.

Примечания

[1] Учреждение судебных установлений // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XXXIX. – СПб., 1867. – № 41475.

[2] Сборник постановлений Орловского уездного земства: за 46 лет (1867–1912 гг.). Т.II. – Вятка, 1916. – С. 193.

[3] Учреждение судебных установлений // ПСЗ РИ. Указ. соч.

[4] Журналы Глазовского уездного земского собрания XV очередной сессии (с 2-го по 10-е октября 1881 г.) и доклады уездной земской управы и чрезвычайной сессии 2 марта 1882 года. – Вятка, 1882. – С. 456.

[5] Учреждение судебных установлений // ПСЗ РИ. Указ. соч.

[6] Там же.

[7] Журналы Яранского уездного земского собрания XIX очередной сессии 1885 года, с докладами уездной управы и другими приложениями. – Вятка, 1886. – С. 16.

[8] Журнал министерства юстиции. – 1899. – № 3. – С. 14.

[9] *Захаров В.В.* Институт судебных приставов в дореволюционной России (1864–1917 гг.): Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2000. – С. 142–143.

[10] См., например: Деятельность судебных приставов при съезде мировых судей Слободского округа в 1883–1884 гг. // Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. 788. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–202.

[11] Там же. Ф. 24. Оп. 13. Д. 358. Л. 17–18.

[12] Решения общего собрания первого и кассационных департаментов Правительствующего Сената 1878 г. – СПб., 1881. – № 37. – С. 73.

[13] *Немытина М.В.* Местная юстиция в России во второй половине XIX в. // Известия вузов. Правоведение. – 1997. – № 4. – С. 54.

[14] Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. Судебная реформа. – М., 1991. – С. 62.

[15] Подсчитано по: ГАКО. Ф. 24. Оп. 13. Д. 358. Л. 1–300; Д. 408. Л. 1–24; Д. 246. Л. 1–68; Оп. 14. Д. 974. Л. 1–14; Оп. 14. Д. 1022. Л. 1–16; Оп. 14. Д. 1081. Л. 1–25; Оп. 14. Д. 1251. Л. 1–13.

УДК 321(091)(4/9); 34(091)(4/9)

Полдников Дмитрий Юрьевич
кандидат исторических наук
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
poldnikov@gmail.com

НОРМАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ НАУЧНОЙ ДОКТРИНЫ И РАЗВИТИЕ ЧАСТНОГО ПРАВА В ГЕРМАНСКИХ ЗЕМЛЯХ ДО ПРИНЯТИЯ ГЕРМАНСКОГО ГРАЖДАНСКОГО УЛОЖЕНИЯ*

В статье рассматриваются понятие, возникновение, основные характеристики и значение научной доктрины (права ученых) для развития частного права в германских государствах с эпохи позднего Средневековья и до вступления в силу Германского гражданского уложения 1896 г.

Ключевые слова: *научная доктрина, право ученых, частное право, рецепция римского права, пандектистика, естественное право, Просвещение, кодификация гражданского права*

В странах романо-германской правовой семьи научная доктрина не является формальным источником права. Тем не менее она продолжает оказывать влияние на законодательство и судебную практику. Степень этого влияния в разных странах не одинакова. В России нормативное значение доктрины в последние годы невелико. Ученые юристы играют далеко не первые роли в разработке законопроектов, а судебные решения не пестрят ссылками на научные работы.

В настоящей статье мы обратимся к опыту развития науки частного права (цивилистики) в Германии с начала рецепции римского права в XVI в. и до кодификации гражданского права в конце XIX в., поскольку опыт германской цивилистики оказал наиболее сильное влияние на отечественную правовую науку в целом начиная с самого ее становления[1] и потому представляется наиболее поучительным.

Научная доктрина («право ученых») признавалась в Германии источником права вплоть до вступления в силу ГГУ в январе 1900 г., то есть дольше чем в любой другой крупной стране континентальной Западной Европы. Еще в середине XIX в. Ф.К. фон Савиньи, разрабатывая систему современного римского права, называл «право ученых», или «право юристов» (нем. Wissenschaftsrecht, Juristenrecht) «особым видом правотворчества»: «*…сословие (юристов) перерабатывает законодательство и способствует переходу такового в реальную жизнь*»[2].

Важная роль научной доктрины в Германии имеет историческое объяснение. В связи с этим обратимся к традиции т.н. «общего права» (лат. ius commune, нем. Gemeines Recht). Правотворческая функция была присуща научной доктрине с момента возрождения юриспруденции как самостоятельной науки в Западной Европе в XII веке. Более того, доктрина, или «общее мнение докторов» (лат. communis opinio doctorum), служила важнейшим источником права до утверждения господства нормативно-правового акта в эпоху Просвещения (XVIII в.).

Считается, что «общие мнения докторов» стали насущной необходимостью после «открытия» Дигест императора Юстиниана и признания позднеантичного текста субсидиарным источником действующего права. Именно ученым-юристам, а не законодателю, выпала в Средние века и Новое время задача адаптировать буквальный смысл древнеримского права к современным им условиям.

К XIV–XV в. в романизированных областях Западной Европы (Северная Италия, Южная Франция, Испания) сложилась и получила распространение научно разработанная правовая система, которая получила наименование общего права (лат. ius commune), то есть предназначенного для всех христиан Западной Европы. Общеевропейское право представляло собой научную разработку источников римского, канонического и феодального права в средневековых университетах. Единое ius commune противопоставлялось разнообразным местным правам и выгодно отличалось от них своей всеохватностью, полнотой, рациональностью.

Именно это ius commune стало распространяться в Германии с конца XV в. в ходе так называемой «рецепции» римского права и «современного использования Пандект» (usus modernus Pandectarum, далее – usus modernus). Представляется, что одни и те же достоинства права ученых обеспечили не только его усвоение в немецких землях, большая часть которых никогда прежде не подвергалась влиянию романской культуры, но и более длительное, по сравнению с другими европейскими странами,

* В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 11-01-0012, реализованного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012–2013 гг.

© Полдников Д.Ю., 2012

существование. Речь идет о таких признаках, как *рациональность, системность, целостность, самостоятельность, элитарность*.

Рациональность. «Право ученых» изначально предполагало использование письменных источников и формально-логических правил их толкования (как устного, так и письменного), позволяющих прийти к предсказуемым одинаковым решениям в аналогичных ситуациях.

Причины заимствования ius commune, в целом, связаны с кризисом средневековой государственности и идеи права в Германии XV–XVII вв. Традиционная система правосудия и передачи юридического знания в позднее Средневековье характеризовалась крайней разрозненностью и опиралась на иррациональное обычное право. Знатоки обычного права (шеффены) «отыскивали» право, руководствуясь своим житейским опытом. Значимость их решений во многом зависела от общественного положения, поэтому шеффенами выбирали земельных аристократов, купцов, княжеских советников без юридического образования[3]. Пока судебные споры были простыми и повторяющимися, система работала. Однако в позднее Средневековье стали появляться новые общественные отношения, в которых у шеффенов не было опыта. Отсюда их неуверенность и потребность искать совета у коллегии более опытных шеффенов, а затем и на юридических факультетах.

Немецкие профессора, воспитанные на произведениях Аккурсия, Бартола, Бальда и других итальянских комментаторов, придерживались совсем иных представлений о праве, которое по сравнению с обычным правом казалось верхом логической стройности, упорядоченности и обоснованности. Эти качества обеспечивали предсказуемость и последовательность решения споров, что выгодно отличало «право ученых» от обычного права оракулов-шеффенов (выражение Доусона)[4]. К тому же ius commune письменно излагалось в Своде Юстиниана и в обширной литературе к нему, а обычное право, как правило, оставалось устным и его применение в суде могло быть сопряжено с непростым процессом доказывания. Впрочем, ученые юристы не жаловали почтением и записанное обычное право, преклоняясь перед своими кумирами-профессорами.

По оценке Ф. Виакера, германское право существенно проигрывало римскому с научной точки зрения только в одном отношении: знатоки обычного права в большинстве случаев не способны осмыслить право как целое и представить его в рациональной системе. Там, где шеффены смогли подняться на этот уровень, германское право сохранялось[5].

Системность. Основанное на толковании обширного Свода Юстиниана «право ученых» представляло собой систему, которая состояла из связанных друг с другом терминов, концепций, институтов и принципов. Система эта не поражала изяществом и простотой, подобно проектам сторонников естественного права XVII–XVIII вв., и была понятна лишь специалистам-правоведам. Однако она выгодно отличалась от существовавшего в то время территориального законодательства полнотой и последовательностью регулирования наиболее важных общественных отношений, и превосходила первые проекты естественно-правовых систем в детализированности правил и, следовательно, в практической применимости. Даже в отсутствие авторитетного мнения по какому-либо специальному вопросу, системность ius commune позволяла логическим путем найти определенное решение.

Системностью «право ученых» было обязано одновременно и безбрежной казуистике Свода Юстиниана, и сложившейся еще в Болонской школе глоссаторов и комментаторов формально-логической методологии толкования казусов и выведения из них общих правил. Эта же методология применялась для установления соотношений между понятиями ius commune путем многоступенчатого деления. Система основных произведений «права ученых» – комментариев к Пандектам – воспроизводила хаотичную последовательность титулов Дигест Юстиниана. Однако в рамках отдельных титулов материал излагался независимо от фрагментов высказываний римских юристов посредством так называемого «метода простой темы». Речь шла об устоявшемся перечне основных вопросов («общих мест»), на которые правовед давал ответы в своем произведении, то есть рассуждал о теме. Уже во второй половине XVI в. Матвей Везенбек активно использовал следующие «общие места» при изложении отдельных тем в своих «Пролегоменах (т.е. введении) к изучению права» и «Комментариях к Пандектам»:

– определение основного понятия;

– видовые отличия и деление на виды;

– четыре причины (материальная, формальная, производящая, конечная – по Аристотелю);

– толкование затруднений;

– смежные и противоположные понятия;

– связанные с обсуждаемым понятием иски.

Авторы usus modernus на протяжении XVII в. охотно использовали похожие перечни «общих мест». По словам Ф. Раньери и Я. Шрёдера, этот метод оставался основным при написании немецких юридических диссертаций до начала XVIII в.[6]

Единство. Единство ius commune выражалось в общности источников, языка, круга юридических проблем, методов преподавания и изучения, а также научной литературы. Общим источником оставался Свод Юстиниана (прежде всего Дигесты), языком юридической науки была латынь, формы и методы преподавания определялись программой

университетских кафедр римского права. Основную массу научной литературы в юридических библиотеках эпохи usus modernus составляли пространные комментарии к Пандектам, краткие компендиумы, монографические трактаты по отдельным темам.

Единство «права ученых» выгодно отличало его на фоне правовой и политической раздробленности Германии. В XVIII в. число государств (княжеств, герцогств, епископств, вольных и имперских городов) было сопоставимо с числом дней в году. Даже в первой половине XIX в. в состав созданного на Венском конгрессе 1815 г. Германского союза входило 34 независимых государства и четыре вольных города. Немецкие земли разделялись и конфессиональными границами. Аугсбургский религиозный мир 1555 года оставлял вопросы религии на усмотрение восторжествовавшей светской власти («чья власть – того и вера»). Между тем отношение лютеранской, кальвинистской и католической церквей к праву не было одинаковым. Если лютеране оставляли светское право на усмотрение светских властей, то католическая церковь настаивала на сохранении канонического права (чье идейное воздействие на светское, как правило, недооценивают)[7]. На этом пестром ландшафте юрисдикций только ученым юристам удавалось поддерживать правовое единство.

Самостоятельность (автономность). Опора на источники римского права, авторитетные научные комментарии и приемы их формально-логического толкования позволяли юристам сохранять определенную самостоятельность по отношению к другим общественным силам Германии. Сложность овладения премудростью ius commune, с одной стороны, и необходимость этих знаний для законотворчества и правоприменения – с другой, естественным образом обособляли юристов в отдельное, привилегированное «сословие» со своей строгой иерархией (мастерами и подмастерьями). Мастера (профессора) обладали достаточным престижем, чтобы с позиций «права ученых» критиковать судебную практику и даже действующее местное законодательство за пробелы и непоследовательность. Нередко ученые просто-напросто игнорировали местные законы, столь ничтожные перед лицом вековой традиции ius commune.

Особое неудовольствие профессоров вызывали акты, открыто порывавшие с системой ius commune. Известно презрительное отношение Ф.К. фон Савиньи к Прусскому земскому уложению – этим «каракулям», которые он нехотя сделал предметом своего лекционного курса лишь через несколько лет преподавания в Берлинском университете и использовал при этом пандектную систему современного римского права[8].

Указанные достоинства «права ученых» определили его ведущую роль в развитии права. Разумеется, значение источника права приобретали наиболее авторитетные мнения или мнения большинства ученых («communis opinio»). Именно они воздействовали на правотворческий процесс и на судебную практику.

История развития немецкого права полна примеров *прямого* и косвенного влияния ученых юристов на законодателя. Еще в конце XVI в. известный профессор римского права Ульрих Цазий составил новую (романизированную) редакцию городского статута Фрайбурга. В XVII–XVIII в. ученые правоведы не раз выступали советниками местных правителей и участвовали в разработке территориального законодательства. В XVIII – начале XIX в. им поручали создание крупных кодифицированных актов. Вигулей Крейтмайр разрабатывал гражданское уложение для Баварии, Карл фон Мартини и Франц фон Цейлер – для Австрийской империи.

Не менее важно *косвенное влияние* на гражданское законодательство и первые кодексы. По замечанию известного историка немецкого частного права Ф. Виакера, почти все институты современного германского частного права были сформулированы правоведами usus modernus на основании практических запросов жизни. Именно их доктрина стала основой для кодексов естественного права, и в конечном счете именно они разработали «язык права», очертили основные проблемы и определили круг источников для общегерманского гражданского уложения[9]. Достоинства «права ученых» оттенялись недостатками партикулярного (местного) законодательства. Местные акты далеко не всегда публиковались и уступали ius commune по степени логичности и системности.

Велико было и влияние «права ученых» на суды. О тесной связи науки и судебной системы свидетельствует, прежде всего, тот факт, что многие правоведы usus modernus сами исполняли судейские обязанности или работали в аппарате судов (Бенедикт Карпцов, Давид Мевий, Георг Адам Струве, Самюэль Стрик, Юстус Бёмер, Антон Лейзер и др.)[10]. Наряду с прямым воздействием, доктрина оказывала мощное косвенное влияние. Немецкие законы XVI–XVIII вв. не обязывали судей руководствоваться мнением авторитетных ученых. Однако суды сами обращались за советом к правоведам в силу особенностей развития немецкого права.

Распространение письменной процедуры рассмотрения дел по рациональным правилам ius commune требовало от судей знания современного римского права. В конце XV в. для большинства заседателей Имперского камерального суда (нем. Reichskammergericht) установили одним из квалификационных требований «образование в (римском) праве» и способность «давать подобающие заключения по текущим процессам»[11]. В течение XVI–XVII вв. эти требования распространились на территориальные суды.

Некомпетентное решение судьи могло дорого ему обойтись. Проигравшая процесс сторона вправе была требовать возмещения убытков за счет такого судьи. Учитывая невысокий достаток судей эпохи usus modernus в Германии, вполне понятно их желание «подстраховаться» консультацией специалистов: решение судьи не могло быть признано некомпетентным, если оно следовало общему мнению докторов права[12].

Так возникла практика направлять сложные дела из судов на юридические факультеты (нем. Aktenversendung), наиболее известные профессора которых для целей рассмотрения таких дел образовывали «консультативную коллегию» (нем. Spruchkollegium). Кроме того, ученые-правоведы в частном порядке давали юридические заключения («советы», consilia – по образцу средневековых комментаторов). Такая активная консультационная деятельность (с некоторой натяжкой) подкреплялась историческим опытом римских юристов, самые известные из которых в эпоху империи обладали правом давать юридические заключения от имени императора (лат. ius respondendi).

Важным направлением косвенного влияния на судебную систему оставалась университетская монополия на юридическое образование. И судьи, и адвокаты проходили через горнило учебных курсов по современному римскому праву, на всю жизнь усваивая систему правовых понятий, институтов, а также уважение к профессорской мантии.

Впрочем, судьям и практикующим юристам не сложно было найти точки соприкосновения с «правом ученых», поскольку юридическая литература usus modernus была тесно связана с практическими проблемами. Таковы комментарии к Дигестам («связывающие» античный текст с реалиями Нового времени), компендиумы (краткие изложения), в которых фрагменты Свода Юстиниана подвергались сознательной модификации с учетом «современных обычаев».

Наконец, достоинство ученых превосходило престиж судей. Основная масса последних в XVI–XVIII вв. – небогатые зависимые чиновники, назначенные на должность в молодом возрасте и приобретающие опыт в процессе работы, смысл которой заключался в точном следовании букве закона, а не создании нового права. Формированию прецедентного права в германских землях препятствовало отсутствие строгой иерархии судов (Имперский суд лишь номинально выполнял функции высшей апелляционной инстанции), а также Юстинианова конституция, предписывавшая византийским судьям «судить на основании закона, а не примера» (C. 7.45.13). К тому же тайна судебного разбирательства препятствовала публикации полных текстов судебных решений и о деталях их аргументации можно было лишь догадываться[13].

Среди представителей науки usus modernus не встретить громких имен (в отличие от «звезд» школы нового естественного права). «Осовременивание» римского права и формирование взаимосвязанного германского ius commune – задача не одного поколения правоведов. И в долгосрочной перспективе именно внутреннее единство «права ученых» обеспечило его устойчивость к потрясениям XIX в.

Инициаторами конфликта выступили идеологи Просвещения и естественного права Нового времени. Просвещенные монархи Западной Европы претендовали на законодательную монополию в государстве и не терпели других «центров влияния». Правоведы школы естественного права во главе с Х. Томазием, С. Пуфендорфом, Х. Вольфом подвергли критике традиционное «право ученых» за его чрезмерную запутанность и сложность для обывателей[14], за бесконечные споры ученых, за сохранение устаревших правил Свода Юстиниана, привязанных к современным условиям томами комментариев.

Теории сторонников естественного права XVII–XVIII вв. выгодно отличались от объемных и перегруженных юридическими тонкостями теоретико-практических комментариев usus modernus к источникам современного римского права доступным стилем изложения теорий и подкрепляющей их аргументации, а также ясной структурой работы[15].

В то же время оторванность ведущих теоретиков права природы от юридической практики и доступность изложения лишила трактаты по естественному праву той степени детализации, которая позволила бы использовать их как руководство в судах или как основу для законотворчества.

Лишь в XVIII в. в произведениях Х. Вольфа теория естественного права достигла того уровня проработанности, при котором она могла влиять на правовую политику просвещенных абсолютных монархов Европы. Вершиной естественно-правовой литературы последнего столетия Старого порядка стало восьмитомное произведение немецкого ученого-энциклопедиста «Право природы, изученной научным методом» (1740–1748), в котором он воспользовался геометрическим (картезианским) методом и вывел все правила из общих принципов и понятий. Тем самым Х. Вольф создал надежную теоретическую основу для нескольких кодификаций естественного права во второй половине XVIII в.

Разработка первых кодифицированных актов в сфере частного права полна примеров драматического противоборства традиционной юриспруденции usus modernus и новой идеологии естественного права на уровне как общей системы изложения материала, так и регулирования отдельных институтов. Принятие каждого кодекса XVIII – начала XIX вв. в германских землях (Бавария, Пруссия, Австрия) сопровождалось созданием двух, трех и более проектов с разной степенью влияния «права профессоров» и нового естественного права.

Параллельно с созданием кодифицированного права просвещенные монархи второй половины XVIII в. предприняли ряд мер против «права ученых». Так, разработчики Прусского земского уложения планировали включить в его текст норму об уголовной ответственности за искажение текста закона научными комментариями. Но в итоговой редакции законодатель смягчил позицию и предписал судам впредь игнорировать научную литературу при отправлении правосудия. Австрийский император Иосиф II предписал профессорам не менять содержание юридических учебников без согласования с правительственной комиссией. Также была упразднена практика направления судебных дел в «консультативные коллегии» при юридических факультетах. Аналогичные запреты юристам толковать кодифицированные акты принимались во Франции и в государствах Италии в конце XVIII – начале XIX в.[16].

Впрочем, введенные в действие первые гражданские кодексы Баварии, Пруссии, Австрии испытали на себе влияние и естественного права, и институтов «права ученых».

Первый по времени издания Баварский гражданский кодекс 1756 г. в наименьшей степени отражал воздействие концепций естественного права и по сути упорядочивал научную доктрину usus modernus. Проект кодекса подготовил юрист-практик Вигулей фон Крейтмайр (1705–1790), воспитанный в традиции ius commune. Он не счел нужным идти дальше закрепления в законе некоторых общих понятий, возникших под влиянием теорий естественного права, а также общепризнанных к середине XVIII в. принципов свободы и обязательности договора.

Роль естественно-правовых теорий могла оказаться более значительной при создании Прусского земского уложения 1794 г., поскольку указ Фридриха II 1746 г. о начале работ над проектом Уложения провозглашал общую идею о том, что «право должно быть рациональным и понятным по форме и по содержанию», подобно учению Х. Томазия. Однако над проектом трудились юристы, воспитанные в традиции университетской юриспруденции ius commune. В итоге собранный ими материал, естественно, больше основывался на научной доктрине «права ученых», упорядоченной по институционной системе.

Второй проект разрабатывали убежденные сторонники естественно-правового учения – канцлер Иоган фон Крамер (1721–1801) и его помощник Карл Суарес (1746–1798). Однако Французская буржуазная революция негативно настроила всех монархов Европы в отношении права природы и общественного договора. В Пруссии после 1790 г. второй проект кодекса спешно подвергли ревизии. Концепции естественного права и Просвещения были заменены на проверенные годами судебной практики институты «праве ученых».

История Австрийского гражданского уложения (АГУ) также началась с проекта (1753–1766), который основывался преимущественно на «праве юристов», а не на учении естественного права, и, по мнению царствовавшей императрицы Марии Терезии, был слишком длинным и непонятным.

Проникновение естественно-правовых концепций в следующую редакцию АГУ связано с именами таких ученых и государственных деятелей Австрийской империи, как Карл фон Мартини (1726–1800) и Франц фон Цейлер (1751–1828).

К. Мартини, профессор права из Граца, упорядочил институты гражданского права в рамках общей теории и украсил содержание проекта ясным стилем. Его ученик Ф. Цейлер добился сбалансированного изложения норм действовавшего земского права империи («провинциальное» право), «права юристов» и доктрины естественного права.

Несмотря на близкий к лучшим трактатам по естественному праву стиль АГУ, современные исследователи склонны считать наиболее значимым его компонентом «право ученых», а концепции естественного права ставят на третье место, после институтов земского права земель Австрийской империи[17].

Таким образом, «право ученых» сохранило свое значение после первой волны кодификации в германоязычных землях. Более того, столкновение с «правом философов» заметно обогатило его. От естественного права оно восприняло то, чего не смогло почерпнуть в юридической догматике комментариев к Пандектам. Немецкоязычная юриспруденция усвоила общие правовые понятия (такие как, договор или сделка), отбросила устаревшие положения usus modernus, встала на путь последовательного упорядочения институтов в рамках общей и особенной частей теории современного римского права, а также исключила из сферы своего исследования моральную теологию[18].

В целом «право ученых» обновилось в Германии благодаря исторической школе права и пандектистике. Лидер исторической школы Ф.К. фон Савиньи отстаивал прерогативы ученых юристов как необходимое условие выражения в современном ему праве народного духа и немало усилий приложил к созданию целостной системы современного римского права[19]. Школа пандектистов, начиная с Георга Фридриха Пухты (1798–1846) и до Бернхарда Виндшейда (1817–1892), придала юриспруденции более строгий научный вид, снабдив ее системой четких понятий и правил (отсюда ее неформальное название «юриспруденция понятий», нем. Begriffsjurisprudenz), делением права на отрасли, подотрасли и институты, выделением и группировкой общих положений для каждого из уровней права.

Кроме того, наука права вновь стала актуальной, как только обнаружилась неполнота содержания первых принятых кодексов. Ни один просве-

щенный законодатель не смог принять всеобъемлющий закон, раз и навсегда урегулировать общественные отношения. Поэтому германским государствам потребовались правоведы, способные развивать право путем толкования положений закона.

В результате потревоженная просветительским радикализмом XVIII в. конструкция «права ученых» была восстановлена и сохранила свое влияние и на законодателя, и на судебную практику. Так, Саксонское Гражданское уложение 1865 г. сравнивали с курсом пандектного права, а первый проект ГГУ – с академическим курсом пандектного права профессора Б. Виндшейда, руководителя первой комиссии по кодификации[20].

Влияние на судебную практику подтверждается, прежде всего, тем, что некоторые профессора-пандектисты занимали должности в различных судебных инстанциях. В Берлинском университете имени Гумбольдта даже возродили консультационную коллегию по образцу XVII–XVIII вв. Судьи в землях, где действовало ius commune (внутренние территории объединенной в 1871 г. Германии, за исключением владений Пруссии и Рейнской области), ссылались непосредственно на трактаты пандектного права. Наконец, университеты сохранили монополию на юридическое образование, необходимое для занятия должности судьи и начала адвокатской практики. Влияние университетов даже усилилось благодаря реформированию высшего образования по программе В. фон Гумбольдта. «Право ученых» вплоть до принятия ГГУ служило главным объединяющим фактором в политически раздробленной Германии.

В XX в. соотношение законодательства, судебной практики и научной доктрины в Германии, как и других странах романо-германской правовой семьи, изменилось не в пользу доктрины. Последняя утратила ведущую роль в развитии права законодательной и судебной власти. Однако в Германии мнение докторов до сих пор остается важным фактором правовой жизни благодаря своей внутренней целостности и тесной взаимосвязи с двумя другими факторами развития права, особенно с судейским сообществом. Ученые-правоведы по-прежнему определяют содержание юридического образования, формируют интеллектуальную среду (терминологию, концепции, принципы) для разработки, принятия и применения нормативно-правовых актов и судебных решений, участвуют в разработке законопроектов, дают экспертные заключения по правовым спорам, нередко исполняют обязанности судей и так далее. Влияние правовой доктрины тем сильнее, чем сложнее правовая проблема. Этим объясняется привлечение ученых в качестве экспертов в законотворческом процессе и в крупных судебных процессах, нередкое цитирование научной литературы в вышестоящих судебных инстанциях и так далее.

Опыт развития «права ученых» в Германии показывает, что влияние научной доктрины может быть долговременным и значительным только в том случае, если оно подкреплено высоким уровнем самой юриспруденции. Действительно, правоведы не располагают административным ресурсом, обязывающим субъектов права руководствоваться научными суждениями. Их влияние на правовую жизнь зависит от аргументированности и глубины суждений, опережающих, прогнозирующих развитие правотворческой и правоприменительной деятельности.

Примечания

[1] Подробнее о развитии российской юриспруденции см., например, серию статей проф. В.А. Томсинова в журнале «Законодательство» (январь 2007 – март 2008 гг.).

[2] *Савиньи Ф.К. фон*. Система современного римского права / пер. с нем. – М.: Статут, 2011. – Т. 1. – С. 300–301.

[3] *Wieacker F*. A history of private law in Europe with particular reference to Germany. – Oxford, 1995. – P. 82.

[4] См. *Dawson J.P*. The oracles of the law. – Michigan, 1968.

[5] Например, право Саксонии основывалось на длительной традиции толкования «Саксонского зерцала» XIII в. См.: *Wieacker F.* Op. cit. – P. 82.

[6] *Schröder J*. Privatrechtliche Methodenlehre des Usus modernus // Simon D. (ed.) Akten des 26. Deutschen Rechtshistorikertages. – Frankfurt, 1987. – S. 253–278.

[7] О влиянии канонического права на немецкое светское право см. *Landau P*. Die Bedeutung des kanonischen Rechts für die Entwicklung einheitlicher Rechtsprinzipien // Scholler H. (ed.) Die Bedeutung des kanonischen Rechts für die Entwicklung einheilticher Rechtsprinzipien. – Baden-Baden: Nomos, 1996. – S. 23–48; *Berman H.* Law and revolution. The impact of the Protestant reformations on the Western legal tradition. – Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 2003. – P. 100 sg.

[8] В одном из писем, цитируемых Ф. Виакером, почтенный ученый утверждал, что «Прусское земское уложение по форме и содержанию... не более чем каракули» (цит. по: *Wieacker F.* Op. cit. – P. 266). По общему мнению, главными недостатками Прусского земского уложения стали включение в один и тот же акт институтов частного и публичного права, а также казуистичность, объемность, детализация и патернализм.

[9] *Wieacker F*. Op. cit. – P. 159.

[10] Биографические сведения о правоведах эпохи usus modernus см.: *Stolleis M.* (ed.). Juristen. Ein biographisches Lexikon. Von der Antike bis zum 20. Jh. – München, 2001.

[11] *Dick B.* Die Entwicklung des Kameralprozesses nach den Ordnungen von 1495-1555. – Köln, 1981.

[12] *Dolezalek G.* Herrschende Lehre (communis opinio) // Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte. – Berlin, 1978. – Bd. 2. – Sp. 113–114.

[13] *Vogenauer S.* An Empire of Light? Learning and Lawmaking in the History of German Law // The Cambridge Law Journal. – 2005. – Vol. 64. – № 2. – P. 489.

[14] Квинтэссенцией педантизма профессоров usus modernus, несомненно, стали «Подробные разъяснения Пандект» Х. фон Глюка (1755–1831) в 34-х томах (!), педантично издаваемые с 1790 по 1830 гг.

[15] Зарубежные историки права склонны видеть одну из главных заслуг сторонников естественно-правового учения именно в изобретении такого стиля, который сделал доступным правовые концепции широкому кругу образованного населения. См., например, *Wieacker F.* A history of private law in Europe with particular reference to Germany. – Oxford, 1995. – P. 218, 254.

[16] *Becker H.-J.* Kommentier-und Auslegungsverbote // Handwörterbuch zur deutshen Rechtsgeschichte. – Berlin, 1978. – Bd. 2. – Sp. 963, 967–968, 970.

[17] См., например, позицию профессора из Граца *Wesener G.* Zur Bedeutung des Usus modernus pandectarum für das österreichische ABGB // Gedächtnisschrift für Theo Mayer-Maly. Eds. F. Harrer, H. Honsell, P. Mader. – Wien: Springer, 2011. – S. 571–592.

[18] Проблема отделения правовой теории от моральной теологии еще до возникновения юридического позитивизма Дж. Остина – предмет отдельного исследования. На примере договорного права мы обратились к нему в одном из недавних докладов «К вопросу о предпосылках юридического позитивизма Дж. Остина в договорной теории естественного права» на VI ежегодной научно-практической конференции «Юридический позитивизм и конкуренция теорий права в XIX–XXI вв.: история и современность (к 100-летию со дня смерти Г.Ф. Шершеневича)» (Иваново, 5–8 октября 2012 г.).

[19] *Савиньи Ф.* Там же.

[20] Известный германист О. фон Гирке окрестил проект «маленьким Виндшейдом». См.: *Stolleis M.* (ed.). Juristen. Ein biographisches Lexikon. – S. 673.

ЭКОНОМИКА

УДК 338 (470)

Бабаев Бронислав Дмитриевич
доктор экономических наук
Крупин Алексей Иванович
Ивановский государственный университет
politeconom@rambler.ru
Чекмарев Василий Владимирович
доктор экономических наук
Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова
tchekmar@ksu.edu.ru

МАЛЫЕ ГОРОДА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

Представлен концептуальный взгляд на малые города с учетом того, что они существуют в неоптимальной по рыночным критериям экономике России, являющейся империей.

Ключевые слова: *малый город, неоптимальная экономика, империя, расселение, уклад экономики, образ жизни, факторы возрождения и развития малых городов.*

Малые города, которыми насыщены старопромышленные регионы Центра Российской Федерации, – одна из наиболее острых и трудных проблем как в социально-экономическом отношении, так и с точки зрения научных подходов и разработок. Эта тема относится к числу дежурных, к ней обращаются исследователи – представители различных научных дисциплин, она носит ярко выраженный междисциплинарный характер. Среди исследователей этой проблематики – Гранберг, Швецов, Лексин и другие известные ученые-регионалисты. Этой же проблематикой занимаются экономические кафедры вузов Владимира, Иванова, Костромы и некоторых других городов Центра России.

Согласно одним воззрениям, многие малые города обречены, если они кардинально не перестроят свою экономику и не войдут в новое общественное разделение труда в качестве полноправных участников. Ссылаются на очевидные факты сокращения численности населения, на высокий уровень трудовой миграции и на многие другие обстоятельства, свидетельствующие о том, что малые города с позиции жизнеобеспеченности во многих случаях явно ущербны. При этом сторонники взгляда на малые города как на «умирающие» обращаются к нашей истории, говоря о том, что уже в 1960-е гг. существенно активизировался процесс гибели «неперспективных деревень». Этот процесс продолжался и в последующие десятилетия, охватывая все новые зоны. В настоящее время положение таково, что очень значительная часть деревень и даже сел не имеет постоянных жителей, заполняется людьми только в летнее время. Данный процесс, по существу, перекинулся и на малые города. Это факты, от которых невозможно уйти.

Вместе с тем существует другой взгляд, согласно которому малые города рассматриваются как органическая часть экономики страны с учетом аспекта рассредоточенности поселений по территории государства. Малые города выполняют очень ответственные функции, при этом весьма разнообразные, в силу чего необходимо так строить социально-экономическую политику, чтобы обеспечить сохранение малых городов, что, естественно, предполагает различные трансформации. На наш взгляд, в данном случае надо вспомнить, что Россия – это империя, экономика России неоптимальна по рыночным критериям, вследствие чего в сохранении целостности страны важнейшую роль играют процессы перераспределения общественного продукта и национального дохода. Еще говорят о том, что город должен вернуть деревне и малым городам «исторический долг», связанный с тем, что многие проблемы развития средних и крупных городов в различные исторические периоды в заметной степени решались за счет тех изъятий и жертв, которые падали на сельское население и «полусельское» население (малые города).

Малые города необходимо рассматривать не просто в качестве населенного пункта городского типа, но в широком плане – вместе с окружающей город территорией. В административно-территориальном отношении это означает, что малый город расширительно трактуется вместе с подведомственными ему территориями (в большинстве случаев малые города являются районными центрами). Во все времена между небольшим поселением городского типа и окружавшими его деревнями и селами шел обмен производственной и иной деятельностью, захватывающий такие сферы, как занятость, материальное производство, рыночная торговля, сфера услуг, различные формы общения и пр. Окружавшая малый город территория подпитывала его, что выражалось в таких формах, как переселение людей из деревень в городскую местность, реализация сельхозпродукции для переработки на расположенных в городе предприятиях и т. д.

© Бабаев Б.Д., Крупин А.И., Чекмарев В.В., 2012

В свою очередь малый город поддерживал окружающую его территорию, доставляя ей товары и услуги, стимулируя разнообразные формы хозяйственной деятельности и т. п.

Применительно к современному периоду приходится говорить о том, что связи и взаимодействия по линии «город – окружающая территория» явно ослабли, но в то же время еще не все утрачено: если в отношении малых городов и сельской местности будет провозглашена государственная политика, адекватная их требованиям и задачам развития, то можно надеяться на положительные сдвиги. Правда, общепризнано, что внятной политики в отношении малых городов пока нет, хотя настоятельно требуется разработка специальной комплексной, масштабной по своему характеру программы их возрождения и развития. Но разработке любой программы предшествует выдвижение концепции. Мы изложим свою позицию, которая вытекает из нашего знания положения дел в Ивановской, Костромской, Владимирской и некоторых других областях Центра России.

Наше представление покоится на трех ключевых словах: расселение, уклад экономики, образ жизни. Именно на этих понятиях мы строим базовый уровень наших рассуждений.

Своеобразие расселения в регионах Центра России заключается в том, что между деревнями, селами, с одной стороны, и областными центрами, крупными промышленными городами, с другой стороны, стоят малые города, чаще всего выполняющие административно-территориальную функцию районных центров. Соответственно строится транспортная сеть (пути сообщения), в которой выделяются три уровня автомобильных дорог: райцентры соединены с областным центром – это один уровень; райцентры соединены с крупными сельскими поселениями, которые, как правило, также выполняют административные функции, – это второй уровень; деревни соединяются друг с другом – это третий уровень. Мы специально не будем затрагивать тему состояния транспортных артерий, здесь много проблем, но только заметим, что от разветвленности и качества дорог во многом зависит эффективность экономики. Промежуточное положение малых городов в расселении – это результат исторического развития, тут ничего не поделаешь. Объяснение этого феномена требует обращения к историческим трудам, но мы просто этот факт зафиксируем.

Особенности размещения населенных пунктов в Центре России в заметной мере связаны с хозяйственными факторами. Хозяйственная территория приобретает организованный характер благодаря тому, что существует трехуровневость расселения: деревня – малый город – областной центр. В то же время особое внимание мы уделяем тому факту, что сложившаяся система поселений – это определяющее условие хозяйственного освоения территории в тех формах, которые в настоящее время существуют. Если представить, что в массовом порядке из хозяйственного оборота выпадут малые города, то это равнозначно масштабному обезлюдиванию территорий, особенно если принимать во внимание неблагоприятные демографические процессы, охватившие сельскую местность.

Можно привести немало конкретных примеров, которые убедительно покажут, что в условиях неоптимальной экономики России необходимо по возможности сохранять триединство в расселении, поскольку это выступает как условие целостности экономики. Но это вместе с тем предполагает, что в социально-экономической политике нужно опираться не только и не столько на рыночные факторы (прибыль как мотив, уровень рентабельности, коммерциализация сфер и отношений и пр.), но и на факторы нерыночного плана (сохранение поселений, формирование общественно нормальных условий жизни для людей, четко выраженная молодежная политика и пр.). При чисто рыночных подходах можно ожидать формирования крупных агломераций (хороший пример: «все бегут в Москву и в Подмосковье») и обезлюдивания больших территорий страны. Вряд ли такое положение дел можно считать нормальным, делая при этом особый акцент на большие российские пространства и положение России как империи.

Второе ключевое слово в наших концептуальных подходах – это понимание малого города как уклада экономики. В данном случае возможны многообразные подходы, на некоторых из которых мы остановимся. Под укладом экономики можно понимать негосподствующий способ производства, во всяком случае такие определения в литературе присутствуют.

Для многих малых городов типичны малые и средние предприятия и организации, хотя распространены и такие поселения, где существуют крупные предприятия, выступающие как градообразующие. Эта тема разрабатывалась в одном из исследований известного регионалиста Швецова. Но в аспекте политической экономии мы укажем на взаимосвязь общественного сектора экономики (в центре – предприятие как экономическая ячейка) и личного сектора экономики (в основе – домашнее хозяйство с его производственно-рыночной функцией). В связи с этим возникает вопрос об уровне обобществления экономики, это старый политико-экономический сюжет. Другой аспект – это существование местной экономики и местного рынка. В связи с этим речь идет о местных потребностях и местном предложении, местном спросе. Не вдаваясь в подробности, заметим, что есть многообразный класс товаров и услуг, которые как раз и образуют местную экономику с ее спросом, предложением, местным ценообразованием, конкурен-

цией, интересами производителей и продавцов, интересами потребителей и покупателей, регулирующей ролью государства.

В рамках экономического строя, характерного для малых городов, можно и нужно рассуждать о типах воспроизводства. Исходя из реального положения дел, следует высказать суждение, что для многих малых городов характерен иждивенческий тип воспроизводства с элементами самозарабатывания. В то же время для нормально работающих малых городов (например, в Ивановской области к их числу можно отнести город Кохму, являющийся, по существу, пригородом областного центра) характерен тип воспроизводства, при котором город активно зарабатывает средства для своей жизнедеятельности. Говоря об иждивенческом типе (это наш термин), мы имеем в виду ряд моментов, из которых обратим внимание на два. Во-первых, до 30–35% жителей малых городов – пенсионеры, основной доход которых формируется за счет поступлений из пенсионного фонда. Во-вторых, нередко до 85–90% доходов бюджета малого города как административно-территориального центра формируется за счет перечислений из вышестоящих бюджетов. Правда, можно указать и на третий момент – перечисления, идущие от трудовых мигрантов, на поддержку своих семей.

С экономической точки зрения к малому городу можно подойти и путем выделения хозяйственных комплексов. Один из них обеспечивает обслуживание самого города, его организаций, населения, другой комплекс нацелен на вывоз продукции и услуг, на зарабатывание денег для развития поселения. Если вести разговор о перспективах, то, естественно, надо развивать те производства и предприятия, которые дают возможность городу зарабатывать деньги на стороне. Если мы берем сектор самообслуживания, то там крутятся определенные суммы денег, и они даже могут увеличиваться за счет роста доходов и спроса, однако все-таки основные средства накопления и развития малый город может заработать лишь в том случае, если активно действует на внешних рынках.

Третье ключевое слово в рамках нашего концептуального взгляда, обращенного к малым городам, – это их понимание как образа жизни, связанного с определенным менталитетом населения. Исследователи (прежде всего социологи) довольно часто обращают внимание на то, что в малых городах, расположенных в глубинке России, силен «сельский дух». Сельская психология населения своеобразна: любовь к земле, радость общения с природой, стремление иметь отдельный дом с надворными постройками, ведение личного подсобного хозяйства (оно особенно характерно для полноценных семей, становится менее характерным для тех семей, где физические способности ее членов не дают возможности полноценно трудиться), натурализация отношений, участие в базарной торговле, замещение товарных отношений личным трудом, умение мужчин выполнять практически все нужные по хозяйству работы, слабая связь с финансово-кредитными организациями и др. В то же время современный городской стиль жизни характеризуется зачастую противоположными чертами: оторванность от земли, существенная включенность в товарно-денежные отношения, соответственно повышенная роль денег и пр. Для города характерны многообразные пороки и недостатки: преступность, отчужденность, экологические проблемы, транспортные трудности, скученность населения, потери времени, связанные с переездами и пр. В целом сопоставление села и города по возможностям жизнедеятельности, по образу жизни, по менталитету показывает, что у каждой стороны есть свои плюсы и минусы. Наша задача не в том, чтобы подробно разбираться в этих вопросах, мы лишь подчеркиваем, что малый город – это определенный сложившийся образ жизни, который привычен для миллионов людей и который вместе с тем может быть привлекателен и для некоторой части горожан из числа тех, кто тяготеет к природе и для кого характерны хозяйские, предпринимательские навыки.

Таким образом, объективное положение малых городов в системе народного хозяйства России можно, как мы полагаем, охарактеризовать посредством обращения к сюжетам расселения, уклада экономики, образа жизни. Вторая тема нашего концептуального подхода – это обоснование тех факторов, которые в совокупности дают основания утверждать, что при определенных предпосылках малые города (или значительная часть малых городов) могут рассчитывать на возрождение и развитие.

Мы укажем на то, что идет процесс складывания нового общественного территориального разделения труда, которое в районе Верхневолжья в решающей степени формируется под воздействием определяющей роли Москвы. Московские интересы чрезвычайно разнообразны, они давно вышли за пределы столицы и распространяются на подмосковные регионы. Например, перспективно направление рекреационного освоения Москвой, ее организациями и жителями подмосковных регионов. Сюда включаются туризм, лечение, отдых, организация досуга, любительские формы жизнедеятельности (рыболовство и пр.). Естественно, что малые города могут найти свое место в рамках процесса формирования Московского макрорегиона и активизировать свою хозяйственную деятельность сообразно с новой позицией.

Важный аспект – индустриальное развитие страны. Мы в целом исходим из того, что российская экономика будет развиваться как информационно-индустриальная. Идут процессы перемещения индустрии из крупных городов в малые города и в сельскую местность. Это еще один фактор, спо-

собствующий определению места и роли малых городов в экономике. Этот процесс также, применительно к областям Верхневолжья, надлежит трактовать в границах формирующегося Московского макрорегиона.

По-видимому, следует делать существенную ставку на малые предприятия и индивидуальное предпринимательство, возможно использование термина «экономика физических лиц». Определенные перспективы связаны с тем, что какая-то часть трудовых мигрантов сможет сколотить небольшой стартовый капитал и начать собственное дело на малой родине. Тут возникает острая тема замещения собственным производством ввоза тех товаров и услуг, созидание которых экономически и с иных сторон целесообразно в границах малого города.

Нужно также поставить вопрос о включении малых городов в региональные и федеральные программы, что также будет способствовать определению профиля их работы. Важны межмуниципальные проекты, когда объединение ресурсов соседних районов дает возможность организовать какое-либо производство или сформировать общий рынок для товаров, производимых в этих муниципальных образованиях.

Специалисты обращают внимание на тот факт, что Интернет, дистанционное обучение, открытие филиалов учебных заведений в малых городах и иные способы подготовки кадров и повышения квалификации также в совокупности должны истолковываться как факторы закрепления кадров, в особенности молодежи.

Естественно, что мы далеко не исчерпали тему, связанную с возрождением и развитием малых городов. Укажем еще на следующий момент. Люди могут жить в одном месте, например в малом городе, а работать в другом месте, например в крупном промышленном городе, стоящем на расстоянии 30–50 км и даже более. Что требуется? Нужна разветвленная система автомобильных дорог надлежащего качества. Семья или группа соседей должны иметь автомобиль. Предполагаем дешевизну бензина. В этом случае действительно можно успешно сочетать все удобства жизни в деревне или в малом городе с преимуществами работы в крупном городе. В этих условиях даже в культурном отношении люди, семьи могут не чувствовать себя изолированными. Собрались в театр, сели в автомобиль, через полчаса-час – уже в большом городе, проблем с возвращением домой не возникнет. Не надо думать, что это идиллия, факты почерпнуты из реальной жизни, например из практики работы Ивановского цирка, который посещают люди практически из всех районов Ивановской области и даже из соседних областей.

Сложная в практическом и теоретическом отношении проблема – это понимание того, что поддержание малых городов (или значительной их части) требует определенного механизма распределительно-перераспределительных отношений. Этот вопрос подлежит специальному обсуждению, но в исходе у нас должно быть представление о том, что Россия – это неоптимальная экономика по рыночным критериям, это империя.

УДК 368

Волокитина Елена Владиславовна
Вятский государственный университет
rectorat@vyatsu.ru

СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ЛИЧНОГО СТРАХОВАНИЯ ПЕРСОНАЛА ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье обосновывается значение и необходимость укрепления личного страхования персонала предприятия, рассматриваются возможные формы этого страхования. Предпринята попытка учесть всю имеющуюся на данный момент практику личного страхования на предприятии, исследования в этой области.

Ключевые слова: *личное страхование, договор, страхователь, страховые риски, страховая премия.*

Личное страхование персонала предприятия – это одна из основных и традиционных отраслей страхования (прежде всего часть его социальной программы), предназначенная для компенсации в случае потери здоровья, жизни или трудоспособности работников. Поэтому такое страхование рассматривается в основном как составная часть социального пакета сотрудников, обеспечивающая их лояльность.

Правовой основой личного страхования выступает договор-соглашение, в соответствии с которым одна сторона (страховщик) за обусловленную договором плату (страховую премию), уплачиваемую другой стороной (страхователем), получает страховую сумму в случае потери здоровья, жизни или трудоспособности застрахованного в определенных страховых случаях.

К личному страхованию персонала предприятия в российских условиях относят все виды страхования, связанные с событиями в жизни и деятельности отдельного человека. Рассмотрим те виды личного страхования, которые чаще всего применяются на предприятии: добровольное медицинское страхование, пенсионное страхование, страхование от несчастных случаев.

© Волокитина Е.В., 2012

Таблица 1

Анализ параметров добровольного и обязательного медицинского страхования

Признаки (параметры)	Добровольное медицинское страхование	Обязательное медицинское страхование
Привлечение клиентов	Рыночные методы	Клиенты обязаны пользоваться по закону
Принцип привлечения и группировки клиентов	В основном производственный (по месту работы)	Территориальный (по месту жительства)
Принадлежность к отрасли	Коммерческое страхование	На стыке коммерческого и социального страхования
Круг компаний-операторов	Широкий – несколько сот компаний; не ограничивается	Узкий – не более десятка компаний в регионе
Лицензии на проведение	Выдаются свободно	Выдаются неохотно, число компаний сокращается
Государственный надзор	ФССН	ФССН и фонды ОМС
Объем медицинских услуг	Различные программы для разных клиентов и в разных компаниях	Одинаковый для всех гарантированный объем
Источник страховых взносов (премии)	Клиенты	Фонды ОМС и бюджет
Поступление страховых взносов (премий)	По соглашению с клиентами	В сроки, установленные фондами ОМС и бюджетом
Расходование премии	После поступления, постепенно, в течение страхового года	В значительной части до поступления взносов (компании вынуждены кредитовать фонды ОМС)
Покрытие расходов страховщика («расходы на ведение дела»)	Норматив устанавливается самим страховщиком при лицензировании правил страхования; фактически по достигнутым результатам операций	Строго по региональным государственным нормативам расходов на ведение дела – несколько рублей на одного застрахованного в год
Технический результат операций в % от страховых взносов	Зависит от эффективности работы компании, может достигать 20%	Гарантированны, очень низкий, прибыльность достигается только при очень низком уровне административно-хозяйственных расходов компании
Возможность оказывать дополнительные услуги клиентам	Есть, активно используется	Нет
Документ, выдаваемый застрахованному	Свидетельство (полис) или карта-пропуск	Полис
Возможность использования различных медицинских учреждений	Ограничена (в соответствии с прикреплением к поликлиникам)	Формально не ограничена, хотя сопряжена с трудностями

Добровольное медицинское страхование (ДМС) распространено больше, чем два других вида страхования, взятых вместе. Все три вида имеют невыгодный, ограничительный налоговый статус – при их осуществлении за счет предприятия можно включать в состав себестоимости небольшие суммы (ст. 255 НК РФ):

– 6% от фонда оплаты труда – для ДМС;

– 12% от этого же фонда – для долгосрочного страхования жизни и пенсионного страхования;

– 15000 рублей на одного работника – для страхования от несчастных случаев (сумма вполне достаточная для страхования работников большинства профессий).

Добровольное медицинское страхование официально считается дополнением к обязательному медицинскому страхованию. Фактически же пользующиеся им граждане (застрахованные) в обязательном страховании не нуждаются. Анализ добровольного и обязательного медицинского страхования приведен в таблице 1.

Добровольное медицинское страхование представляет собой форму организации медицинского обслуживания граждан, включающую некоторый элемент несения риска страховой компанией. Стандартный состав страховых программ добровольного медицинского страхования приведен в таблице 2.

Страховая компания получает взносы (страховую премию), из которой оплачиваются медицинские услуги, оказываемые застрахованным гражданам. Оплата производится не застрахованным гражданам, а медицинским учреждениям, которые их обслуживали, согласно счетам этих учреждений. Страховая компания имеет договоры с учреждениями, которые будут обслуживать застрахованных, и обеспечивает последним получение медицинской

Таблица 2

Стандартный состав страховых программ добровольного медицинского страхования

Составные части	Особенности
Поликлиническое обслуживание	Определяет уровень качества и цены программы в целом. Именно в зависимости от порядка определения цены на эту часть говорят о рисковом или депозитном договоре. Прикрепление обычно к одной поликлинике, но возможно к нескольким.
Скорая помощь	Возможность вызова определенной в договоре частной скорой помощи.
Госпитализация	Право госпитализации по экстренным показаниям в определенную больницу или ее специализированную (обычно улучшенную) часть. Как правило, взимается депозит за это право (если он не использован, то переходит на следующий год) – используется не всеми застрахованными (молодые люди часто обходятся без этого элемента).
Стоматология	Прикрепление к стоматологической поликлинике или стоматологической части поликлиники с правом лечения на определенную сумму – используется не всеми застрахованными из-за относительной дороговизны этого элемента.

Таблица 3

Формы пенсионного страхования

Формы	Содержание и применение
Страхование пожизненной пенсии	Пенсия выплачивается с момента наступления пенсионных оснований (возраста или стажа) и до конца жизни застрахованного. Размер пенсии зависит от накопленного фонда.
Страхование временной пенсии	Пенсия выплачивается с момента наступления пенсионных оснований (возраста или стажа) в течение определенного срока. Размер пенсии зависит от накопленного фонда.
Страхование гарантированной пожизненной пенсии	Пенсия выплачивается с момента наступления пенсионных оснований (возраста или стажа) и до конца жизни застрахованного, но с гарантированным, заранее известным размером ежемесячной выплаты.
Семейное пенсионное страхование	Отличается тем, что после смерти застрахованного право на получение пенсии переходит к его супругу.

помощи: прикрепляет к поликлиникам, госпитализирует в больницы, организует консультации у специалистов.

ДМС в России проводится в двух формах. Это *рисковое добровольное медицинское страхование*, когда оплачивается не полная стоимость всех услуг, а именно страховая премия, учитывающая вероятность их получения, и *абонентское добровольное медицинское страхование*, когда полностью оплачивается аванс за пользование услугами лечебного учреждения (прикрепление) и надбавка страховой компании за организацию обслуживания. Исследование показало, что рисковая форма выгоднее для страхователя, но следует учесть, что даже при абонентской форме прикрепление к поликлинике через страховую компанию оказывается, как правило, дешевле, чем напрямую.

Уровень поликлиники определяет качество и цену всей программы. Используются в ДМС в основном клиники высокого уровня. Спрос на услуги таких поликлиник растет быстрее, чем их мощности. Поэтому неуклонно повышаются цены за прикрепление, и как следствие – стоимость ДМС. Недостаток мощностей медицинских учреждений хорошего уровня является одним из важнейших факторов, сдерживающих развитие этого вида страхования.

В ДМС используются тарифы (тарифные таблицы), основанные на тарифах лечебных учреждений. Ставки премии устанавливаются в виде твердых сумм с одного застрахованного. При этом применяются скидки за количество. Они начинаются у одних страховых компаний с 50 застрахованных, у других – со 100. Договоры страхования могут предусматривать доплату со стороны страхователя при исчерпывании фонда взносов либо не предусматривать такой доплаты. Второе, разумеется, значительно выгоднее, да и удобнее.

ДМС пользуется около 8% всех работающих.

Пенсионное страхование – разновидность пенсионного страхования жизни, при котором выплачивается страховое обеспечение в виде пенсий (в течение ограниченного периода времени или до конца жизни). Формы пенсионного страхования (см.: таблица 3) на предприятии применяются мало, и не только из-за скудности ресурсов предприятий и слабости профсоюзов, но и из-за очень неблагоприятного налогового режима и юридического статуса этого страхования. Пока в частном пенсионном обеспечении преимущество имеют негосударственные пенсионные фонды (НПФ).

Страхование от несчастных случаев – простое, по существу рисковое (не имеющее накопительного

Таблица 4

Страхование работников предприятий от несчастных случаев

Подвиды страхования	Групповое страхование от несчастных случаев
Застрахованные группы рисков	1. Постоянная (стойкая) потеря трудоспособности от травм. 2. Временная потеря трудоспособности от травм. 3. Постоянная (стойкая) потеря трудоспособности от острых заболеваний, приравненных к травмам. 4. Временная потеря трудоспособности от острых заболеваний, приравненных к травмам.
Виды выплат	1. Страховое обеспечение в связи с потерей трудоспособности по таблице травм (в них указывается размер выплаты в процентах от полной страховой суммы, предусмотренной для случаев полной потери трудоспособности). 2. Дополнительное дневное пособие на время нетрудоспособности.
Страховая сумма	Назначается по соглашению сторон; основная страховая сумма – лимит ответственности при полной потере трудоспособности, дополнительная – размер дневного пособия при временной нетрудоспособности. Обычные страховые суммы в России – от 5 до 100 тысяч рублей для рядовых работников и от 50 до 500 тысяч – для руководителей.
Рассмотрение претензии	Требуется врачебно-трудовая экспертиза для определения степени и сроков потери трудоспособности.
Оформление договора	Договор с предприятием и полис с застрахованным.
Ставки страховой премии	От 0,2 до 0,9% от основной страховой суммы в год. Тариф строится по профессиональному принципу.

элемента) страхование, при котором застрахованные получают страховое обеспечение в случаях временной или постоянной утраты трудоспособности вследствие травм и приравненных к ним острых заболеваний (к примеру, клещевого энцефалита). Страховые суммы в этом случае назначаются по соглашению сторон, а размеры выплат при тех или иных травмах предусматриваются специальными таблицами. Факт травмы или утраты трудоспособности устанавливает обычно государственная медицинская комиссия (врачебно-трудовая экспертиза).

Страхование от несчастных случаев особенно важно для работников опасных профессий с высоким уровнем травматизма, но используют его для страховой защиты всех категорий сотрудников (см.: таблица 4).

В этом страховании также применяются тарифы, но не очень четкие и не строго соблюдаемые. Величина страховой премии (а она определяется, как и в большинстве видов страхования, в процентах от страховой суммы) зависит в первую очередь от профессии застрахованного, во вторую – от его пола и возраста. Это страхование намного дешевле добровольного медицинского и пенсионного.

Страхование от несчастных случаев может быть и индивидуальным, но в России пока преобладает групповое страхование сотрудников предприятий. Исследование этого вида страхования населения показывает, что он крайне невелик.

Актуальность данного исследования подтверждает всё возрастающая роль личного страхования. Основное значение личного страхования на предприятии – это повышение социальной защищённости персонала предприятия путём денежных компенсаций в случае потери здоровья, жизни и трудоспособности, повышения объема пенсий, а также обеспечение сотрудников качественным медицинским обслуживанием. Страховые выплаты по договорам личного страхования уменьшают расходную часть предприятия на социальные программы, способствуют повышению доверия к руководству предприятия, а также в целом к правительству страны, стабилизации её политической обстановки. Поэтому дальнейшее развитие и укрепление личного страхования требует усиленного внимания и поддержки.

Библиографический список

1. Федеральный закон «Об организации страхового дела в Российской Федерации» №157-ФЗ от 31 декабря1997 г., №172-ФЗ от 10 декабря 2003 г.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 2. от 24 ноября 1997 г.

3. *Асамбаева Н.Т.* Качественные показатели роста отечественного страхового рынка: основные приоритеты и пути совершенствования // Страховое дело. – 2009.

4. *Балабанов И.Т., Балабанов А.И.* Страхование: учеб. пособие. – М., 2008.

5. *Романова М.В.* Тенденции развития Российского страхования и кризисная ситуация // Финансы. – 2009.

6. *Селетухов Ю.А., Дюжиков Е.Ф.* Страхование. – М., 2009.

УДК 338.43

Губин Владимир Анатольевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
vladimir-g21@rambler.ru

ФЕРМЕРСКИЕ ХОЗЯЙСТВА В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматриваются институциональные проблемы фермерства современной России как фактор устойчивого развития аграрного сектора экономики; освещаются институциональные, земельные и кредитные проблемы, обусловливающие необходимость подробного изучения причин, которые препятствуют эффективному развитию и функционированию института фермерства.

Ключевые слова: *крестьянское (фермерское) хозяйство, институт, институциональная среда, экономические отношения.*

Трансформация аграрного сектора экономики предопределила становление и развитие новых форм хозяйствования, таких как фермерские хозяйства, которые в современных экономических отношениях приобретают достаточно высокое значение. Фермерские хозяйства являются одной из высокоэффективных организационных форм производства сельскохозяйственной продукции, основанной на частной собственности на землю, личном интересе в результатах труда. В настоящее время существенно сокращается производство основных видов продукции (молока, зерна, мяса, яиц, картофеля), низкий уровень потребления продуктов питания по сравнению с нормой. Действительно, с одной стороны, наблюдается тренд роста объемов производства сельскохозяйственной продукции, а с другой – фундаментальные причины не позволяют говорить об устойчивом и стабильном развитии аграрной сферы. Эти противоречия, доходящие до парадоксов, требуют глубокого анализа и, самое главное, принятия неотложных мер для закрепления имеющихся позитивных тенденций, прежде всего институционального характера, чтобы неустойчивое равновесие российского АПК не сдвинулось в сторону нежелательных процессов, а огромный потенциал конкурентоспособности отрасли не превратился в еще одну упущенную возможность развития отечественной экономики [3, с. 115–126]. Данные проблемы можно решить, во-первых, созданием благоприятных условий становления, развития и функционирования фермерского сектора, во-вторых, всесторонней государственной помощью всех уровней власти фермерским хозяйствам.

Теоретические положения А.В. Чаянова являются основой для решения проблем современного сельского хозяйства России. С точки зрения исследования сельской семьи как социально-экономической и демографической системы, важно отметить, что А.В. Чаянов, характеризуя развитие аграрных отношений в период распада помещичьего землевладения и реформирования российской деревни (начало XX века), поставил в центр анализа изучение условий и особенностей развития семейно-трудового крестьянского хозяйства. Крестьянская семья всегда формировала специфический социально-экономический уклад как в деревне, так и в целом в стране. Крестьянская семья всегда стремилась к самодостаточности на основе своих, внутренних, главным образом, трудовых ресурсов [7, с. 300–311]. Причем обмен должен быть в справедливых, экономически обоснованных пропорциях, в стоимостном измерении. К тому же крестьянин везде является самым уважаемым человеком. Фермер, состоящий в кооперативе, по первому звонку снабжается семенами, горючим, техникой, покупают у него готовую продукцию. Невыполнение заявки фермера в течение нескольких часов равносильно банкротству исполнителя, ибо это крах деловой репутации. Такие условия должны быть созданы и нашему крестьянину, социально защищенному, оснащенному современной техникой, пользующемуся системой четкого сервиса.

В.Н. Боробов отмечает, что «фермерский сектор не стал, как ожидали, ведущим в сельском хозяйстве, однако он является наиболее динамично развивающимся. Ежегодный прирост площадей земли у фермеров, происходящий в основном за счет аренды у собственников земельных долей, составлял последние 5 лет около 1 млн. га. Дополнительные площади фермеры приобретают в ходе конкурентной борьбы с сельскохозяйственными организациями, предлагая собственникам земельных долей более высокую арендную плату, чем сельскохозяйственные организации. В целом доля продукции КФХ в валовой продукции сельского хозяйства невысока, но по отдельным продуктам их вклад довольно весомый. В ряде регионов (в Ингушетии, Еврейской автономной области) фермеры произвели больше продукции, чем сельскохозяйственные организации» [1, с. 278–281]. И.В. Васильева считает, что «качество и эффективность отношений будущих фермеров с колхозами и совхозами зависели от той организационно-оформленной структуры и уровня производственной самостоятельности, с которыми крестьянские хозяйства входили в эти отношения. Модели организации здесь были самые разные: 1) крестьянские хозяйства являлись структурными подразделениями колхозов и совхозов, осуществляя производствен-

 © Губин В.А., 2012

ную деятельность на принципах аренды и получая все виды помощи и услуг от общественного производства; 2) крестьянские хозяйства являлись структурными подразделениями колхозов и совхозов, самостоятельно осуществляли производство и определяли каналы реализации продукции; услуги и помощь со стороны общественного производства предоставлялись им на взаимовыгодной договорной основе; 3) крестьянские хозяйства являлись независимыми, полностью самостоятельными формированиями, ведущими производственную деятельность на подлинно коммерческой основе; услуги и помощь им осуществлялись на партнерских началах – через рынок продукции и услуг; 4) крестьянские хозяйства являлись подсобными цехами промышленных предприятий и в своей деятельности (по вопросам финансового и материального обеспечения) были тесно с ними связаны; 5) крестьянские хозяйства являлись полноправными членами каких-либо производственных или иных кооперативов, оформленных для совместного производства или переработки сельскохозяйственной продукции; в этих случаях производственные отношения строились на взаимных интересах равноправных партнеров с учетом долевого (паевого) участия каждого в кооперативном деле» [2, с. 284]. А далее И.В. Васильева отмечает, что «при организации крестьянских (фермерских) хозяйств предлагается использовать многие, уже известные в экономике, принципы научной организации производства и труда. Вместе с тем специфика хозяйственной организации в крестьянских (фермерских) хозяйствах такова, что регламентирующее действие отдельных организационных принципов здесь несколько занижается (например, принцип непрерывности, поточности, согласованности производства и др.), а влияние других, в особенности связанных экономическим механизмом хозяйствования, наоборот, усиливается. Особый характер и отличительные свойства различных принципов, проявляющихся при формировании и становлении крестьянских (фермерских) хозяйств, обусловливаются преимущественно мотивами личной собственности на средства производства и результаты своего труда. Именно прецедент частной собственности возвышает у хозяина крестьянского (фермерского) хозяйства неодолимый интерес к собственному делу, заставляет его полнее использовать накопленный опыт и знания, а также отдавать максимум трудовых усилий на осуществление любых рабочих процессов в своем крестьянском (фермерском) хозяйстве. Тем не менее можно идентифицировать ряд конкретных принципов, которыми рекомендуется руководствоваться при создании крестьянских (фермерских) хозяйств и их обслуживании: 1) принцип добровольности при создании крестьянских (фермерских) хозяйств; 2) принцип равноправности экономических условий функционирования различных организационно-правовых форм предприятия; 3) принцип достаточности средств (ресурсов); 4) принцип хозяйственной самостоятельности; 5) принцип экономической самостоятельности (самофинансирование и самоокупаемость); 6) принцип максимальной доходности; 7) принцип договорной ответственности перед партнерами за взятые обязательства по поставке продукции, выплате кредитов, процентов по ним, налогов и т.п.; 8) принцип состояния конкурентоспособности; 9) принцип рациональной трудоресурсной занятости (соответствие численного состава членов семьи и наемных работников масштабам производства); 10) принцип согласованности и стабильности коллектива; 11) принцип семейной преемственности; 12) принцип универсального (многопрофильного) работника; 13) принцип личной материальной заинтересованности каждого члена семьи; 14) принцип достаточного самоконтроля». Лучшим по показателям самоуправляемости крестьянских (фермерских) хозяйств можно считать оптимальное сочетание и полную загрузку рабочих мест, а также полное использование членов семьи в соответствии с их профессиональной подготовкой, знаниями и умениями [2, с. 284–286].

В динамике функционирования сельского хозяйства четко прослеживается тенденция спада объемов производства и сокращения населения, что связано с неэффективностью существующих организационно-правовых форм хозяйствования. Развитие сельского хозяйства представлено в таблице 1.

Полученные данные требуют некоторых комментариев. За последние 15 лет производство основных видов продукции (молока, зерна, мяса, картофеля) сокращается от 1,2% до 50,4% соответственно. Продовольственная ситуация в стране

Таблица 1

Основные индикаторы развития сельского хозяйства в России [4]

Годы	Население		Произведено, млн. тонн				
	Всего	в том числе сельское	Зерно	Мясо	Молоко	Овощи	Картофель
1995	148,3	40,0	63,4	2,8	16,3	8,3	35,9
2000	146,3	39,2	65,4	2,6	16,4	8,1	26,9
2005	143,5	38,8	77,8	2,6	16,1	8,4	25,0
2010	142,9	37,6	61,0	2,6	16,1	8,7	17,8
Изменение 2010 года к 1995 году, в %	96,4	94,0	96,2	92,9	98,8	104,8	49,6

Таблица 2

Потребление основных продуктов питания на душу населения в год в России, кг [6, с. 335]

Виды продукции	Годы				
	1995	2000	2005	2010	Норма
Хлеб и хлебопродукты	119	117	121	123	110
Мясо и мясопродукты	75	45	55	76	81
Молоко и молокопродукты	386	215	235	243	392
Овощи	89	61	73	75	140
Картофель	106	69	76	81	105
Яйца, шт.	297	228	250	264	292

может стать и еще хуже, если не поддерживать институт фермерских хозяйств, который, как известно, в основном, занимается производством трудоемких видов продукции (овощи, картофель, шерсть) и способен взять на себя решение этих и других проблем. Однако следует отметить, что производство продукции – это только одна из проблем. Вместе с ней возникает и функционирует другая – нехватка потребления населением продуктов питания (см.: табл. 2). Необходимо отметить, что за 2000–2010 гг. в крестьянских фермерских хозяйствах России объем производства картофеля вырос в 3,1 раза, овощей – в 5,3 раза [4, с. 425–449; 5, с. 265–279].

Прокомментируем полученные результаты. Низкий уровень потребления продуктов питания по сравнению с нормой, как правило, связан с низкими доходами населения и высокими ценами на товары или дефицитом товаров высокого качества, а также большим ассортиментом импортной продукции, что приводит к конкуренции между данными товарами и в дальнейшем к уходу отечественных производителей с рынка. Потребление импортной, некачественной, зачастую химически обработанной, но относительно дешевой по сравнению с отечественными производителями продукцией ведет к ухудшению здоровья населения, что в дальнейшем может привести к серьезным заболеваниям, непригодности к военной службе, смертности и, в итоге, к еще большему усложнению демографической ситуации в стране. Данную проблему должно решать государство путем усовершенствования институциональной среды, создания благоприятных условий для развития эффективных организаций и институтов (таких, как фермерские хозяйства), обеспечивать их кредитными ресурсами, решать транспортные и иные проблемы. В результате развития ферм, которые производят высококачественную и трудоемкую сельскохозяйственной продукцию, будет создана основа развития агропромышленного комплекса страны.

Библиографический список

1. *Боробов В.Н.* Эффективность крупных и малых сельскохозяйственных предприятий // Вестник Российского государственного аграрного заочного университета. – 2006. – №1 (6). – С. 278–281.

2. *Васильева И.В.* Организационные основы и принципы формирования и развития современных крестьянских (фермерских) хозяйств // Вестник Российского государственного аграрного заочного университета. – 2006. – №1 (6). – С. 284–286.

3. *Голубев А.* Парадоксы развития аграрной экономики России // Вопросы экономики. – 2012. – №1. – С. 115–126.

4. Российский статистический ежегодник. 2010: стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – С. 425–449.

5. Россия в цифрах. 2011: крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 581 с.

6. Сельское хозяйство, охота и лесоводство в России. 2011: стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – С. 335.

7. *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство: избр. труды / ред. кол. сер.: Л.И. Абалкин (пред.) и др. – М.: Экономика, 1989. – 492 с.

УДК 330.101.542

Дудяшова Валентина Павловна
доктор экономических наук
dvp1@kostroma.ru
Кипень Надежда Александровна
кандидат экономических наук
Костромской государственный технологический университет
kipen_n@mail.ru

РЕСУРСЫ И СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЕМ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ

В статье рассмотрены ресурсный и результативный аспекты экономики знаний промышленного предприятия, представлена система управления промышленным предприятием в условиях экономики знаний.

Ключевые слова: *экономика знаний, ресурсы, результат, система управления, предприятие.*

Современный этап развития мировой и отечественной экономики не только предполагает, но уже и диктует постоянное приращение знаний предприятий, оперативное и стратегическое благополучие последних определяется все в большей степени уровнем развития интеллектуального капитала, инновационными разработками и наукоемкими технологиями. Данному направлению также уделяется большое внимание на уровне государственной политики России. Создан Фонд «Сколково», одной из задач которого является коммерциализация инноваций. В 2011 г. Грантовый комитет «Сколково» определил финансирование для 70-ти инновационных проектов на общую сумму более 5 млрд. рублей, в основном на условиях софинансирования [4]. В рамках XIV Томского инновационного форума, прошедшего в мае 2011 г., Д.А. Медведевым высказана необходимость наличия передовых идей и новаторских проектов, их коммерциализации и широкого применения в промышленности [5]. По словам Б.В. Грызлова, «новая среда предполагает развитие прикладного научного бизнеса, создание рынка технологий, переход на постиндустриальный тип промышленности» [5]. Реализуются пилотные инвестиционные проекты, в том числе по развитию легкой промышленности в Ивановской, Вологодской, Костромской, Ярославской и других областях [2]. В противовес всему сказанному, как в политической, так и в научной сфере, в основном рассматриваются вопросы влияния знаний на развитие инновационной экономики, их доминирующей роли в производстве валового национального продукта, проблемам становления российской модели экономики, базирующейся на знаниях, что, по своей сути, достаточно виртуально. Особую же ценность имеют разработки практических методов работы со знаниями, способы формирования и применения интеллектуальных ресурсов на конкретных предприятиях, что в конечном итоге положительно отразится на состоянии экономики страны в целом. Вопросам экономики знаний на уровне предприятия внимания уделяется значительно меньше.

Экономика предприятия как наука изучает ресурсы предприятия, результаты и пути улучшения их использования. Термин «экономика знаний» был введен Фрицем Махлупом в 1962 году для обозначения одного из секторов экономики на макроуровне. С нашей точки зрения, экономика знаний предприятия отличается от экономики предприятия тем, что в качестве основного ресурса рассматривает именно знания, результаты и пути повышения их использования. Ресурсы предприятия вообще представляют собой средства, запасы, возможности, источники чего-либо, то есть всё, что может быть использовано организацией для достижения своих целей. Классификация экономических ресурсов предприятия в условиях экономики знаний представлена на рисунке 1. Ресурсы предприятия подразделяются на четыре группы [1]. Материальные ресурсы представляют основу материально-вещественных факторов производства и включают основные фонды и оборотные средства предприятия. Основные фонды в соответствии с Общероссийским классификатором основных фондов подразделяются на материальные и нематериальные [3]. Оборотные средства представляют собой денежное выражение оборотных фондов и фондов обращения. Трудовые ресурсы или кадры – совокупность работников различных профессионально-квалификационных групп, занятых на предприятии и входящих в его списочный состав. Работники предприятия подразделяются на промышленно-производственный и непромышленный персонал. В данном случае нас будет интересовать только промышленно-производственный персонал, то есть работники, занятые в производственном процессе, осуществляющие его подготовку, техническое и организационное обслуживание, управление. Промышленно-производственный персонал в соответствии с выполняемыми функциями подразделяется на следующие основные группы: управленческий персонал (руководители, специалисты, служащие), рабочие (основные и вспомогательные). Долгосрочные вложения (инвестиции) представляют затраты на создание и увеличение размеров предприятия, приобретение внеоборотных активов длительного

© Дудяшова В.П., Кипень Н.А., 2012

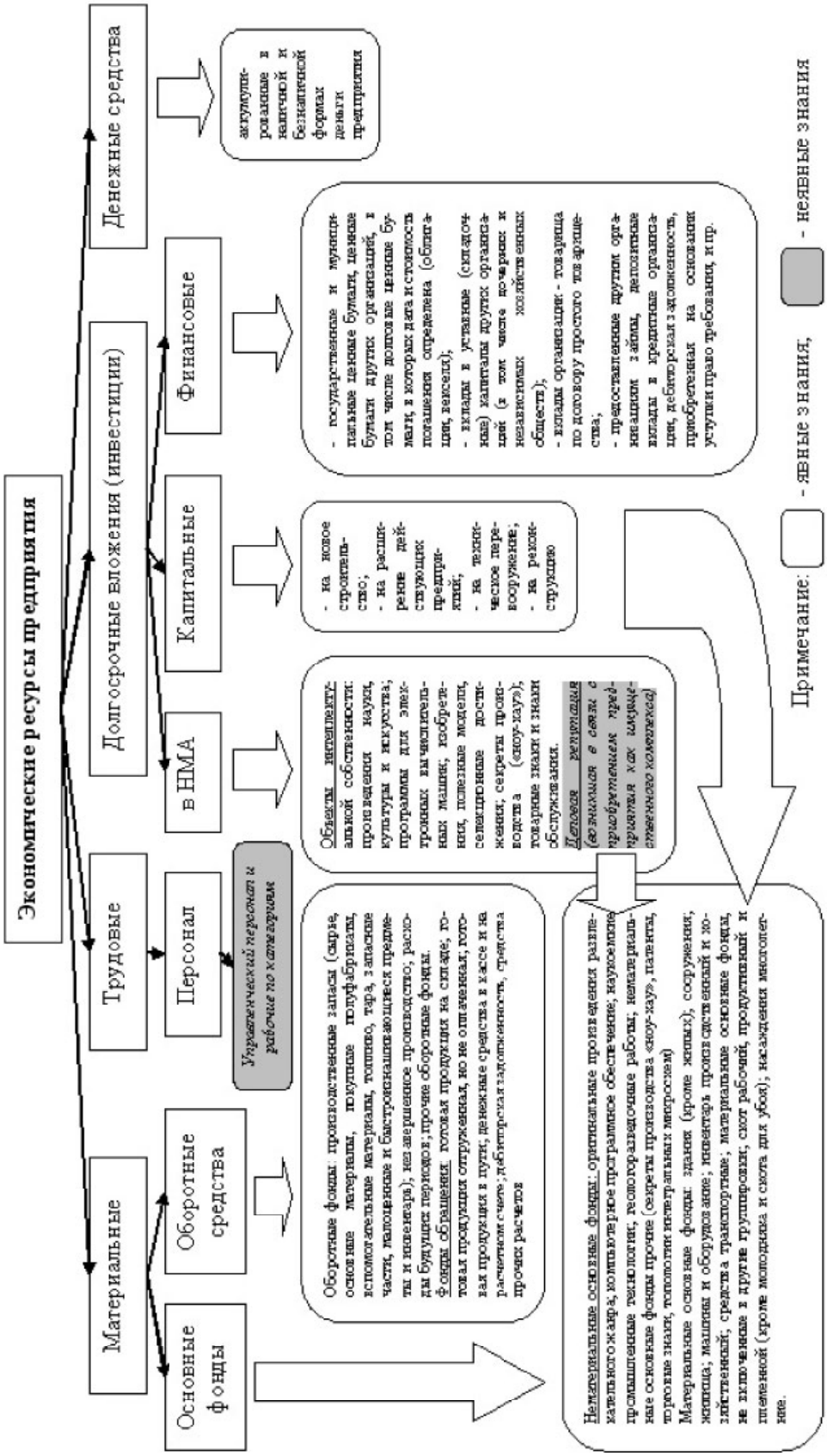


Рис. 1. Экономические ресурсы предприятия в экономике знаний

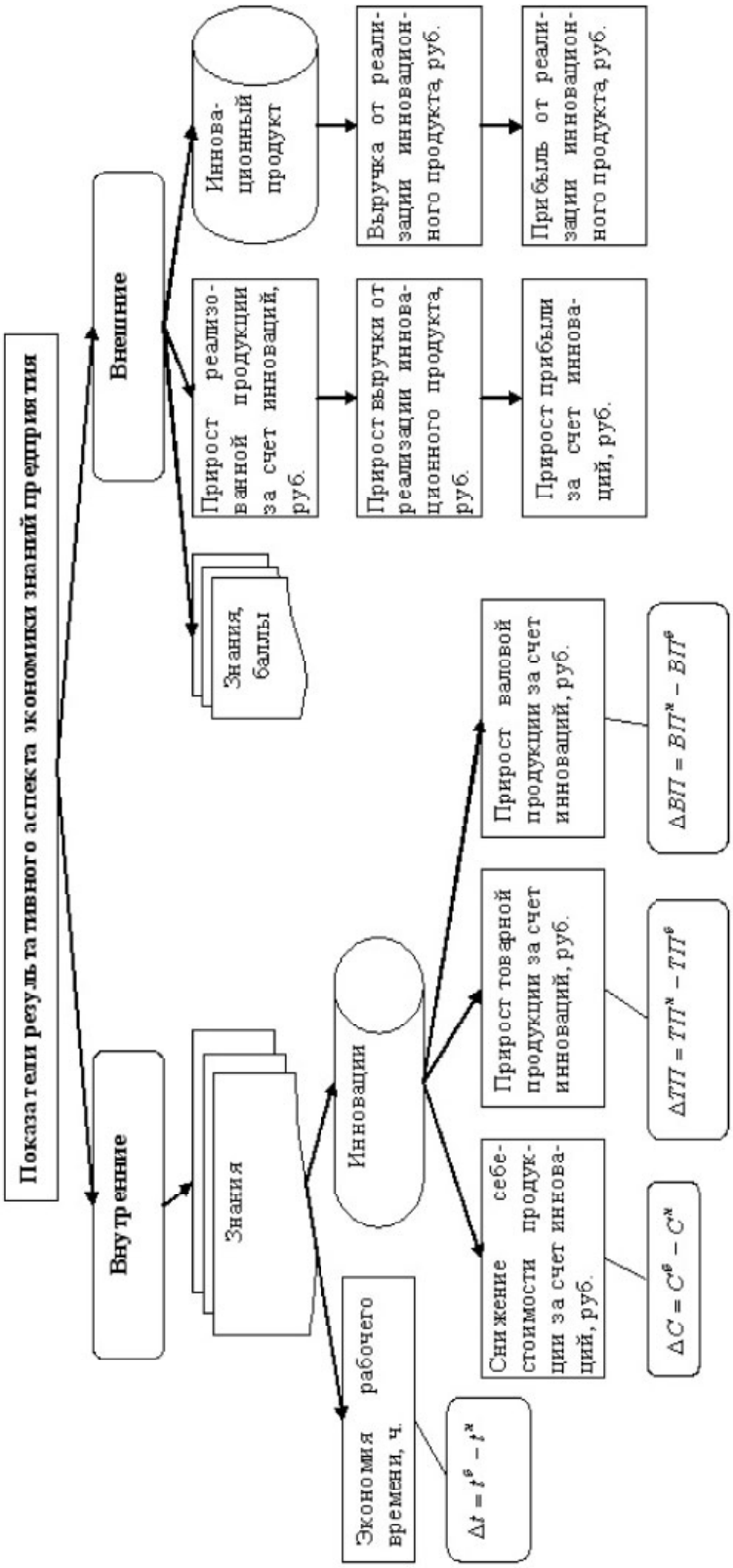


Рис. 2. Результативный аспект экономики знаний предприятия

пользования, не предназначенных для продажи, подразделяются на вложения в нематериальные активы (НМА), капитальные и финансовые вложения. НМА – это приобретаемые за плату нематериальные объекты, используемые в течение длительного времени и приносящие доход. Капитальные вложения представляют собой затраты на создание новых основных фондов путем их приобретения, нового строительства, реконструкции, расширения, технического перевооружения действующих предприятий. Финансовые вложения – это вложения в ценные бумаги, предоставление займов, вложение в уставные капиталы других предприятий. Денежные средства представляют собой средства предприятия в наличной и безналичной формах в кассе и на расчетном счете.

Как видно по схеме, *знания* в качестве самостоятельного ресурса не выделены по причине того, что они *являются составной частью всех ресурсов предприятия*. Специфика знаний как ресурса состоит в том, что, в отличие от других ресурсов, запасы которых уменьшаются при употреблении, знания могут использоваться неограниченно, и чем больше они используются, тем больше прирастают. В 60-е гг. XX века английский ученый Майкл Полани разделил все знания на явные и неявные. Явные знания можно выразить посредством речи, их легко распространить (осуществление отпуска материалов в производство, процесс отчета по командировочным расходам). Явные знания существуют на предприятии в овеществленной форме, то есть материализованы в продуктах и услугах, произведены в результате труда и творчества человека. В соответствии со схемой они включены в оборудование, здания, сырье, готовую продукцию и другие ресурсы. Неявные знания (выделены заливкой) являются следствием опыта, передать их можно посредством личного общения, документальная фиксация затруднена (процесс воспитания преемника руководителя). Неявные знания существуют как в овеществленном, так и в неовеществленном (чистом) виде, то есть в головах людей, служа прямой предпосылкой к целенаправленным действиям. В овеществленном виде неявные знания входят в состав деловой репутации организации.

Помимо ресурсного аспекта, в экономике рассматривается результативный аспект, характеризующий результат использования ресурсов предприятия посредством системы показателей. Показатели разделяются на абсолютные (товарная, реализованная, валовая продукция, выручка от реализации, прибыль) и относительные (показатели ресурсоотдачи, ресурсоемкости) [1]. Показатели ресурсоотдачи (фондоотдача, производительность труда, рентабельность и др.) и ресурсоемкости (фондоемкость, трудоемкость, материалоемкость) очень многочисленны и требуют обособленного подхода, так как не просто характеризуют результат, а в непосредственной связи с затраченными ресурсами. Поэтому в данной статье авторами рассматриваются только абсолютные показатели. На наш взгляд, с позиции экономики знаний к имеющимся абсолютным показателям необходимо добавить те, которые характеризуют результат использования такого ресурса предприятия, как знания. Показатели результативного аспекта экономики знаний предприятия необходимо разделить на внутренние и внешние (рис. 2).

Внутренние показатели характеризуют результат использования такого ресурса, как знания, и относятся к внутренней среде предприятия. Одним из таких показателей является *экономия рабочего времени*. Результатом затрат любого труда, который, как правило, проходит во времени, является материальный или нематериальный продукт. Сохранение этого времени как раз связано с его экономией. Степень экономии рабочего времени характеризует производительность труда, представляющую собой меру эффективности и напряженности труда. В экономике приводятся два способа повышения производительности труда (экономии рабочего времени): 1) применение более совершенной техники и технологии, более эффективных предметов труда, повышение квалификации работников, лучшей организации труда, более совершенного управления и т.п.; 2) увеличение напряженности физического, умственного труда [1]. На наш взгляд, в качестве самостоятельного способа экономии рабочего времени необходимо выделить создание, приращение и распространение знаний среди работников предприятия. В данном случае экономия рабочего времени будет связана с сокращением затрат времени на поиск нужной информации и способов применения знаний. Также в качестве внутренних результативных показателей экономики знаний предприятия следует выделить *снижение себестоимости продукции, прирост товарной и валовой продукции за счет инноваций*. Инновационная деятельность определяется как процесс трансформации знаний в деньги, чему способствует активизация интеллектуальной деятельности персонала. Инновации, в отличие от изобретения, должны быть коммерциализированы, то есть получен определенный коммерческий эффект.

Внешние показатели характеризуют результат использования такого ресурса, как знания, и относятся к внешней среде предприятия. К внешним показателям следует причислить, во-первых, *объем знаний*, которые предприятие распространяет во внешнюю среду. В качестве примера можно привести статьи в различных журналах квалифицированных специалистов предприятия, участие в выставках, взаимные визиты между предприятиями одной отрасли промышленности с целью обмена опытом и другое. Как правило, предприятия, зани-

Рис. 3. Система управления промышленным предприятием в условиях экономики знаний

мающиеся распространением знаний, склонны также к их постоянному заимствованию у других компаний и адаптации к собственным потребностям. Поскольку оценить знания можно лишь относительно, нами предлагается стандартный метод, а именно оценка в баллах, естественно, в определенный момент времени по отношению к определенной ситуации. Например, с позиции развития конкретного предприятия знания работника по пятибалльной шкале можно оценить на «отлично». Специалистами другого предприятия, уделяющего большее внимание инновациям, знания работников рассмотренного предприятия могут быть оценены гораздо ниже. Также в качестве внешних показателей следует выделить *прирост реализованной продукции за счет инноваций*, который является следствием либо снижения себестоимости, либо прироста товарной продукции. Следствием прироста реализованной продукции является *прирост выручки от реализации, а затем и прибыли за счет инноваций*. Большое значение имеют показатели, полученные в результате реализации инновационного продукта, как управленческого, так и инновационно-технического характера, в качестве объекта интеллектуальной собственности. Таковыми показателями являются *выручка и прибыль от реализации инновационного продукта*.

Совместное рассмотрение ресурсов и результата дает систему показателей ресурсоотдачи и ресурсоемкости, о которых упомянуто выше. С целью более наглядного представления ресурсного и результативного аспектов экономики знаний предприятия покажем систему управления им (рис. 3). Знания и инновации являются в данной системе элементами как входного, так и выходного воздействия, участвуют во всех внутренних процессах предприятия. Управленческие решения – результатом анализа, прогнозирования, экономического обоснования и выбора альтернативы и принимаются на уровне управляющей подсистемы. Знания и инновации также присутствуют на входе и выходе управляемой подсистемы, помимо других ресурсов и продукции. Инновационная деятельность выделена в качестве отдельного блока. Она полностью основана на знаниях, в большей степени неявных. Результатом работы данного блока является инновационный продукт. Инновационный продукт может быть продан или использован самим предприятием. Таким образом, доход может быть получен как от производственной, так и от инновационной деятельности.

На основании всего вышесказанного можно сделать следующие выводы. Экономика знаний предприятия в качестве ключевого ресурса рассматривает знания, а также результаты и пути повышения их использования. Знания являются совершенно особым ресурсом, поскольку чем больше используются, тем больше их приращение. Показатели результативного аспекта экономики знаний предприятия необходимо подразделять на внутренние и внешние. Инновационный потенциал предприятия зависит в большей степени от наличия неявных знаний. Что касается путей повышения использования знаний, то здесь имеет место их кругообо-

рот. Знания на входе и в системе предприятия участвуют в формировании продукции, инноваций, а также новых знаний. Предприятие получает доход от реализации, часть которого идет на преумножение знаний и мотивацию персонала с целью их приращения. Количество кругооборотов знаний является одним из показателей эффективной работы предприятия в условиях экономики знаний.

Библиографический список

1. *Андреева О.Б.* Экономика предприятия (базовый конспект лекций): учеб. пособие. – Кострома: Изд-во КГТУ, 2001. – 77 с.

2. *Николаев С.Д.* Интеллект современного предприятия: монография / С.Д. Николаев, А.В. Зайцев, В.В. Баранов, Й. Крафт. – М.: Издательский дом «Комсомольская правда», 2010. – 252 с.

3. Общероссийский классификатор основных фондов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.classifikator.ru/

4. Сколково-медиа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://skolkovomedia.ru/

5. Томский инновационный форум «Инновационная Россия – 2020: Как запустить экономику знаний?» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://innovus.biz/ru/forum-2011/about/

УДК 330

Ратькова Александра Борисовна
кандидат экономических наук
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
ratkova.a@yandex.ru

ПАРТНЕРСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматривается проблема взаимоотношений государства и бизнеса в контексте политики «эффективного государства». Приводится дополнительная аргументация точки зрения, согласно которой партнерство государства и бизнеса представляет противоречивую систему сотрудничества и соперничества. Обращается внимание на их растущую взаимозависимость, а также основные мотивы и цели, которые определяют заинтересованность сторон в создании партнерства.

Ключевые слова: *государство, механизмы рынка, бизнес, государственно-частное партнерство, интересы, цели.*

В условиях новой, развивающейся экономики вопросы о государстве, его роли, функциях продолжают оставаться основополагающими и дискуссионными в социально-экономических науках. В теории и практике науки XXI века речь уже не идет об участии или неучастии государства в развитии экономики. Речь идет о том, какова степень и формы участия государства в экономической жизни. Данный аспект находит отражение в чередовании концепций, то проповедующих усиление государственного воздействия на развитие экономики (представители кейнсианства и институционализма), то делающих ставку на рыночные механизмы (последователи монетаризма и неолиберализма). В этом контексте следует отметить, что в реальном конкурентном рынке обнаруживается экономическое пространство, где проявляется ограниченность механизмов рынка. Государство берет на себя функции, которые принципиально не может осуществить сам рынок. Во-первых, создание условий для эффективной конкуренции, ограничение монополизированного производства. Во-вторых, предоставление общественных товаров и услуг. Речь идет о таких товарах и услугах коллективного пользования, как национальная оборона, национальные сети коммуникаций, охрана общественного порядка и другие. В-третьих, нейтрализация последствий внешних эффектов. Здесь важно выявление социально значимых «внешних эффектов», их денежное измерение и принятие решений, компенсирующих несовершенство рыночного механизма.

Эти функции, как известно, образуют минимально необходимые границы государственного воздействия на экономику. Кроме того, в реальном конкурентном рынке определенные социальные установки диктуют необходимость более активного государственного воздействия на экономическое развитие: забота о детях, стариках, инвалидах, малоимущих, регулирование рынка труда, принятие мер по сокращению безработицы, поддержание устойчивости окружающей среды. Функцией государства является создание инновационно-инвестиционного климата для экономики в целом. Нельзя не отметить противоречивость взаимоотношений инновационного процесса с рыночной экономикой. С одной стороны, в рамках рыночных отношений проявляются такие стимулирующие инновационную деятельность критерии, как социальная активность, творческая инициатива, способность рынка обеспечивать отбор и выживание наиболее эффективных новаций. С другой стороны, рыночные отношения не могут считаться совершенными для воздействия на инновационные процессы, поскольку в поведении хозяйствующих субъектов рынка преобладают краткосрочные интересы, в то время как инновационная деятельность рассчитана на долгосрочный период. Преодоление

© Ратькова А.Б., 2012

объективной ограниченности рыночного механизма в интенсификации инновационных процессов требует более активной государственной политики. Реализация национальных интересов в мировой экономике предполагает проведение государством соответствующей внешнеторговой политики, контроль над международной миграцией капиталов и рабочей силы, регулирование платежного баланса и валютных курсов. Следует согласиться с Ф.И. Шамхаловым в оценке опыта стран с либерально-демократическими режимами, где «именно государство сыграло решающую роль в обуздании стихийных рыночных сил, корректировке их негативных последствий, беспрецедентном повышении жизненных стандартов, противодействии произволу корпораций» [4, с. 73].

Однако следует заметить, что, независимо от пределов участия государства в развитии экономики, сущность этого участия противоречива. Государство может способствовать развитию экономики, но в то же время может выполнять свои функции так, что они будут сдерживать экономическую активность в результате принятия необоснованных решений, ценовых искажений, высоких трансакционных издержек при создании новых или реорганизации старых компаний, неопределенности поведения, когда государство часто меняет законы и нормы. В контексте сказанного приведем выдержку из работы нобелевского лауреата Джозефа Стиглица: «Сегодня, говоря о роли государства, – пишет Стиглиц, – экономисты ставят вопрос не только о провалах рынка, но также и об ограничениях для правительства, чтобы предлагаемые им средства лечения не оказались дороже рыночных недомоганий» [3, с. 30]. Действительно, чрезмерное вмешательство государства подрывает действие системы саморегулирования и приводит к снижению эффективности. Кроме того, при чрезмерном вмешательстве само государство страдает от бюрократизма и коррупции, появляются так называемые «провалы» государства. Они бывают, как отмечают А. Аткинсон и Дж. Стиглиц, не реже, чем «провалы» рынка [1, с. 15]. Причем «провалы» государства могут дополнять, а иногда и усиливать «провалы» рынка. Поэтому государственное вмешательство оправдано, если возникающие проблемы существенны, связаны с большими рисками для общества и не могут быть преодолены механизмами рыночного саморегулирования, а государственное регулирование способствует появлению чистого общественного выигрыша по сравнению с ситуацией отсутствия регулирующего воздействия. Если же возникающие проблемы сопровождаются незначительными потерями, то государственное регулирование, возможно, окажется нецелесообразным.

Роли государства в экономической жизни XXI века уже не соответствует концепция «государства всеобщего благоденствия». На смену ей приходит концепция «эффективного государства». Государство с большими потенциальными возможностями может быть более эффективным, но эффективность и потенциал государства – это понятия не тождественные. Государство может обладать значительным потенциалом, но быть недостаточно эффективным, если этот потенциал не используется в интересах общества. Путь к созданию более эффективного государства нелинеен, – это ступенчатый процесс. Во-первых, государство должно сосредоточить наличные ресурсы на тех задачах, которые оно может и должно решать. Во-вторых, уже после того как эти задачи будут решены, государство может заняться созданием дополнительного потенциала.

Одним из аспектов, отражающих сущность политики «эффективного государства», являются изменения в промышленной политике. Исходя из развитости современных национальных рынков, признается, что частный сектор самостоятельно способен готовить крупномасштабные проекты и управлять ими. Государству отводится роль их эксперта. При этом уже не государство, а национальные, региональные и международные сети создают для фирм многочисленные возможности для развития бизнеса. Таким образом, с государства снимается ответственность за исполнение решений, что стимулирует сотрудничество в рамках частного сектора вместо формирования громоздкой промышленной бюрократии. Такая форма долгосрочного хозяйственного взаимодействия между государством и частными структурами, как «государственно-частное партнерство», - одна из основных тенденций развития экономики. В России она начала приобретать реальные очертания весьма недавно – примерно с середины первого десятилетия XXI века. При этом за несколько лет была проведена работа по уточнению концептуальных основ такого взаимодействия, формированию нормативно-правовой базы, созданию специальных институтов для внедрения современных инструментов партнерства [2].

Государственно-частное партнерство представляет собой весьма противоречивую систему сотрудничества и соперничества. Опыт начала XXI в. убедительно свидетельствует о растущей взаимозависимости этих двух соперников. Растет осознание того, что при всех существующих между ними различиях у них немало общих интересов. Отношения этих, с первого взгляда, противников характеризовались духом не только соперничества, но и сотрудничества [5, с. 94, 96–97].

В контексте сказанного отметим основные мотивы и цели, которые определяют заинтересованность сторон в создании партнерств. С точки зрения государства, эти мотивы и цели заключаются в следующем. Партнерство позволяет государству получить доступ к новым (внебюджетным) источникам инвестиций, а это делает возможным осу-

ществление важных и срочных проектов, сложных для реализации без привлечения внешних ресурсов и компетенций. Совместное финансирование и разделение финансовых рисков – важная, но далеко не единственная цель создания партнерств. В проектах государственно-частных партнерств государство может отказываться от несвойственных ему хозяйственных функций, выбрав по конкурсу наиболее компетентного, опытного и надежного частного партнера. Ему передаются функции по управлению объектом государственной собственности. Со своей стороны, частный партнер привносит организационно-управленческий опыт и инвестиции, технологии и ноу-хау, минимизирует предпринимательские риски. В целом государство несет главную ответственность за то, чтобы механизмы государственно-частного партнерства обеспечивали обществу наилучшее соотношение цены и качества услуг, предоставление их согласно срокам и иным условиям, закрепленным в контракте. Заинтересованность коммерческих структур в партнерстве с государством определяется иными мотивами. Вступая в государственно-частное партнерство, частная компания получает в долгосрочное владение и пользование государственные активы. Это обеспечивает стабильное получение приемлемой нормы прибыли в долгосрочной перспективе. На свободном конкурентном рынке таких гарантий не существует. Кроме того, осуществляя инвестиции в проекты государственно-частных партнерств, предпринимательские структуры обеспечивают себе гарантии возврата вложенных средств и минимизируют риски их потери, поскольку государство несет соответствующие обязательства. Современные формы государственно-частного партнерства предоставляют частному партнеру значительную степень хозяйственной свободы. В период срока действия контракта компания может за счет нововведений повысить общую прибыльность бизнеса и таким образом увеличить получаемый доход.

Следует подчеркнуть, что в государственно-частном партнерстве не может быть полного совпадения интересов и мотивов государственной и частной сторон. Они могут не только не совпадать, но и быть противоположными, поскольку каждая из сторон партнерства стремится получить для себя как можно больше прав, одновременно стараясь взять на себя минимальное количество обязательств и рисков. Процесс принятия решений порой характеризуется высокой степенью конфликтности. Как феномен смешанной экономики и как модель хозяйствования, партнерства должны быть нацелены на удовлетворение общественных потребностей. Этим, прежде всего, они отличаются от частнопредпринимательских структур, деятельность которых, по определению, должна быть ориентирована исключительно на получение прибыли.

В заключение следует отметить: развитие сотрудничества государства и бизнеса должно формироваться в четко определенных правовых рамках, отражающих интересы участников и цели проектов. Эффективность такого взаимодействия обеспечивается не столько прямым сложением финансовых ресурсов на условиях софинансирования, сколько максимально полным использованием уникальных возможностей каждого из участников партнерства и возможностью реального сокращения рисков. Государство, вступая в союз с бизнесом, может получать не только снижение нагрузки на бюджет, но и более гибкую и эффективную систему управления совместным проектом, а бизнес – определенный набор гарантий и преференций. В условиях постиндустриальной экономики государственно-частное партнерство должно быть социально-ответственным, имеющим устойчивую позитивную репутацию, что формирует институциональную среду, определяющую характер партнерства, вырабатывает стратегию и принципы, на которых строятся отношения бизнеса и государства.

Библиографический список

1. *Аткинсон А., Стиглиц Дж.* Лекции по экономической теории государственного сектора. – М.: Аспект-пресс, 1995.

2. *Баженов А.В.* ГЧП в России: первые шаги и первые плоды // Экспертный канал «Открытая экономика». 1.04.2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://opec.ru/1241402. html.

3. *Stiglitz J.* Principles of Macroeconomics. – Stanford University, 1996.

4. *Шамхалов Ф.И.* Государство и экономика: основы взаимодействия. – М., 2000.

5. *Шамхалов Ф.И.* Государство и экономика. Власть и бизнес. – М.: Экономика, 1999.

УДК 642.58

Рождественская Лада Николаевна
кандидат экономических наук
Новосибирский государственный технический университет
lada2006job@mail.ru

КАЧЕСТВО УСЛУГ СОЦИАЛЬНОГО ПИТАНИЯ КАК ПРЕДМЕТ КВАЛИМЕТРИЧЕСКОГО ОЦЕНИВАНИЯ

Статья посвящена применению квалиметрии при измерении качества услуг социального питания. Обоснован выбор соответствующих ключевых показателей, изучены методики их измерения и мониторинга.

Ключевые слова: *социальное питание, качество услуг, измерение, критерии оценки, квалиметрия.*

Любой процесс, связанный с производством продукции или оказанием услуг, обязательно оценивается с экономической точки зрения (общего произведенного объема, объема затрат на условную единицу результата трудового процесса, эффективности использования ресурсов) и качества. История оценок первой компоненты достаточно давняя, а применяемые оценки постоянно совершенствуются. В то же время учет количественных характеристик качества услуг зачастую носит формальный и неконкретный характер. Однако именно решение проблемы количественного учета качественных характеристик позволяет значительно снизить информационную неопределенность при решении в социальном питании таких задач, как:

– возможность гарантий в отношении результата услуги;

– максимально полное удовлетворение потребительских требований и ожиданий и совершенствование механизма ценообразования;

– совершенствование механизма рационализации питания населения;

– определение уровня, достигнутого отечественными отраслями по сравнению с мировыми показателями;

– оценка влияния качества оказываемых услуг на качество и уровень жизни населения и на здоровьесбережение населения.

Качественные характеристики объектов и процессов (удовлетворенность потребителей, мотивированность персонала, мнения заказчика и т.п.) не имеют установленных эталонов измерения. Их приходится конструировать в соответствии с природой изучаемого объекта и согласно гипотезам исследования. Поэтому измерительные процедуры качественных характеристик – своего рода изобретения, которые, однако, осуществляются по определенным типовым способам.

Говоря об услуге социального питания, мы сталкиваемся с такими проблемами, как отсутствие общепринятых выработанных критериев и показателей оценки, информационной неопределенности в отношении данных, по которым можно было бы оценить динамические изменения и качество услуг на основе системы отчетности. Специфические трудности доступности информации в различных подсистемах социального питания обуславливают необходимость конкретизации научно-методических основ оценки качества услуг применительно к социальному питанию, которая выражается в следующих этапах.

1. На основе общих методических подходов актуализировать модель процедуры оценки качества услуг социального питания.

2. Обосновать критерии и показатели оценки с точки зрения соответствия целям деятельности и отражению полученных результатов и удовлетворенности интересов сторон.

3. Разработать шкалы оценки качества услуг социального питания.

4. Обосновать применимость полученных результатов в различных подсистемах социального питания (в учреждениях образования и здравоохранения, силовых структур, пенитенциарной системы).

Эти этапы согласуются с процедурой измерения качества услуги, описанной в более ранних исследованиях и включающей: определение ситуации оценки; формирование системы показателей; конструирование шкалы измерения свойств; выбор и обоснование базы сравнения; агрегирование и свертку единичных показателей [6].

При выполнении указанных этапов необходимо учитывать сложившиеся в российской практике реалии. Так, одним из критериев выделения социального питания среди других объектов общественного питания является выполняемые им обязательства по обеспечению гарантированного питания в социальных учреждениях, что предполагает использование механизмов бюджетного финансирования. С этой точки зрения управление объектами социального питания является частью общих управляющих воздействий на сами учреждения и предприятия бюджетной сферы. В ряде случаев критерии качества услуг в государственных (муниципальных) учреждениях, определяемые государственным заданием [7], не соответствуют критериям, прописанным в административных регламентах / стандартах. Кроме того, в большинстве случаев при оценке качества услуг используются показатели, характеризующие лишь объем услуг и размер полученных и израсходованных бюджетных средств.

© Рождественская Л.Н., 2012

Частным случаем, демонстрирующим ограниченность применяемой оценки, являются показатели, используемые при организации питания в образовательных учреждениям, – процент охвата питанием учащихся [8], который вообще никак не отражает ни удовлетворенность питанием, ни объемы остатков пищи ввиду ее низкого качества. Кроме того, при более глубоком изучении частных случаев выяснилось, что данный показатель никак не поддерживается другими данными (например, объем товарооборота школьной столовой) и очень часто фальсифицируется, так как его снижение обуславливает применение негативных санкций к руководителям учреждений.

Отдельно следует упомянуть о специфике самой процедуры оценки. В общем виде оценка – это процесс определения реального состояния по отношению к желаемому состоянию или другому объекту (процессу, явлению, системе) либо соотнесение объекта с принятым критерием, образцом, нормой. Это предполагает измерение объекта или его свойств и соотнесение полученных значений с идеальными или нормируемыми. Сам факт измерения предполагает наличие шкалы измерения. Решающее значение для успеха процесса измерения и анализа имеет выбор соответствующих ключевых показателей деятельности и методики мониторинга. Это дает возможность оценивать ход работ по достижению запланированных результатов на всех уровнях. Под ключевыми показателями деятельности понимаются факторы, управляемые организацией и имеющие решающее значение для достижения устойчивого успеха организации.

В общем виде методы измерения и количественной оценки качества изучают и реализуют метрология и квалиметрия. Речь идет о количественной оценке совокупности разнородных физических и нефизических характеристик, что крайне важно с точки зрения применимости в практических целях к указанной проблеме. Применение квалиметрических подходов оправдано при оценке результатов деятельности, качества оказываемых услуг и качества всей системы. Оценка качества всей системы является фактически оценкой эффективности ее деятельности и может быть построена с использованием двух подходов: на основе оценки результатов – степени достижения целей деятельности (в том числе удовлетворенности всех субъектов оценки) или на основе оценки всех параметров системы (входа, выхода и совокупности процессов). Обе оценки являются важными и отражают разные стороны оцениваемого объекта. Оценка результатов позволяет оценить и степень соответствия выбранной стратегии и тактических приемов ее достижения долговременным интересам всех задействованных в системе сторон. Второй подход позволяет оценить потенциальные возможности системы и обоснованность полученных результатов, поскольку формирует оценку элементов, обуславливающих и формирующих качество и эффективность.

В работе под измерением (оценкой) понимается: сравнение конкретного проявления измеряемого свойства (измеряемой величины) со шкалой (частью шкалы) измерений этого свойства (величины) в целях получения результата измерения (оценки свойства или значения величины на основе применения количественных и качественных методов измерения).

Для обоснования критериев оценки услуги социального питания в силу специфики использования бюджетных средств могут применяться различные подходы. Например, на основании методики выбора критериев оценки качества бюджетных услуг, целесообразности и эффективности производимых расходов [9]; для признания услуги высококачественной обоснована необходимость ее соответствия следующим условиям:

– имеет четко сформулированную цель (назначение);

– предоставляется в соответствии с современными методологическими принципами и технологиями;

– основывается на инклюзивном, антидискриминационном подходе и уважении к личности каждого потребителя;

– подвергается постоянному мониторингу и анализу, в первую очередь, с использованием независимой информации от получателей;

– предоставляется достаточно гибко, чтобы учесть индивидуальные потребности;

– имеет значимость для получателей, оказывает заметное положительное влияние на их социально-экономическое положение и/или поведение;

– не вызывает недовольства получателей условиями предоставления.

Другим вариантом является использование методик формирования показателей, сформулированных Копланом и Нортоном, которые рекомендовали использовать не более 20 ключевых показателей в системе сбалансированных показателей (ССП) [5]. В то же время Хоуп и Фрейзер предлагают использовать не более 10 ключевых показателей деятельности [13]. С другой стороны, Парментер рекомендует придерживаться правила «10/80/10» [10], которое означает, что организация должна иметь около 10 ключевых показателей результативности (KRI), до 80 производственных показателей (PI) и 10 ключевых показателей эффективности (KPI). Таким образом, построение системы показателей качества услуги на основе обоснования и выбора применяемых ключевых показателей является достаточно трудоемкой процедурой, которая должна полностью соответствовать целям и специфики деятельности управляемого объекта. Применительно к настоящему исследованию выбор социальных

Таблица 1

Содержание требований услуги социального питания

Требования	Содержание требований
социальной адресности	• обеспеченность услугами общественного питания и доступность для потребителей различных категорий; • соответствие услуг ожиданиям потребителей, включая ассортимент предлагаемой продукции, метод и форму обслуживания, профессиональный уровень обслуживающего персонала, номенклатуру оказываемых услуг; • наличие в правилах обслуживания определенных льгот и условий для приоритетных категорий потребителей (дети, люди с ограниченными физическими возможностями и др.);
функциональной пригодности	• точность и своевременность оказания услуг, включая – соблюдение установленного режима работы предприятия, – соблюдение ассортиментного перечня реализуемых блюд, изделий и напитков, –соответствие времени оказания услуг, времени ожидания заказа, обслуживания потребителей и пр.; • обеспечение условий для выбора потребителем услуг различных видов; • соответствие обслуживающего персонала профессиональному назначению, в том числе: – компетентность и квалификация персонала, – умение общаться с потребителями, – знание и соблюдение профессиональной этики поведения; • соответствие по срокам и условиям обслуживания требованиям нормативных и технических документов на услуги конкретного вида, условиям договоров об оказании услуг или условиям заказа на оказание услуг согласно действующим правилам оказания услуг [11];
безопасности	• обеспечение при оказании услуг безопасных условий для жизни и здоровья потребителей, сохранность их имущества; • соблюдение действующих правил оказания услуг общественного питания, установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации [11]; • соблюдение действующих требований нормативных документов федеральных органов исполнительной власти в части безопасности, санитарно-эпидемиологических норм и правил, утвержденных в установленном порядке [12]; • соответствие продукции общественного питания требованиям ГОСТ Р 50763 [1] и другим нормативным и техническим документам на продукцию конкретных видов при соблюдении действующих санитарно-эпидемиологических правил для предприятий общественного питания [12]; • подготовленность персонала предприятий общественного питания к действиям в чрезвычайных обстоятельствах; • обеспечение при оказании услуг требований охраны окружающей среды, в том числе к территории, техническому состоянию и содержанию помещений, вентиляции, водоснабжению, канализации и другим факторам согласно положениям национальных стандартов системы безопасности труда (СБТ); • отсутствие негативного воздействия на окружающую среду от технологического процесса производства продукции общественного питания;
эргономичности	• соответствие условий обслуживания и применяемых в процессе обслуживания мебели, оборудования гигиеническим, антропометрическим и физиологическим возможностям потребителей (обеспечивает комфортность обслуживания и способствует сохранению здоровья потребителей);
эстетичности	• характеризуется стилевым единством, гармоничностью дизайна помещений для потребителей и условий обслуживания, в том числе: – внешнего вида персонала, – оформления меню, – сервировки стола, – оформления и подачи блюд и напитков и пр.;
информативности	• полное, достоверное и своевременное информирование потребителя обо всех предоставляемых услугах в зале и вне зала предприятия, обеспечивающее возможность их правильного выбора; • полное, достоверное и своевременное предоставление информации об изготовляемой и реализуемой продукции общественного питания согласно[1]; • доведение информации об услугах до сведения потребителей в наглядной и доступной форме посредством оформления информационных стендов или папок для потребителей, в меню, прейскурантах или иными способами; • применение разнообразных видов современной рекламы;
гибкости	• способность услуг изменяться в соответствии с изменяющимися требованиями и условиями.

и экономических ключевых показателей будет рассмотрен ниже.

Если ключевые показатели первых групп предусматривают обоснованный выбор, то последняя группа законодательных и нормативных требований является определенной в соответствующей документации. Номенклатура показателей качества услуг социального питания устанавливается согласно ГОСТ Р 52113 [1] с учетом специфических особенностей и условий оказания. Поскольку услуги социального питания относятся к услугам общественного питания, то они должны отвечать нормативным требованиям [2], содержание которых представлено в таблице 1.

Сформулировав измеряемые ключевые показатели на основе требований и обозначив их в количественном выражении, можно квантифицировать услугу социального питания (построить систему оценки ее качественных признаков).

Полученная в результате измерения информация о качественных характеристиках услуги и ее ключевых показателях позволяет на основе сконструированных шкал оценить качество услуг социального питания через соответствие ранее сформулированным требованиям. В части же измерения количественных характеристик услуг необходимо руководствоваться соблюдением нормативных требований в отношении применяемых методов (методик) [4]. Методика (метод) измерений в этом случае будет представлять собой совокупность конкретно описанных операций, выполнение которых обеспечивает получение результатов измерений с установленными показателями точности.

Библиографический список

1. ГОСТ Р 50763-2007. «Услуги общественного питания. Продукция общественного питания, реализуемая населению. Общие технические условия» (утв. приказом Ростехрегулирования от 27.12.2007 г., № 474-ст).

2. ГОСТ Р 50764-2009. «Услуги общественного питания. Общие требования» (утв. Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии от 3 ноября 2009 г., № 495-ст).

3. ГОСТ Р 52113-2003. «Услуги населению. Номенклатура показателей качества» (утв. постановлением Госстандарта России от 28 июля 2003 г., №253-ст).

4. ГОСТ Р 8.563-2009. «Государственная система обеспечения единства измерений. Методики (методы) измерений» (утв. приказом Ростехрегулирования от 15.12.2009 г., № 1253-ст).

5. *Каплан Роберт С., Нортон Дейвид П.* Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. – 2-е изд., испр. и доп.: пер. с англ. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2004. – 320 с.

6. Методика оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Утверждена протоколом № 1 от 18 июля 2007 г. Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам совершенствования государственного управления и правосудия.

7. Мониторинг школьного питания в образовательных учреждениях Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.monpit.ru/monitoring/russia/

8. Оценка эффективности деятельности учреждений социальной поддержки населения / под ред. П.В. Романова и Е.Р. Ярской-Смирновой. Серия «Научные доклады: независимый экономический анализ». – М.: Московский общественный научный фонд; Центр социальной политики и гендерных исследований, 2007. – 234 с. – С. 81.

9. *Парментер Дэвид.* Ключевые показатели эффективности. Разработка, внедрение и применение решающих показателей: пер. с англ. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2008. – 288 с.

10. Правила оказания услуг общественного питания (утв. постановлением правительства Российской Федерации от 15.08.1997 г., №1036).

11. СП 2.3.6.1079-01. Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы. Санитарно-эпидемиологические требования к организациям общественного питания, изготовлению и оборотоспособности в них пищевых продуктов и продовольственного сырья. (утв. Главным государственным санитарным врачом РФ 06.11.2001 г.).

12. *Хоуп Джереми, Фрейзер Робин.* За гранью бюджетирования. Как руководителям вырваться из ловушки ежегодных планов: пер. с англ. – М.: Вершина, 2007. – 272 с.

УДК 338.24

Тишина Валентина Николаевна
кандидат экономических наук
Южно-Уральский государственный университет
tpchel@rambler.ru

СТРАТЕГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: СЕТЕВОЙ ПОДХОД

В статье обосновывается продуктивность использования сетевого подхода при формировании стратегий экономического развития.

Ключевые слова: *стратегия экономического развития, управление, сетевой подход, координация, механизмы управления и координации.*

Экономическое развитие – составное звено долгосрочной стратегии. Она входит в прогноз социально-экономического развития России до 2020 года. Мы хотим успеха этой стратегии. В свое время академик Л.Н. Абалкин сформулировал условия или факторы такого успеха в выступлении на форуме «Евразия» 23 июня 2008 года [1]. Он отмечал, что стратегия – это не план, а долгосрочный прогноз. Для его успеха нужна методология. Причем она должна быть разработана не после прогноза, а до его начала. К сожалению, такой методологии пока нет. Поэтому первый фактор успеха – надежная, выверенная методология. Есть ли основы для такой методологии? Есть. Они были сформулированы в 1920-х годах прошлого века в трудах Н.Д. Кондратьева и других выдающихся российских ученых. Она получила развитие и применение во всем мире. Если в прогнозе на 2020 г. будут названы точные цифры (объем ВВП, курс доллара или реальные доходы на душу населения), то не верьте им. Они лишены методологической основы. Все цифры могут быть только через тире: от – до. Если потребуется, то через 3–5 лет цифры могут быть уточнены, продолжены на более длительный срок. Поэтому второй фактор успеха – опора на фундаментальную науку, на теорию социальных альтернатив. Без этого прогноз обречен, а мы сами становимся жертвами обмана и манипуляции с цифрами. Поэтому даже тогда, когда мы принимаем хорошие решения, то оказывается, что механизмы управления реализацией принятых решений плохо работают.

Вообще говоря, механизмов управления в неравновесных экономических системах нет, а есть механизмы координации взаимодействий экономических субъектов, основным из которых является человек. Философ С.Н. Корсаков полагает (и мы с ним солидаризируемся), что сущность человеческого рода состоит из связанных совместной деятельностью креативных точек. Развитие человеческого рода и есть развитие индивидуальностей, этих креативных точек освоения и преобразования человеческой предметной сущности, то есть всего человеческого мира. Значение всякого отдельного индивида человеческого рода бесценно, совершенно исключительно в силу потенциально бесконечных возможностей его по предметному освоению действительности.

Прочтение Марксова определения сущности человека как неклассического позволяет интерпретировать его в качестве общеметодологической рамки для ряда новейших подходов к изучению человека и общества. Это относится к *сетевому подходу.* На примере трудов теоретиков сетевого подхода хорошо видны и его преимущества при изучении реалий современного мира и опасности абсолютизации, проистекающие из того, что подход этот не вполне ещё вписан в общую систему методов научного познания.

Ведущий теоретик исследования социальных сетей М. Кастельс считает, что сеть ныне становится способом существования и формой управления современных обществ. Поскольку же информация является коммуникативным действием, а не действием по созданию нового продукта, Кастельс утверждает, что в современном обществе морфология преобладает над действием, и в этом свидетельство прогресса. В сетях финансовых потоков живёт сегодня капитал, разрастаясь в одних узлах и сходя на нет в других. М. Кастельс настолько увлечён этой фиктивной реальностью, что заявляет о нереальности реальной экономики: «В век капитализма сетевых структур настоящая реальность, не делают или теряют, размещают или сберегают деньги, находится в финансовой сфере» [4, с. 498].

Между тем М. Кастельс бросает чрезвычайно интересное замечание, на которое сам не обращает должного внимания в пылу увлечённости картиной нового сетевого мира: подсоединённые к сетям «рубильники» (например, когда речь идёт о переходе под контроль финансовых структур той или иной империи средств массовой информации, влияющих на политические процессы) выступают в качестве орудий осуществления власти, доступных лишь избранным. Кто управляет таким рубильником, тот и обладает властью. Поскольку сети имеют множественный характер, рабочие коды и рубильники, позволяющие переключаться с одной сети на другую, становятся главными рычагами, обеспечивающими формирование лица общества наряду с руководством и манипулированием этим обществом [4, с. 496]. Действительно, никакая сеть не будет работать, если не включен рубильник. Правда, М. Кастельс не уточняет, какова природа этого сетевого рубильника. Вопрос, однако, и в том, в чьих руках находится этот рубильник.

© Тишина В.Н., 2012

Недоговоренность всех этих моментов приводит в литературе к абсолютизации сетевого принципа, как в своё время это было с системным подходом. «Сеть» предстаёт как волшебное слово, решающее все проблемы. А.В. Бузгалин видит в сетевом принципе диалектическую альтернативу неолиберальной глобализации и будущее коммунизма. Он полагает, что сети – идеальная основа самоуправления. Они связаны с генезисом индустриальных технологий, подвижны, пульсируют и являют собой готовую производственную базу социалистического общества. Естественно, А.В. Бузгалин пишет и о том, что глобальный капитал паразитирует на сетевых структурах, превращая их в сети глобальной зависимости [3].

Постиндустриальное прочтение А.В. Бузгалиным социализма привело к тому, что он считает М. Кастельса с его сетевым принципом идеологом антиглобализма, пытаясь выдать его за идеолога антиглобализма. И это при том, что М. Кастельс прямо пишет об «ориентации на сетевые формы управления и производства», а это «отнюдь не означает заката капитализма. Общество сетевых структур, в любых его институциональных воплощениях, в настоящее время является буржуазным обществом. Более того, капиталистический способ производства сегодня впервые определяет социальные отношения повсюду в мире» [4, с. 497]. Журнал А.В. Бузгалина «Альтернативы» берёт у М. Кастельса интервью, и М. Кастельса спрашивают, не является ли сетевое общество посткапиталистическим? М. Кастельс не поймёт, чего от него хотят, и пытается объяснить нашим неомарксистам, что сетевое общество способствует индивидуализму и конкуренции [5, с. 18–34]. И имеет на то основания.

Ведь при чисто морфологическом, информационном подходе к пониманию сети, она предполагает в качестве своей основы автономного коммуницирующего индивида, что весьма далеко от социалистических принципов коллективизма, и скорее напоминает картину общества броуновски движущихся индивидов-атомов, которую рисовал классический либерализм. С другой стороны, современная экономическая реальность такова, что сетевой принцип не только не противоречит, но и легко уживается с монополизмом. Практикой являются слияния и поглощения, волны которых всё нарастают. Существование же независимых мелких предприятий не только не является помехой монополиям: те сами заинтересованы в создании таких предприятий для отработки новых технологических линий, опробования рисковых сфер деятельности и сбрасывания с себя издержек. Формально независимые предприятия фактически находятся на поводке или являются частью холдингов. Соответствующие управленческие стратегии известны с 1970-х гг., когда по поводу них было много шума о демократизации собственности. До демократии здесь далеко, как бы ни хотелось этого некоторым. Глобализация же создала возможности для образования квазинезависимых малых форм без пространственных ограничений, и ликвидация локальных производств теперь не грозит никакими социальными издержками странам, где расположены основные производства компаний.

Западные антиглобалисты, в отличие от отечественных, реалистичнее смотрят на сетевой принцип. Французский троцкист Д. Бенсаид пишет: «Наше время – век разнообразных сетей. Но, точь-в-точь как сплетения железнодорожных путей начала века, все эти финансовые и электронные сети, сверхскоростные информационные пути наскоро связаны друг с другом силовыми узлами коммерции и торговли, банков и промышленных звеньев и поддерживают мировой капитал, а сквозь крупные ячейки этих сетей свободно проскакивают и не берутся в общий расчёт “серые зоны”, размером с целые страны, а то и континенты, которые остаются на обочине супермагистрали» [2, с. 17].

Возможно, сетевой подход со временем получит большую степень обоснованности, если перестанет быть описательно-социологическим, приобретёт философское измерение. Тогда истоки использования сети в качестве модели осмысления общественной реальности будут обнаружены не у М. Кастельса, а у К. Маркса.

Библиографический список

1. *Абалкин Л.И.* Размышления о будущем России. – М., 2009.

2. *Бенсаид Д.* Разбитое зеркало неолиберализма // Альтернативы. – 1998. – №4.

3. *Бузгалин А.В.* Интервью с М. Кастельсом // Альтернативы. – 2001. – №4.

4. *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. – М., 1999.

5. *Кастельс М.* Сетевая экономика, процессы глобализации и Россия // Альтернативы. – 2001. – №4.

6. *Корсаков С.А.* Об универсальности и уникальности человека // Вопросы философии. – 2011. – № 10.

7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 42.

УДК 330

Гоголева Татьяна Николаевна
Воронежский государственный университет
tgogoleva2003@mail.ru
Мажарова Лина Александровна
Воронежский государственный университет
linamazharova@yandex.ru
Чекмарёва Полина Александровна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
tcheckmar@ksu.edu.ru

РЕГЛАМЕНТ РАБОТЫ ОРГАНОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА ПРИНЯТИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕШЕНИЙ И ОЦЕНКА ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТИ

В статье представлена авторская методика оценки эффективности регламента работы законодательных органов, основанная на предпосылках теории общественного выбора, и изложены результаты ее применения для мониторинга проблем и разработки программ совершенствования в реальных условиях.

Ключевые слова: *механизм принятия государственных решений органами законодательной власти, голосование, эффективность, согласованность.*

Традиции экономического исследования правил голосования и регламента законодательных органов были заложены в рамках неоинституциональной теории общественного выбора, основоположниками которой являются Дж. Бьюкенен, К. Эрроу, В. Смит, Д. Блэк, К. Мэй. В работах отечественных ученых – В.А. Мау, Р.М. Нуреева, С.Г. Синельникова-Мурылева, К.И. Сонина, И.В. Трунина, С.Г. Шульгина, Е.Г. Ясина – данные идеи были развиты и адаптированы к особенностям российского политического процесса. Однако вопросы оценки эффективности до настоящего времени могут быть отнесены к малоисследованным.

Данное направление научной мысли рассматривает отношения, возникающие в процессе подготовки и утверждения законодательных актов, с позиций конкуренции индивидов за влияние на принятие политических решений. Это позволяет трактовать их как специфическую форму экономических отношений.

На основании такого подхода нами была разработана приведенная ниже методика, целью которой является исследование регламента работы органов представительной власти с позиций эффективности, поскольку именно регламент определяет условия развития конкурентной среды в рамках механизма принятия политических решений. Следует отметить, что с нашей точки зрения данный аспект является неотъемлемым элементом более общей проблемы эффективности государственного регулирования экономики.

В каждом конкретном случае реализация регламента имеет свои особенности, которые определяются предпочтениями участников относительно данного вопроса (например, при использовании одной и той же процедуры закон может быть принят как минимально необходимым числом голосов, так и единогласно, как с поправками, так и без), возможностью образования коалиций и «торговли» между ними, предполагающей принятие компромиссных решений в обмен на поддержку большего числа депутатов.

В соответствии с разработанной методикой оценка эффективности предполагает анализ процедуры принятия решений, имевшей место в каждом конкретном случае, с точки зрения:

1.1. Количества фактически имевших место вариантов законопроекта.

1.2. Распределения голосов участников (депутатов), как в целом, так и в разрезе отдельных фракций.

Распределение голосов в целом по органу представительной власти характеризует степень поддержки конкретных мер государственного регулирования экономики членами представительных органов власти, и, следовательно, согласно логике политического процесса в демократических системах, обществом в целом. Непосредственно от степени поддержки зависит успешность реализации соответствующих мер.

В свою очередь, фракции объединяют депутатов по партийному признаку, а политические партии являются «проводниками» интересов отдельных социальных групп, обеспечивая участие в политическом процессе (хотя и опосредованное) широких масс населения.

Различия в предпочтениях депутатов внутри фракции свидетельствуют либо об отсутствии четкой партийной позиции по данному вопросу, либо о наличии противоречий внутри самой фракции. И в том, и в другом случае фракция перестает эффективно играть роль «проводника интересов», и, следовательно, теряется смысл работы представительной власти как коллективного института демократии.

Для количественной оценки распределения голосов в процессе голосования нами были разрабо-

© Гоголева Т.Н., Мажарова Л.А., Чекмарёва П.А., 2012

таны показатели, базой для которых послужил индекс согласованности (конформизма), используемый при анализе работы представительных органов власти [1, с. 160]:

$$l = \frac{|p - q|}{\max(p, 1 - p)}, \quad (1)$$

где l – индекс согласованности, находящийся в интервале [0, 1]; q – доля проголосовавших «за» в отдельной фракции; p – доля проголосовавших «за» в целом.

На его основе в ходе анализа были разработаны более обобщенные показатели:

1) мера согласованности фракции депутатов за период, которая может быть рассчитана как индекс согласованности в среднем за период работы законодательного органа:

$$L_m = \frac{1}{m}\sum l(p_m, q_m), \quad (1а)$$

где m – количество голосований за период;

2) мера согласованности фракции депутатов по группе вопросов, рассчитываемая, соответственно, как

$$Lg = \frac{1}{g}\sum l(p_g, q_g), \quad (2б)$$

где g – количество голосований по законам соответствующей группы.

1.3. Наличие и характер поправок.

Поправки отражают процесс поиска компромисса между предпочтениями участников и могут в значительной степени изменять содержание принятого закона по сравнению с первоначально внесенным законопроектом.

Данная методика была апробирована в ходе оценки эффективности регламента работы органов представительной власти Воронежской области, проведенной на примере принятия законов, формирующих условия внешнеэкономической деятельности в регионе. Исследуемый период охватывает срок полномочий областной Думы IV созыва (2005–2010 гг.) численность которой составляла 52 депутата, объединенных в четыре фракции: «Единая Россия» (38 депутатов), «Справедливая Россия» (5 депутатов), КПРФ (6 депутатов), региональный блок «Справедливость» (2 депутата), а так же одного независимого депутата.

Из 716 законов принятых Воронежской областной Думой в 2005–2010 гг. было отобрано 12, прямо или косвенно изменяющих условия внешнеэкономической деятельности на территории области, которые в ходе дальнейшей оценки эффективности выступают объектами анализа [5].

Содержание вышеуказанных законов позволяет достаточно четко разделить их на два вида:

– законы стратегического характера (5 законов за исследуемый период), изменяющие компетенции отдельных субъектов ВЭД и/или определяющие приоритетные направления государственного регулирования данной сферы – то есть изменяющие «правила игры»;

– законы тактического характера (7 законов за исследуемый период), посвященные «оперативным вопросам» государственного регулирования – предоставление прямой государственной поддержки отдельным предприятиям, изменение налогового режима или требований к качеству производимой продукции, привлечение инвестиций в отдельные сферы деятельности.

1.1. Количество вносимых вариантов законопроекта.

В реальном политическом процессе (в части законов формирующих условия ВЭД в регионе) фактически не встречается ситуация конкуренции альтернативных законопроектов – все 12 исследуемых законов были утверждены голосованием по правилу простого большинства за/против единственного варианта законопроекта.

1.2. Анализ распределения голосов депутатов.

1.2.1. В целом анализ долей голосов, фактически отданных в поддержку каждого из 12 законов, выступающих объектами анализа, показал, что средний процент голосов, фактически отданных в поддержку каждого из исследуемых законов, составляет в среднем 88,5%. Это значительно превышает требуемые 50% + 1 голос, что может быть объяснено как совпадением позиций депутатов, принадлежащих к различным фракциям, так и, в большей степени, существованием доминирующей политической силы, которой выступает фракция «Единая Россия», объединяющая 38 депутатов и являющаяся фракцией квалифицированного большинства.

Для законов тактического характера этот показатель на 5,7% выше, чем для законов стратегического характера (см. табл. 1). То есть, законы стратегического характера по сравнению с законами тактического характера, во-первых, в большей

Таблица 1

Распределение голосов депутатов Воронежской областной Думы (рассчитано автором по данным [5])

Название группы	% голосов (в среднем по группе)		
	«за»	«против»	«воздержались»
Законы стратегического характера	84%	10,4%	3,5%
Законы тактического характера	89,7%	4,8%	5,7%
В целом	88,5%	6,8%	4,7%

Таблица 2

Согласованность фракций депутатов в Воронежской областной Думе IV созыва (рассчитано автором по данным [5] на основании формул (1а), (1б))

Показатель	Фракции депутатов			
	Единая Россия	Справедливая Россия	КПРФ	Справедливость
1. Мера согласованности за период (1а)	0,86	0,81	0,27	0,47
2.1 Мера согласованности депутатов по стратегич. законам (1б)	0,82	0,67	0,19	0,22
2.2 Мера согласованности депутатов по тактич. законам (1б)	0,89	0,89	0,41	0,65

степени затрагивают интересы всех групп участников политического процесса (меньше депутатов, воздержавшихся от голосования), во-вторых, являются более дискуссионными и, в конечном итоге, на момент утверждения в меньшей степени отвечают интересам всех групп участников (больше голосов отдается «против»).

1.2.2. Анализ распределения голосов в разрезе отдельных фракций.

Анализ меры согласованности фракций депутатов продемонстрировал (см. табл. 2), что мера согласованности фракции депутатов за период является наиболее высокой у фракции «Единая Россия» (которая является фракцией квалифицированного большинства), что свидетельствует о высоком уровне дисциплины внутри нее (в поддержку принятых законопроектов эта фракция голосовала практически единогласно). Наиболее низким этот показатель является у фракций КПРФ и «Справедливость», что свидетельствует о различиях в позициях членов фракции по рассматриваемым вопросам (единогласного голосования этих фракции как «за», так и «против» утверждаемых законопроектов практически не наблюдается). Фракция «Справедливая Россия» достаточно четко (и практически единогласно) поддерживает законопроекты социального характера, например, обеспечивающие поддержку национальным хозяйствующим субъектам – это, прежде всего, законы тактического характера – в то время как по остальным (в том числе законам стратегического характера) демонстрирует отсутствие единой позиции.

Мера согласованности фракций по группам законов стратегического и тактического характера в целом повторяет описанные выше тенденции (то есть является наиболее высокой у фракции «Единая Россия» и стабильно низкой у фракций КПРФ и «Справедливость»). Однако следует отметить, что для законов стратегического характера этот показатель несколько ниже (в среднем по фракциям на 0,06), а для законов тактического характера несколько выше (в среднем по фракциям на 0,05) меры согласованности каждой из фракций за период. Это может быть объяснено тем, что законы стратегического характера вызывают большие разногласия внутри самих фракций.

1.3. Анализ внесенных поправок.

Для Воронежской областной Думы характерен достаточно высокий процент законов, принимаемых в первом чтении, без поправок (см. табл. 3). Учитывая наличие фракций, составляющих оппозицию, этот факт свидетельствует не о совпадении позиций депутатов, а о недостаточно активном их участии в процессе законотворчества. В то же время необходимо отметить, что все законы, отнесенные нами к группе законов стратегического характера, приняты во втором чтении, а это свидетельствует об их большей дискуссионности.

Исходя из проведенного анализа можно сделать вывод, что общей проблемой политического процесса на уровне региона является отсутствие политической конкуренции, которое проявляется в:

– фактическом отсутствии ситуации голосования по нескольким вариантам законопроекта;

– отсутствии четких позиций оппозиционных фракций по ряду вопросов ВЭП;

– незначительном количестве вносимых поправок.

Таблица 3

Процедура утверждения законов, регулирующих ВЭП региона (рассчитано автором по данным [5])

Название группы	Процедура принятия		Всего законов (12)
	Приняты в первом чтении	Приняты во втором чтении	
Законы стратегического характера	-	5 (100%)	5 (100%)
Законы тактического характера	4 (57%)	3 (43%)	7 (100%)
Всего	4 (33%)	8 (67%)	12 (100%)

Рекомендацией по повышению эффективности в данном случае может быть стимулирование (вплоть до соответствующей законодательной регламентации) возникновения ситуации конкуренции законопроектов, прежде всего, стратегического характера.

Подводя итоги, следует отметить, что представленная выше методика может быть использована для оценки эффективности работы представительных органов при разработке как экономической политики государства в целом, так и отдельных ее направлений (внешнеэкономической, бюджетной, инвестиционной), причем как на общефедеральном, так и на региональном уровне. По нашему мнению, мониторинг эффективности работы представительных органов и реализация необходимых мероприятий по ее совершенствованию позволит обеспечить разработку экономической политики в максимальной степени соответствующей интересам общества, и избежать необоснованных издержек, связанных с реализацией неэффективных мер.

Библиографический список

1. *Алескеров Ф.Т., Хабина Э.Л.* Бинарные отношения, графы и коллективные решения. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006. – 300с.

2. *Нуреев Р.М.* Теория общественного выбора: курс лекций. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. – 530 с.

3. Регламент Воронежской областной Думы: утвержден постановлением Воронежской областной Думы от 7 декабря 2006 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vrnoblduma.ru/index.php?id=36 (дата обращения: 11. 05.2010).

4. Устав Воронежской Области: принят областной Думой 25 мая 2006 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vrnoblduma.ru/index.php?id=35 (дата обращения: 11. 05.2010).

5. Воронежская областная Дума IV созыва. Официальный Сайт Воронежской областной Думы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vrnoblduma.ru/index.php?id=1126 (дата обращения: 01.07.2010).

УДК 338

Горбачев Олег Геннадьевич
кандидат физико-математических наук
Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова
Gorbachevog@mail.ru.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА РЫНКА СТРАХОВОГО КАПИТАЛА

В современных условиях идет активный поиск путей формирования социально ориентированной модели национального хозяйства. Существующая в настоящее время структура рынка страхования тормозит развитие страхования в национальном хозяйстве, социализацию страховых экономических отношений, снижает эффективность рынка страхового капитала. Это предопределяет необходимость формирования теоретико-методологической и практико-ориентированной базы, способствующей созданию адекватной организационно-экономической структуры рынка страхового капитала.

Ключевые слова: *рынок страхования, страховые отношения, страховой капитал, система экономических отношений.*

Страховые отношения являются неотъемлемым и динамично развивающимся сегментом рыночной системы. Потребность хозяйствующих субъектов в страховой защите существует и растет одновременно с развитием национального хозяйства. Однако существующая потребность в страховании по большей части не реализуется и остается в качестве неудовлетворенного потенциального спроса. Во-первых, уровень проникновения страховых услуг в систему экономических отношений все еще незначителен, при этом в настоящее время покрыто страховыми гарантиями не более 10% потенциальных рисков хозяйствующих субъектов, а уровень использования страховых услуг ниже, чем в 80-е гг. XX века в плановой командно-административной системе. Доля страховых взносов в ВВП в национальном хозяйстве составила в 2010 году 2,3%, что меньше, чем в большинстве стран Западной Европы (8,44%), США (9,2%), развивающихся рынков Центральной и Восточной Европы (2,66%) и Китая (2,7%), сопоставимо с показателями большинства стран Латинской Америки (2,35%), Персидского залива и Магриба (0,5–2,5%). Доля российского страхования в мировом страховом хозяйстве составила в 2010 году 0,5%. При этом надо учитывать и продолжающуюся практику осуществления безрискового страхования в целях оптимизации налогового бремени. Во-вторых, становление национального страхового рынка проходило одновременно с проведением коренной перестройки экономики бывшей плановой системы, что наложило свой отпечаток на существующую структуру национального страхового рынка, определило современные диспропорции и барьеры экономического роста. Существующая в настоящее время структура рынка страхования тормозит развитие страхования в национальном хозяйстве, социализацию страховых экономи-

© Горбачев О.Г., 2012

ческих отношений, снижает эффективность рынка страхования. Существует значительное количество как экзогенных, так и эндогенных факторов, сдерживающих развитие рынка страхования или предопределяющих его экстенсивную направленность. В-третьих, в экономически развитых странах страховые компании, являясь в своей совокупности институциональным инвестором, выполняют одну из важнейших функций обеспечения национального хозяйства инвестиционными ресурсами, что пока еще недостаточным образом находит отражение в экономике. Это, в свою очередь, негативно влияет на формирование новых постиндустриальных экономических отношений. Для определения путей интенсификации роста рынка национального страхования объективно требуется исследование его современной структуры, выявление свойственных данному рынку торсионностей и диспропорций. Предпринятые ранее разработки, включающие в себя различные программные документы и концепции развития страхования в национальном хозяйстве, в существенной степени заключались в определении направлений обеспечения количественного роста страховых взносов, при этом меньшее внимание уделялось обеспечению качества и устойчивости этого процесса. В-четвертых, сложившаяся в последнее время экономическая парадигма развития рынка страхования, нашедшая свое отражение в действующей Концепции развития страхования в Российской Федерации, заключается в признании того, что «при существующем уровне платежеспособного спроса на услуги добровольного страхования приоритетным является обязательное страхование». Соответственно, в данном направлении строится развитие страхового законодательства, а сложившаяся структура рынка страхования наиболее восприимчива именно к обслуживанию обязательных видов страхования. Тем не менее, как показал опыт внедрения обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, и при введении новых видов обязательного страхования национальный страховой рынок испытывает значительные затруднения, в первую очередь касающиеся обеспечения качественного исполнения обязанностей при наступлении страховых событий. В современных условиях Концепция развития страхования в Российской Федерации устарела и является сдерживающим развитие страхового рынка фактором. Налицо несоответствие состояния, структуры и объема страхового рынка текущим, а тем более перспективным требованиям экономического развития национального хозяйства. В-пятых, характеризуя современный рынок страхования, следует отметить неразвитость или отсутствие многих необходимых для устойчивого эффективного функционирования рынка институтов, присущих страховым рынкам развитых стран. В этой связи важна разработка базовых экономических категорий и теоретических методов, касающихся формирования и эффективного функционирования рынка страхования, что предполагает конкретизацию и уточнение понятий «страховой рынок», «страховой капитал», «страховые экономические отношения», «страховая услуга», «страховая культура», «структура страхового рынка», «инфраструктура страхового рынка». На основе анализа данных экономических категорий следует разработать концепцию динамики экономических отношений на рынке страхового капитала, ставящую своими целями качественное развитие страховых отношений, способных устойчиво и эффективно удовлетворять возрастающие потребности хозяйствующих субъектов в страховой защите. В шестых, страхование – составной сегмент национального хозяйства, адекватная социально-экономическая система, снижающая нагрузку на расходную часть бюджета по выплатам, связанным с техногенными и экологическими рисками, и источник инвестиционных ресурсов. Для реализации заложенных в страховых экономических отношениях функциональных возможностей нужна такая система организации страховой деятельности, которая объединяла бы усилия всех хозяйствующих субъектов: государства, предпринимателей и страховых компаний на основе модели частно-государственного партнерства. Использование рынка страхования в качестве одного из существенных механизмов обеспечения стабильности социально-экономической ситуации в национальном хозяйстве предопределяет императивы формирования оптимальной услугоемкой структуры страховой системы, что в наибольшей степени соответствует задачам защиты экономических интересов хозяйствующих субъектов.

Организационно-экономическая структура страхового рынка позволяет представить адекватную структуру и определить значимость и приоритетность страхования в рыночном процессе. Она имеет важное практическое значение: 1) для разработки новых видов страховых услуг; 2) для выявления приоритетности тех или иных видов страхования; 3) для анализа понятия «страхование» в различных аспектах; 4) для определения характера отношений страхователя и страховщика; 5) для исследования конкуренции по различным видам страхования, сегментам страхового рынка; 6) для маркетинговых исследований рынка страховых услуг и его сегментации; 7) для обеспечения принципов обязательности или добровольности конкретного вида страхования; 8) исследования достаточности нормативно-правового обеспечения в рамках того или иного вида страхования; 9) для выявления уровня социальности страхования; 10) для обоснования роли страхования как фактора реализации социально-экономической политики; 11) для определения задач управления рисками в социаль-

ном и производственном страховании; 12) для проектирования национальной системы страхования в соответствии с участием национальной экономики в международном разделении труда. Во-первых, классификация по предметам страхования служит основой и применяется не только в практике заключения договоров страхования, управления процессами страховой защиты на уровне страховой организации и деятельности государственного органа страхового надзора, но и в других областях деятельности, включая законодательную и научную. Объектами страхования и страховых экономических отношений являются имущественные интересы страхователя и страховая защита. Различия в страховых объектах позволяют представить классификацию системы страхования по отраслям и выделить подсистемы личного и имущественного страхования. Во-вторых, классификация по критерию «объект страхования» сочетает деление на группы, исходя из объектов и видов рисков, позволяет систематизировать статистику ущербов, на которой базируется исчисление страховых тарифов. В ней заложена иерархическая подчиненность классификационных элементов (отрасль, подотрасль, вид). В свою очередь отраслевая классификация дает возможность рассматривать каждую подотрасль в качестве самостоятельной системы. Страховые экономические отношения устанавливаются и регулируются по конкретным видам, объектам страхования.

Структура страхового рынка включает: а) субъекты рынка; б) объекты рынка; в) обмен, в т.ч. его характер. Помимо приоритетных и основных элементов существует вспомогательная часть рынка, создающая условия для его функционирования, – инфраструктура. Следовательно, в отношении страхового рынка получаем: 1. Первичная структура страхового рынка: а) страхователи и страховые компании; б) страховые услуги; в) договор страхования. 2. Инфраструктура страхового рынка. Рассматривая структуризацию страхового рынка согласно неоклассическому подходу, выделяют следующие критерии для выделения основных структурообразующих элементов: 1) форма осуществления страховой деятельности (коммерческое страхование и взаимное страхование); 2) страховые компании (осуществляемый вид страхования, время создания, организационно-правовая форма, величина уставных капиталов, совокупные страховые взносы и выплаты, количество сотрудников и агентов и т.п.); 3) объекты страхования (личное страхование, страхование жизни, страхование имущества и ответственности и т.д.); 4) степень добровольности заключения договора страхования (обязательное страхование, добровольное страхование, вмененное страхование); 5) географическое положение страховых компаний или страхователей (местный страховой рынок, региональный страховой рынок, межрегиональный страховой рынок, национальный страховой рынок международный страховой рынок, мировой страховой рынок); 6) механизм функционирования рынка (конкурентный или открытый страховой рынок, монополизированный страховой рынок, регулируемый страховой рынок, кэптивное страхование); 7) способ продаж страховых продуктов (агенты, брокеры, иные партнеры, продажи в офисе и т.п.); 8) степень насыщенности страховыми услугами (равновесный, дефицитный, избыточный страховой рынок); 9) соответствие действующему законодательству (легальный или реальный, «серый» или «схемный» страховой рынок). В зависимости от каждого способа выделяются те или иные базовые характеристики, на основе которых строится структура. Среди различных структурообразующих характеристик страхового рынка следует выделить основные, к числу которых относятся: а) виды и технологии страхования; б) экономико-географические характеристики, в) организации, профессионально работающие на страховом рынке.

Современная организационная структура страхового рынка складывается в рамках современной социально-экономической обстановки в национальном хозяйстве под воздействием института страхового права как совокупность следующих организаций: I. Страховщики: а) страховые компании (страховые медицинские компании, страховые компании, занимающиеся страхованием жизни, и страховые компании, занимающиеся страхованием иным, чем страхование жизни); б) перестраховочные компании; в) общества взаимного страхования. II. Посредническая инфраструктура: а) страховые агенты; б) страховые брокеры; в) иные посредники. III. Деловая инфраструктура страхового рынка – организации обеспечения страховой деятельности: а) аудиторы; б) актуарии; в) информационно-аналитические службы; г) оценщики; д) аварийные комиссары; е) сюрвейеры и т.д. IV.

Категория «страхование» включает в себя: а) систему общественных (экономических, финансовых, правовых, информационных, психологических и т.д.) отношений; б) систему действий страховщика по созданию страхового фонда и возмещению ущерба страхователю в связи с наступлением определенных договором событий; в) вид коммерческой деятельности, позволяющий страховщику в результате использования временно свободных ресурсов фонда получать прибыль на финансовых рынках; г) способ защиты страхователем своих экономических интересов от гипотетических убытков (ущербов) путем заключения договора страхования. Страховой капитал связан с обеспечением страховой защиты носителей имущественных экономических интересов – страхователей – путем перераспределения обусловленных их деятельностью страховых рисков. Перераспределение возможно только в отношении случайных событий, наступление

которых влечет за собой причинение вреда жизни и здоровью индивидуумам или нанесение ущерба имуществу, имущественным интересам индивидуумов и юридических лиц и характеризуется одновременно случайностью и вероятностью их наступления. Отношение между страхователем и страховщиком, называемые страховыми, возникают в связи с существованием у страхователя страхового экономического интереса к обеспечению страховой защитой принадлежащего ему имущества или иных имущественных интересов. Страховой экономический интерес, если обстоятельства, связанные с его предметом, могут причинить вред заинтересованному лицу, в том числе каким-либо выгодам. Чем значимей интерес и чем выше оценка угрожающей опасности, тем больше желание защититься от них. Наибольшую долю в структуре совокупного страхового капитал занимает обязательное медицинское страхование (ОМС). В ряде округов сборы по ОМС составляют более половины собираемых страховых премий. Так, в Северо-Кавказском федеральном округе доля данного вида страхования составила 78%, в Дальневосточном федеральном округе – 70%, в Сибирском федеральном округе – 63%. За 2010 год преобладание доли ОМС в совокупном страховом капитале стало заметнее только в Северо-Западном федеральном округе, доля данного вида страхования выросла по сравнению с 2009 годом на два процентных пункта (с 44% в 2009 году до 46% в 2010 году), в остальных же федеральных округах произошли противоположные изменения. Например, в Южном федеральном округе доля ОМС снизилась на 6 процентных пунктов (с 66% в 2009 году до 60% в 2010 году), а в Дальневосточном федеральном округе – на 2 процентных пункта (с 72% в 2009 году до 70% в 2010 году).

Таким образом, структура страхового рынка – это возникающие и воспроизводящиеся в связи с процессом страхования соотношения и пропорции между различными институтами, субъектами (страховые компании и страхователи) и объектами (виды и технологии страхования) страхового рынка, рассмотренные в соответствии с заранее выбранными критериями.

Библиографический список

1. *Галагуза Н.* Страховой рынок и монополия несовместимы // Страховое ревю. – 2000. – № 9.

2. *Гомелля В.Б.* Очерки экономической теории страхования. – М.: Финансы и статистика, 2010.

3. *Горбачев О.Г.* Институциональная структура страхового рынка // Проблемы новой политической экономии. – 2010. – № 2. – С. 16–19.

4. *Горбачев О.Г.* Институционально-экономическая архитектоника рынка страхового капитала // Проблемы новой политической экономии. – 2010. – № 1. – С. 67–70.

5. *Горбачев О.Г.* Страховой капитал в структуре экономических отношений // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2011. – №3. – С. 396–403.

6. *Горбачев О.Г.* Страховой капитал хозяйствующих субъектов // Проблемы социально-экономического развития регионов России. – Рыбинск, 2011. – С. 263–266.

7. *Горбачев О.Г.* Страховой потенциал в системе экономических отношений // Финансово-экономический кризис и пути выхода из него. – Ярославль: НИИ «Кассиопея», 2009. – С. 132–136.

8. *Журавин С.* Теории организации структуры в системе микроэкономики страховой организации // Страховое дело. – 2004. – № 10. – С. 42.

СИСТЕМОТЕХНИКА

УДК 658

Токарева Ирина Васильевна
кандидат экономических наук, (Москва)
Ковальский Павел Григорьевич
кандидат технических наук, доцент
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ops@ksu.edu.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАНСПОРТА КАК ОТРАСЛИ ИНФРАСТРУКТУРЫ

В статье рассмотрены особенности организации и функционирования инфраструктурных систем. Проанализирована роль транспорта в системе инфраструктурного обеспечения хозяйственной деятельности. Предложено рассматривать транспортную продукцию как услугу, имеющую инфраструктурное значение, выявлены характерные особенности развития и функционирования железнодорожного транспорта как отрасли инфраструктуры.

Ключевые слова: *транспорт, транспортная продукция, услуга.*

Современное промышленное производство, любая хозяйственная деятельность в принципе невозможны или неэффективны без вспомогательных и обслуживающих субъектов (подразделений). Их совокупность принято обозначать термином «инфраструктура», однако и в отечественной, и в зарубежной литературе это понятие трактуется по-разному. Общим моментом является то, что термином «инфраструктура», как правило, обозначается совокупность элементов, носящих обеспечивающий характер по отношению к базовой части.

Следует отметить, что сам термин «инфраструктура» впервые нашел применение в трудах зарубежных ученых [1]. Одни из них отождествляли инфраструктуру со строительными объектами, фундаментом какого-либо строения, каркасом. Другие связывали термин «инфраструктура» с военной лексикой, обозначая им систему инженерных сооружений, стационарных объектов, предназначенных для обучения, развертывания и боевого применения войск.

Первый систематический подход к изучению инфраструктуры в рыночной экономике разработал Р. Йохимсен [2]. Он определял «инфраструктуру» как сумму материальных, институциональных и персонифицированных (т.е. индивидуализированных) объектов и условий, которые предоставляются в распоряжение отдельных экономических единиц вследствие открытой деятельности и служат при этом повышению степени интеграции и уровня экономической деятельности. Основательный анализ системы материальной инфраструктуры проведен в работах В. Бура [3] и Р. Викермана [4]. Роль и положение персональной инфраструктуры в экономической жизни подробно рассмотрены в работах М. Кассона и А. Годлей [5], А. Вольфа [6]. Комплексная экономическая оценка государственных инфраструктурных институтов и их производственной деятельности дана в работах О. Вильямсона [7], М. Эрлей и др. [8].

Авторов объединяет мнение, что материальная, персональная, институциональная инфраструктура является системообразующим фактором, элементом материального производства, который включен в создание товаров, оказание услуг, обеспечение условий человеческой жизнедеятельности. Т.е. инфраструктура обеспечивает процесс функционирования общественного производства и качественное формирование работника, а так же жизнедеятельность населения путем предоставления различного рода услуг, назначение которых состоит в обслуживании производства и населения.

Отечественный Толковый словарь иностранных слов [9] определяет, что в широком смысле слова «инфраструктура» (от infra- (лат) – -под, -ниже, -рядом; и structura- (лат.) – устройство, строение) может пониматься как составная часть общего устройства экономической или политической жизни, носящая подчиненный, вспомогательный характер и обеспечивающая нормальную деятельность экономической или политической системы в целом. В Большом экономическом словаре [10] инфраструктура трактуется как совокупность отраслей, предприятий и организаций, входящих в эти отрасли, направленной деятельности, призванных создавать условия для нормального функционирования производства и обращения товаров, а также жизнедеятельности людей. Здесь же отмечается, что в инфраструктуру следует включить дороги, связь, транспорт, складское хозяйство, внешнее энергоснабжение. А.В. Гукова в [11] предлагает понимать инфраструктуру как вспомогательный вид деятельности, направленный на обслуживание главного объекта; А.М. Игнатьев, А.Б. Крутик и др. в [12] рассматривают инфраструктуру как систему отраслей и служб, удовлетворяющих нужды производства и населения; Е.В. Серов в [13] – как комплекс инженерно-технических сооружений и объектов, обеспечивающих необходимые материально-технические условия для размещения и успешного функ-

© Токарева И.В., Ковальский П.Г., 2012

ционирования предприятий промышленного и сельскохозяйственного производства.

На наш взгляд, отталкиваясь от общего суждения в перечисленных трактованиях термина «инфраструктура», можно утверждать, что ключевым ее признаком выступает обеспечивающий или обслуживающий характер её целевой функции. Т.е., одним из ключевых критериев отнесения отраслей к инфраструктурному комплексу становиться их услугообразующая роль. Сущность инфраструктуры состоит в способности и свойстве служить средством или условием для осуществления другой деятельности, которая выступает по отношению к услугам инфраструктуры в качестве цели.

Кроме того, рассматривая приведенные взгляды и толкования понятия инфраструктуры, можно заметить, что целевая функция инфраструктуры может быть ориентирована по двум направлениям: поддержка жизнедеятельности людей (общества) и поддержка производственной деятельности. Следовательно, вполне логично обобщенную сферу инфраструктурного обеспечения поделить на две подсистемы: социальную инфраструктуру и производственную инфраструктуру.

Очевидно, что к социальной инфраструктуре следует отнести элементы, обеспечивающие жизнедеятельность людей, решающие социальные задачи. Например, системы здравоохранения, образования и т.д. Данные элементы возникают под влиянием общественно-политических процессов эволюционным или революционным путем и функционируют, ориентируясь с одной стороны на установленные стандарты и регламенты, с другой на запросы со стороны общества к качеству и видам предоставляемых услуг. Такая специфика социальной инфраструктуры априори позволяет утверждать, что ее функционирование выходит за рамки рыночных механизмов, следовательно, управление социальной инфраструктурой не может строиться чисто на экономических принципах, и требует отдельного детального изучения.

Элементы же, обеспечивающие функционирование производственной системы, очевидно, следует обозначить термином «производственная инфраструктура». При этом действительно производственную инфраструктуру можно понимать и как совокупность инженерно-технических сооружений, обеспечивающих эффективное функционирование производства; и как совокупность отраслей, обеспечивающих эффективное функционирование производства.

Однако следует заметить, что некоторые элементы могут выступать одновременно и социальной и производственной инфраструктурой страны. К таковым, на наш взгляд, прежде всего следует отнести транспорт, причем в условиях России – железнодорожный транспорт. Известно, что железнодорожный транспорт РФ представляет крупнейшую транспортную систему мира с высокой степенью интенсивности перевозочного процесса [14]. Он выполняет 35% мирового железнодорожного грузооборота и около 18% пассажирского при только 7% протяженности железных дорог мира. Доля стоимости основных фондов железнодорожного транспорта в транспортной системе страны составляет около 40%. При этом на его долю приходится более 75% грузооборота и свыше 40% пассажирооборота страны. Железнодорожным транспортом перевозят: 88% угля, 94% руды, 88% черных металлов, 66% лесных грузов, 79% удобрений, 39% зерна и продуктов перемола, треть нефтепродуктов. Это свидетельствует о том, что коэффициент прямой капитализации основных фондов железнодорожного транспорта выше, чем других транспортных средств и систем. Для выполнения своих функций железнодорожный транспорт имеет организационно-экономическую структуру, которая состоит из 17 железных дорог, 64 отделений, около 6 тыс. станций, 1280 линейных предприятий по обслуживанию технических средств и подвижного состава, разветвленной сети объектов социального и бытового обеспечения. На железнодорожном транспорте трудятся около 1,7 млн. человек, в том числе, в основной деятельности занято свыше 1,3 млн. человек. Анализ экономического развития ряда отраслей промышленности, таких как машиностроение, лесопромышленный комплекс и других показывает, что рост объёма производства этих отраслей существенным образом зависит от тарифов на железнодорожные перевозки.

Таким образом, представляется справедливым утверждать инфраструктурную «ориентацию» железнодорожного транспорта, как с производственной, так и с социальной позиции.

При этом, на наш взгляд, с экономических позиций, как инфраструктурная система, железнодорожный транспорт имеет ряд особенностей:

– в данной системе велик удельный вес эксплуатационных расходов, не зависящих от размеров движения, поэтому при снижении объемов перевозок себестоимость перевозок увеличивается;

– железнодорожный транспорт является фондоемкой отраслью, в связи с чем снижение объемов перевозок приводит к невостребованности большой части основных фондов, однако при этом списание и консервация высвобожденных основных фондов являются нежелательными мерами, так как впоследствии их восстановление повлечет за собой дополнительные затраты, которые могут существенно превышать сэкономленные средства;

– железнодорожный транспорт является также отраслью зарплатоемкой.

Вследствие вышеуказанных особенностей, а так же тенденций в развитии национальной и мировой экономики в течение последних лет в системе отечественного железнодорожного транспорта назрел ряд серьезных проблем:

– уровень эффективности железнодорожного транспорта, ассортимент и качество услуг, предоставляемых пользователям, не в полной мере отвечают требованиям складывающейся экономической ситуации;

– совмещение функций хозяйственной деятельности и государственного регулирования в одном отраслевом органе государственного управления сдерживает развитие рыночных отношений в отрасли и препятствует развитию конкурентной среды;

– система государственного регулирования деятельности железнодорожного транспорта недостаточно эффективна;

– высокая степень износа основных фондов отрасли в условиях прогнозируемого роста спроса на перевозки требует больших затрат на их текущее содержание и ремонт, создает опасность потери технологической устойчивости железнодорожного транспорта и определяет значительную потребность в инвестициях.

Средства технологического оснащения железнодорожного транспорта так же имеют свои особенности. Во-первых, это большие сроки полезного использования, чем основные средства других отраслей народного хозяйства. Во-вторых, большинство основных средств не может быть продано. В-третьих, большинство основных средств железнодорожного транспорта являются уникальными в применении, т.е. не могут использоваться по назначению в других отраслях народного хозяйства.

В течение последнего десятилетия происходило моральное и физическое старение основных производственных фондов железнодорожного транспорта. В последние годы увеличивался дефицит средств на капитальный ремонт основных производственных фондов железнодорожного транспорта. Наибольший износ накоплен по активной части основных производственных фондов, и прежде всего по подвижному составу. Так, уровень фактического износа по электровозам составляет 65,4%, а по тепловозам – 73,2%. Средний возраст электровозов, находящихся в парке превышает 20 лет, тепловозов – 18 лет. Сооружения железнодорожного транспорта к началу текущего года превысили уровень износа в размере 58%, а средний возраст искусственных сооружений превышает 42 года. Реальное техническое состояние грузовых вагонов железнодорожного транспорта свидетельствует о наличии высокого фактического износа, уровень которого превысил 58%. Следует отметить, что за пределами нормативных сроков службы находится более 20% основных средств отрасли, в том числе 22% электровозов, 30% тепловозов и 17% грузовых вагонов.

Также серьезной проблемой является и высокая доля морально устаревших основных фондов. Большинство локомотивов и вагонов спроектировано в соответствии с требованиями прошлого времени (в период 1960–1970 годов) и ориентировано на низкую стоимость производства и высокую стоимость эксплуатационных расходов. В связи с этим ремонтоемкость отечественного подвижного состава существенно превышает показатель западных аналогов. Основные производственные фонды железнодорожного транспорта, не соответствующие современным и перспективным условиям эксплуатации, составляют в целом 12% от стоимости всех основных производственных фондов ОАО «РЖД». В целом же следует отметить, что показатель уровня износа основных производственных фондов железнодорожного транспорта, и в особенности отраслевых средств технологического оснащения превышает аналогичный показатель в промышленности.

Очевидно, что многие из негативных тенденций на железнодорожном транспорте характерны и для других инфраструктурных систем России. Причины этого кроются в том, что переход экономики на рыночные рельсы изменил условия хозяйственной деятельности не только для основных производств различных отраслей, но и для обеспечивающих их инфраструктурных систем. Во-первых, это коснулось объемов производства. Спроектированные в условиях планового хозяйства инфраструктурные мощности оказались «излишними» и «недогруженными» вследствие в системного падения спроса на промышленную продукцию.

В таких условиях для сохранения отраслей, имеющих инфраструктурное значение возможны два направления действий:

1. Для отраслей, где наблюдается системный непрерывный спад, где промышленная база может быть относительно легко модернизирована с использованием передового зарубежного опыта, где возможно и рационально быстрое замещение устаревшего отечественного оборудования и оснастки на зарубежные образцы – диверсификация.

2. Для отраслей, обладающих перспективой роста, для жизненно важных с точки зрения сохранения занятости и социальной стабильности, с позиций национальной безопасности и т.д. – картелизация системы. Формирование инфраструктурной квазимонополии позволяет обеспечить относительную рыночную эффективность отдельных участников благодаря сговору. Реализуется же данное направление через принятие соответствующих организационно-экономических решений о создании координирующих корпоративных структур: управлений, дирекций, концернов и т.д.

Таким образом, анализ специфики функционирования и развития железнодорожного транспорта позволяет утверждать, что данная отрасль относится к системам производственной и социальной инфраструктуры. Вследствие естественных ограничений возможными принципами развития железнодорожного транспорта как отрасли инфраструктуры, на наш взгляд, могут выступать диверсификация и картелизация.

Библиографический список

1. *Федько В.П., Федько П.Г.* Инфраструктура товарного рынка. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.
2. *Jochimsen R.* Theorie der Infrastruktur, Grundlagen der marktwirtschaftlichen Entwicklung. – Tubingen: JCB Mochr (Paul Siebeck), 1966.
3. *Buchr W.* Die Rolle der materialien Infrastruktur im regionale Wirtschaft-swachstum, Studien uber die Infastruktur eines stadtischen Gebietes: Der Fall Santa Clara County. – California; Berlin: Duncker & Humbolt, 1975.
4. *Vickerman R.W.* Economic growth effects of transport infrastructure // Jahrbuch fur Regional-wissenschaft. – 2000. – №38.
5. *Vickerman R.W.* Economic growth effects of transport infrastructure // Jahrbuch fur Regional-wissenschaft. – 2000. – №38.
6. *Wolf A.* Allgemeine Volkswirtschaftslehre. 13. Aufl. – Munchen: Verlag Vahlen, 2000.
7. *Williamson O.E.* The Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // Journal of Economic Literature. – 2000. – №38.
8. *Erlei M., Leschke M., Sauerland D.* Neue Institutionenokonomik. – Stuttgard: Schaffer-Poeschel, 1999.
9. Толковый словарь иностранных слов / под ред. Л.П. Крысина. – М., 1998. – 858 с.
10. *Агафонова М.Ю., Азрилиян А.Н., Дегтярев С.И.* Большой экономический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. – М.: Фонд «Правовая культура», 1994. – 528 с.
11. *Гукова А.В.* Производственная инфраструктура в экономике региона: Дисс. … канд. экон. наук. – Волгоград, 1999.
12. *Игнатьев А.М., Игнатьев С.И., Крутик А.Б.* Госпредприятие: регулирование деятельности и инфраструктура / под ред. А.Б. Крутика. – СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1995. – 161 с.
13. *Серов Е.В.* Некоторые методические вопросы планирования региональной инфраструктуры // Проблемы развития производственной инфраструктуры: Тез. докл. Первого Всесоюзного семинара. – М., 1981. – С. 211–214.
14. *Лапидус Б.М.* Экономические проблемы управления железнодорожным транспортом России в период становления рыночных отношений (системный анализ). – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 288 с.

В библиотеку Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова поступила на депонирование работа

ДЕНИСОВ А.Р., ЛЕВИН М.Г., НЕКРАСОВА Т.Н., РЫБИНСКИЙ А.В.

ОТЧЕТ ОБ ОПЫТНО-КОНСТРУКТОРСКОЙ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ ПО РАЗРАБОТКЕ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СИСТЕМЫ ПОДДЕРЖКИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ ПО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ ПРИСОЕДИНЕНИЮ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ
ДОГОВОР № 1(2012) ОТ 10 ЯНВАРЯ 2012 Г. (ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ)
РАЗРАБОТКА МОДЕЛИ СИСТЕМЫ ПОДДЕРЖКИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ ПО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ ПРИСОЕДИНЕНИЮ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

В процессе работы проводились исследования по выявлению принципов работы системы поддержки принятия решений по технологическому присоединению потребителей к электрическим сетям.

В результате исследования определены математическое и алгоритмическое обеспечение, а также структура информационного обеспечения системы поддержки принятия решений по технологическому присоединению потребителей к электрическим сетям.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

УДК 808.2

Фокина Мадина Александровна
доктор филологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
filolog-kos@mail.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФОРУМ В КОСТРОМЕ: «НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЕДИНИЦ ЯЗЫКОВОЙ НОМИНАЦИИ»

В статье рассказывается о международной научной конференции, посвящённой современным проблемам лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, семантики и функционирования языковых единиц.

Ключевые слова: *лингвистический форум, языковая номинация, когнитивная лингвистика, лингвокультурология.*

На филологическом факультете Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова 22–24 марта 2012 года состоялась международная научно-практическая конференция «Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации». Лингвистический форум проходил в рамках Романовского фестиваля, посвящённого 1150-летию Российской государственности. Учредителями конференции явились Администрация Костромской области, Международный комитет славистов, Санкт-Петербургский государственный университет, Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова. В оргкомитет научного собрания вошли ведущие вузовские учёные: председатель Фразеологической комиссии Международного комитета славистов, профессор СПбГУ В.М. Мокиенко; ректор КГУ имени Н.А. Некрасова, профессор Н.М. Рассадин; научный руководитель Костромской фразеологической школы, профессор А.М. Мелерович, преподаватели и сотрудники кафедры русского языка Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова.

В работе конференции приняли участие более 100 исследователей из 8 зарубежных государств (Германии, Чехии, Белоруссии, Украины, Казахстана, Эстонии, США, Китая) и 29 регионов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Екатеринбурга, Самары, Казани, Ярославля, Белгорода, Старого Оскола, Тулы, Магнитогорска, Сыктывкара, Пскова, Астрахани, Великого Новгорода, Иванова, Кургана, Пензы, Волгограда, Краснодара, Смоленска, Воронежа, Челябинска, Тобольска, Орла, Петрозаводска, Майкопа, Кирова, Владикавказа).

На конференции были представлены ведущие вузы России и Европы, а также престижные научно-исследовательские центры: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российский университет дружбы народов, Санкт-Петербургский госуниверситет, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Московский педагогический государственный университет, Южный федеральный университет, Уральский федеральный университет, Институт лингвистических исследований РАН, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Эрнст-Моритц-Арндт-Университет (Германия, Грайфсвальд), Университет имени Палацкого (Чехия, Оломоуц), Ужгородский национальный университет (Украина), Минский государственный университет и др.

Цели проведения научной конференции: интеграция научных исследований в области фразеологии и лексики как важнейших языковых маркеров национально-культурного сознания; исследование проблемы «фразеология и познание», обобщение опыта практического использования научных результатов в сфере лингвистики, культурологии, когнитивистики и филологического образования на международном, общенациональном и региональном уровнях; анализ перспектив дальнейшего исследования единиц языковой номинации, научно-профессионального сотрудничества в области межкультурного взаимодействия.

В соответствии с программой конференции состоялось торжественное открытие научного форума лингвистов, два пленарных заседания, была организована работа шести научных секций.

На торжественном открытии конференции с приветственными словами выступили: председатель оргкомитета научного собрания, ректор КГУ имени Н.А. Некрасова, профессор Н.М. Рассадин. Председатель Фразеологической комиссии Международного комитета славистов, профессор В.М. Мокиенко (СПбГУ); доктор Харри Вальтер, почётный профессор КГУ имени Н.А. Некрасова (Германия). Участников конференции приветствовал также фольклорно-этнографический ансамбль «Гралица», оригинально исполнивший аутентичный костромской фольклор.

На пленарных заседаниях участники конференции заслушали и обсудили 9 научных докладов, подготовленных ведущими учёными в области когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, фразеологической семантики. Профессор В.М. Мокиенко (СПбГУ) раскрыл общие и различные черты

© Фокина М.А., 2012

национально-культурного и когнитивного аспектов фразеологической номинации, глобально осветив основную проблематику конференции. Профессор Харри Вальтер (Германия) рассказал о немецких фразеологизмах *das schwarze Schaf – ein verirrtes (verlorenes) Schaf*, сопоставив их с русскими эквивалентами *паршивая овца – заблудшая овца*. Профессор А.А. Хуснутдинов (Иваново) представил проект «Фразеологического словаря рядового носителя языка». Профессор В.И. Зимин (Москва) охарактеризовал внутреннюю форму идиом: обратил внимание на признаки, мотивирующие значение фразеологизма, и на особенности концептуально-культурной среды, в которой формируется семантика устойчивого выражения. Профессор В.В. Химик (Санкт-Петербург) обратился к проблеме топонимической экспансии, сравнив топонимы-универбаты Москвы и Петербурга. Профессор Н.Ф. Алефиренко (Белгород) убедительно охарактеризовал особенности взаимодействия языкового сознания и семантики фраземы. Профессор А.М. Мелерович (Кострома) рассказала о динамике когнитивных структур, вербализуемых индивидуально-авторскими употреблениями фразеологических единиц. В ряде докладов лексика и фразеология были представлены в историческом аспекте. Профессор С.Г. Шулежкова (Магнитогорск) дала научное описание жизни человека, охарактеризованной фразеологическими средствами в старославянских рукописях X–XI веков. Профессор Е.И. Зиновьева (СПбГУ) проанализировала семантическую структуру существительного «душа» в обиходном языке Московской Руси.

Научное руководство шестью секциями конференции осуществляли 10 докторов филологических наук (Белгород, Великий Новгород, Кострома (2), Санкт-Петербург (2), Магнитогорск, Москва, Тобольск, Германия).

На секции «Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения лексики и фразеологии» (руководители: доктор филологических наук Н.Ф. Алефиренко, доктор филологических наук В.Г. Дидковская) наибольший интерес вызвали исследования доктора филологических наук Е.И. Селиверстовой (СПбГУ), кандидата филологических наук Н.Н. Семененко (Старый Оскол), доктора филологических наук Г.М. Фадеевой (МГЛУ). Профессор В.Г. Дидковская (Великий Новгород) рассказала о глагольно-именных фразеологических сочетаниях, являющихся средством концептуализации невещественного мира. Профессор Е.Н. Селиверстова (СПбГУ) проанализировала составляющие паремийного контекста. Немецкие заимствования в современном русском языке, рассмотренные в лингвокультурном аспекте, представила профессор Г.М. Фадеева (Москва).

Секцией «Семантическая структура слов и фразеологизмов в синхронии и диахронии» руководили доктор филологических наук А.М. Мелерович (Кострома) и доктор филологических наук Е.И. Зиновьева (СПбГУ). Роджер Гуднов (США) составил семантический портрет глагола «думать» в современном русском языке. Петра Фойту (Чехия) раскрыла проблему классификации фразеологических эквивалентов.

Секция «Лексика и фразеология в художественной речи» (руководитель – доктор филологических наук С.Г. Шулежкова) была посвящена анализу языковых единиц в литературных произведениях XIX – XXI веков разной жанровой принадлежности. Учёные исследовали поэзию Б. Пастернака, А. Ахматовой, М. Цветаевой, прозу И.А. Бунина, М. Горького, А. Белого, М. Булгакова, пьесы А.Н. Островского, мемуары И. Одоевцевой, лирико-философские произведения В.В. Розанова, а также художественные тексты современных авторов: А. Проханова, И. Губермана, М. Семёновой, В. Пьецуха.

Секцией «Диалектная лексика и фразеология, их роль в репрезентации языковой картины мира» руководила доктор филологических наук Н.С. Ганцовская (Кострома). Исследователи представили диалектную лексику архангельских, костромских, ярославских говоров, антропонимы Поветлужского края, рассмотрели народно-разговорные особенности пьес А.Н. Островского и произведений Е. Честнякова.

В секции «Лексикография и фразеография» (руководители – доктор филологических наук В.М. Мокиенко (СПбГУ), доктор филологических наук Х. Вальтер (Германия)) рассмотрели материалы к учебному словарю устойчивых сравнений шведского языка (кандидат филологических наук А.С. Алёшин, Санкт-Петербург), «Словарю языка комической оперы А.О. Аблесимова «Мельник-колдун, обманщик и сват» (кандидат филологических наук Л.А. Дмитрук, Кострома), фразеономастическому словарю (доктор филологических наук Н.А. Максимчук, Смоленск).

На секции «Коммуникативный и прагматический аспекты изучения единиц языковой номинации» (руководители – доктор филологических наук В.И. Зимин (Москва), доктор филологических наук Е.Н. Ермакова (Тобольск)) учёные обсуждали проблемы функционирования языковых единиц в различных сферах массовой коммуникации, а также современные вопросы преподавания русского и иностранных языков. Профессор В.Т. Бондаренко (Тула) рассказал о парономазии и трансформаторике устойчивых фраз в современной речи. Профессор Е.Н. Ермакова (Тобольск) представила окказиональные и потенциальные слова в системе неузуального словообразования современного русского языка. Профессор Р.М. Козлова (Москва) раскрыла роль фразеологизмов в журналистском тексте.

В рамках конференции состоялась презентация современных научных изданий – словарей, монографий. Профессор К.Н. Дубровина (Москва, РУДН)

представила «Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов» (Москва: Флинта-Наука, 2010) и новую научно-популярную книгу «Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре» (Москва: Флинта-Наука, 2012). Уникальная библейская дилогия автора получила высокую оценку исследователей-лингвистов. Доброжелательные отклики имела также новая монография профессора В.Т. Бондаренко (Тула) «Устойчивые фразы в русской речи» (Тула: ТГПУ имени Л.Н. Толстого, 2011).

Культурная программа конференции состояла из обзорной пешеходной экскурсии по центру Костромы, поездки в Ипатьевский монастырь, а также автобусной экскурсии в Щелыково – музей-усадьбу драматурга А.Н. Островского.

Итогом конференции явилось издание научного сборника «Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации: материалы международной научно-практической конференции» под научной редакцией А.М. Мелерович (Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2012).

Следующий международный форум лингвистов состоится в Костроме весной 2014 года.

УДК 378.33

Исаев Николай Викторович
доктор экономических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
econ@ksu.edu.ru

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА В РЕГИОНАЛЬНЫХ БИЗНЕС-ПРОЦЕССАХ (О XIV МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА – ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ», КОСТРОМА, 6–7 СЕНТЯБРЯ 2012 ГОДА)

Международная научно-практическая конференция посвящена роли экономической науки в региональных бизнес-процессах. В результате работы научного собрания показано, что совершенствование учебного процесса на основе выработки предложений по повышению эффективности и качества интеллектуального сопровождения государственного и муниципального управления, управления в сфере бизнеса, образования и некоммерческих организаций имеет большое значение в контексте стратегических задач инновационного развития Российской Федерации.

Ключевые слова: *конференция, экономика, теория, практика, инновации, развитие.*

В институте экономики КГУ им. Н.А. Некрасова с 6 по 7 сентября 2012 года проведена XIV Международная научно-практическая конференция «Экономическая наука – хозяйственной практике». Учредителями собрания выступили КГУ им. Н.А. Некрасова, Университет прикладных наук Циттау/Гёрлитц (Германия), Торгово-промышленная палата Костромской области и Областное объединение работодателей «Костромской союз промышленников». Председателем оргкомитета стал В.В. Булатов – директор института экономики КГУ им. Н.А. Некрасова, доктор технических наук, профессор, заместителем председателя – Н.В. Исаев, доктор экономических наук, профессор кафедры финансов и бухгалтерского учета. В этом году конференция проходила в рамках международной недели «Диалог культур – культура диалога», которая ежегодно проводится в нашем университете.

Основные направления работы конференции:

1. SMART мир: новая парадигма мироустройства.
2. Конкуренция и конкурентоспособность российского бизнеса.
3. Инновационное развитие региона: потенциал, институты, механизмы.
4. Эффективное управление изменениями – ключевой фактор инновационного развития предприятий, регионов, страны.
5. Интеллектуальные ресурсы регионов России.
6. Лучшие практики управления.
7. Качество управления как ключевой фактор модернизации России.
8. Проблемы инновационного процесса в производственном комплексе.
9. Институциональная среда как фактор конкурентоспособности инновационного развития.
10. Экономическая безопасность: последствия новационного поведения.

Конференция началась 6 сентября пленарным заседанием, которое вел В.В. Булатов и на котором выступили профессор Н.М. Рассадин – ректор КГУ им. Н.А. Некрасова, С.А. Деменков – кандидат экономических наук, заместитель председателя Думы Костромской области, О.Н. Скобелкин – кандидат экономических наук, председатель постоянной комиссии Думы Костромской области, Я.А. Петропавловская – представитель Администрации Костромской области, В.В. Орлов – кандидат экономических наук, генеральный директор Торгово-промышленной палаты Костромской области, Н.И. Захаров – доктор экономических наук, профессор

© Исаев Н.В., 2012

Международного университета природы, общества и человека «Дубна», Ф.Н. Завьялов – доктор экономических наук, профессор Ярославского государственного университета им. П.Н. Демидова, и др.

В работе девяти сессий участвовали ученые из Германии, Киргизии, Сербии, Казахстана, Белоруссии, Франции, Украины, представители российских вузов, деловых кругов, государственных и общественных организаций. Были организованы два семинара в форме круглых столов. Круглый стол «Экономическое образование как фактор инновационного развития» вела профессор, заслуженный деятель науки РФ З.В. Брагина – заведующая кафедрой финансов и бухгалтерского учета КГУ им. Н.А. Некрасова, доктор технических наук. Круглый стол «Культурные различия и учет их влияния на эффективность экономических взаимодействий» вел профессор, заслуженный деятель науки РФ В.В. Чекмарев – заведующий кафедрой экономики, доктор экономических наук. Общая дискуссия и подведение итогов конференции (ведущий – В.В. Булатов) позволили выделить ключевые проблемы региона. При подведении итогов конференции особо остановились на возможностях вузовского сектора экономической науки обеспечивать научное сопровождение развития бизнеса.

Экономическое образование является одним из факторов инновационного развития экономики. Оценивая роль образования в инновационном развитии экономики, следует отметить, что, с одной стороны, образование действительно предоставляет знания и навыки предпринимателям и другим заинтересованным лицам, связанным с процессом инноваций и экономическим ростом. С другой стороны, образование может стимулировать креативность с воображением и, таким образом, упрощать процесс приспособления инноваций к требованиям реальной жизни. Вместе с тем здесь кроется опасность: образование может одновременно лишать креативности, загоняя индивидуума в определенные рамки мышления, лишая его возможности и необходимости нестандартно мыслить.

Дж.М. Кейнс дал в свое время исчерпывающую характеристику для экономиста. В предисловии к «Основам экономической науки» А. Маршалла он справедливо писал, что «экономист высшей пробы должен обладать редким сочетанием множества способностей. Он должен обладать громадным объемом знаний в самых разных областях и сочетать в себе таланты, которые редко совмещаются в одном лице. Он должен – в известной мере – одновременно быть математиком, историком, государствоведом, философом. Он должен понимать язык знаков, символов и уметь выражать свои понятия и концепции словами. Он должен уметь разглядеть в частном общее, одновременно держать в уме и абстрактное, и конкретное. Он должен изучать настоящее в свете прошлого во имя предвидения будущего. Ни одну сторону природы человека и его институтов экономист не должен полностью оставлять без своего внимания. Он должен быть одновременно целеустремлен и объективен, беспристрастен и неподкупен, как художник, но вместе с тем иногда столь же близок к реальной жизни, как и политический деятель».

Обратимся к модели подготовки специалиста, в данном случае экономиста. Ключевая проблема, основное звено в создании такой модели – это оптимизация общеметодологической, общеэкономической подготовки («базовая подготовка»), обеспечивающей высокую степень приспособляемости специалистов к различным видам экономической деятельности. При этом в ходе подготовки экономиста необходима его ориентация на определенные виды деятельности, и это предполагает некоторое уточнение модели специалиста с учетом специфических потребностей «заказчика», для которого работает данный вуз.

Базовая подготовка специалистов предполагает умение переводить базовые знания в плоскость производных знаний прикладного характера, ибо, как представляется, основная слабость в подготовке экономистов в высшей школе заключается в излишней академичности. Последняя обнаруживается в недостаточном умении применить полученные знания на практике. В этой связи приобретает значение совершенствование учебного процесса на основе выработки предложений по повышению эффективности и качества интеллектуального сопровождения государственного и муниципального управления, управления в сфере бизнеса, образования и некоммерческих организаций в контексте стратегических задач инновационного развития Российской Федерации.

Экономические факультеты университетов – относительно небольшие подразделения, созданные за последние 10–15 лет во многих областях России, сталкиваются с многообразными трудностями в подготовке квалифицированных специалистов-экономистов. Сейчас в России пришла пора говорить о всеобщем бизнес-образовании. Университет стремится быть инновационным вузом, и мы можем что-то предложить, можем работать с интеллектуальной собственностью.

Классический университет, дающий экономическое образование, не может и не должен ограничиваться рамками прикладных исследований. Прикладные исследования, бесспорно, формируют компетенции специалиста. В свою очередь, прикладная наука базируется на фундаментальных исследованиях. Среди направлений научного поиска ведущих профессоров института экономики КГУ им. Н.А. Некрасова выделяются исследования форматов неявных знаний, которые необходимы для решения управленческих проблем (проф. З.В. Брагина), регулятивного дирижизма и философии рав-

новесно-неравновесного хозяйства (проф. Н.П. Гибало), собственности и институтов в методологии бухгалтерского учета (доц. О.Н. Грабова), маркетинга территорий (доц. М.К. Гуляева), методологии определения стоимости образовательной услуги (проф. Н.В. Исаев), проблем и перспектив трудоустройства выпускников вузов на современном рынке труда (доц. С.В. Матвеев), социально-экономического развития региона и общественного мнения (проф. Н.Н. Свиридов), методологических проблем кооперации (проф. Е.М. Скаржинская).

Подводя определенный итог представленным результатам научных исследований, можно отметить следующее. В.В. Путин в статье «О наших экономических задачах» в январе 2012 года писал: «Восстановление инновационного характера нашей экономики надо начинать с университетов – и как центров фундаментальной науки, и как кадровой основы инновационного развития. Международная конкурентоспособность нашей высшей школы должна стать нашей национальной задачей».

В период, когда формируется постиндустриальная (информационная) экономика, в которой источником стоимости далеко не всегда является труд, следует детально разобраться с перечнем источников стоимости, а также выявить природу их возникновения. Практики управления полагают, что традиционный взгляд на факторы и ресурсы производства как на источники стоимости (дохода) уходит в прошлое. Более того, собственность на факторы и ресурсы не является обязательным условием получения дохода. Процесс управления новой экономикой как экономикой знаний как раз и состоит в том, чтобы найти способ извлечения стоимости из тех ресурсов, которые не только не находятся в собственности организации, учреждения, фирмы, но и попросту виртуальны, эфемерны.

Утверждение о том, что в экономике знаний, в обществе знаний наука играет ключевую роль, представляется совершенно тривиальным. Действительно, все мы знаем, что именно наука порождает те высокие технологии, все более широкое распространение которых и является в наши дни основным фактором экономического роста в развитых странах. Поэтому и для России движение в направлении общества знаний выступает как единственно приемлемая альтернатива.

Однако тривиальность утверждения об определяющей роли науки в обществе знаний – не более чем видимость, в основе которой лежит довольно-таки поверхностное представление о том, что нынешние формы жизни общества отличаются от предыдущих лишь количественно, лишь в той мере, в какой сегодня мы имеем дело с беспрецедентным многообразием новых технологий. Если же говорить об обществе знаний серьезно, то следует прежде всего исходить из своеобразия качественных характеристик как современной науки, составляющей, если можно так выразиться, его базис, так и того социального мира, тех условий жизни, которые не только формируются этой наукой, но и во многом определяют ее собственное устройство. Без понимания этих особенностей словосочетания «экономика знаний» и «общество знаний» будут оставаться не более чем новомодными клише.

Действительно, говоря об экономике знаний и обществе знаний, необходимо иметь в виду, что это не просто усиление, повышение роли науки в обществе. Это – глубокие изменения именно в самом обществе, для которого новые научные знания и технологии становятся не чем-то факультативным, а модусом его существования, его сутью как современного общества, средой, в которой оно обитает. При этом речь никоим образом не идет о технологическом детерминизме – все намного сложнее и интереснее.

Можно констатировать: чем больше наука претендует на то, что она служит интересам и благу человека, тем более значительную роль в ней должны играть исследования, в которых человек участвует в качестве испытуемого. Но участие в таких исследованиях по самой своей сути сопряжено с большим или меньшим риском для испытуемых. Таким образом, возникает ситуация конфликта интересов: с одной стороны – исследователь, стремящийся к получению нового знания, с другой – испытуемый, для которого на первом месте стоит терапевтический эффект, скажем, излечение недуга, ради чего, собственно, он и соглашается стать испытуемым. И в той мере, в какой именно на человеке начинает концентрироваться мощь научного познания, в какой наукой разрабатываются все новые, все более тонкие и эффективные средства воздействия на него, – неизбежно возрастают элементы риска и опасности, которым он подвергается. Следовательно, актуализируется задача защиты того же самого человека, ради которого и осуществляется прогресс науки и техники, от негативных последствий этого прогресса. В результате резко обостряется необходимость выявлять такие последствия и тем или иным образом реагировать на них.

Все вышеизложенное есть описание только некоторых из оформляющихся сегодня тенденций в развитии науки, экономики и общественной жизни в целом. В центре этих динамичных процессов – новые механизмы взаимодействия науки и общества, включения науки в ткань общественного бытия. Современный мир быстрыми темпами эволюционирует в направлении общества знаний, что открывает широкий спектр новых возможностей для человека и общества, но вместе с тем порождает немало весьма серьезных проблем. Одной из составляющих этих процессов является возникновение новых, чрезвычайно эффективных форм организации и стимулирования научно-исследовательской деятельности. Получение новых знаний

и создание инноваций сегодня институционализируется, благодаря чему проблема их внедрения во многих случаях попросту теряет актуальность.

Экономическая теория, до недавнего времени единолично представлявшая экономическую науку, ныне теряется среди внезапно возникших многочисленных экономических «наук», не только занявших (без предъявления каких-либо доказательств) равностатусное с ней положение, но даже порой свысока на нее поглядывающих, а иногда и покрикивающих на нее. Официальное признание в качестве особых и самостоятельных экономических наук получили более тридцати отраслей экономического знания, по которым сформирован полный механизм научной аттестации. Этим фактически создана целая отрасль, в которой занято множество людей, коим нет нужды в знании «абстрактной» экономической теории, – финансы, денежное обращение и кредит; бухгалтерский учет, статистика; математические и инструментальные методы экономики; мировая экономика; теория управления экономическими системами; макроэкономика; управление инновациями; региональная экономика; логистика; экономика труда; экономика народонаселения и демография; экономика природопользования; землеустройство; маркетинг; логистика; экономика и управление качеством; предпринимательство; экономическая безопасность; ценообразование; экономика, организация и управление предприятиями, отраслями и комплексами (которая также дифференцируется на особые отрасли знания – промышленность; АПК и сельское хозяйство; строительство; транспорт; связь и информатизация; сфера услуг).

Неизбежное пагубное следствие внутринаучной «реиерархизации» не заставило себя долго ждать: возвышение прикладных отраслей экономического знания до уровня «теоретического» знания означало сведение теоретического знания до уровня «прикладного» знания, из-за чего оба этих вида экономического знания превратились в пародию на самих себя, занимаясь ненужным делом, – прикладное знание «медитирует», тщетно тужась предстать теоретическим, тогда как теоретическое знание стыдливо «имитирует», пытаясь выдать себя за разновидность прикладного.

Напрасные усилия – мир науки устроен именно таким образом, что прикладное знание никогда не сможет приобрести методологической ценности, присущей теоретическому знанию, а теоретическое знание не способно принести прагматическую пользу, будучи «псевдоприкладным» знанием.

Таким образом, погнавшись сразу за «двумя зайцами», экономисты потеряли обоих, лишившись одновременно и теоретического, и прикладного знания. Об этом лучше всего говорит откровенное падение авторитета отечественной экономической науки, если о нем судить не по справкам, в обилии приносимым на защиту диссертаций. И только в этой ситуации можно предъявлять экономико-теоретическим исследованиям странное по своей сути требование специального показа своей прикладной значимости, то есть некоего «практического применения» выводов теоретического характера.

И тогда возникает законный вопрос: а нужны ли вообще экономисты экономике? Экономике, может, и не особенно, но обществу – обязательно: кто-то же должен специально заниматься экономикой и толковать ее доверчивым «неэкономистам». Этим и порождается специфический рынок «экономических концепций» – на любой вкус и по любой цене, от откровенно обскурантистских – до предельно аферистических. У этого рынка – свои законы и факторы развития, своя мода и свои кумиры, а фарватер «мэйнстрима» извилист и непредсказуем.

Возникновение и развитие новых трактовок в экономической науке, как правило, направлено на приближение к более адекватному отражению функционирования и развития экономической системы. Однако движение по этому пути не всегда происходит, что обусловлено, прежде всего, объективными трудностями исследования и отражения. Экономика (как экономическая практика и экономическая система общества) представляет собой сложный многоаспектный самоорганизующийся объект познания, который находится в процессе постоянного изменения, превращения, развития. И если производительные силы обладают чувственной осязаемостью, то экономические отношения (например, стоимость) не содержат в себе ни одного атома вещества природы, к тому же внешние проявления отношений, как правило, не совпадают с их сущностью. При их анализе нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами, то и другое должна заменить сила абстракции. В качестве проявлений возникающих заблуждений и неадекватности отражения реальной экономической действительности можно назвать односторонность отражения истины, неполноту знания и абсолютизацию тех или иных сторон истины, экстраполяцию истинных знаний за пределы их применимости.

На рубеже третьего тысячелетия зарубежная экономическая школа начала процесс своеобразной консолидации различных школ, направлений и программ для комплексного изучения экономики. Применение принципа методологического плюрализма в экономических исследованиях не означает эклектического их суммирования. Адекватное отражение экономической теорией процесса функционирования и развития национальных экономических систем может быть достигнуто не только на базе созвучных нашему времени теорий и концепций, но и сохранения преемственности, что применимо в том числе и к использованию достижений отече-

ственной экономической науки.

Материалы конференции представлены в монографии «Экономическое образование как фактор инновационного развития» (З.В. Брагина, Н.П. Гибало, О.Н. Грабова, М.К. Гуляева, Н.В. Исаев, С.В. Матвеев, Н.Н. Свиридов, Е.М. Скаржинская; отв. ред. Н.В. Исаев. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012); в актовом докладе В.В. Чекмарёва «Фундаментальность университетской подготовки экономистов: роль экономической теории» и в двух сборниках «Экономическая наука – хозяйственной практике: материалы сессий XIV Международной научно-практической конференции» (отв. ред. – Н.В. Исаев).

SUMMARY

NATURAL SCIENCE

Saleh İltizam oğlu Əliyev
Baku State University, Azerbaijan
alisaleh@rambler.ru

Zoogeographical analysis of hydrofauna of the rivers the Aras and the Kura

Current zoogeographical analysis of hydrofauna of the Aras and the Kura is presented in the paper. 893 species have been found (in the Kura – 515, in the Aras – 378). The analysis showed the maximum number of species in groups of widely distributed species.

Keywords: hydrofauna, zoogeography, Arctic, Pontic-Caspian region, endemic.

Natal'ya I. Gubareva
Nekrasov Kostroma State University
gubarewa.natalja@yandex.ru

Common toadflax (Linaria vulgaris Mill.) ontogeny

The article contains the Linaria vulgaris Mill. ontogeny description, as well as the species' brief biomorphological and ecological characteristics, drawings of ontogeny states.

Keywords: plant ontogeny, common toadflax, root-sprouts plants, plant morphology, plant developmental phases, vegetative propagation.

Aleksandr V. Sidorov
Yaroslavl State Medical Academy
alekssidorov@yandex.ru
Mikhail M. Fateyev
Yaroslavl State Medical Academy
Andrey F. Kuz'min
Yaroslavl State Medical Academy

Survival rate increase at angiotensin-converting enzyme inhibitors lifelong administration on the background of chronic heart failure is not due to the systolic function improving (comparative experimental research)

Prolonged administration of ACE inhibitors to rats with stable congestive heart failure (CHF) led to increase in stroke volume as compared to base line and control value; however, only lipophilic medications enhanced the 6-month survival of the animals. In the conditions of complicated CHF, only lipophilic ACE inhibitors, especially those that are maximally tropic to tissue renin-angiotensin-aldosterone system, improved the heart systolic function, though only captopril increased the rats' 6-month survival.

Keywords: congestive heart failure, survival, stroke volume, ACE inhibitors.

Eduard S. Tskhovrebov
City of Moscow
Aleksandr N. Lebin
City of Moscow
Vyacheslav G. Belousov
Town of Dubna, Moscow Region
sofiamosina@yandex.ru

Problems of maintenance of ecological safety of region

The basic making subsystems of ecological safety at municipal union level are analyzed.

Keywords: ecological safety, environment preservation, municipal union, ecological control.

Erzhena O. Chimitdorzhiyeva
Institute of General and Experimental Biology of Siberian Division of Russian Academy of Sciences, City of Ulan-Ude, Buryatia
erzhena_ch@mail.ru
Galina D. Chimitdorzhiyeva
Institute of General and Experimental Biology of Siberian Division of Russian Academy of Sciences, City of Ulan-Ude, Buryatia
galdorj@gmail.com

Dynamics of carbon microbic biomass of virgin chernozems and chestnut soils of Transbaikalia

Authentic communication between change of temperature and quantity of the carbon biomass in soils is revealed. Deficiency of moisture in soils limited growth of microorganisms during the separate periods of vegetation. Humidity influence was shown through change of activity of plants and security of microorganisms by substratum and biogene elements.

Keywords: carbon, microbic biomass, chernozems.

PHILOSOPHY

Yevgeniya V. Kuznetsova
University of Management «Tatar Institute of Business Promotion», City of Naberezhnye Chelny, Tatarstan
kuznetzova.evgeniya2012@yandex.ru

Culture as a social phenomenon: system approach

The article is devoted to the problem of a culture as a social phenomenon. The author considers system approach to be the most optimal to the investigation of a problem of a culture basing this point of view on other scientists' theories. The author builds his own model of a system of culture using G.P. Shchedrovitsky's notion of culture.

Keywords: culture, system, social system, activity, methodology, systemic aproach.

Zhanna V. Latysheva
The Stoletovs Vladimir State University
joan_lat@mail.ru

Some aspects of understanding religion in T. Luckmann's sociology of religion

The article is dedicated to the analysis of number of ideas and concepts comprising T. Luckmann's

understanding of religion. The socio-anthropological functional definition of religion with the transcendence concept related to it are considered. The socio-phenomenological and religious intersubjectivity concretizations are disclosed. Summary is made about a considerable methodological value of T. Luckmann's approach for social and human sciences.

Keywords: transcending, transcendence, inter-subjectivity, individualization, personality identity.

Boris M. Moiseyev
Nekrasov Kostroma State University
ipmbm@kosnet.ru

The role of philosophy in development of modern fundamental physics

This article is a consideration of the philosophy of science to be leader in development of modern fundamental physics.

Keywords: philosophy of science, fundamental physics.

Ol'ga S. Yakimova
Krasnoyarsk State Agrarian University
yakimova83@mail.ru

The mentality in the context of sociocultural types of society

The article deals with the peculiarities of socio-cultural types of society and the place of Russia in this classification. The topicality of article writing is caused by the reflection of the two most significant in the history of mankind value paradigms – Eastern and Western.

Keywords: mentality, social and cultural types of society, Oriental type of socialization, Western type of socialization.

SCIENCE OF CULTURE

Natal'ya A. Belova
Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology
belovanatalia2009@yandex.ru

Social and psychological portrait of Soviet teachers of the Kostroma Region

This article is about social and psychological portrait of Soviet teachers. The author studies their social origin, education, residence.

Keywords: teachers, social-psychological portrait, education, residence, USSR.

Aleksey A. Bubnihin
Nekrasov Kostroma State University
rinaldo89@mail.ru

Methods of concepts' research

This work is devoted to the methods of research of the cognitive linguistic's term named «concept». Concept is a new term of the cognitive linguistics, it allows to research different scientific phenomena from the new point of view. Methods of concepts research allow to make a full analysis of this phenomena.

Keywords: concept, research methods, lexis, discourse, analysis.

Alina V. Mikhaylenko
Stieglitz Saint-Petersburg State Art and Industry Academy
alinamv@yandex.ru

Landscape architecture in traffic stream arrangement

The problem of forming comfortable transit spaces (integral part of modern city) is considered in this article. There are good examples and quotations to literary sources. On basis of detailed analysis of different examples of street design, the author concludes the role of landscape architecture in solving this problem.

Keywords: landscape architecture, modern urban medium, space zoning, transit space, pedestrian street, boulevard, embankment.

Valentina L'. Tikhonova
Astrakhan State University
opera-15@mail.ru

Spatial representations of medieval people of Western Europe in J.Le Goff's and A.Ya. Gurevich's interpretation

This article discusses two approaches to the problem of space in the culture of medieval Europe. As a result, the author of article comes to the conclusion that the approach of A .Gurevich is the most productive because he analyzes the mental installations of medieval people containing archaic layers, which survived even after acceptance of Christianity and transferred on it their representations more deeply.

Keywords: person of Middle Ages, medieval culture, mentality, mental medium, landscape, nature, archetypes.

HISTORY

Al'bert V. Ochirov
Astrakhan State University
ochirov.av@mail.ru

The Kalmyks' social order in late 18th Century

The process of introduction of structures of ruling the Kalmyk people in united Russian legal space is considered in this article. On the basis of the studied materials and contemporary records, the author investigates the main directions of activity of the government of Russia in relation to the remained Kalmyks after leaving of their bulk in borders of China in 1771.

Keywords: reforms, "Zargo" – Kalmyk court, Kalmyk ruling, official districts.

LINGUISTICS

Irina V. Voyteshchuk
Chelyabinsk State Pedagogic University
wfirina@mail.ru

Dynamic characteristics of natural water in German and Russian languages

Nominees of movement of natural water in German and Russian languages are compared, base and peripheral lexemes with value of moving of water

objects come to light, semantic parameters of their movement, universal and national characteristics are established in the article.

Keywords: movement of natural water, nominees, nominative density of a language fragment, semantic groups, procedural lexicon, national specifics.

Dmitriy Yu. Gulinov
Volgograd State Social-Pedagogic University
satellite74@yandex.ru

Vertical of linguistic policy in France

The article aims at considering the mechanism of centralized realization of the linguistic policy in France represented as a multi-layered vertical.

Keywords: linguistic policy, linguistic regulations, institute of linguistic policy, consumers of linguistic policy, prescriptions.

Il'ya N. Zagoruyko
Udmurt State University
ilyazag@mail.ru

Internet-discourse in modern communication sphere

The article is devoted to actual theme of linguistic. These are discourse and its variants virtual discourse and Internet-discourse. Besides excursus into history of discourse, electronic communication is examined; with the help of this one the communication is realized.

Keywords: discourse, virtual reality, virtual discourse, electronic communication, Internet, Internet-discourse.

Liliya N. Karayeva
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
lilusha22@mail.ru

Dynamics of the space in Sigizmund Krzhizhanovsky's prose (based on the novel material "Reminiscence about future")

The purpose of this article is to determine what types of space deformations are detected in the text of the story S.Krzhizhanovsky "Reminiscence about future", and to linguistic means of expression that convey the space dynamics. Relevance of the topic is determined by the need to describe the category of space in terms of the dynamics of spatial relations.

Keywords: dynamics, spatial relations, deformation, linguistic means of expression, new words formation.

Mariya A. Kondrat'yeva
Moscow Pedagogic State University
kondratjeva.marija@mail.ru

Emotive potential of comparative constructions in German (on a material of a German publicistic discourse)

The frequency of use of comparative constructions is traced in article, which are a part of a functionally-semantic field of comparative as functional synonyms, and also the attempt is undertaken to define what of them possess the greatest emotive potential.

Keywords: emotivity, emotive syntactical unit, emotive potential, comparative constructions, functionally-semantic field.

Mariya I. Matveyeva
Moscow Pedagogic State University
montegra@bk.ru

Emotive evaluation at micro-text level (on thematerial of German publicistic discourse)

The Article is devoted to the analysis of emotive evaluation and features of its functioning at micro-text level in German. In this work it is described complexity and diversity of expression emotivity above suggestions.

Keywords: emotive evaluation, evaluation, micro-text, emotivity.

Yekaterina V. Seredina
Belgorod State University – Russian Research University
seredina@bsu.edu.ru

Visual metaphor in political caricature

The article is devoted to the analysis of visual metaphor in political caricature. Visual metaphor is viewed according to the characteristic of political caricature as a related genre of political, art, mass-media and humor discourses.

Keywords: political caricature, visual metaphor, creolized text, political discourse.

Amina O. Temirbekova
Nukus State Pedagogic Institute, Karakalpakstan
temirbekova@inbox.ru

On the history of interjection research

The history of interjections research in Turkic languages is examined in this scientific article. Interjection is peculiar part of speech, which has no morphological criteria. However, it is connected with feelings and will medium in semantic relation: expresses astonishment, regretting, admiration, joy, expressions of inducing: command and orders. The assertions of turkologists-linguists, who work on interjection questions in Russian, Karakalpak, Uzbek, Kazakh, Azerbaijani, Turkmen and other languages, are undergone analysis.

Keywords: interjection, emotional-volitional reaction, semantic and grammatical peculiarities, phonetic and morphological peculiarities, semantic and functional classification, nominative function, stylistic function, semantic intonation.

Yelena V. Tsvetkova
Nekrasov Kostroma State University

Geographical term бочаг in Kostroma toponymy

The article is dedicated to Kostroma toponyms created on the basis of the geographical term бочаг and its derivatives. Confirming, revealing, preserving the meaning of the initial appealative noun in the certain extent, these toponyms reflect typicality as well as peculiarities of the lexical system of Kostroma patois.

Keywords: toponym, micro-toponym, local geographical term, бочаг.

Galina D. Neganova
Nekrasov Kostroma State University
cultland@yandex.ru

Denominationses of the lowland of Kostroma Zavolgje in living dialect speech, and in the works by Kostroma writers

Dialect landscape lexis reflectes the natural, cultural and language distinguishing features of cultural landscape. A number of words in the lexicon of this group is presented in the works by writers born in, or otherwise connected with, the Kostroma edge. This article describes the denominationses of the lowland and their place in the reflection of the images of the cultural landscape of Kostroma Zavolgje.

Keywords: landscape, cultural landscape images, landscape lexis, dialect lexis.

SCIENCE OF LITERATURE

Yelena R. Avilova
Technical institute (branch) of Ammosov North-Eastern Federal University in the town of Neryungri
lena-tem@mail.ru

Mortal concepts in creative work by Yegor Letov

On the example of Letov's creative work, peculiarities of mortal concepts are analyzed and their influence on the author's world view and idea basis of punk subculture.

Keywords: semantics of death, art world, punk subculture.

Valeriya G. Andreyeva
Nekrasov Kostroma State University
lanfra87@mail.ru

War in representation and evaluation by L.N. Tolstoy and F.M. Dostoyevsky

The author of the article examines the opposing opinions on war of Tolstoy and Dostoyevsky, mentions the particular concealed dispute, which existed between the writers and influenced formation of their persuasions.

Keywords: war, organized massacre or society-refreshing force, pacifism, role of international war, personal feeling.

Tamara P. Batalova
Moscow Regional State Social Institute
slava964964@mail.ru

Historiosophic problems in Dostoyevsky's publications of 1860–1865 years

The author of the article, on the basis of analysis of Dostoevsky's publications, shows the writer's views about the reform of Peter I, on its progressive significance and pernicious influence of some of its consequences on Russian life.

Keywords: Peter I, articles, reform, socialist

Yevgeniy O. Boltovskiy
Griboyedov Institute of International Law and Economy
lestoat@mail.ru

On calendar mythology of Boris Poplavsky

The article considers the figurative paradigm of calendar mythology in the works of Boris Poplavsky. The autor analized poems with calendar semantics and determined their mythological basis. The author argued that the transformation of the calendar mythology in the works of Boris Poplavsky connected with his religious quest.

Keywords: author myth, cosmogony, archetype, binary oppositions, mythologeme, calendar mythology.

Ivan K. Dmitriyenko
Yaroslav the Wise Novgorod State University
smart-e1@mail.ru

On the question of literary tradition: mythological projections in works of German romanticists and Russian postmodernists

Neomythological map of the world and approaches to mythological motives in romanticism and postmodernism are compared on the example of works by E.T.A. Hoffmann, Novalis, Sasha Sokolov and Viktor Pelevin. Detected similarities allow to prove the influence of romantic tradition on postmodernist aesthetics.

Keywords: tradition, map of world, discourse, romanticism, postmodernism, motif structure, cultural-historical epoch, typological similarity.

Nataliya B. Kardanova
Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences
natalia.venezia@yandex.ru

The final formula in the diplomatic charters of Peter the Great to the Doges of Venice

The article is dedicated to the analysis of a final formula, an important component of Czar's charters to foreign rulers. The final formula quite often draws the addressee's attention to the main idea of the charter. The charters of Tsars Alexis, John and Peter, Peter the Great served as material for the research.

Keywords: diplomatic mail, final formula, Russia, Venice, Peter the Great.

Lyubov' G. Kihney
Griboyedov Institute of International Law and Economy
lgkihney@yandex.ru
Yelena V. Merkel'
Technical institute (branch) of Ammosov North-Eastern Federal University in the town of Neryungri
merkel-e@yandex.ru

Poet and language: on the poetological strategies of O. Mandelstam and M. Tsvetaeva

The article is devoted to the analysis of poet and his writing language dialectics on the example of O. Mandelstam's and M. Tsvetaeva's creative works. During the process of the analysis of the mentioned above poets' verses it is proved that the both use all the phonetic and semantic possibilities of the language, and at the same time they discover new, early not used potentials.

Keywords: language, poetological strategies, poetic semantics, phonosemantics.

Nataliya S. Lebedeva
Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
lns303@mail.ru

Italian motifs in Russian poetry of the 1890s–1910s

The article deals with the reception of traditional Italian themes and motifs in Russian literature of the 1890s – 1910s. The analysis these motifs in the lyrics of symbolists and acmeists (D. Merezhkovsky, V. Bryusov, A. Blok, N. Gumilev, A. Akhmatova and others) is given in the study.

Keywords: Italian traditional images, Russian literature of the 1890s – 1910s, philosophic lyrics, symbolism, acmeism.

Yelena V. Makarova
Vladimir State University
lama28@mail.ru

The lyric narration in Ivan Turgenev's book of short stories 'A Sportsman's Sketches'

In 'A Sportsman's Sketches' the lyric narration very distinctly demonstrates Turgenev's individual style and, together with the othercomposition components builds up the structure of the whole book. Elements of the lyrical prose are employed mostly with the purpose to describe nature, the narrator's vision of which is highly poeticized. Turgenev's description of landscapes is always filled with storyteller's emotions. The lyric line constitutes the cohesion of the book story-line which is developing dynamically: it begins inthe first short story 'Khor and Kalinych' and finishes in the the last one 'Forest and Steppe' with the exalted hymn of all seasons of nature.

Keywords: cyclic formation 'short stories book', lyric prose, poetry and nature, German romanticism, natural philosophy, narrator image, subjectivation, 'descriptive poetry'.

Aleksey V. Ustinov
Nekrasov Kostroma State University
1013801@mail.ru

Start of D.L. Mordovtsev's journalistic activities

This article studies the role of Kostomarov and Krayevsky in the development of Mordovtsev's person as a liberal democratic publicist and writer.

Keywords: history of Russian literature of 19th Century, journalism, Katkov, Kostomarov, Krayevsky, Mordovtsev.

Yekaterina V. Shashkova
Novgorod State University
schaschkowa-e-w@yandex.ru

Journalistic aspects of Panayev's memoirs

Journalistic subjects of Panayev's "Literary recalls", such as upbringing and education, official service, are indicated. Reminiscences of N.V. Kukol'nik, A.A. Krayevsky, M.N. Zagoskin, S.T. Aksakov, K.S. Aksakov are considered. V.G. Belinsky and T.N. Granovsky are given special attention to. The main journalistic vector of thesememoirs is to display the inability of social organization to survive, because it doesn't have any creative and ethical potential.

Keywords: subjects of upbringing and education, writers N.V. Kukol'nik, A.A. Kraevsky, M.N. Zagoskin, S.T. Aksakov, K.S. Aksakov, V.G. Belinsky, T.N. Granovsky, perception of literary process by public.

Alexander K. Kotlov
Nekrasov Kostroma State University
ak_kotlov@inbox.ru

The artistic and metaphysical space of "The Steppe Book" by O. Pavlov

The article examines the artistic and metaphysical space of "The Steppe Book" (1998) by O. Pavlov.

Keywords: O. Pavlov, "The Steppe Book", chronotop, the metaphysics of art.

PEDAGOGICS AND PSYCHOLOGY

Yekaterina V. Vorsina, Tat'yana A. Snegiryova
Izhevsk State Medical Academy

Qualimetry of educational competence of students based on the analysis of educational texts

The article considers qualimetry of educational competence of students. Specially designed method of diagnostic of formation of competences that are constituents of this, based on the analysis of educational texts, is offered in article; and it contains examples of tasks and the results of diagnostic.

Keywords: qualimetry of competency, educational competency, methods of theoretical cognition, educational text.

Yelena V. Gur'yanova
Kazan National Research Technological University, Volzhsk branch
Pashukova-E-V@yandex.ru

The training organization on discipline "Calculus mathematics" in didactic systems of new generation

In this work, the project of didactic system of new generation from a virtual component on a basis to which can organize training on discipline "Calculus mathematics" is considered and to prepare engineers capable to innovatics in this direction.

Keywords: virtual office, labour productivity, completeness of knowledge, integrity of knowledge, formalizational abilities, constructive abilities, performing abilities.

Dmitriy V. Kashirskiy
Altai Academy of Economics and Law, City of Barnaul
Anna N. Ovchinnikova
City of Barnaul
Natal'ya V. Sabel'nikova
PhD in Psychology, Associate Professor
Altai State Pedagogic Academy

Rescue team employees' value-meaning sphere and burnout

The article deals with the peculiarities of value-meaning sphere of the employees of rescue team with

various extent of emotional burnout. The assumption that there exists an interrelation between the extent of emotional burnout and the contents of value system of rescuers, self-realization in vital spheres, satisfaction with self-realization and peculiarities of life-meaning orientations is proved.

Keywords: rescue team employees, burnout syndrome, value-meaning sphere of personality, self-identity, life satisfaction.

Khaydar D. Nurligareyev
Lomonosov Moscow State University
haidar_nur@yahoo.com

The selected chapters of discrete geometry in the optional mathematical lessons in specialized schools

This article is devoted to selected questions of discrete geometry which are represented in the optional lessons in mathematical classes. We consider circles and regular and semi-regular polygons on the squared paper, classify regular tilings and semi-regular polygons on the tilings. The theoretical part is accompanied by the problems which are offered to students.

Keywords: squared paper, semi-regular polygon, regular tiling.

Ol'ga V. Paklina
Demidov Yaroslavl State University
Dmitriy B. Paklin
Yaroslavl branch of Mozhaysky Military-Space Academy
uncollege@yandex.ru

Professional education modernization in Europe and its development tendencies in Russia

Demands of education development, in accordance with European norms, have caused many countries' education systems deeper reforms with the help of involving life-long poly-level education, proclaiming competency approach,total informatization. In each country, the process of theory and practice development has its own peculiarities, but at the same time, their common principles can be revealed.

Keywords: modern system of professional education and learning, education philosophy, education content continuity, comon European educational standards and qualifications, duration and level of education, main educational models, life-long education, professional competences.

POLITICAL SCIENCE

Aleksandr V. Zaitsev
Nekrasov Kostroma State University
aleksandr-kostroma@mail.ru

Dialogics of civil society: origins, concept, meaning

This article considers the possibility of application of the theory of dialogue, Bakhtin and the dialogic communication of V.S. Bibler to the analysis of communication of the state and civil society. From the standpoint of political science is justified dialogics of civil society as the sphere of the subject-subject communication, symmetric interaction, deliberation, polyphony, pluralism and tolerance.

Keywords: dialogics, dialogue, civil society, state, interaction.

Vyacheslav A. Zimin
Samara institute of Eastern economic-legal humanitarian academy
natali.26.12@mail.ru

Political modernization and its theories

Basic characteristic of political modernization is given, is opened a number of its theories, modernization individual questions in the Russian Federation are mentioned in the article.

Keywords: theories, political modernization, liberal and conservative directions.

JURISPRUDENCE

Boris Ye. Roshchin
Nekrasov Kostroma State University
pravoborise@mail.ru

State provision of job safety of the Russian proletariat (1918–1920): organizational-legal aspect

The article discusses certain peculiarities of the state provision and regulation of job safety for the Russian proletariat as well as the formation of the Soviet system of administrative supervision in job safety in the times of radical revolutionary transformations of society in Russia, namely, at the initial stage of socialist labor organization (1918–1920). Special attention is paid to legal standards which reflect the peculiarities of the period under study and define further development of job safety (in socialist economy and in accordance with Soviet ideology and mentality) as a major institution of Russian labor law, the contemporary problems of which date back from past and are still acute nowadays.

Keywords: socialist labor organization, social and labor relations, Bolshevism ideology, Russian proletariat, labor inspection, administrative supervision, engineering supervision, job safety.

Valizhan M. Tuychiyev
The Department of the Federal service of court bailiffs of the Kirov region
tuichiev70@yandex.ru

The legal status of the bailiff for magistrate court in Vyatka province in the course of reforming

The article analyzes features of organizational and legal status of the bailiff for magistrate court in Vyatka province in the course of reforming. The author explains matters of the functions and responsibility of the bailiff for magistrate court in the article.

Keywords: legal status, bailiff, magistrate court, Vyatka province.

Dmitry Yu. Poldnikov
National research University «Higher school of Economics»
poldnikov@gmail.com

Binding force of academic jurisprudence and development of private law in germany before the civil code

The article examines the phenomenon of jurisprudence in German-speaking lands, its concept, its origins, its main features and its importance for the development of private law from the late Middle Ages until the German Civil Code of 1896.

Keywords: jurisprudence, Juristenrecht, private law, reception of Roman law, school of Pandects, natural law, Enlightenment, codification of private law.

ECONOMICS

Bronislav D. Babayev
Ivanovo State University
politeconom@rambler.ru
Aleksey I. Krupin
Ivanovo State University
politeconom@rambler.ru
Vasiliy V. Chekmaryov
Nekrasov Kostroma State University
tchekmar@ksu.edu.ru

Small towns: conceptual view

Conceptual view on small towns is presented, taking into account the fact that they exist in non-optimal, according to market criteria, economy of Russia, that is an Empire.

Keywords: small town, non-optimal economics, empire, resettlement, economy way, lifestyle, small towns revival and development factors.

Yelena V. Volokitina
Vyatka State University
rectorat@vyatsu.ru

The essence and value of personal insurance at the enterprise

The value and the necessity of personal insurance strengthening at the enterprise is proved, and all possible forms of this insurance are considered in the article. Attempt is undertaken to consider all available practice and researches of personal insurance at the enterprise at present.

Keywords: personal insurance, agreement, insurer, insurance risks, insurance premium.

Vladimir A. Gubin
Nekrasov Kostroma State University
vladimir-g21@rambler.ru

The institution of farming within the economic relations system

The article discusses institutional problems of farming in modern Russia as a sign of stability in agriculture development. The dynamics of basic indicators in Russian farming is shown, namely annual food consumption per capita in Russia. The article touches upon institutional, land-ownership and loan issues as obstacles hindering effective development and functioning of farming institutions. The law-making policy of the regional and federal authorities should be aimed at dynamic development of farms. The findings can be applied in planning agricultural policy in the province and production on farms.

Keywords: peasant (farm) household, institution, institutional medium, economic relations.

Valentina P. Dudyashova
Kostroma State Technological University
dvp1@kostroma.ru
Nadezhda A. Kipen'
Kostroma State Technological University
kipen_n@mail.ru

Facility and management system of enterprise in conditions of economy of knowledge

At the rate of enterprise not enough attention is spared to questions of the economy of knowledge. Facility and effective aspects of the economy of knowledge of industrial enterprise are considered in the article. Management system of industrial enterprise in conditions of economy of knowledge is presented.

Keywords: economy of knowledge, facility, result, management system, enterprise.

Aleksandra B. Rat'kova
Nekrasov Kostroma State University
ratkova.a@yandex.ru

Partnerships and economic relations of state and business: conflicts and prospects

The problem of relations between government and business policy in the context of an "effective state". An additional argument is the point of view according to which government and business partnership is a controversial system of cooperation and competition. Attention is drawn to theirinterdependence, as well as the main motives and goals that define the interest of the parties in a partnership.

Keywords: state, market mechanisms, business, public-private partnership, interests, goals.

Lada N. Rozhdestvenskaya
Novosibirsk State Technical University
lada2006job@mail.ru

The quality of services of social meals as a object qualimetric evaluation

The article focuses on the application qualimetry when measuring the quality of meals social. Is substantiated the selection of appropriate key performance indicators, and studied the methods of their measurement and monitoring.

Keywords: meals of socially vulnerable people, quality of services, metering, criteria for evaluation, qualimetry.

Valentina N. Tishina
South-Ural State University
tpchel@rambler.ru

Strategy of economic development: the network approach

This article explains the productivity of network approach in the formation of economic development

strategies.

Keywords: economic development strategy, management, coordination, governance and coordination mechanisms.

Tat'yana N. Gogoleva
Voronezh State University
tgogoleva2003@mail.ru
Lina A. Mazharova
Voronezh State University
linamazharova@yandex.ru
Polina A. Checkmaryova
Nekrasov Kostroma State University
tcheckmar@ksu.edu.ru

Regulations of legislative authorities as an element of institutional mechanism of public decision making and assessment of its effectiveness

The regulations of work of legislative bodies as an element of the institutional mechanism of acceptance of the state decisions and an estimation of its efficiency. At this article the author's method of an estimation of efficiency of the regulations of work of legislative bodies, based on preconditions of the theory ofa public choice is presented. Results of application of this method for monitoring problems and allocation of the basic directions of perfection in actual conditions are also presented.

Keywords: state decisions acceptance by legislative bodies mechanism, voting, efficiency, coordination.

Oleg G. Gorbachev
Nekrasov Kostroma State University

Organizational and economic structure of the market of the insurance capital

In modern conditions there is an active search of formation of socially focused model of national economy. The structure of the market of insurance existing now slows down insurance development in national economy, socialization of the insurance economic relations, reduces efficiency of the market of the insurance capital. It predetermines need of formation of the teoretiko-methodological and praktiko-focused base promoting creation of adequate organizational and economic structure of the market of the insurance capital.

Keywords: insurance market, insurance relations, insurance capital, system of the economic relations.

SYSTEM ENGINEERING

Irina V. Tokareva, Pavel G. Kowalski
Nekrasov Kostroma State University
ops@ksu.edu.ru

Economic characteristics of transport as the branch of infrastructure

The author of the article notes special importance to peculiarities of infrastructure systems functioning. She analyses the role of transport in the system of infrastructure support of economical activity. It is suggested to consider the transport product as a service with infrastructure meaning. It is detected the characteristic features of freight services.

Keywords: transport, transport product, service.

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

Madina A. Fokina
Nekrasov Kostroma State University
filolog-kos@mail.ru

Linguistic forum in Kostroma: «The national-cultural and cognitive aspects of linguistic naming units study»

The article considers the international scientific conference dedicated to contemporary issues of cultural linguistics, cognitive linguistics, semantics and linguistic units function.

Keywords: naming unit, cognitive linguistics, cultural linguistics.

Nikolay V. Isayev
Nekrasov Kostroma State University
econ@ksu.edu.ru

University economics in regional business processes (XIV International Scientific Conference "Economic science contributing business practices", Kostroma, 6–7 September 2012)

According to the results of an international scientific conference the significance of economic science to regional business processes is presented. It is shown that the improvement of the educational process through the development of proposals to improve the efficiency and quality of the intellectual support of state and municipal governance, in business, education and non-profit organizations is important in the context of the strategic objectives of the innovative development of the Russian Federation.

Keywords: conference, economics, theory, practice, innovation, development.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию в электронном и бумажном виде в 1 экземпляре. Электронный вариант статьи может быть представлен на диске (CD-R) или вложением в электронное письмо.

2. **Электронный вариант статьи** выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc)

3. **Компьютерный набор статьи** должен удовлетворять следующие требования: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. **Построение статьи**:

4.1. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).

4.2. Отрасль науки и шифр научной специальности, по которым написана статья.

4.3. Сведения об авторе:

– фамилия, имя, отчество (полностью) ***(на русском и английском языке)***;

– полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора ***(на русском и английском языке)***;

– адрес электронной почты для каждого автора;

– почтовый адрес с индексом и контактный телефон (можно один для всех соавторов);

4.4. Название статьи (сокращения в названии недопустимы) ***(на русском и английском языке)***.

4.5. Аннотация, объясняющая цель работы, актуальность проблемы (не более 6 строк) ***(на русском и английском языке)***.

4.6. Ключевые слова (5–6 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку) ***(на-русском и английском языке)***.

4.5. Текст статьи.

4.6. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется вручную).

5. **Оформление библиографического списка**:

* *Статья в журнале*: Фамилия и инициалы авторов, соавторов (до 3). Название статьи // Название журнала. – Год. – №. – С. от–до.

* *Статья в сборнике трудов*: Фамилия и инициалы авторов. Название статьи // Назв. сб. трудов. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до (Тр. / Назв. учеб. заведения или науч. учреждения. – № вып.).

* *Монография или книга*: Фамилия и инициалы авторов. Название. – Место издания: Издательство, год. – С. от–до; или Название / Под ред. Инициалы и фамилия. – Место издания: Издательство, год. – С. от–до (или число страниц в книге __с.).

* *Авторские свидетельства и патенты*: А. с. номер. Название.

* *Автореферат*: Фамилия и инициалы. Название: Автореф. дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – __с.

* *Диссертация*: Фамилия и инициалы. Название: Дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – с.

* *Интернет источники*: Фамилия и инициалы. Название [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://... (дата обращения …).

6. **Библиографические ссылки** в тексте статьи оформляются квадратными скобками с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например [2, т. 5, с. 25–26].

7. **Максимальный объем** текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – 17 тыс. знаков, включая пробелы, но не более 10 страниц машинописного текста.

8. **Единицы измерения** приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. **Рисунки, схемы, диаграммы.** В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2). Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах tif, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

10. **Таблицы**. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и располагаются в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается.

11. **Математические и физические формулы** выполняются только в редакторе MS Equation.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

Материалы опубликованы в авторской редакции

Компьютерная верстка А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
в Центральном территориальном управлении
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций (г. Тверь)

Свидетельство о регистрации ПИ № 5-0022 от 26 апреля 2000 г.

Подписано в печать 14.05.2012
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. 28,1 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 126.

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

Адрес редакции: **156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.**
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 39-16-04,**
E-mail: **vestnik@ksu.edu.ru**
Отпечатано: **КГУ им. Н.А. Некрасова**

Цена свободная